

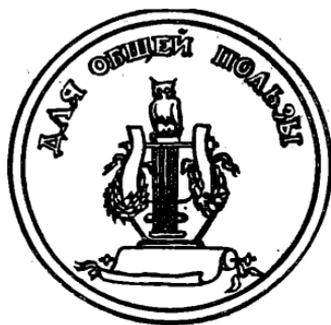

М. Руденская, С. Руденская

М. Руденская
С. Руденская

*„Наставникам...
за благо воздадим“*

*„Наставникам...
за благо воздадим“*

М. Руденская, С. Руденская

*„Наставникам ...
за благо воздадим“*

**ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ — АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЛИЦЕЙ
1811—1917**

ПУШКИНСКИЙ ЛИЦЕЙ — МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

«В САДАХ ЛИЦЕЯ» — ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Очерки

Лениздат · 1986

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Авторы книги «Наставникам... за благо воздадим» М. П. Руденская и С. Д. Руденская известны читателям своими книгами, выпущенными Лениздатом, — «Они учились с Пушкиным» (1976), «Пушкинский Лицей» (1980), «С лицейского порога» (1984), явившимися первыми в советское время фундаментальными изданиями по Лицейской Пушкиниане.

Эта книга, написанная литературоведом С. Д. Руденской, представляет собой расширенное как по объему, так и по охвату темы, новое, переработанное издание книги «Пушкинский Лицей», построенной уже не в форме путеводителя, а в виде очерков, охватывающих всю историю Лицея, с его основания до здания в наши дни Мемориального музея Лицея.

В этой своеобразной лицейской энциклопедии читатель почерпнет многие интересные факты и подробные сведения по всем вопросам, касающимся Лицея, его знаменитых выпускников, а более всего — наставников и служащих. История здания Царскосельского лицея и организация в нем музея занимают в книге особый раздел. Книга снабжена обширным научным аппаратом.

Большой вклад в дело организации, реконструкции и мемориализации Музея-Лицея внесла первый его хранитель Мария Петровна Руденская (1906—1978), явившаяся автором научного проекта и художественного замысла воссоздания Лицея в мемориальном плане, автором его современной экспозиции. Ее труд был высоко оценен пушкинистами, архитекторами, специалистами-реставраторами, искусствоведами, отмечен в печати.

Само название книги «Наставникам... за благо воздадим» употреблено в широком смысле, ибо наставниками Пушкина и других знаменитых лицейцев были не только лицейские педагоги, но и окружение Лицея — выдающиеся люди того времени; для нас же наставниками предстают и Пушкин, и Салтыков-Щедрин, и другие лучшие представители русской культуры, окончившие Лицей; всем им благодарные потомки воздают должное.

Издание труда о Лицее, охватывающего его 175-летнюю историю, предпринимается впервые.

«НАШ ПУШКИН... НАШ ЛИЦЕЙ»

Лицейский Пушкин — это не просто период жизни великого поэта, это целая эпоха. Недаром в нашу жизнь вошло понятие — пушкинское время и о поэтах, его современниках, мы говорим: поэты пушкинской поры.

Только что вышедший из стен Лицея молодой, необычайно одаренный, свободолюбивый поэт, патриот, чей голос «гремел звучней, чем пушки», приковывает к себе всеобщее внимание. Ранняя духовная и поэтическая зрелость отличает его. И, следуя словам декабриста Федора Глинки, можем сегодня сказать — лицейский, точнее, сразу послелицейский, стих Пушкина, уже зрелый и по мысли и по форме, становится идейным оружием в борьбе за свободу.

Россия богата великими литературными талантами, но, пожалуй, никто из поэтов не оказался столь глубоко русским и в то же время столь интернациональным по духу, как Пушкин, умевший выразить дух чужих народов и столь ярко живописать их. Выразитель русского духа в поэзии, он поднял его на небывалые высоты, и оттого только Пушкина мы можем назвать «солнцем русской поэзии».

Высочайшую оценку поэтического гения Пушкина дал в 1835 году Н. В. Гоголь. В статье «Несколько слов о Пушкине» он писал: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очинченной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Пушкин был гениален в проявлении своих чувств — в любви и преданности друзьям, идеалам, женщине и в передаче их людям, в выражении поэтическим словом. Без свободы воображения, позволяющей заглянуть в будущее, наука слепа; и художник, творец подчас оказывается смелее, сильнее ученого. Кажется, нет такой области знаний, в какой бы не выказался Пушкин. Он — всеобъемлющ. Недаром заставкой к научно-популярной телепрограмме «Оче-

видное — невероятное» стали первые четыре строки из пушкинского стихотворения 1829 года:

О сколько нам открытий чудных
 Готовят просвещенья дух
 И опыт, сын ошибок трудных,
 И гений, парадоксов друг,
 И случай, бог изобретатель.

В век, лежавший на рубеже великих перемен в цивилизации, поэт воспел «просвещенья дух» и предельно точно назвал сопутствующую ему триаду: опыт, гений и случай, найдя каждому из них емкое, исчерпывающее определение. Поэт словно глядел в наш век с грустью и великой надеждой. И в этом кроется еще одна из тайн вечной юности пушкинского гения, его близости новым эпохам.

В творчестве Пушкина словно запрограммирована поэзия слепопушкинской поры, он как бы превосходил ее, уловил интонации, потому кажется, что мы можем отказаться от книг других поэтов, но только не от творений Пушкина. Не случайно на вопрос корреспондента телевидения, обращенный к встреченным на городских улицах людям, какую книгу (только одну) они взяли бы в космос, большинство ответило: томик стихов Пушкина.

«Произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны», — писал Пушкин в проекте предисловия к VIII — IX главам «Евгения Онегина». И миллионы людей сегодня желают иметь вечно юные произведения Пушкина. Объявленная в 1984 году неограниченная подписка на трехтомник сочинений Пушкина собрала тираж свыше 13 миллионов экземпляров.

В советское время А. С. Пушкин — наиболее издаваемый поэт. Его произведения выходят в разных издательствах, на языках разных народов СССР, притом массовыми тиражами.

В 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта, было предпринято первое советское полное академическое издание произведений А. С. Пушкина, законченное к 150-летию со дня рождения Пушкина. В 1949 году было издано академическое полное собрание сочинений поэта в 10 томах под редакцией Б. В. Томашевского, а в 1950—1951 годах вышел его дополнительный тираж. Ныне готовится новое, 35-томное полное академическое издание с обширным комментарием.

Поистине Пушкин вошел, как никто иной, в национальное сознание русского народа. Известный советский литератор, исследователь Б. Бурсов в своей работе «Судьба Пушкина» назвал поэта государственно мыслящим художником. Он отметил, что Пушкин — сразу и начало и вершина русской литературы, что он целостен, как ни один другой гениальный художник мира.

Стремление Пушкина «и в просвещении стать с веком наравне» заключает в себе ту сверхзадачу, которую не ставил, видимо, никто из поэтов. Потому Пушкин поднялся на столь недостижимую высоту и как просветитель и как нравственный наставник многих поколений.

В дни празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне многие бывшие бойцы вспоминали, каким патриотическим призывом звучали пушкинские слова стихотворения «Клеветникам России», какие сила и уверенность слышались в них и как воспринимались эти пророческие слова поэта, словно современника и участника великой битвы. И когда ветераны войны читали стихотворение наизусть, оно звучало как предупреждение новым клеветникам России, сегодняшним поджигателям войны:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?

И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте...

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Кюльды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Эти стихотворные строки солдаты вписывали в карманные записные книжки, носили в шинелях и гимнастерках, читали вслух в окопах. «Пушкин помогал нам воевать, — сказал один из ветеранов войны. — Настоящая литература учит жить и умирать». Стихотворение «Клеветникам России» своей тональностью напоминает первое знаменитое патриотическое стихотворение Пушкина «Воспоминания в Царском Селе», написанное им в 1814 году в Лицее и принесшее ему славу истинного поэта.

В Лицее прошли отроческие годы Пушкина, здесь произошло становление его личности как человека и как по-

эта. Благородная обстановка Лицея — колыбели Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, декабристов, окружающая среда, лицейские наставники и просветители способствовали развитию умов и талантов. Недаром Пушкин сказал: «Наставникам, хранившим юность нашу... за благо воздадим».

Девиз Лицея жить «Для Общей Пользы» — высоконравственный девиз, он не утратил своего гуманного значения и в наши дни. Пушкин и его товарищи-лицейсты были воспитаны под знаменем этого патриотического девиза и оценивали свою жизнь с точки зрения ее полезности для России. Быть общественно полезным человеком — вот одна из лицейских заповедей. Она проверена жизнью и деятельностью лучших из лицейстов, внесших свой вклад в культуру, науку, в революционное движение страны.

Лицей, его лучшие традиции, истоки лицейского «святого братства» волнуют и сегодня, являя пример высокой гражданственности и патриотизма, подлинной дружбы и возвышенных идялов.

И в наши дни, когда речь идет о преданной дружбе, товариществе, можно слышать: «Наша лицейская клятва», «Он дал лицейскую клятву» — и это означает высшую клятву верности. А когда хотят отметить какое-либо учебное заведение или объединение поэтов как кузницу лучших талантов и высших человеческих взаимоотношений, говорят: «Наш Лицей», «Наше лицейское братство». Так, «Литературная газета», отмечая 50-летие Литературного института имени А. М. Горького, поместила статью под названием «Наш Лицей», и, видимо, нет высшей похвалы Лицею, нежели такое его высокое звучание в наши дни.

Но следует признать, что без поэзии Пушкина Лицей не обрел бы такую славу и популярность, и прежде всего в нем не было бы музея. Уникальность поэтического гения Пушкина заключается и в том, что все, чего бы он ни коснулся, он словно освящал своим словом, очищал от всего мелкого, лишнего, обыденного, выявляя прекрасное и приковывал к своим идеалам души других людей.

Всю жизнь воспевая Лицей, Пушкин видел в нем родину, начало своего поэтического гения. Он первый поведал нам о Лицее, и мы повторяем его слова, принимаем его точку зрения. Поэтому так современно звучат сказанные более ста лет назад слова поэта-лицейста Льва Мея: «Бессмертный наш Лицей».

Сегодня Лицей воспринимается не только как памятник прошлого, а как живой, развивающийся организм. В залах и классах музея звучат молодые голоса, особенно в дни школьных и студенческих каникул. Сюда едут со всех концов страны. Имена лучших патриотов России находят отклик в сердцах юношей наших дней. Интерес к Лицею, лицейстам, их наставникам ныне все возрастает.

ЛИЦЕЙСКИЙ ПУШКИН

*Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин.*

*Ф. Глинка. Стихи о бывшем
Семеновском полку*

Роль Лицея в жизни Пушкина невозможно переоценить, ибо она определена самим поэтом, всей его поэзией, всей жизнью.

Очаг свободомыслия, Лицей сконцентрировал и нес в себе передовые убеждения эпохи, его кафедры оказались трибунами русских просветителей. Вот почему он стал колыбелью певца свободы Пушкина и декабристов.

Влияние юноши Пушкина, только что выпешедшего из Лицея, на общественную жизнь России, на лучшие, передовые умы — явление беспрецедентное. Он одним из первых вдохновителей освободительного движения начала XIX века подвергся гонениям и ссылкам, ему угрожали Сибирью... Декабристы отмечали, что у каждого из них были «на вооружении» запрещенные произведения юного поэта, что велика была сила воздействия их, ибо они являлись гимном свободе и звали к освобождению от рабства и абсолютизма.

Да, Пушкин был смел, дерзок, бесстрашен. Все эти качества присущи ему были с лицейских лет и обуславливались лицейским воспитанием, лицейским духом.

С лицейских лет игра воображения была характерна для Пушкина и в поэзии и в жизни. Любовь к перевоплощению, что сродни фантазии, уводила поэта в дальние страны, к чужим народам, он видел себя в разных образах, словно проживал иные, возможные и невозможные, жизни.

Может быть, это свойство поэтического гения Пушкина помогло ему постичь иные народы, их нравы и чувства,

не покидая пределы России. Чужие берега влекли его скорее как символ свободы. Ведь для людей, наделенных живым воображением, магия воображаемого подчас сильнее реальных ощущений и зрительных впечатлений, она сама — творчество.

Уже в ранних стихах Пушкина, как отметил В. Бурсов, дает о себе знать «вселенский размах его поэтической гениальности», еще в Лицее поэт «осознал свое предназначение в литературе, в духовном развитии народа, в судьбе отечества».

Поэзии Пушкина предшествовали творения Державина, Жуковского, Батюшкова. Одновременно с ним развивались выдающиеся таланты Дельвига, Кюхельбекера, Баратынского, Туманского, позднее — Лермонтова, Тютчева.

Подражательность, даже заимствование поэтических образов естественны для начала творчества любого поэта, но с лицейских лет Пушкин отличался творческим подходом к наследию прошлого, собственным преломлением этих поэтических находок или даже более удачным их применением, что заставляло новыми красками заиграть прежний образ, изменяло его привычное восприятие.

К примеру, малоизвестный поэт, предшественник Пушкина М. В. Милонов написал стихотворение «Элегия» (вольный перевод с французского), некоторые поэтические образы в котором как бы предвосхищают пушкинские слова о Ленском и некоторые строки стихов Кюхельбекера. Но в полную силу зазвучали эти образы только у Пушкина, облекшего их в дивную поэтическую оправу.

Читатели, плохо знакомые с лицейским творчеством Пушкина и его друзей, подчас полагают, что ранние их стихи непрофессиональны. Более внимательное прочтение приводит к выводу, что они представляют собой образцы поэзии. Недаром они издавна привлекают внимание литературоведов.

Возьмем, к примеру, небольшое по объему стихотворение Пушкина «Роза»; считается, что оно написано в 1815 году:

Где наша роза,
Друзья мой?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:

Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

Впервые оно было опубликовано в 1826 году*. Поэт внес в текст изменения, а в первоначальной, лицейской, редакции после пятого стиха были такие, не менее прекрасные, строки:

Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости, жалею...

Одному только этому лицейскому стихотворению, состоящему всего из 12 строк, посвящено большое количество работ русских, советских и зарубежных исследователей. Академик М. П. Алексеев написал интереснейшую работу «Споры о стихотворении „Роза”»**, в которой со всей глубиной, присущей этому выдающемуся энциклопедисту нашего времени, проанализировал все мнения о стихотворении и высказал свою точку зрения: «..., „Роза“ Пушкина должна считаться одним из типичных образцов его лицейского творчества; при всех поэтических достоинствах это стихотворение, конечно, не может играть той слишком ответственной роли, которую поручают ему некоторые исследователи. Нельзя, однако, впасть и в другую крайность, отрицая вовсе какое-либо его значение и видя в нем лишь своего рода „пробу пера“ <...> Изучение ранних литературных опытов всякого крупного поэта не только занимательно, но и очень существенно, если мы хотим понять и представить себе историю дальнейшего развития и мастерства данного поэта. Для исследователей Пушкина лицейская пора, когда он гигантскими шагами шел к своей поэтической зрелости, знаменуя рождение новой русской литературы, представляет интерес особой,

* Прежде считалось, что первые переводы стихотворений Пушкина на немецкий язык появились в 1823 году, но оказалось, что в 1821 году «Роза» была опубликована в переводе Тидге. Предполагают, что стихи (а может, и немецкий подстрочник) Тидге передал В. К. Кюхельбекер, путешествовавший в 1820 году по Германии. Роль популяризатора произведений Пушкина Кюхельбекер играл и говоря о поэте великому Гете.

** Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. Л., Наука, 1984, с. 337—387.

чрезвычайной важности. Поэтому всякая попытка внести ясность в любой из множества нерешенных вопросов, относящихся к биографии и творческой деятельности Пушкина-юноши, должна быть встречена с благодарностью.

В 1838 году М. И. Глинка создал музыку к «Розе» Пушкина. Один из исследователей назвал романс «Где наша роза» шедевром лирического творчества двух гениев, заметив несовпадение текста романса с печатным текстом стихотворения, полагая, что необходимо восстановить подлинную пушкинскую редакцию.

Не только «Роза», но и другие лицейские стихи Пушкина были положены на музыку, эти романсы звучат до сей поры. К поэзии Пушкина прикоснулись многие создатели русских романсов, прежде всего соученик и друг Пушкина композитор-любитель М. Л. Яковлев. Творчество поэта вызвало к жизни около трех тысяч музыкальных произведений почти тысячи композиторов. Только на стихотворение «Я вас любил...» написано тридцать шесть романсов. «Русалка» Пушкина нашла воплощение в четырех операх, одна из которых принадлежит А. С. Даргомыжскому, написавшему еще оперы «Каменный гость» и «Торжество вакха», а также семнадцать романсов на стихи поэта. Советские композиторы успешно продолжают эту традицию. Таково музыкальное эхо Пушкина — его поэзия в музыке.

Поэтические творения Пушкина оказывают на читателя магическое действие музыкой, гармонией слов, их истинной простотой и необычайной глубиной подтекста. Пушкина очень трудно переводить на другие языки, ибо при переводе слишком многое теряется. Недаром А. Ахматова назвала Пушкина автором незаменимых слов.

Пушкинские точность, конкретность, лаконичность поразительны. Эти качества его творчества проявились еще в Лицее. Пушкин, как никто из его друзей, чувствовал соразмерность и соотношение вещей, их гармонию и дисгармонию, порядок и хаос. Он ощущал и предвосхищал истину оттого, что всему мог определить свое место. Ассоциативность мышления — умение сравнивать предметы, идеи, поступки, находить исторические параллели — у Пушкина была совершенна.

Это пушкинское ощущение гармонии, а значит мира в целом, человеческого бытия, жизни и смерти, движения времени удачно выразил В. Непомнящий в своей книге «Поэзия и судьба», сказав, что слияние прошедшего, на-

стоящего и будущего в одно огромное настоящее не есть у Пушкина уничтожение времени, ибо одно время не следует за другим, а заключено, содержится в другом, потому и зрелый Пушкин уже есть в молодом.

С лицейских лет в нем жило стремление к единению с друзьями, к братству, к духовной близости и родству. Еще, быть может, не до конца осознавая бытие, Александр Пушкин принимал мир как гармоническое целое, в котором должен утвердиться идеал всеобщего человеческого братства, воплощенного пока в лицейском братстве.

Лицей для мальчика, а затем юноши поэта явился школой взаимоотношений между людьми. Через пять лет после его окончания, помня уроки жизни, в том числе и лицейской, Пушкин написал брату Льву письмо, в котором изложил житейские «правила», приобретенные «ценой горького опыта».

Как же проявил себя в Лицее юный Пушкин? С чем он столкнулся, как развивался его характер? Вот что писал о нем И. И. Пущин:

«Пушкин с самого начала был раздражительнее многих... Иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить... Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственной ей иногда пошлостью. Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище. Между нами как-то это скоро и незаметно устроилось».

Именно неровности характера Пушкина-подростка, считал Пущин, способствовали тому, что он «не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей».

В силу своего добродушия, уживчивого характера и по умению понимать, ценить людей Иван Пущин оказался идеальным соседом. Благодаря идейной близости, возникшей в лицейские годы, он стал лучшим, верным другом Пушкина. Поэт навсегда оказался благодарен Пущину за дружеское участие и поддержку, столь необходимые в школьном быту.

При всем глубинном многопонимании и чувствовании человека, что гениально было дано еще юному Пушкину, он всегда, и в Лицее и впоследствии, оставался по-детски незащищенным, отчего его легко было ранить. Житейский опыт не облегчал его жизни в обществе.

Обладавший острым умом, будучи тонко наблюдательным, юный Пушкин порой замечал то, чего не замечали другие, а может быть, и давал это почувствовать: меткость его эпитетов и карикатур могла вызвать затаенную обиду. Недосыгаемо опередив сверстников в своем духовном развитии, но находясь в их среде, он, естественно, оставался подростком со всеми свойственными возрасту поступками, при этом товарищи судили его строже, чем себя. Но Пушкин никогда не ставил себя выше других, как случалось с некоторыми его соучениками.

Право на индивидуальность трудно дается, ибо в людях жестко действует закон уравнивания. И дети особенно нетерпимы, они еще не знают подлинной ценности индивидуальности и, даже признавая талант товарища, в обыденной жизни воспринимают его обыденным, хотя он каждую секунду бытия остается не таким, как все.

Александр Пушкин, юноша со сложным, противоречивым характером, сумел обычным взаимоотношениям с товарищами придать возвышенность и истинное благородство, он оказал на окружающих то духовное высоко нравственное воздействие, которое передалось нескольким поколениям лицейстов.

Он сумел противостоять проявлениям «пошлости» в лицейском сообществе, которые заключались в надуманных отношениях друг с другом, с педагогами, подчас сентиментальных, приподнято романтизированных, иногда с оттенком обожания и своеобразной влюбленности. Примером могут быть «преуморительные» письма Вильгельма

Кюхельбекера к одному из однокашников или записи в дневнике Сергея Комовского, где тот изливает свои душевные переживания по поводу «измены» Модеста Корфа и приверженности его к Ивану Пущину.

Пушкин же, относившись к дружбе как к «священному огню», воспел ее и поднял на невиданную высоту. Поэтому он стал воспитателем, образователем юношеского чувства не одного поколения и продолжает им оставаться поныне.

С отроческих лет Пушкину были свойственны одновременно общительность и замкнутость, жажда слияния с друзьями и потребность отдаления. Даже с самыми близкими из них он всегда сохранял некую дистанцию, которая позволяла ему принадлежать себе полностью. Независимость — основа его внутреннего и внешнего бытия. Он никогда не принимал людской навязчивости и своим героям не навязывал окончательных суждений.

Свобода нужна художнику так же, как талант и ум, но свобода связана с одиночеством, это заметил Горький. Уединение тоже необходимо для определения себя в мире, для полноценного существования, для самоуглубления. Умение быть наедине с собой — тоже искусство. Лицей давал юному поэту это уединение, эту свободу, но он мечтал о свободе высшего порядка, о свободе для всех. Великое благо, что в Лицее состав педагогов был молодой, что здесь в пору Пушкина не было диктата, а была даже дана относительная свобода, способствовавшая гармоническому развитию юношей.

Энциклопедичности образования, которую давал Лицей, способствовала гуманитарная направленность обучения. Пушкин был безусловно энциклопедически образован, он был ученым, но без учености.

Его по праву можно назвать предтечей русских интеллигентов, потому что он первым из поэтов сделал творчество своей профессией. Он был подвижником Поэзии и служения народу, общему благу, а подвижничество — основная черта русского интеллигента, почти синоним этого понятия.

Пушкин жаждал скорее окончить Лицей, ему было необходимо дать простор уму и сердцу, обрести свободу от пут ученичества. И все-таки на прощание с Лицеем он смотрел с грустью не только как ученик, но и как покидавший отчий дом. Совсем скоро он вернулся к лицейскому порогу, как возвращаются к родному, родительско-

му крову. Он стал вечным паломником к лицейским стенам. Бальзак говорил, что счастье человек берет там, где сам его кладет. Пушкин черпал свое счастье, свои силы в Лицее, в воспоминаниях о прошедшем, в своей безмятежной юности, ибо много вложил души в это столь значимое прошлое, в котором он основал и воспел идеал дружбы, озаренной желанием общего блага, братства и свободы.

Не случайно, умирая, Пушкин произнес имена своих лицейских друзей, Пуцина и Малиновского, тех, кто мог бы облегчить его страдания и боль ухода навсегда.

* * *

Понять личность Пушкина в годы его пребывания в Лицее и в дальнейшей жизни без знания среды, в которой рос поэт, невозможно, об этом следует сказать, предваряя рассказ о воспитании и обучении в Лицее.

Пушкинское время, пушкинская пора, пушкинский век — понятия эпохальные, эту эпоху называют еще золотым веком русской культуры. По обилию и блеску талантов оно стало уникальным.

Эстетический идеал эпохи был высок и сложен. Сильно было влияние французской культуры и языка, почитались гении немецкой литературы. Процветал классицизм, образы древнегреческих, римских героев, философов, поэтов и мифология пропитывали литературу и искусство.

Что же представлял собой аристократический круг, иначе — свет, к которому принадлежал Пушкин и который нашел отражение в его произведениях? Отрицательные стороны представителей света гениально показал А. С. Грибоедов в пьесе «Горе от ума». Это — фальшь, лицемерие, ханжество, пустословие, сплетни, интриги, строгое следование выработанным правилам, морализм, косность, консерватизм, страх перед вольнодумством. Но в то же время в свете вращались и почти все выдающиеся писатели и поэты, художники и музыканты, здесь была блестяще образованная и воспитанная молодежь. Светские салоны нередко являлись центрами культуры. Усадьбы и дворцы аристократов представляли собрания произведений искусства.

В начале XIX века культ красоты в России достиг своего апогея. Человеческую красоту тогда учили понимать, как ныне учат понимать классическую музыку. Осо-

бенной тайной и обожанием была окружена женщина, она была центром внимания, источником вдохновения, украшением светского общества. Красота ценилась выше других даров природы, не менее, чем сама поэзия, которая казалась отражением этой красоты, явлением почти вторичным. С авторитетным мнением знатоков красоты считались. Они вершили суд Париса, отдавали пальму первенства в соревновании соперниц, которые представляли в свете, словно на блистательном конкурсе красоты.

Все лицеисты были воспитаны в духе высокого эстетизма. Выросшие среди красивой обстановки, в лицейских садах, они впитали в себя чувства восхищения и преклонения перед гармонией, которая отождествлялась с красотой. Не случайно лицейские — и Пушкин, и Дельвиг, и Горчаков, позднее Салтыков-Щедрин — были женаты на красавицах, вызывавших восторги окружающих. Играла роль в этом и слава. Недаром говорили: прославленный поэт, прославленная красавица, ставя между ними почти знак равенства.

Своей эстетической оправой, столь ловко маскировавшей его отрицательные стороны, высший свет был притягателен. Привлекательны были и встречи с прекрасно образованными светскими красавицами, главное очарование которых заключалось в грации движения, прелести жеста, чувстве меры, умении двигаться, говорить, вести себя, одеваться. В своей Татьяне Пушкин подчеркивает ее умение держать себя просто, непринужденно, но вместе с тем достойно.

Наверно, во всей мировой литературе нет посвящения, подобного созданному А. С. Пушкиным в честь чарующего, неотразимого обаяния женской красоты, понимать и ценить которую он научился еще лицеистом. Стихотворение написано в 1832 году в альбом светской красавицы Е. М. Завадовской, по воспоминаниям современников, не знавшей соперниц:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей...

.....
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,—
Но встретишь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

В пушкинское время высоко ценилась и мужская красота, как бы эталоном ее стала красота байроническая, представлявшая высшее совершенство — единство гармонии лица, таланта и души.

Гармония дает единство миру, в котором царит обусловленный ею порядок. По словам Б. Бурсова, главенствующая тема пушкинской поэзии — человек и мир в их единстве и конфликте, но человек у Пушкина возвышен над природой, поэт «возводит красоту на ступень вершинного творчества, создав высочайшую похвалу человеку как творцу красоты».

Эстетический идеал эпохи дал силу творчеству Пушкина, начиная с лицейских его стихов, и он довел этот эстетический идеал до совершенства и поведал о нем, так что он и для других стал источником радости и вдохновения, сказавшись на мировоззрении целых поколений.

* * *

Гармоническое начало было развито в поэте с юношеских лет, он очень рано начал интуитивно ощущать дисгармонию в мире, в личности человека, в его внешнем облике. Взыскателен он был и к себе, к своей внешности, ибо его оригинальное, выразительное, весьма подвижное, переменчивое лицо с необычными чертами не отвечало привычным канонам тогдашнего представления о красоте.

Высочайшая требовательность к себе заставляла Пушкина быть весьма критичным, и он сам обращал внимание окружающих на некоторые черты своего облика, несколько шаржированно изображал себя.

Еще в лицейском стихотворении «Mon portrait»* («Мой портрет»), написанном на французском языке в 1814 году, обращенном к соученику Павлу Гревеницу, Пушкин весьма выразительно охарактеризовал себя и запечатлел свой внешний облик:

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;
Не глуп, говорю, не стеснясь,
И без жеманного кривлянья.

.

* Стихотворение дано в подстрочном переводе Б. Томашевского.

Мой рост с ростом самых долговязых
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы *
И кудрявая голова.

Я люблю свет и его шум,
Уединение я ненавижу;
Мне претят ссоры и преириательства,
А отчасти и учение.

.....
Сущий бес в проказах,
Суцая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Да, таков Пушкин.

Хотя о себе поэт говорил чаще всего не лестными словами, ему было далеко не безразлично мнение других людей о его внешности. Он сам писал об этом так (в статье «Опровержение на критики»): «В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула». Литературные враги и завистники, зная уязвимость Пушкина, любили его задевать, распространяя мнение о некрасивости поэта. Как ни странно, но это расхожее, обывательское мнение укоренилось гораздо более, чем другое — о его необычайном обаянии, и даже дошло до наших дней. Причина этого кроется, видимо, в противоречивости воспоминаний людей, видевших поэта в разные минуты его душевных состояний, всегда ярко отражавшихся на лице. Игра мысли и чувства делали его то непередаваемо прекрасным, то малопривлекательным или даже некрасивым. Порой цвет его глаз, волос, лица воспринимался по-разному, и это тоже объяснимо: поэт легко смущался, легко краснел, иногда даже терялся в незнакомом обществе. Ему был свойствен и особый артистизм, умение преобразиться. Еще В. Г. Белинский отметил: «Я обратил внимание на эти переливы и быстрые переходы ощущений, на эти беспрестанные и торжественные выходы из грусти в широкие разметы души могучей, здоровой и нормальной». Таков Пушкин и в поэзии, таков и его внешний облик.

Большинство воспоминаний о поэте рисуют нам его необычайно привлекательным и во многом красивым. Недаром обе дочери Пушкина, столь похожие на него, несшие

* Поэт пишет о своих волосах «blonds», т. е. светлые.

в своем облике оригинальность черт отца, слыли в свете красавицами, а старшая, Мария Александровна, очаровала Льва Толстого, придавшего черты ее внешности Анне Карениной.

Из воспоминаний современников и прижизненных портретов, начиная с детских и юношеского — в лицейском мундире, встает перед нами сегодня Пушкин: молодой, чаще оживленный, а порой ушедший в себя, погруженный в раздумья; прекрасная улыбка преображала, озаряла его матовое, слегка смуглое и суженное книзу лицо, обнажая крупные зубы редкой белизны. Его большие голубые глаза, видимо, с длинными ресницами, казавшиеся то очень светлыми, то темно-синими, были необыкновенно выразительны, золотистые волосы, смолоду светлые, затем темно-русые, вились крупными, густыми кольцами и были, похоже, шелковистыми. Он был среднего роста, весьма пропорционально сложен, грудь имел широкую, руки — небольшие, прекрасной формы, выразительные и в покое и в жесте. При всей грации движений и легкости походки он был физически силен и крепок.

Даже одно перечисление внешних данных Пушкина говорит о многих достоинствах его наружности, но современникам и самому поэту как бы не хватало в ней общей завершенности, какого-то штриха, даровавшего бы ей окончательную гармонию.

Оригинальностью своего внешнего облика Пушкин обязан чертам, унаследованным от прадеда по материнской линии Абрама Петровича Ганнибала. Своим африканским происхождением Пушкин интересовался на протяжении всей своей жизни. Этот интерес нашел отражение и в его творчестве. Не меньшее внимание его привлекали и предки со стороны отца, как он говорил, — «род Пушкиных мятежный». В 1831 году поэт писал: «Я чрезвычайно дорожу именем своих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них».

И это справедливые слова. Родители поэта не были богаты, «жить не умели». Отец, Сергей Львович Пушкин, отставной майор, служил чиновником в московском комиссариате. Мать, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал, приходилась мужу троюродной сестрой. У Александра Пушкина, который родился в 1799 году в Москве, было три младших брата, двое из которых рано умерли. Брата Льва, любимца матери, и старшую сестру Ольгу Пушкин всегда горячо и преданно любил.

В московском доме Пушкиных собирались многие знаменитости, здесь бывали Карамзин и Жуковский, дядя Василий Львович Пушкин был известным поэтом. В доме господствовал французский язык, на нем Пушкин с первых лет жизни говорил, а затем читал книги из отцовской библиотеки.

Раннее детство не нашло особого отражения в творчестве Пушкина, как это случалось у иных поэтов. Даже полное искренних и нежных чувств лицейское стихотворение «Послание к Юдину» (1815 год), в котором описываются детские впечатления, подмосковное имение Пушкиных Захарово, где семья проводила лето, полагают созданным в угоду тогдашней моде на идиллические воспоминания юности:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощю тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад...

• • • • •
Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...

В стихотворении «Сон», тоже написанном в Лицее, Александр Пушкин вспоминает свою бабушку М. А. Ганнибал (многие пушкинисты относят эти стихи к няне поэта):

Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...

Читая эти стихи, убеждаешься, что Пушкин гораздо ярче и обостреннее помнил детство, нежели хотел повеждать о нем. В «Первой программе записок» — в плане

своей автобиографии Пушкин намечал написать о первых впечатлениях детства, о няне, матери, о первых неприятностях, о гувернантках, о ранней любви, рождении брата Льва, смерти брата Николая, о французах-гувернерах, об охоте к чтению... Но ничего не написал.

Пушкина называют ребенком без детства. Он искал «детства ранние следы» в своей памяти, возвращался порой к детским впечатлениям, но они не согревали его, ностальгия была лишь по лицейским годам. В Лицее он созрел как личность и раскрылся как поэт. Его поэзия выплеснулась изнутри гения, у нее тоже не было детства, ибо первые пушкинские стихи стали его первыми поэтическими перлами, и даже менее удачным строкам могли бы позавидовать иные поэты.

Прошлое притягивает к себе не своим идеалом, а тем идеальным, что привносится в него. В Пушкине была сильна жажда новизны, жажда новых встреч и знакомств, жажда узнаваний, но при этом прежнее как бы выявлялось, подчеркивалось, приобретало еще большую притягательную силу. Лучшее у Пушкина осталось в юности, и памятью он возвращался не в детство, хотя всегда любил родную Москву, а в сады Лицея, им воспетые, ибо здесь он впервые ощутил счастье творчества, дружбы и любви, именно здесь его окружила красота лицейских зал и царскосельских парков.

Сегодня Лицей живет новой жизнью и зовется по имени поэта — Пушкинским Лицеєм.

Памятные пушкинские места являются для всех почитателей гения Пушкина местами паломничества и благоговейного трепета. Лицейские стены хранят отзвук шагов поэта, здесь скользит его легкая тень, слышится его мелодичный голос. Здесь вспоминаются его стихи, здесь грезится, будто сам юный лицейский поэт пройдет где-то рядом, недосягаемый, но столь близкий и осязаемый.

«В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я»

Зорю бьют...

*Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.*

А. С. Пушкин.
«Зорю бьют... из рук моих». (1829)

**«Вы помните,
когда возник Лицей...»**

Среди садов и парков города Пушкина возвышается светлое здание Лицея. Здесь учился великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Всю жизнь хранил он в своем сердце лучшие воспоминания о лицейских годах, о Царском Селе — так прежде назывался город, о наставниках и первых друзьях. В Лицее родилась вдохновенная муза поэта, и здесь его предшественник в русской поэзии — Державин благословил ее рождение. В Царском Селе познакомился Пушкин с историком Карамзиным, с поэтами Жуковским, Батюшковым, Дмитриевым, Вяземским и с философом Чаадаевым. В Лицее окрепла дружба с Иваном Пущиным, с верным товарищем Иваном Малиновским, завязалась идейная и поэтическая близость с Дельвигом и Кюхельбекером. В Царском Селе прошла юность поэта, здесь были одержаны первые творческие победы, родились «души прекрасные порывы», вспыхнула «сердца первая любовь»...

Царское Село, его сады и парки... История, Романтика, Поэзия — вот что всегда одухотворяло жизнь и облик

этого живописнейшего городка*. Он волновал сердце своей неповторимой красотой, возбуждал ум образами прошлого, манил воображение отблесками эллинского искусства и причудливой экзотикой восточных стран. В черновых рукописях «Евгения Онегина» Пушкин, вспоминая счастливые лицейские годы, писал:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал...

Название учебного заведения — Лицей — возникло в глубокой древности. Одна из окраин греческого города Афины некогда называлась Ликей (Lykeion). Здесь стоял храм Аполлона. Аполлон, или Феб, то есть Блестящий, по верованиям древних, являвшийся богом солнца, покровителем поэзии, музыки, искусства, имел ряд прозвищ — эпитетов, в том числе Ликейский**. В обширном и прекрасном саду храма находился знаменитый «гимнасий». Здесь юношей учил сам основатель «гимназия», величайший философ древности Аристотель. Царскосельский лицей символически был преемником славных традиций древней школы.

И. И. Пущин в своих знаменитых «Записках о Пушкине» вспоминал, что новое учебное заведение — Лицей — «самым своим названием поражало публику в России», ибо «не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы научно беседовали со своими учениками».

Лицей в Царском Селе был первым в России***. Позднее открылись и другие лицеи — привилегированные мужские средние или высшие (юридические) учебные заведения. Но лишь Царскосельский лицей 1811—1817 годов составил яркую страницу в истории русской культуры.

Организация и Устав Лицея

В 1808 году видный государственный деятель М. М. Сперанский, «стараясь о пользе государственной», создал

* В 1985 году отмечалось 275-летие Царского (Сарского) Села — города Пушкина. (Название «Сарское» произошло от финского наименования деревни Саари Мойс — Верхняя мыза.)

** Волчий (лат.).

*** Ранее лицеи получили распространение во Франции в XVIII веке как средние учебные заведения. Лицеи существуют и поныне во многих странах мира.

проект нового высшего учебного заведения для высокоодаренных детей всех сословий. Собственноручная записка его озаглавлена «Первоначальное начертание особенного Лицея». В 1815 году Сперанский сообщал другу: «Училище сие образовано и устав его написан мною... но без самолюбия скажу, что оно соединяет в себе несравненно более видов, нежели все наши университеты».

Проект Лицея в России возник не как счастливая случайность, его появление отвечало нуждам времени. В обществе была сильна вера в возможность серьезных социальных преобразований законодательным путем. Вера эта поддерживалась в оппозиционных дворянских кругах тактикой Александра I, прикрывавшего реакционную политику самодержавия либерализмом и поощрявшего иллюзии сторонников реформ. Характеризуя эту политику русского царизма, В. И. Ленин в своей работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» отмечал, что русские монархи «то заигрывали с либерализмом», то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых.

Прогрессивные общественные деятели М. М. Сперанский, В. Ф. Малиновский и другие стремились к созданию «новых людей», которые могли бы впоследствии осуществить преобразование России. Царское правительство поддерживало их, преследуя лишь практическую цель подготовки высокообразованных чиновников для административного, судебного и дипломатического поприща.

Возникла борьба за Устав Лицея. Проект его был рассмотрен министром просвещения А. К. Разумовским, оказавшимся под влиянием своего доверенного лица Жозефа де Местра (посланника сардинского короля в России), и близким царю графом В. П. Кочубеем.

Де Местр делал все, чтобы провалить проект. В письмах к Разумовскому этот католический мракобес, агент европейской реакции, заявлял, что автор проекта Устава принадлежит к тем подозрительным людям, кто, захватив в свои руки воспитание юношества, «грозит России». Он подчеркивал, что система воспитания, основанная на идеях просветительства, во Франции уже «произвела менее чем в тридцать лет то ужасное поколение, которое опрокинуло алтари и зарезало короля французского». Де Местра возмущало в проекте и то, что в штате Лицея не предусматривалось лиц, «которые при малейшем подозрении могли бы потребовать лицейские тетради и донести

о том, что в них нашли, правительству» и могли бы оградить воспитанников от внешнего мира и от «опасных» книг. Разумовский в своем докладе царю изложил многие соображения де Местра.

Со всеми замечаниями проект поступил для редактирования к директору департамента министерства просвещения И. И. Мартынову. Будучи человеком, близким к передовым кругам, Мартынов сумел сохранить многое от первоначальной редакции*.

Постановление о Лицее было утверждено 12 августа 1810 года. Из проекта Устава Лицея оказались изъяты положение о приеме туда детей всех сословий и пункт о равенстве учащихся: из учебного плана вычеркнули естественную историю («История мнений философских о душе, идеях и мире»). В Устав включили новые параграфы о зависимости директора от министра просвещения и о системе контроля за Лицеем. Но все основные идеи проекта «о направлении, методах и содержании воспитания» сохранились, включая и преподавание таких важных для развития умов наук, как политическая и юридическая — «о правах человека и гражданина». Впервые в закрытом учебном заведении были отменены телесные наказания**. В борьбе за Устав Лицея победу одержали прогрессивные силы.

Уставом отмечалось, что «учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной», и что Лицей «в правах и преимуществах своих совершенно равняется с Российскими университетами...».

Программа обучения делилась на два курса, по три года каждый; образование же предусматривалось общее (без специализации), но с преобладанием гуманитарных наук. Для каждого курса были выработаны свои правила.

Так, в «Правилах особенных для начального курса» говорилось об обучении грамматике, наукам математическим и физическим, истории, «изящным письменам» (словесности), изящным искусствам и гимнастике.

* В дальнейшем И. И. Мартынов часто приезжал в Лицей, занимался с воспитанниками, экзаменовал их, читал лекции, иногда заменял заболевших педагогов. Он явно выделял Пушкина, видя в нем будущего поэта.

** В 1811 и 1814 годах министр просвещения подтвердил обязательность исполнения этого правила под угрозой «отрешения от должности».

В разделе «Изящные письма, или словесность», в частности, было сказано, что, «руководствуя воспитанников в словесности», профессор должен тщательно избегать «пустых школьных украшений» и, занимая воспитанников предметами, «возрасту их сообразными», прежде заставлять их мыслить, а потом искать выражения этих мыслей в слове и «никогда не терпеть, чтобы они употребляли слова без ясных идей».

В «Правилах особенных в курсе окончательном» отмечалось, что «науки нравственные, физические и математические должны занимать первое место». Но при этом языки иностранные должны быть «неослабно продолжаемы», и в этом курсе профессора «всемерно должны стараться», чтобы воспитанники «познали отличительные свойства и разность каждого языка, навыкли бы красоты чуждые присваивать языку отечественному» и научились сочинять правильно на немецком и французском, а преимущественно на «русском языке».

Нравственные науки должны были стать в Лицее основными. «Под именем наук нравственных здесь заключаются все те познания, кои относятся к нравственному положению человека в обществе, и, следовательно, понятия об устройстве Гражданских обществ, о правах и обязанностях, отсюда возникающих». Предполагалось, «начиная от самых простых понятий права», довести воспитанников «до коренного и твердого познания различных прав и изъяснить им систему права публичного (общественного. — С. Р.), права частного и особенно права Российского и проч.». Воспитанникам Лицея предстояло изучать историю права, философию права, правозедение, историю религии, логику и т. п.

Второе место в программе окончательного курса отдавалось наукам физическим и математическим — алгебре, сферической тригонометрии и прикладной математике.

В разделе о науках исторических в Уставе Лицея отмечалось, что «история должна быть делом разума» и что предмет ее надо представить как «шествие нравственности... в разных превращениях государств» и показать «успехи и падения его (разума. — С. Р.) в разных гражданских постановлениях». Предпочтительное место отводилось изучению российской истории. Отмечалась необходимость серьезного знакомства с деяниями великих людей прошлого, с хронологией и географией.

Что касается словесности, то она «должна также приближаться к упражнениям разума». К этому предмету «присоединяется познание изящного вообще в искусствах и природе» — эстетика. В классе словесности помимо «изящных писем» (художественной литературы) изучались лингвистика, стилистика, литературоведение, эстетика и риторика. В этом же классе ставилась обязательная задача научиться писать на всякую заданную тему сочинение «правильное, ясное... изящное, но простое, не высокопарное».

Таким образом, в Уставе делался упор на развитие у детей мышления.

К изящным искусствам Устав относил чистописание, рисование, «танцевание», гимнастические упражнения, фехтование, верховую езду, плавание. Намечено было преподавание военных наук и ряда других предметов (например, гражданской архитектуры и перспективы).

Устав Лицея — «Жалованная грамота», пронизанный самыми прогрессивными для своего времени идеями в области образования, важен для изучения истории русской педагогики.

Программа обучения, изложенная в Уставе, с успехом осуществлялась в течение первых шести лет существования Лицея. Своих первенцев он выпустил широко образованными людьми, прекрасно подготовленными к гражданской и военной службе. Выпуск совершился тихо и незаметно. Царь к тому времени охладел к либеральным затеям, и о Лицее ему лишний раз не напоминали.

Но Лицей, получивший в первые годы существования свободу творческой, воспитательной и учебной деятельности, демократической по своим идейным позициям, ярко и впечатляюще показал силу прогрессивной русской педагогики.

Вступительные экзамены и первые впечатления

Права и преимущества Лицея не привлекли внимания богатого и знатного дворянства. Оно не желало расставаться со своими детьми на шесть лет и предпочитало домашнее образование. Но стесненное в средствах служилое дворянство, имевшее протекции, поторопилось воспользоваться случаем устроить своих детей учиться на казенный счет и обеспечить затем их дальнейшую судьбу.

Прошений было подано больше, чем предполагалось, к экзамену допустили тридцать восемь человек.

Каждый поступающий в Лицей должен был пройти медицинский осмотр. 12 августа в доме министра просвещения графа А. К. Разумовского * экзаменовалась большая часть воспитанников. Вопросы детям задавали и министр, и будущий директор Лицея В. Ф. Малиновский. По всей вероятности, при этом присутствовал и И. И. Мартынов. Осмотр и экзамен для опоздавших были назначены на другие дни, позднее, об этом сообщалось в «Петербургских ведомостях».

Через много лет И. И. Пущин описал первую встречу своих будущих однокашников в доме Разумовского: «У меня разбежались глаза: кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся — глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. Я слышу: Александр Пушкин! — выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда».

Так произошла эта знаменательная встреча. «Вглядывался» Пущин и в Горчакова, который «был тогда необыкновенно миловиден». Постепенно подростки «приободрились» и начали ходить по зале в ожидании представления министру и начала экзамена. В. Л. Пушкин, привезший своего племянника, подозвал Ивана Пущина и познакомил мальчиков. Здесь Пущин узнал, что Александр Пушкин живет у дяди на Мойке, недалеко от него самого. Будущие друзья «положили часто видаться». В свою очередь, Пушкин познакомил Пущина еще с двумя мальчиками, Ломоносовым и Гурьевым. Скоро детей стали вызывать поодиночке в соседнюю комнату экзаменоваться. Все кончилось довольно поздно.

22 сентября по докладу министра воспитанниками были «высочайше» утверждены тридцать: «Бакунин Александр, Броглио гр. Сильверий, Вольховский Владимир,

* Дом Разумовского на Фонтанке, где происходил экзамен, просуществовал до начала XX века. Он был снесен при перепланировке земельного участка, посередине которого проложили Бородинскую улицу. По сторонам улицы построили доходные дома — ныне № 86 и № 88 по набережной реки Фонтанки и № 31 и № 33 по Загородному проспекту. Это угловые здания, оформляющие начало и конец Бородинской улицы.

Горчаков кн. Александр, Гревениц бар. Павел, Гурьев Константин, Данзас Константин, Дельвиг бар. Антон, Есаков Семен, Илличевский Алексей, Комовский Сергей, Корнилов Александр, Корсаков Николай, Корф бар. Модест, Костенский Константин, Кюхельбекер Вильгельм, Ломоносов Сергей, Малиновский Иван, Мартынов Аркадий, Маслов Дмитрий, Матюшкин Федор, Мясоедов Павел, Пушкин Александр, Пущин Иван, Ржевский Николай, Саврасов Петр, Стевен Фридрих, Тырков Александр, Юдин Павел, Яковлев Михаил».

Почти все дети попали в Лицей по рекомендациям влиятельных лиц. Александр Пушкин был принят при поддержке друга его семьи литератора и журналиста Александра Ивановича Тургенева. Но титулованных среди воспитанников оказалось только пять человек. Они не были богаты. Отец Дельвига — барон — был безземельным, имел небольшой офицерский чин (плац-майор). Горчаков, Маслов, Матюшкин, Мясоедов, Пушкин, Пущин, Ржевский, Юдин принадлежали к обедневшим старинным фамилиям, известным еще в Московской Руси. Родители или деды остальных получили дворянство за службу. Несмотря на то что выбор воспитанников «подчинялся различного рода влияниям», состав обучающихся оказался не столь знатного происхождения, нежели рассчитывало правительство.

Семья воспитанников Лицея оказалась интернациональной. Броглио был итальянцем. У Горчакова и Матюшкина матери имели немецкое происхождение. Отцы Данзаса, Дельвига и Корфа — прибалтийские немцы. Кюхельбекер был немцем со стороны обоих родителей. Но Лицей воспитывал учеников в духе высокого патриотизма, любви к России, да и, насколько известно, все лицеисты первого выпуска считали и проявили себя в дальнейшем истинно русскими. Правда, они были различных вероисповеданий (например, Данзас — католического, Матюшкин — лютеранского), но в Лицее не придавалось особого значения религиозным убеждениям и обрядам.

Педагогам и наставникам полагалось относиться к воспитанникам корректно, как ко взрослым; их должно было называть только на «вы» с обязательным прибавлением к фамилии обращения «господин». Некоторые воспитанники и между собой оставались на «вы».

Слово «лицеист» появилось гораздо позднее, после того, как Пушкин уже покинул Лицей. Историк Лицея, член-

корреспондент Академии наук Д. Ф. Кобеко, лицеист выпуска 1856 года, говорил в своем исследовании, что «Царскосельскому Лицею неизвестно было слово «лицеист», вошедшее в употребление только по перемещении Лицея в Петербург: царскосельские питомцы оногo назывались «лицейские». Но Пушкин в переписке с М. Л. Яковлевым накануне празднования двадцатипятилетия Лицея уже употребляет слово «лицеист».

Через несколько дней после экзамена министр Разумовский сообщил деду Ивана Пущина, что оба его внука, двоюродные братья Иван и Петр, выдержали экзамен, но принять можно лишь одного. «На волю деда, — писал Пущин, — отдавалось решить, который из его внуков должен поступить. Дедушка выбрал меня, кажется, потому, что у батюшки моего, старшего его сына, семейство было гораздо многочисленнее. Таким образом, я сделался товарищем Пушкина». О том, что Александр Пушкин также принят, Пущин узнал при первой же встрече с ним у В. Ф. Малиновского, находившегося тогда в Петербурге. У директора всех неоднократно собирали «сначала для снятия мерки, потом для примеривания платья, белья, ботфорт, сапог, шляп и пр.». Сын директора Иван был при этом «чем-то вроде хозяина». Здесь, у Малиновского, все мальчики более или менее познакомились друг с другом.

Но до октября еще оставалось много времени. Иван Пущин и Александр Пушкин часто встречались в эти августовские и сентябрьские «предлицейские дни» то в Летнем саду, то на Крестовском острове, где они играли и катались на ялике. Вот как рассказывал Пущин о начале этих встреч: «Когда я достоверно узнал, что и Пушкин вступает в Лицей, то на другой же день отправился к нему, как к ближнему соседу. С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии». Родные Пущина жили тогда на даче, и он только иногда туда ездил, большую же часть времени проводил в городе, где у профессора Лоди «занимался разными предметами, чтобы недаром пропало время» до вступления в Лицей. «При всякой возможности я отыскивал Пушкина, — вспоминал Пущин, — ...эти свидания вошли в обычай...» Из других товарищей они виделись иногда с Ломоносовым и Гурьевым.

Так «среди дела и безделья незаметным образом прошло время до октября».

В начале октября 1811 года принятые в Лицей мальчики начали съезжаться. Им предстояло прожить в Лицее шесть лет.

«И мы пришли...»

Царское Село. 1811 год... В начале октября выпал первый снег. Тихие прямые улицы маленького города, необъятные парки, голубая, с золотом громада живописного Екатерининского дворца, светлый и строгий дворец Александровский — все словно притихло и опустело...

Но в четырехэтажном здании, что соединяется с Екатерининским дворцом трехпролетной аркой, по-праздничному оживленно. Еще недавно здесь стучали топоры плотников, работали столяры, маляры, живописцы. Теперь же залы, классы, спальни убраны, расставлена мебель и полы натерты.

Все четыре этажа здания живут новой жизнью. Скоро открытие Лицея!

В доме напротив в маленьком кабинете вечерами склоняется над письменным столом Василий Федорович Малиновский. 20 августа 1811 года он открыл свою «Памятную книгу Лицея», сделал первую запись¹.

Он думал о том, что детям необходимо выбрать лучшие места из книг для упражнений в переводах и «отделить по предметам: например, к неустрашимости и твердости духа», что надобно «раскрыть в детях мысленность» через изучение различных предметов, что даже прогулка после учения и та должна стать примером того, «как отдых после труда приятен — как в праздности скука одна»; а «раскрывши мысленность, приучать к различию добра и зла, и чтоб не делали без рассуждения и не говорили и не мыслили», поскольку «всякая мысль открывается чрез переходение в желание, а далее в дело»; лицемерию надо объявить войну и «ценить выше малое внутреннее добро против великого наружного — даже уничтожить сие», ибо «истинное есть внутреннее расположение — и для этого более свободы, мыслить позволяется»².

Директор возлагал на своих будущих воспитанников большие надежды. Он верил в Лицей, в его назначение — лицейские питомцы должны были зажечься высокой идеей преобразования России.

22 августа Малиновский записал, что в доме министра

он экзаменовал оставшуюся часть поступающих. 23-го он занес в книгу «список удостоенных кандидатов» и здесь же привел первые характеристики своих будущих воспитанников. 25 августа Малиновский записывает о предварительном собрании членов Конференции «для избрания Конференции секретаря, распоряжения учебных часов и назначения книг»³.

Далее мы находим записи директора о первых днях Лицея, о том, как съезжаются воспитанники, как ведут себя, чему радуются и чем огорчаются: «9 <октября>. Несколько родных с детьми обедали, подле меня Ржевский... Вольховский, Пушкин, Илличевский, Ломоносов; ввечеру пришли Броглио, Кюхельбекер, Матюшкин, Гурьев, Корсаков. Напив чаем, послал их в спальни, Ваня мой не хотел расстаться с товарищами. Они надея мундиры, сапоги и были веселы. 10 <октября>. На другой день приумножилось число — Саврасов, Корнилов, Горчаков, Костенский. — Прогулявшись по снежку белому, собрался с профессорами посоветоваться о занятии детей, которые и начались того же вечера Куницыным и Кайдановым. — Ввечеру огорчен известием, что Гурьев ударил Корсакова. — Ввечеру просил прощения. 11 <октября>. Посоветовавшись с надз<ирателем>, сам нашел детей за завтраком, объявил о черной доске и после, взяв отца Гурьева, и с сыном в Конференции толковал о поведении, не упоминая именно вины. — Приехал еще Пуцин, поутру Гревениц. — Корнилов отстал во франц<узском> языке...»⁴.

Почти через полвека И. И. Пуцин вспоминал свой первый лицейский день или дни, предшествовавшие официальному открытию Лицея. Он рассказал в своих «Записках о Пушкине», как впервые посетил комнату, где ему предстояло отныне жить по соседству с уже знакомым мальчиком — Александром Пушкиным, и как делил его во все казенное и «пустили в залу, где уже двигались многие новобранцы». «Мелкого нашего народа с каждым днем прибывало, — писал Пуцин. — Мы знакомились поближе друг с другом, познакомились и с роскошным нашим новосельем». Занятий пока не было, но некоторые профессора приходили заниматься с учениками, «предварительно испытывая силы каждого».

Наконец собрались все тридцать воспитанников. Потом приехал министр, все осмотрел, сделал «репетицию церемониала в полной форме», то есть всех вводили в

залу «известным порядком», «ставили, куда следует по списку, вызывали и учили кланяться...»

И вот наконец наступил этот долгожданный день открытия Лицея.

Открытие Лицея

В Большом, рекреационном, зале состоялось открытие Лицея 19 октября 1811 года *. Торжественный акт происходил в четверг в праздничной обстановке в присутствии царя и большого количества знатных особ.

К торжеству тщательно готовились.

«В лицейской зале, между колоннами, — вспоминал И. И. Пущин, — поставлен был большой стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На этом столе лежала высочайшая грамота, дарованная Лицею. По правую сторону стола стояли мы в три ряда; при нас — директор, инспектор и гувернеры; по левую — профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики». Из Петербурга были приглашены все высшие сановники и педагоги. По случаю ранней зимы гости приехали в санях. Среди них был и Е. А. Энгельгардт, который, по замечанию И. И. Пущина, не предвидел того, что ему придется быть директором Лицея. «Когда все общество собралось», торжественный акт открытия начался.

«Высочайшую грамоту», дарованную Лицею, прочитал И. И. Мартынов — директор департамента министерства просвещения. С официальной речью, составленной Мартыновым, строго проверенной министром просвещения А. К. Разумовским и даже отрешенной в его присутствии, выступил директор Лицея В. Ф. Малиновский.

Многие считали, что Пущин в своих записках выставил первого директора в смешном виде **. Так, декабрист

* Этот день впоследствии описал И. И. Пущин, упомянул в своих автобиографических записках А. С. Пушкин, рассказал об этом событии и составитель труда о Лицее библиотекарь Александровского лицея И. Я. Селезнев. По воспоминаниям очевидцев подробно писал об открытии Лицея и А. А. Рубец, лицензиат выпуска 1903 года.

** После опубликования записок И. И. Пущина о Пушкине и Лицее в журналах «Атеней» в 1859 (№ 8) и «Русский инвалид» в 1861 году появилась заметка (тогда — «фельетон») под заглавием «В память первого директора Императорского Цар-

А. Е. Розен, зять В. Ф. Малиновского, давая высокую оценку его классическому образованию, подчеркивая его чрезвычайную человеческую скромность, заметил: «Товарищ мой И. И. Пущин... описывая день открытия Лицея... выставил директора в крайнем смущении. Малиновский был необыкновенно скромен и проникнут важностью церемонии... и должен был произнести речь, которая десяти раз была переправлена предварительною цензурою; так мудрено ли, что он был смущен? И диво ли, что природа не дала ему голоса лихого батальонного командира перед фронтом?»

Адъюнкт-профессор Куницын произнес блистательную речь, обращенную к будущим воспитанникам и не регламентированную свыше. Она поразила и восхитила слушателей, и в том числе юного Пушкина. Оратор не читал, а говорил. Смело, звучным голосом рассказывал он об обязанностях гражданина и воина, о любви к Отечеству и о долге перед ним: «В сих пустынных лесах, внимавших некогда победоносному российскому оружию, вам поведаны будут славные дела героев, поражавших враждебный строй. На их зыбких равнинах вам показаны будут яркие следы ваших родоначальников. Окруженные примерами добродетели, вы не воспламенитесь ли к ним любовью, вы ли не будете приготовляться служить Отечеству...»

И действительно, высокое служение Отечеству, «общей пользе» стало основой патриотического воспитания в Лицее. Пройдет время, и в 1836 году в стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...» Пушкин скажет об этом торжественном и памятном дне:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...

После речей стали называть воспитанников по списку. И вот впервые в стенах Лицея прозвучало: Александр Пушкин... Никто из присутствовавших не мог тогда и представить себе, что уже вскоре этот мальчик с золо-

скосельского Лицея В. Ф. Малиновского» за подписью: «Первого курса лицейств». Д. Ф. Кобеко, как и другие, предположил авторство И. В. Малиновского. В этой заметке были сделаны возражения И. И. Пущину относительно выступления В. Ф. Малиновского.

тисто-русскими кудрявыми волосами и ясными серо-голубыми глазами станет гордостью Лицея и впоследствии — славой русского народа.

«Виновников торжества» по окончании церемонии повели в столовую, расположенную во втором этаже Лицея, под Большим залом. Гости, присутствовавшие на открытии Лицея, осмотрев заведение, зашли туда также и застали мальчиков «трудящимися над супом с пирожками». Министр Разумовский в это же время давал обед сановникам, а «педагогию петербургскую» и лицейскую угощал директор в одном из классных залов.

Все торжество окончилось уже при свете ламп. Вечером «новобранцам» вместо казенного ужина, по словам Пуцина, подавали десерт *à discretion* (то есть без всякого ограничения). На балконе Лицея был установлен иллюминированный щит, а вокруг здания — горящие плашки. «Сбросив парадную одежду, мы играли перед Лицеем в снежки при свете иллюминации и тем заключили свой праздник, не подозревая тогда в себе будущих столпов отечества, как величал нас Куницын, обращаясь в речи к нам», — вспоминал И. И. Пуцин.

Пройдут годы, и в стихотворении «19 октября», посвященном лицейской годовщине 1825 года, А. С. Пушкин напишет:

Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!

Описание открытия было занесено в журнал Конференции; решением Конференции было постановлено обнародовать его, напечатав в «Ведомостях» обеих столиц, изготовить отдельные оттиски речей и разослать их в академии, университеты, в С.-Петербургский педагогический институт и в гимназии. Рассказывая об этом памятном дне, И. И. Пуцин отметил, что Е. А. Энгельгардт, тогдашний директор Педагогического института, «так был проникнут ощущением этого дня и в особенности речью Куницына, что в тот же вечер, возвратясь домой, перевел ее на немецкий язык, написал маленькую статью и все отослал в дерптский журнал» (или в газету).

Лицейские будни

И вновь в «Памятной книге Лицея» появляется запись: «20 <октября>. Вчера знаменитый день открытия

Лицея. Свечеру собрались все дети, и я, уединясь, готовился к речи. Повторил ее в зале собрания перед министром... Ныне министр наказывал: чтобы не отступить ни малейше от своих правил и не дозволить вначале никакого нарушения порядка... Чистоту, опрятность, освежать воздух, теплоту по градусам наблюдать строжайше. Детей прогуливать всегда, по ночам — если светлы и хороша погода. С собою могу брать по отличии прогуливаться и в день... Никого, кроме имеющих право, ни под каким видом не впускать в классы во время учения и принимать родителей только в праздничные дни — о сем строжайший приказ. Иные дети чувствительно приняли, что их никогда ни в какую вакацию (каникулы. — С. Р.) домой не пустят»⁵. Последнее директор объявил воспитанникам через несколько дней во время вечернего чая.

Действительно, родители и родственники воспитанников, жившие в Петербурге и других городах, могли иметь свидания со своими детьми только в определенные дни и только в Лицее. Некоторые воспитанники за шесть лет обучения ни разу не повидали своих родителей, так как и каникулы ученики должны были проводить в его стенах.

Каникулы же в Лицее были раз в году. «Июль месяц есть время роздыха», — было записано в Уставе Лицея. Занятия шли с 1 августа по 1 июля.

Программа была насыщенной. Распорядок дня, отраженный в Уставе, составлен так, чтобы уроки чередовались с отдыхом. Но в Уставе была и оговорка: «...означение часов сделано только примерно: располагать их по удобствам и по времени года... держась того главного правила, чтобы воспитанники никогда не были праздны».

«Вставали мы по звонку в шесть часов, — рассказывал И. И. Пущин. — Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслух по очереди. От 7 до 9 часов — класс. В 9 — чай; прогулка — до 10. От 10 до 12 — класс. От 12 до часу — прогулка. В час — обед. От 2 до 3 — или чистописание, или рисование. От 3 до 5 — класс. В 5 часов — чай; до 6 — прогулка; потом повторение уроков или вспомогательный класс. По средам и субботам — танцеванье или фехтованье. Каждую субботу — баня. В половине 9-го часа — звонок к ужину. После ужина до 10 часов — рекреация. В 10 — вечерняя молитва, сон».

В Большом зале 12 декабря 1811 года Малиновский устроил праздник. Он нашел повод порадовать детей, скрасить их строгую затворническую жизнь. Празднику был придан дидактический характер. Воспитанники, собравшиеся вместе с наставниками в Большом зале, должны были для «приучения» их к справедливости и беспристрастным суждениям сами назвать мальчиков, отличившихся успехами за первые месяцы пребывания в Лицее⁶.

Воспитанники избрали тринадцать человек, разделив их по успехам на три отделения. В первом отделении лучшие — Вольховский и Горчаков. Горчаков отмечен как лучший в поведении, а Вольховский — в учении. Во втором отделении были названы Маслов и Пуцин, а в третьем — девять человек, среди которых первым шел Малиновский⁷. Когда выбор этот был одобрен директором, профессорами и надзирателями по нравственной части, то имена отличившихся написали золотыми буквами на белой доске и поставили ее в Большом зале⁸.

В этот день директор «угощал профессоров обеденным столом», а вечером был дан детский бал, и «весь дом Лицея, по сему случаю, был иллюминирован». Описание этого лицейского праздника было даже опубликовано в журнале «Северная почта».

Самостоятельность действий Малиновского вызвала гнев министра, и 13 января 1811 года Разумовский предписал «унчтожить ныне выставленную доску с означением имен» и впредь в подобных случаях «предварительно представлять на решение министра»⁹.

В Большом зале делали все важные сообщения, иногда читали вслух. Позднее, при Е. А. Энгельгардте, чтения устраивались здесь по вечерам регулярно, и сам директор отлично читал. В Большом зале разыгрывались пьесы, устраивались спектакли, в которых принимал участие гувернер Алексей* Николаевич Иконников, внук знаменитого актера И. А. Дмитриевского. Человек весьма способный, добрый и мягкий, он особенно поощрял литературные занятия воспитанников, сам писал пьесы, которые разыгрывались ими, сочинял стихи.

За один год службы Иконников всей душой привязался к своим питомцам, и по увольнении из Лицея за

* И. Я. Селезнев в «Историческом очерке... Лицея» (СПб., 1861) ошибочно называет Иконникова Александром.

«пристрастие» к вину в 1812 году¹⁰, он еще долго переписывался с ними и продолжал бывать в Лицее. Вот как писал об Иконникове Александр Пушкин в 1815 году в своем дневнике: «Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, <...> Иконников имеет дарованья, пишет изрядно стихи и любит поэзию <...> Его любят — иногда, смешишь он часто, а жалок почти всегда».

В Большом зале, как уже говорилось, воспитанники отдыхали после классов, занимались гимнастическими упражнениями, фехтованием, танцами, а вечером здесь начиналась беготня и игра в мяч. На уроки танцев иногда приглашали сестер воспитанников Лицея, а позднее — царскосельских девиц, близких семье Энгельгардта. Из далекой Сибири ссыльный В. К. Кюхельбекер писал, живо вспоминая лицейскую жизнь, своей племяннице Саше, Александре Глинке, собиравшейся посетить Царское Село и Лицей: «Странно было бы, если Саше случилось танцевать на том же самом паркете, который видел и на себе испытал первые мои танцевальные подвиги!»

И. И. Пущин писал об одежде воспитанников Лицея: «Форма одежды сначала была стеснительна. По будням — синие сюртуки с красными воротниками и брюки того же цвета: это бы ничего; но зато по праздникам мундир (синего сукна с красным воротником, шитым петлицами, серебряными в первом курсе, золотыми — во втором), белые панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты, треугольная шляпа — в церковь и на гулянье. В этом наряде оставались до обеда. Ненужная эта форма, отпечаток того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, белые панталоны и белые жилеты заменены синими брюками с жилетами того же цвета; фуражка вытеснила совершенно шляпу, которая надевалась нами только, когда учились фронту в гвардейском образцовом батальоне».

Вещи воспитанников, в том числе шинели, помечались номерами комнат. К ним пришивался небольшой лоскуток, на котором чернилами проставлялся номер комнаты владельца.

Об этом вспоминал И. В. Малиновский в письме С. Д. Комовскому: «...так и вижу их (номера комнат. — С. Р.) над дверьми и на левой стороне воротника шинели на квадратной тряпочке чернилами».

Как первому, так и второму директору Лицея приходилось заботиться об экипировке воспитанников. Сложность заключалась в том, что хотя Лицей, именуясь императорским, и состоял в числе привилегированных учебных заведений, средства на его содержание, как уже говорилось выше, отпускались явно недостаточные¹¹.

Хотя Пущин и называл лицейское новоселье «роскошным», вскоре обнаружили и некоторые иные стороны быта. Так, на первое время воспитанникам были сшиты парадные мундиры, а также каждодневные сюртуки. Но одежда, долгое время не обновлявшаяся, становилась мала, коротка, расползалась, несмотря на починку.

В донесении помощника надзирателя по хозяйственной части М. Золотарева от 26 февраля 1813 года говорится, что у воспитанников рубашки стали ветхие, «некоторые из оных с большой уже починкою, вовсе не годятся к употреблению». Хозяйственное правление не раз обращалось к министру просвещения Разумовскому, указывая, что панталоны, жилеты, которые полтора года носили воспитанники, несмотря на неоднократные починки, «вовсе к носке не годятся». На что министр давал ответ: «...не нахожу нужным построить для всех воспитанников Лицея новые мундиры, на что требуется значущая сумма». И министр предлагал сшить мундиры лишь для высоких ростом, а их мундиры переделать «для малорослых»¹².

30 апреля 1814 года М. Золотарев писал о крайней необходимости получить новое белье и обувь для воспитанников. В архивных материалах сохранился также чрезвычайно показательный документ, составленный 20 марта 1815 года, где записано, в чем нуждался каждый из них: «1. Вольховский — мундир и сюртук узкий. 2. Матюшкин — мундир узок, панталоны серые короткие, сюртук короткий, шинель узка. 3. Пущин — разодраны серые панталоны, шинели нет. 4. Пушкин — серые панталоны узки и коротки...» — и так далее¹³.

В своей «Записке» М. А. Корф писал, что казенное платье было так плохо и шилось на такие долгие сроки, что все, кому сколько-нибудь позволяли средства, шили свое, прочие же и в дворцовую церковь «являлись в заплатках».

Кормили воспитанников Лицея четыре раза в день. «Обед состоял из трех блюд (по праздникам четыре). За ужином два. Кушанье было хорошо... В столовой по поне-

дельникам выставлялась программа кушаний на всю неделю... Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена», — писал И. И. Пущин.

За порядком в буфете и столовой следил так называемый тафельдекер. Помощник тафельдекера отвечал за чистоту столового сервиза, серебряных приборов¹⁴ и мыл их после завтрака и обеда.

Простудившись, Александр Пушкин находился в больнице с 12 по 14 октября 1814 года. Здесь он читал товарищам, посетившим его вместе с Чириковым, свое стихотворение «Пирующие студенты». По-видимому, именно это событие отметил Пушкин в программе автобиографических записок среди важных лицейских событий, написав одно слово: «Больница».

Больница занимала две комнаты (окнами ко дворцу), в одной из комнат была аптека, в другой — шесть кроватей со стегаными ватными одеялами, крытыми ситцем¹⁵. Содержалась больница хорошо. Там всегда было чисто и тепло. Доктор Франц Осипович Пешель, еще молодой человек, был добродушным весельчаком, и мальчишки не прочь были попасть к нему по любому, даже малозначительному, поводу. Кормили здесь вкусно и разнообразно. Это видно из сохранившихся в лицейских архивах меню. Когда требованиями доктора кухня пренебрегала, он обращался к надзирателям по хозяйственной части, и впредь его предписания соблюдались точно. Вот, например, как выглядело меню от 12 июня 1814 года, составленное для больного: на обед — суп из перловой крупы с телятиной, жаркое из цыпленка и яйца всмятку, на ужин — суп «с манными крупами, котлеты из телятины, бутылка красного вина и помимо всего — фунт „меду красного“»¹⁶. Некоторые меню были написаны безграмотно, видимо «подлекарем», под диктовку Пешеля, который только подписывал их.

Пешель был уроженцем Моравии. В Россию его пригласили в 1808 году на должность уездного врача поселения София (часть Царского Села). Он поступил в Лицей с самого его основания и оставался здесь до конца жизни. Франц Осипович пользовался доверием и любовью молодых людей. Вступая с ними в оживленные беседы, он являлся для них «вестником всех новостей». Корф назвал его «другом всего царскосельского бомонда». Это был высокий полный мужчина, добряк, большой говорун, любив-

ший пофилософствовать и поострить. У всех лицейстов сохранились о нем самые добрые воспоминания.

Из архивного дела, касавшегося ссоры между Я. И. Карцовым и Ф. О. Пешелем, случившейся из-за портрета доктора и прекращенной Е. А. Энгельгардтом¹⁷, стало известно, что в 1813 году выдающийся русский художник О. Кипренский писал портреты не только жителей Царского Села, но, видимо, и многих лицейских. В частности, тогда им были выполнены портреты Александра Бакунина, Натальи Кочубей, а также портрет доктора Пешеля, местонахождение которого ныне неизвестно. Вглядываясь в работы художника того периода, невольно думаешь, что, может быть, один из портретов, называемых ныне «Портрет неизвестного», писан также с кого-нибудь из лицейских...

ЛИЦЕЙСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И НАСТАВНИКИ

Директора, профессора и адъюнкты

Когда свободолобивая мысль эпохи Радищева и Новикова была задавлена, в период внешнего затишья, передовые идеи русского просвещения жили и развивались. Именно Лицей в начале XIX века стал тем учреждением, в котором вольнолюбивые, антикрепостнические, антимонархические настроения нашли свое выражение в просветительном и воспитательном процессе юношества.

При вступлении своем на пост директора В. Ф. Малиновский оговорил за собой право лично подбирать преподавателей. Он пригласил в Лицей передовых, талантливых адъюнкт-профессоров* из Петербургского педагогического института: Александра Петровича Куницына — по нравственным наукам, Ивана Кузьмича Кайданова — по историческим и географическим и Якова Ивановича Карцова — по математическим и физическим. Малиновский вызвал из Москвы доктора философии профессора российской и латинской словесности Николая Федоровича Кошанского, а из Петербургского Екатерининского института благородных девиц пригласил профессора французской словесности Давида Ивановича де Будри, родного

* От лат. *adjunctus* — присоединенный. Лицо, занимающее должность выше помощника профессора (*устар.*).

брата французского революционера Ж.-П. Марата. И лишь профессор немецкой словесности Фридрих Матвеевич Гауеншильд был введен в преподавательский состав по протекции попечителя С.-Петербургского учебного округа графа С. С. Уварова, зятя А. К. Разумовского.

В. Ф. Малиновский создал в Лицее атмосферу свободомыслия, которую впоследствии назвали «лицейским духом». Лицейские кафедры явились трибуной для пропаганды передовых идей и взглядов. А. П. Куницын, «на кафедре беспрестанно говоривший против рабства и за свободу», был последовательным и активным помощником Малиновского. Преподаватели Н. Ф. Кюшанский, Д. И. де Будри, И. К. Кайданов, Я. И. Карцов находились под непосредственным влиянием Малиновского и своими смелыми высказываниями также зажигали в воспитанниках чувства высокой гражданственности, патриотизма.

В стихотворении «19 октября» 1825 года А. С. Пушкин обращается к своим лицейским друзьям, он благословляет день открытия Лицея, он отдает дань уважения и своим лицейским наставникам:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Малиновский В. Ф. Василий Федорович Малиновский был назначен на должность директора Лицея 2 июня 1811 года и в деле организации Лицея, лицейского быта и нравственного воспитания лицейстов сыграл огромную роль. На его плечи легла вся тяжесть практической работы по оборудованию нового учебного заведения. Ему пришлось подписывать контракты с подрядчиками, следить за выполнением работ, заказывать мебель и одежду воспитанникам, приобретать необходимый учебный инвентарь. Все это было связано с немалыми трудностями, о чем красноречиво свидетельствуют архивные документы¹.

Советские ученые на основании общественно-политических работ Малиновского, его дневников, писем, записок и сочинений впервые раскрыли идейный облик этого выдающегося русского просветителя. Он был убежденным врагом крепостничества, горячим сторонником политических перемен в России. В его философских трудах были изложены высокогуманные принципы международного права, передовые для эпохи взгляды на роль народных масс

и личности в истории, провозглашались идеи равенства всех людей и всех народов.

Малиновский был не просто кабинетным ученым, развивавшим прогрессивные традиции русского просвещения XVIII века, а деятелем, стремившимся пропагандировать, отстаивать, претворять в жизнь свои идеи. Еще Ю. Н. Тынянов утверждал, что под прямым влиянием Малиновского развивались в Лицее будущие декабристы.

Тяжкое положение крепостного крестьянства заставило Малиновского в 1802 году написать и подать канцлеру России графу В. П. Кочубею «Записку о освобождении рабов». Свобода «как воздух необходима для бытия человеческого» — таков ее основной смысл.

Одна из самых замечательных работ В. Ф. Малиновского — «Рассуждение о мире и войне», во многом не потерявшая значения и в наши дни, была создана им в 90-х годах XVIII века и опубликована в 1803 году в Петербурге за подписью «В. М.». Первая часть была написана в 1790 году в Ричмонде (Англия), вторая — в 1798 году в Белозерске, близ Павловска, в доме тестя А. А. Самборского*. Резко осуждая войны, несущие только разорение и горе, разоблачая всяческие идеи о необходимости их, развенчивая славу завоевателей, Малиновский выступал поборником мира. Он разделял войны на захватнические и справедливые и считал защиту отечества священным долгом гражданина. Вот некоторые его высказывания:

«Никакой народ не может другому причинить вреда, не подвергаясь оному»;

«Приобретения через войны подобны высоким постройкам, несоразмерным основанию здания. Они отваливаются сами и подвергают здание опасности разрушения»;

«Различие между народами не делает различия между человеками»;

«Покуда не истребится война, нет надежды, чтобы народы могли жить в изобилии и благоденствии»;

«Александр, Цезарь, Тамерлан, Чингисхан... Мы должны молить бога, чтобы избавил нас от сих великих людей,

* Дача (Белозерка) впоследствии попала в казну и была выкуплена братом В. Ф. Малиновского Павлом Федоровичем. До недавнего времени место это называлось по его имени — Малиновка. Дом еще памятен автору этих строк; он был снесен при реконструкции дороги в начале 1950-х годов. Ныне район дома № 40 по улице Маяковского (город Пушкин) и небольшой круглый сквер в центре улицы — место главной усадьбы.

или мы должны истребить ложные понятия о славе; оные побуждают великих людей к вредным делам. Мы должны гнушаться теми, кои велики без пользы, и ужасаться тех, кои велики со вредом»;

«Народы наиболее обязаны бывают своею славою наукам и просвещению»;

«Чтобы более уважать себя взаимно, народы должны только более знать друг друга!»

Родился В. Ф. Малиновский в 1765 году в Москве в семье священника Федора Авксентьевича, человека передовых убеждений, который во время следствия по делу Новикова был заподозрен в принадлежности к его кружку и масонству².

В истории русской культуры почетное место занимает и имя старшего брата Василия Федоровича, Алексея Федоровича (1762 — 1840), известного архивиста, историка, археолога, переводчика и писателя, в течение двадцати семи лет (до своей кончины) возглавлявшего Московский архив иностранных дел, прослужившего там в общей сложности шестьдесят два года. Близкая дружба связывала его с историком Н. М. Карамзиным. Будучи человеком прогрессивных взглядов, он в начале царствования Александра I выступил со своим проектом отмены крепостного права*.

В 1781 году В. Ф. Малиновский окончил философский факультет Московского университета³ и был принят на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. К этому времени относится начало его литературной деятельности.

Малиновский обладал изрядными познаниями в области естественных, исторических и политических наук, блестяще владел многими иностранными языками, занимался философией, историей, литературой, сочинял прозу и стихи, причем не только на родном русском, но и на европейских и восточных языках.

Еще в студенческие годы Малиновский сблизился с передовыми мыслящими деятелями Москвы, видными писателями и учеными. Под влиянием Н. И. Новикова с 1803 года он начал издавать еженедельник «Осенние вечера», намечая выпустить за три осенних месяца двенад-

* О семье В. Ф. Малиновского, о его брате Павле Федоровиче, сыне Иване Васильевиче и зяте Владимире Дмитриевиче Вольховском см. в книге М. и С. Руденских «С лицейского порога» (с. 118—145).

цать номеров, но издал восемь. По-видимому, все статьи в журнале писались самим издателем. Статьи «О войне», «Любовь России», «История России», «Своя сторона» были напечатаны соответственно в номерах 2 и 3, 5, 6 и 8.

В 1789 году Малиновский работал в Лондоне в русской миссии; в конце русско-турецкой войны он был послан, как знающий турецкий язык, в Яссы, где принимал участие в переговорах; в 1800—1802 годах являлся генеральным консулом в Молдавии и проявил себя на этом посту как неподкупный, гуманный и прогрессивный деятель*.

Прогрессивные идеи Малиновского нашли свое выражение и в практической его деятельности как педагога и директора Лицея. По мысли В. Ф. Малиновского, каждого воспитанника прежде всего надо приучать к самостоятельному философскому и критическому мышлению, каждый из них должен стремиться к высокому нравственному идеалу, жить и трудиться для воплощения в жизнь идей добра, жить «для общей пользы», руководствуясь идеями высшего патриотизма. Деятельность Малиновского способствовала развитию традиций передовой русской педагогики.

Дом директора Лицея стал родным домом для всех его питомцев. Беседы с Василием Федоровичем, который стремился с предельной ясностью выразить воспитанникам свои гуманные идеи, будили в их сердцах лучшие чувства.

В альбом своему старшему сыну Ивану 21 октября 1812 года В. Ф. Малиновский записал: «Так в воле состоит вся жизнь души, какова воля, такова и вся жизнь, злое дерево не может добрых плодов приносить ни же доброе злых. В воле состоит все достоинство деяний наших. Они могут казаться добры по обманчивой наружности, но суть зла, покуда воля не исправлена»⁴.

На протяжении всего своего пребывания на посту директора Лицея Малиновский общался с родителями воспитанников, состоял с ними в переписке⁵. Как явствует из архивных материалов, нередко по личному распоряжению В. Ф. Малиновского детям покупали шоколад, для заболевшего Есакова специально доставали козье молоко⁶.

В архивных документах сохранились записи, из которых видно, какое большое внимание уделял Малиновский

* См. приложение: «Памятный кубок».

физическому воспитанию учеников. По его распоряжению детям покупали мячи и различные игры, устраивали катанье на шлюпках по царскосельскому озеру, практиковались загородные прогулки в Колпино, Павловск и другие места, что вносило разнообразие в жизнь воспитанников Лицея⁷.

26 ноября 1812 года в «секретном представлении» министру В. Ф. Малиновский писал: «...здоровье воспитанников сохраняется в вожделенном состоянии, больница почти всегда пуста. Прогулка, баня и хорошая пища берегают их от расслабления и припадков. В доме наблюдается чистота и порядок»⁸. Личные качества В. Ф. Малиновского и его роль в устройстве лицейской жизни не прошли незамеченными для воспитанников первого курса.

А. Горчаков через месяц после поступления в Лицей, 26 ноября 1811 года, писал своему дяде А. Н. Пещурову: «Je ne connais point d'expressions pour louer m. Malinoffsky; quels excellent, quel digne homme; il se comporte avec nous comme avec ses enfans et il ne fait de différence entre nous et son fils. Il a bien des bontés pour moi». В переводе с французского это звучит так: «Я не найду выражения для похвалы Малиновского, какой прекрасный и какой достойный человек. Он относится к нам как к своим детям и не делает разницы между нами и своим сыном. Он ко мне очень хорошо относится»^{*}.

Многое в налаживании лицейского быта усложнялось, с одной стороны, значительным по тому времени расстоянием, отделявшим Лицей от Петербурга, с другой — натянутыми отношениями с министром просвещения графом А. К. Разумовским.

Деспотичный по натуре, Разумовский был человеком иного склада и иных понятий, нежели Малиновский. Министр ограничивал директора в средствах, сковывал его инициативу, а иногда вмешивался в чисто хозяйственные распоряжения.

Так, например, преподавателям и служащим Лицея часто приходилось ездить по делам в Петербург. Летом ездили в телеге или дрожках, зимой — в открытых санях. В. Ф. Малиновский распорядился приобрести закрытые сани — с кибиткой, заплатив за них двести пятьдесят рублей собственными деньгами⁹.

* Публикуется впервые. Перевод С. Руденской.

Хозяйственное правление Лицея обратилось к министру за утверждением этого расхода, на что Разумовский ответил отказом: «Не могу согласиться на покупку крытого зимнего экипажа, находя издержку сего вовсе излишнею: ибо для случившихся не так часто поездок чиновников по казенным надобностям можно употреблять открытые сани, как то водится и в прочих местах, а профессоры, приезжающие сюда по собственным делам, не имеют права пользоваться казенным экипажем»¹⁰.

В. Ф. Малиновский скоропостижно умер 23 марта 1814 года. Смерть была тяжелым ударом для Лицея. В еженедельных лицейских ведомостях, представляемых министру, в разделе «Происшествия» было записано: «23 марта скончался от нервной горячки статский советник и кавалер Малиновский»¹¹. Первый директор Лицея был похоронен рядом с Самборским на Охтинском кладбище.

Александр Пушкин близко к сердцу принял смерть наставника, в доме которого нашел добрый семейный очаг, с чьим сыном сдружился. Он был среди пятерых лицейстов, которым было разрешено присутствовать на похоронах директора. Перед его еще незасыпанной могилой Александр Пушкин и Иван Малиновский поклялись в вечной дружбе.

Место захоронения В. Ф. Малиновского со временем было забыто, но в 1961 году, к 150-летию Лицея, его разыскала М. П. Руденская, и по ее инициативе на памятнике В. Ф. Малиновскому была установлена мемориальная доска.

В. Ф. Малиновский не довел первый выпуск до конца. Но его гуманные, прогрессивные идеи сыграли большую роль в формировании мировоззрения передовых воспитанников Лицея. Малиновский способствовал созданию «вольноголюбивого духа», который отличал первый, пушкинский, выпуск, отмеченный именами декабристов Пушкина, Кюхельбекера, Вольховского и великого поэта Пушкина.

Для Пушкина общение с Малиновским не прошло бесследно. Составляя план автобиографии (приблизительно в 1830 году), Пушкин два раза упомянул его имя: в первый раз, когда записал основное событие за 1811 год: «1811 ... Лицей. Открытие... <...> Малиновский, Куницын... <...> Философические мысли. — Мартинизм»; и во второй раз, когда записал события 1814 года: «Смерть Малиновского. Безначалие», отметив это событие в ли-

цейской жизни как значительное, поворотное. Понятия «философские мысли», «мартинизм» возникают еще в 1811 году не случайно. Мартинистами называли последователей масона Сен-Мартена, книгу которого «Исследование о заблуждениях и истине» издал Н. Новиков. Мартинисты призывали к религиозно-этическому самоусовершенствованию; общественные реформы они надеялись осуществить путем обращения монархов и видных государственных деятелей в своих единомышленников. Просветители того времени, такие, как Новиков, Малиновский, стремились использовать движение мартинистов.

В. Ф. Малиновский был близко знаком с виднейшими мартинистами Р. А. Кошелевым, А. К. Разумовским и М. И. Донауровым, при содействии которого он и получил место директора Лицея. Но Малиновский в своей просветительной деятельности, в своих высказываниях и действиях шел значительно дальше мартинистов.

В период следствия по делу декабристов в 1826 году в одном из доносов III отделению журналист Ф. Булгарин писал: «Что значит Лицейский дух?.. Откуда и как он произошел? Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве, под пачальством Новикова, и даже имела свои логи и тайные заседания. И. В. Лопухин, Тургенев (отец осужденного в Сибирь), Муравьев (отец Никиты, осужденного) и многие лица, которые здесь не упоминаются, сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством... масонства, мистицизма, размножения книг иностранных вредного содержания и издания книг, и чрезвычайно либеральных, на русском языке.

Когда Новиков был сослан в Сибирь и секта его рушилась, рассеянные адепты* стали по разным местам отдельно преподавать его учение. Тургенев был попечителем Москов. ун-та (и помогал выдвижению многих молодых людей, Муравьев М. Н. действовал так же, выдвигали своих по службе). Другие делали то же, и вскоре люди, приготовленные неприметно, взяли перевес в свете и, по службе и по отличному своему положению стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и мартинистов забыли, но дух их

* Приверженцы, последователи.

пережил и, глубоко укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды.

...План Новиковского общества был почти тот же, как «Союза благоденствия», с той разницею, что новиковцы думали основать малую республику в Сибири, на границе Китая, и по ней преобразовывать Россию.

...Во время самой сильной ферментации * умов, в 1811 году, нововозведенный Лицей... его наставники не поставили главной целью — развить понятие в пользу настоящего образа правления и к сей цели направлять все воспитание юношества, назначенного занимать важные места и, по своему образованию, давать тон между молодыми людьми. Это именно ускользнуло от наставников...»

Действия, предпринимаемые Малиновским для пробуждения в воспитанниках Лицея критического отношения к самодержавию и крепостничеству, вызвали недовольство со стороны высокопоставленных мартинистов, особенно графа Разумовского, к этому времени весьма реакционно настроенного.

В. Ф. Малиновский был прекрасным семьянином, любящим мужем. Со своей будущей женой Софьей Андреевной Самборской он познакомился, видимо, в 1792 году, давая ей уроки. Василий Федорович нашел в девушке тот идеал, о котором мечтал. Об этом свидетельствует интересное письмо Малиновского к невесте (от 17 — 19 июля 1792 года) **, с которой он не только встречался, но и находился в переписке. В этом письме отразились те высокие идеалы, что стояли перед ним и его избранницей, желание быть полезным людям: «Помните ли вы, что Любомир, о котором написано в моей книжке, которую прислал из Ясс, о том только жалел при смерти, что он ничего не сделал! Он похож на меня». Малиновский придавал особое значение взаимопониманию и умению почувствовать чужую беду словно свою: «...вы задумчивая, печальная девица — сходство нашего свойства подало мне больше надежды к утешению, нежели веселость. Любя вас, я позабуду свои печали, чтоб чувствовать только ваши, и если вы то же сделаете — то мы будем оба довольны. — Чужую печаль разделять приятно — это есть сожаление, которое всегда услаждает дух»¹².

* Процесс брожения.

** Обнаружено в одном из московских архивов М. П. Руденской.

В. Ф. Малиновский, будучи человеком кристальной честности и необыкновенной доброты, за всю свою трудовую жизнь не скопил никакого капитала и имущества. После него осталось шесть человек детей (младшей дочери, Марии, было четыре года) без всяких средств к существованию. Жена Малиновского умерла в 1812 году в возрасте сорока лет.

Министр просвещения граф А. К. Разумовский в своем докладе, poslanном в Париж Александру I, сообщая о смерти первого директора Лицея, «испрашивал» пенсию для его осиротевших детей, которых после смерти В. Ф. Малиновского взяла на воспитание Анна Андреевна Самборская, старшая дочь Андрея Афанасьевича Самборского.

Надо отметить, что А. А. Самборский — личность в русской истории во многих отношениях интересная. В вопросах нравственных и политических он был близким другом и единомышленником своего зятя В. Ф. Малиновского. Самборский оказывал поддержку многим просвещенным и передовым людям России, и в частности оказал в свое время протекцию видному впоследствии государственному деятелю М. М. Сперанскому.

В одном из писем к Самборскому Малиновский с болью писал о себе, что только книги, написанные им, останутся после него, только они оправдают его перед потомками, они одни смогут «представить в лучшем виде образ жизни и свойства человека, которого несчастье есть — не иметь средства осуществить добрые свои желанья и доказать на опыте истину своих уверений о стремлении всей жизни на пользу не только современников, но и потомков».

Малиновского более всего угнетала невозможность привести в исполнение свои замыслы, а он считал себя, как и каждого гражданина, обязанным заботиться об «общей пользе», быть «другом человечества». Эти слова в то время не являлись пустой фразой, они были своеобразным «паролем» людей, передовых по своим убеждениям, и звучали призывом к борьбе против абсолютизма и крепостничества.

Возможно, Малиновский принадлежал к какому-то обществу или кружку. 20 ноября 1792 года он писал, обращаясь к своему единомышленнику, имя которого осталось неизвестным: «Лично говорю тебе, любезный друг, ибо кроме стен нет и не должно быть слушателей. Но

не то будет, когда мы решимся привести в образ жизни и обычаи правила друзей человека, тогда и в «мужике», и в соседе, и в госте найдем себе собеседника-товарища или сочлена и помощника, ибо тогда будут все наши беседы, как теперешние собрания, и вся жизнь — исполнение правил нашего общества».

Известно, что в дальнейшем все дети В. Ф. Малиновского были тесно связаны и с воспитанниками Лицея пушкинского выпуска и с декабристами: Иван Малиновский был женат на сестре Ивана Пущина; он до самой своей смерти плодотворно занимался просветительской и общественной деятельностью. Анна Малиновская вышла замуж за декабриста А. Е. Розена и последовала за ним в Сибирь; младшая, Мария, была замужем за Владимиром Вольховским; Андрей Малиновский окончил Лицей с золотой медалью в 1823 году, офицер гвардии, «которого в 1825 году все знали по примерной твердости, по богатству знаний и по всем задаткам на пользу Отечеству». Причастный к событиям 14 декабря 1825 года, он находился под арестом на гауптвахте, затем сослан в действующую армию на Кавказ и до самой смерти жил под надзором полиции.

Так дети первого директора Лицея всегда оставались верными завету отца — жить «для общей пользы».

Личность Е. А. Энгельгардта и его деятельность как директора Лицея¹³ в прошлом были освещены значительно полнее, нежели личность и деятельность В. Ф. Малиновского. Второй директор Лицея, вступивший в свою должность всего за полтора года до пушкинского выпуска, как бы заслониł собою образ первого, положившего основание лицейскому воспитанию.

Малиновский прививал своим питомцам широту взглядов, давал им идеологический, социальный кругозор и делал это исподволь, ненавязчиво, так что порой воспитанникам оставался незаметным тот вклад, который он вносил в их сердца и мысли (к тому же при Малиновском воспитанники еще были относительно малы, и мировоззрение их только начинало складываться).

Энгельгардт не ставил перед собой социальных задач. Если бы он с самого начала, как и добивался, возглавил Лицей, то направление его могло бы быть существенно иным, гражданственная линия в воспитании юношей, возможно, не ощущалась бы столь явственно.

Но Энгельгардт был талантливый педагог. Он стремился найти ключ к сердцу каждого воспитанника, раскрыть его лучшие душевные качества, его призвание. Энгельгардт оказался сторонником сложившейся при Малиновском системы воспитания и преподавания и убежденно отстаивал ее. Речь Куницына на открытии Лицея, в которой были изложены принципы лицейского воспитания, по свидетельству Пущина, восхитила Энгельгардта, присутствовавшего на торжестве. Энгельгардт находился под влиянием оппозиционно настроенных кругов, но не принадлежал к деятелям просвещения, активно влиявшим на развитие антиправительственных настроений.

Роль Энгельгардта, сумевшего развить в воспитанниках стремление к добру, служению Родине — «для общей пользы», ни в коем случае не следует преуменьшать. Он был человеком большой душевной теплоты, необычайной честности и высокого благородства, отличался глубоким чувством долга перед обществом.

Родился Георг-Рейнгольд Энгельгардт в городе Риге 12 августа 1775 года в семье видного экономиста. Его отец Антон Владимирович был также уроженцем Лифляндии, а мать Христина ди Приада происходила из старинного венецианского аристократического рода. В 1780 году, пяти лет от роду, Егор Энгельгардт по тогдашнему обычаю был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк. В это же время семья переехала в Петербург. Восьми лет Энгельгардта отдали в частный пансион сестер Бардевич, где обучались и мальчики, и девочки. Пансион он посещал восемь лет, там среди его учителей были Шторх и Крафт (впоследствии академики). По замечанию историка Лицея И. Я. Селезнева, своими многочисленными знаниями, давшими ему право быть членом разных ученых обществ, Энгельгардт был обязан самому себе, своим редким способностям.

По окончании образования Энгельгардт поступил на действительную военную службу. Он состоял некоторое время ординарцем при Потемкине и был послан курьером с дипломатическими депешами в Вену. Но в декабре 1796 года в чине капитана он оставил военную службу и поступил в коллегию иностранных дел. В 1799 году он был назначен секретарем Мальтийского ордена, а затем секретарем магистра этого ордена — Павла I. Вскоре, по воцелении на престол Александра I, Энгельгардт был назначен в канцелярию вновь учрежденного Государст-

венного совета на должность помощника экспедитора по первой экспедиции, ведавшей иностранной и коммерческой частью (в позднейшей иерархии Государственной канцелярии эта должность соответствовала должности помощника статс-секретаря).

Е. А. Энгельгардт пользовался репутацией человека разносторонних интересов. Он имел также весьма изрядные познания в области географии и этнографии. Его бывший учитель академик А. К. Шторх предпринял издание журнала о России на немецком языке «*Russland...*» (1803—1809), в котором давал обзоры наиболее значительных событий современной русской жизни. Первый том был выпущен им единолично, но затем он привлек, что видно из предисловия ко второму тому, к постоянному сотрудничеству коллежского советника и кавалера Егора фон Энгельгардта, которого Шторх рекомендовал читателям как большого знатока России, русского языка и русских обычаев. В составе редакции Энгельгардт оставался до конца существования журнала. Многие статьи написаны им самим, но печатались обычно без подписи.

В тот же период Энгельгардт принял участие и в одном беллетристическом издании. В 1811 году в Петербурге вышли две небольшие книжки под общим названием «*Bagatelles. Promenades d'un desoeuvre dans la ville de S.-Petersbourg*»*. Эти книжки имели большой успех: в 1812 году они были переизданы в Париже, а затем появились в переводе на немецкий и голландский языки. Автором их считался Теодор Фабер (*Theodor Faber*), живший в Петербурге. Он, так же как и Энгельгардт, был уроженцем Риги. Книжки «*Bagatelles*» содержат небольшие рассказы (всего тридцать один), часть из которых принадлежит перу Энгельгардта.

В середине 1812 года Энгельгардт был назначен директором Педагогического института. В этой должности он проработал неполных четыре года.

С давних пор жизнь Энгельгардта была связана с Царским Селом. Он имел здесь дачу на Кузьминской улице, напротив Александровского парка (ныне улица Васенко, дом не сохранился), и нередко бывал в Лицее.

11 января 1816 года Энгельгардт был вызван к Аракчееву, очевидно для переговоров о назначении его директором Лицея. Несмотря на то что эта должность была

* «Безделицы. Досушие прогулки по улицам С.-Петербурга».

давней мечтой Энгельгардта, он все же считал необходимым открыто высказать взгляд на свои будущие обязанности, что могло и не понравиться Аракчееву. Свой взгляд Энгельгардт смело изложил письменно, для передачи Александру I, тут же, в кабинете Аракчеева. Энгельгардт хотел большей независимости управлению Лицея, невмешательства в его дела и т. п.

В бумагах Энгельгардта сохранились краткие заметки на немецком языке, посвященные проблемам педагогической деятельности. Они представляют особенный интерес, потому что Энгельгардт имел возможность проводить свои педагогические идеи в жизнь.

По мнению Энгельгардта, в основе всякого воспитания должна лежать прежде всего любовь к воспитаннику, и ее надо выражать не словами, а делом.

Только путем сердечного участия в радостях и огорчениях питомца можно завоевать его любовь, хотя бы и бессознательную.

Надо помнить, что доверие юношей завоевывается только поступками, ибо сердцу говорят не слова, а чувства, воплощенные в поступках.

Наставнику всегда необходимо заботиться, чтобы воспитанники не предавались рассеянности и умственной бездеятельности, так как постепенное осознание мальчиками и юношами своих обязанностей создает привычку к их выполнению.

Воспитание без всякого наказания — химера, но в наказаниях надо быть «бережливым» — разумным и осторожным. Публичные наказания в большинстве случаев опасны, ибо у многих они сразу же убивают стыд и страх перед общественным мнением.

Энгельгардт всегда отрицательно относился к телесным наказаниям и утверждал, что при дружеских отношениях между воспитателем и воспитанником всегда имеется множество способов наказания без обращения к карательным средствам.

К таким мерам Энгельгардт относил более суровый взгляд, более сухую, против обычного, речь, устранение от обычной дружеской беседы и т. п. Он уверял, что все это может произвести на питомцев глубокое впечатление, если только воспитатель любим ими.

Он считал также, что всякое наказание должно носить такой характер, при котором наказуемый сознавал бы, что оно тягостно и для воспитателя.

Эти заметки Энгельгардт писал не для других, а для себя, он формулировал то, что делал сам. Они ценны и для летописи Лицея. Рассматривая заметки Энгельгардта о воспитании, историк Лицея Д. Ф. Кобеко заметил, что они «своею просвещенностью резко выделяются на мрачном, в общем, фоне тогдашнего времени, когда за сентиментальностью, за склонностью пролить слезу по всякому чувствительному поводу скрывалась изрядная жестокость; телесное наказание, несмотря на высокие слова, оставалось основой всякого практического воспитания, и воздействие на возвышенные стороны воспитанника, проповедуемое лучшими умами эпохи, еще далеко не составляло обычного приема».

С момента вступления Энгельгардта в должность директора Лицея замкнутый кружок воспитанников этого закрытого учебного заведения стал соприкасаться с обществом, нравственное влияние которого Энгельгардт считал одним из важнейших элементов в деле образования юношей.

Он приглашал к себе воспитанников, будучи убежден, что домашняя обстановка и привычка быть в кругу семейства принесут им пользу. Энгельгардт дал многое воспитанникам в вопросах повседневной жизни, учил добру и добрым отношениям, умению вести себя в обществе.

Но зато Энгельгардт решительно воспротивился предложению посылать воспитанников Лицея дежурить при дворе во время его летнего пребывания в Царском Селе. Александр I считал, что это приучит молодых людей к обществу, даст им необходимый светский лоск. Энгельгардт счел это предложение весьма непедагогичным. Возражая, он доказал, что, кроме многих неудобств, придворная служба будет отвлекать воспитанников от учебных занятий, отрицательно скажется на образовании.

Е. А. Энгельгардт вслед за Малиновским стремился налаживать и улучшать быт Лицея, создавать семейный уют. Педагоги и гувернеры остались при нем прежние.

В доме директора часто устраивались литературные вечера. Семья Энгельгардта состояла из его жены Марии Яковлевны, трех сыновей и двух дочерей. Родственница Энгельгардтов Мария Смит, француженка, недавно овдовевшая, остроумная, хорошо певшая, игравшая на фортепиано, недурно писавшая стихи, одно время жила в его доме. Мария Смит и Пушкин как-то обменялись модными

тогда куплетами на тему «До свидания», написанными для исполнения на литературно-музыкальных вечерах у учителя пения Теппера.

Стихотворение Пушкина «Слово милой» посвящено Марии Смит. Несколько эротическое стихотворение Пушкина «К молодой вдове», обращенное к ней же, привело к неприятному разговору директора с воспитанником.

Марией Смит написана очень забавная и остроумная пьеса (нечто вроде современного «капустника»), которую разыграли выпускники первого курса вечером 9 июня 1817 года после выпускного акта. Пьеса была поставлена в доме Энгельгардта. Кроме Ломоносова, Горчакова, Корсакова, Яковлева и Малиновского в ней участвовали члены семьи директора. Пьесы разыгрывались воспитанниками и раньше. Так, летом 1814 года, 24 октября 1815 года и в 1816 году под режиссурой де Будри были поставлены спектакли.

Любил Энгельгардт приглашать воспитанников в свой дом и на обычные семейные вечера. И впоследствии со многими из них навсегда сохранил почти родственные отношения и пожизненные связи, несмотря на различие их характеров и судеб. Он переписывался с Иваном Пуцциным, находившимся на каторге в Сибири и считавшим директора своим ближайшим другом, а также с ссыльным Кюхельбекером. Переписка с «государственными преступниками», естественно, не поощрялась. Для характеристики отношения Энгельгардта к воспитанникам небезынтересно его письмо к Вольховскому, где излагаются взгляды на воспитание, и в частности в Лицее. 28 июня 1836 года в семье Вольховских родилась дочь Анна. По этому поводу Энгельгардт 26 августа писал:

«Ура! Вольховский! Давно давным не был я так порадован, как ныне внучкою, которою ты меня подарил... статочное ли дело, у моего Вольховского дитя, а я чтобы не поносил ее на руках, не попестовал, не поцеловал... Между тем прошу мою внучку беречь и воспитывать: пеленать слегка до груди, а плечики и ручки оставлять свободными... Люльку сделать коренную русскую...»

Теперь два слова о твоём полу-сыне Энии*. Я совершенно твоего мнения, что как ни был хорош найденный

* Сын декабриста А. Е. Розена и Анны Васильевны Розен-Малиновской, в воспитании которого Вольховский принимал участие.

вами наставник, но мальчику непременно нужно, для обработки, отделки характера, нрава, воспитание не домашнее, а хорошее общественное, в котором бы нашел он в меньшем виде то, что впоследствии встретит в свете. Вопрос: есть ли где такое воспитание и где оно? — Ответ: не знаю.

В большей части называемых воспитательных заведений воспитания в истинном значении слова нет; там все ограничивается общим наружным наблюдением внешнего порядка и строгим, безотчетным требованием исполнения его; 300 человек молодежи составляют как бы одно лицо, на эту массу действуют как медведь, когда в лесу дуги гнет, — гнет, не парит, переломит, не тужит. Много, очень много лому! да которые и согнутся без перелому, будут плохие, на дело не надежные дуги.

Генеральное воспитание всегда будет дурным воспитанием, потому что оно не входит в частность характера, а обходится с пылким, горячим нравом точно так же, как с холодным, терпеливым, и с чувствительным, нежным. — Да об этом бы надобно написать целую книгу...»

Умный, трогательно-заботливый и преданный друг, не изменяющий ни при каких обстоятельствах ни своим привязанностям, ни своим правилам и убеждениям, Егор Антонович Энгельгардт остался в благодарных сердцах многих воспитанников нравственным образцом педагога и человека.

Отношения между Энгельгардтом и Пушкиным с первых же дней стали сложными. Энгельгардт некритически принял аттестацию некоторых наставников, считавших Пушкина «повесой». Разные по характеру, темпераменту и мироощущению, юный поэт и имевший большой жизненный опыт наставник не могли сблизиться: Пушкина раздражала его порой мелочная опека, а Энгельгардта волновали кажущиеся легкомысленность, поверхностность юноши. Энгельгардт пошел на сближение, оно казалось ему возможным, но вдруг случайно увидел карикатуру, нарисованную на него Пушкиным. История с стихотворным посланием к Марии Смит («К молодой вдове», 1817 год), к которой, по свидетельству некоторых современников, не был равнодушен и Энгельгардт, окончательно отдала их.

Но когда Александр I стал в разговоре с Энгельгардтом угрожать Пушкину ссылкой в Сибирь, то бывший наставник заступился за него, сказав, что Пушкин явля-

ется «красой современной литературы», что его необыкновенный талант требует пощады, а «ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека».

Интересно отметить, что в Лицее в некоторой оппозиции к Энгельгардту кроме Пушкина были Вольховский, вероятно из-за аскетизма своей натуры, и Кюхельбекер, которого, по-видимому, раздражало желание Энгельгардта руководить духовной жизнью каждого. Эти трое даже сторонились семейных вечеров в доме директора.

Стараясь до тонкости изучить психологию воспитанников, найти ключ к их сердцам, Энгельгардт проявлял к ним подчас излишнее, а может быть, и мелочное внимание, тем самым вызывая у сильных, сложных и многогранных натур раздражение и даже неприязнь.

По многим педагогическим проблемам Энгельгардт имел свое особое мнение, выступая с ним на Конференциях Лицея. Так, впоследствии, уже в 1820 году, Энгельгардт доказывал, что нельзя смешивать поведение в классе с поведением вне классов, ибо это ведет к неправильным заключениям о подлинном поведении воспитанника.

В другой раз, в своем особом мнении, сообщенном им на Конференции, он писал о неудобствах строго держаться одних цифровых отметок, ибо «бездушная цифра одна никогда не может выразить всех тех бесчисленных нравственных оттенков» и что воспитатель, желая быть до конца справедливым, не должен судить о воспитаннике и его знаниях только по отметкам.

В 1821 году Энгельгардт задумал основать в Лицее для содействия литературному образованию молодых людей «Общество лицейских друзей полезного». Устав этого общества был разработан интересно. Энгельгардт считал, что «эта литературная завязь еще больше укрепит узы доверия, откровенности и дружбы», которые соединяют воспитателей и воспитанников в Лицее, как ни в каком другом заведении. Близостью с воспитанниками Энгельгардт особенно гордился, считая большим педагогическим завоеванием.

На первом собрании «Общества», состоявшемся 11 ноября 1821 года, Энгельгардт обратился к аудитории с прочувствованной речью.

«Общество» собиралось уже не один раз, когда Александр I, получивший правила его через князя Голицына,

признал «учреждение такого общества неприличным и ненужным», считая, что, во-первых, это будет отвлекать воспитанников от занятий, во-вторых, литературные труды учащихся «не могут еще никак составлять предмета чтения на публичных собраниях»; в-третьих, «позволение воспитанникам заседать в собрании наряду со своими наставниками и воспитателями отнимет у них должное уважение к начальствующим над ними». Закрывая «Общество лицейских друзей полезного», Энгельгардт заявил, что вызвал неудовольствие и имел неприятности, «сопряженные с совестливым исполнением» должности.

Многие воспитанники Лицея оставили свои воспоминания о Е. А. Энгельгардте, наполненные искренней благодарностью к своему наставнику. Так, М. А. Белуха-Кохановский писал, что на воспитанников «имела неотразимое влияние личность незабвенного директора Энгельгардта», который «имел глубоко обдуманые педагогические приемы», «совершенно соответственные и возрасту и развитию»; он действовал на воспитанников своим ежедневным с ними общением в свободные от уроков часы, и «беседы эти не имели никогда характера наставительства».

Белуха-Кохановский отмечал, что Энгельгардт особенно подчеркивал важность воспитания правдивости. На старшем же курсе «с большим тактом и умением, как истинный педагог он давал уразумевать», что воспитанники уже не дети, и потому беседы его «клонились преимущественно к развитию понятия о долге», о том, какое значение в жизни «имеет исполнение своего долга везде, всегда, на всех поприщах».

Энгельгардт внушал своим питомцам: «В исполнении своего долга, в правдивости, прямоте совмещается и широкое понятие о честности человека». Энгельгардт навсегда сохранил сознание высокого общественного долга, который был для него превыше всего. Так, своему бывшему воспитаннику поэту М. Д. Деларю, недовольному окружающей обстановкой, бросившему службу и уехавшему в свое имение, чтобы найти удовлетворение в семейной жизни, Энгельгардт 25 июня 1846 года писал о его поступке с осуждением.

Он подчеркивал, что тот избрал жизнь только для себя, а долг гражданина велит, обязывает «даже и с некоторыми пожертвованиями содействовать и пользе и благу общества, отечества». «Долг этот тем священнее, что, к

сожалению, много честных благородных людей отстраняются от службы, подобно Деларю, «дело общего блага оставляют на жертву стае корыстолюбивых бездельников», а сами сложив руки «довольствуются горевать» о несправедливости, притязаниях и разорении бедных.

Энгельгардт напоминал, что «должно помнить надпись на лицейской медали» «Для Общей Пользы» и служить, пока есть силы, — «стоять за правду, защищать бедных», а это долг священный, и дело тут «идет не о блестящем, видном месте», а о таком, где непосредственно можно помогать людям.

Особое значение Энгельгардт придавал развитию доброжелательности, теплоты по отношению друг к другу, всех тех чувств, что идут не от холодного рассудка, а от сердца, он называл эти качества «чувством Сердца».

В ноябре 1839 года Энгельгардт писал М. Д. Деларю о том, что самое большее, что можно пожелать «лицейским», — это сохранить «чувство Сердца», ибо в «Сердце заключается все достоинство Человека: оно святилище, хранитель всех наших добродетелей, которых холодная, расчетливая голова знает только по имени и по теории».

В 1840-х годах Энгельгардт часто пишет Деларю о том, как тяжело ему при его «старинных правилах, и понятиях» жить «между нынешними, только головными людьми», которые думают, понимают, действуют совсем иначе, чем, бывало, в его время и в Лицее, как не в состоянии ему этот «великосветский расчетливый насущный холод», которым он окружен, и что живет он лишь «в прежних воспоминаниях». «Ведь мне только и радости в нынешней моей отжитой жизни, как свяжусь с кем из прежних», — писал Энгельгардт, имея в виду своих бывших воспитанников.

Уволенный 14 октября 1823 года после восьмилетней плодотворной службы в Лицее, Энгельгардт долго оставался не у дел. Он возобновил литературные занятия, прерванные педагогической деятельностью, которой отдавался без остатка.

В 1823 году решил предпринять издание журнала, к участию в котором приглашал В. Кюхельбекера. Но эти его планы не осуществились. В 1828 году Энгельгардт приступил к изданию своеобразного сборника или альманаха под названием «Russische Miscellen zur genaueren Kenntniss Russland und Seiner Bewohner herausgeben

von Georg Engelhardt» *. В конце 1828 года вышли первые два тома «Miscellen...», третий — в 1830 и четвертый — в 1832 году, по 200 страниц каждый. В альманахе многие из статей были написаны самим Энгельгардтом, но были также некоторые работы его бывших воспитанников. Сборник ставил целью ознакомить читателя с Россией, с бытом простого русского народа, со старинными обрядами, с поговорками и пословицами. Энгельгардт стремился отметить симпатичные и характерные черты русского простого человека — простолюдина. Статья «Russland» вместила речь, произнесенную на выпускном акте 1823 года А. А. Белуха-Кохановским. В альманахе были помещены также и два письма Ф. Ф. Матюшкина, участника экспедиции Врангеля. В первом рассказывалось о быте чукчей; во втором — имелись любопытные сведения о шаманах.

Энгельгардт поместил в альманахе описание северных речных систем, по которым он проехал, составил и обзор странствий русских мореплавателей за двадцать пять лет. Здесь были и его дневник, и заметки, сделанные во время поездок по России, и воспоминания о Петрозаводске, а также описания водопада Кивач и его путешествия на Урал. Особенное место Энгельгардт отводил сообщениям о различных народностях России. Рассказы и замечания его были всегда доброжелательны, в них во всей полноте выступала личность автора, его добродушие и сердечность **. Все тома были украшены на заглавном листе маленькими литографиями, исполненными по рисункам В. П. Лангера, лицеиста выпуска 1820 года.

Энгельгардт сделал также перевод с английского на русский язык обширного «Путешествия по северной части Тихого океана и вокруг света, совершенного в 1750—1759 гг. капитаном Георгием Ванкувером». Этот перевод был издан в Петербурге в шести частях (первая вышла в 1824 году). На немецкий язык Энгельгардт перевел

* «Русские рассказы с подробными сведениями о России и ее жителях, изданные Георгом Энгельгардтом».

** Как любитель-натуралист именно Е. А. Энгельгардт оказал значительное влияние на воспитание будущего выдающегося востоковеда, ученого и путешественника Петра Чихачева, привив ему любовь к природе. Братья Петр и Платон Чихачевы жили с родителями в Царском Селе и первоначальное образование получали в основном у профессоров Лицея. (Чихачев П. А. Страницы о Востоке. Перевод с французского и предисловие В. В. Цыбульского. М., 1981).

труд Фердинанда Врангеля «Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю...», представляющий описание многолетней экспедиции, в которой Федор Матюшкин принимал участие. Перевод появился в Берлине уже в 1829 году, тогда как в России этот труд Врангеля был опубликован лишь в 1841 году. В одном из писем к Ф. Ф. Матюшкину Энгельгардт сообщал, что эта книга Врангеля почти без изменений переведена на русский язык с его немецкого издания. Энгельгардт не только перевел, но и обработал (видимо, отредактировал) труд Врангеля, включив в него также отчеты Матюшкина.

В 1830 году Энгельгардт был определен светским заседателем реформаторского заседания С.-Петербургской лютеранской консистории, а в 1834 году стал директором для общего управления по изданию «Земледельческой газеты», которую редактировал по 1853 год. Газета имела значительный по тому времени тираж — до 5000 экземпляров. Энгельгардт был также знатоком латышского языка и состоял в числе редакторов одного из журналов на этом языке.

Последние годы жизни Энгельгардт провел в доме своего зятя, барона Остен-Сакена, женатого на его дочери Елизавете Егоровне. Он умер 15 января 1862 года (через три месяца после пятидесятилетия Лицея) и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Могила его сохранилась.

Е. А. Энгельгардт возглавлял Лицей в течение восьми лет, при нем было три выпуска: 1817, 1820 и 1823 годов. В момент его ухода IV курс находился уже в старшем возрасте. В его альбоме нашли место записи шестидесяти девяти человек из ста трех, учившихся при нем. Среди них запись А. С. Пушкина, назвавшего год пребывания в Лицее под началом Энгельгардта «счастливейшим годом жизни».

В 1877 году А. М. Горчаков увековечил память Е. А. Энгельгардта, пожертвовав шестнадцать тысяч рублей для учреждения в Лицее стипендии «В благодарном воспоминании о Е. А. Энгельгардте»¹⁴.

Куницын А. П. А. С. Пушкин более всех преподавателей ценил Куницына. По словам И. И. Пущина, он всего охотнее занимался именно в его классе. Впоследствии П. А. Плетнев писал, что о лекциях Куницына Пушкин «вспоминал всегда с восхи-

щением и лично к нему до смерти сохранил неизменное уважение».

В черновике стихотворения «19 октября», написанного А. С. Пушкиным в 1825 году в честь годовщины Лицея, есть строки, посвященные Куницыну, строки признания его высоких заслуг:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

А на экземпляре книги «История пугачевского бунта», подаренном учителю, поэт сделал надпись: «Александр Петрович Куницыну от автора в знак глубокого уважения и благодарности».

Александр Петрович Куницын¹⁵ родился в 1783 году в селе Кое Кашиинского уезда Тверской губернии (ныне Калининская область). Он происходил из духовного звания. Первоначальное образование Куницын получил в духовном училище своего уезда, затем учился в Тверской семинарии. В 1803 году был переведен в С.-Петербургский педагогический институт и окончил его в 1807 году по курсу нравственно-политических наук. В 1808 году «за отличные успехи и примерное добронравие по высочайшему повелению отправлен был путешествовать в иностранные земли для усовершенствования себя по части политических наук». В Геттингенском и Парижском университетах он слушал лекции профессоров юридических, политических наук и дипломатии. В Геттингене он сблизился с Н. И. Тургеневым, также посещавшим лекции. По возвращении из-за границы Куницын выдержал экзамен и был произведен в звание адъюнкт-профессора, а в 1811 году, 17 августа, определен в Царскосельский лицей. В 1814 году, с открытием Лицейского благородного пансиона, одновременно стал преподавать там нравственные и политические науки. 28 ноября 1816 года Куницын был произведен в профессора 7-го класса¹⁶.

Александр Петрович Куницын не сделал переворота в науке, не был новатором или первооткрывателем. Его знания основывались на достижениях современной ему философии и экономики. Он знакомил молодых людей с европейской философской мыслью в области политико-нравственных наук, еще мало известной в русских ученых кругах и почти не встречавшейся в переводах на оте-

чественный язык. Но его умозаключения и выводы, касающиеся российского законодательства, смелость и откровенность высказываний — все это было явлением необычным. Лекции Куницына звучали как политическая программа.

В них он затрагивал самые животрепещущие, насущные вопросы: государственное устройство, законодательство, гражданские права и свобода, нравственный долг; касался истории, религии, экономики, дипломатии. Рассматривал вопросы взаимоотношений личности и государства, личности и общества («о должностях человека и гражданина»), говорил о «праве естественном» — праве каждой личности на свободу, об истории права («энциклопедии права»), о целесообразности различных законов в разные эпохи (о «разуме законов»).

Куницын говорил юным воспитанникам: «Никто не может лишить другого права личности, даже с его собственного согласия... Холопство как произвольное закрепощение есть действие противозаконное»; «Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, и кто оное производит, тот есть тиран. Никто не имеет права быть тираном, ибо никто не может быть без законных пределов в употреблении власти».

Архивные документы указывают круг источников, которыми пользовался А. П. Куницын. Он выписывал через Конференцию Лицея не только нужные ему пособия, но и книги для лицейской библиотеки, которая составлялась усилиями всех преподавателей. Первыми в библиотеку Лицея в 1811 году были приобретены «Логика» Якоба и книга «О должностях человека и гражданина»¹⁷.

Единогоспособия по нравственным наукам — «праву естественному» не существовало, и Куницын неоднократно просил Конференцию Лицея приобрести книги, необходимые ему для подготовки к лекциям и для работы над задуманным им сочинением «Право Естественное». Обращаясь в Конференцию, он писал, что вынужден преподавать воспитанникам нравственные науки по рукописи, которую составил¹⁸, руководствуясь работами Адама Смита и новейшими сочинениями Канта, Шмальца, Гуффеланда, Клейна и книгой Монтескье «О разуме законов». Рукопись эту Куницын давал переписывать воспитанникам, что представляло большое неудобство и для них, и для него самого. А. П. Куницын считал необходимым как можно скорее издать свой труд¹⁹.

3 сентября 1816 года Куницын подал письменное отношение в Конференцию, в котором сообщал, что намерен напечатать свою рукопись и систематизировать обозрение связи политических наук, но так как, «по примерному счету, для сего требуется не менее тысячи рублей», то просит Конференцию сделать ему для этой цели «вспоможение выдачею означенной суммы из казны Лицея заимообразно», за что обязуется «в счет оной доставить воспитанникам Лицея и благородного пансиона потребное число экземпляров книг...»²⁰. В то время на посту министра просвещения находился князь А. Н. Голицын, который положительно отнесся к просьбе Куницына и разрешил Конференции выдать ему тысячу рублей от Лицея для напечатания книги под заглавием «Право Естественное и систематическое обозрение политических наук»²¹.

Уже после того как Пушкин и его сокурсники покинули Лицей, «Право Естественное. Сочинение профессора императорского Лицея Александра Куницына» в 1818 году вышло в свет. К тому времени Александр I уже круто изменил свою политику, хотя многие деятели просвещения еще надеялись на либерализацию, на реформы.

В 1816—1820 годах А. П. Куницын читал публичные лекции и выступал на частных квартирах. Среди его слушателей были видные деятели и руководители тайных обществ: Пестель, братья Муравьевы, Ф. Глинка, Бурцов, П. Калошин, Поджио, Оболенский и многие другие. Общая направленность лекций Куницына заключалась в непреклонном отрицании абсолютизма и крепостничества, идеи защиты свободы личности и человеческих прав. Все это нашло отражение в книге. Он писал: «Сохранение свободы есть общая цель всех людей, которую могут они достигнуть только соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей... Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушает свободу другого, то поступает противу его природы; и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в вас негодование. Сие служит доказательством тому, что справедливость людям естественна».

Но вот содержащая столь смелые мысли, одобренная цензурой, напечатанная по распоряжению министра про-

свещения и назначенная к поднесению царю книга попала на рассмотрение реакционно настроенным членам учебного комитета главного правления училищ Д. П. Руничу и графу И. С. Лавалю.

30 октября 1820 года состоялось заседание, протокол которого и заключение хранятся в одном из ленинградских архивов*. Рунич высказал мнение о том, что книга Куницына «Право Естественное» по духу ее и учению не только опасна, но и «разрушительна», ибо она «есть не что иное, как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду и кои взволновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина». Далее Рунич заключает, что книга Куницына основывается на идеях французской философии, является «раскрытием ее и приложением к Гражданскому порядку». И тут же Рунич предупреждает, что французский революционер Марат был не кто иной, «как искренний и практический последователь» этой науки, и заключает, что книга Куницына недостойна поднесению царю и «долженствует быть изъята из употребления по всем учебным заведениям»²².

В 1821 году Куницын стал преподавать в Педагогическом институте. В том же году было сделано распоряжение министра — изъять все находившиеся в Лицее, пансионе и в других учебных заведениях экземпляры «Права Естественного». По рассмотрении книги в главном правлении училищ вынесено решение: «По принятым в ней за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящимся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней и притом принять меры к прекращению во всех учебных заведениях преподавания естественного права по началам столь разрушительным, каковы оказались в книге Куницына».

Начальству Лицея, «имеющему главную обязанность наблюдать, дабы образование воспитанников сего знаменитого заведения основано было на истинном христианском благочестии, и допустившему употребление книги, содержащей учение, основанное на началах столь вредных

* Были обнаружены М. П. Руденской и впервые процитированы в книге «Пушкинский Лицей».

и способствующее к поселению в сердцах неопытных юношей духа неповиновения, своеволия и вольнодумства», было сделано строгое замечание. Куницына отстранили от службы по министерству народного просвещения.

Дальнейшая жизнь Александра Петровича, судя по его формулярному списку²³, внешне протекала достаточно ровно. Он служил в канцелярии министра финансов, затем в 1826 году по ходатайству Сперанского был определен во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии и участвовал там в составлении свода законов. Последняя должность, в которой он состоял до конца жизни — директор департамента духовных дел иностранного вероисповедания. Куницын был женат, детей не имел. В 1841 году он умер и был похоронен в Петербурге на Георгиевском кладбище (Большая Охта). Могила его утеряна.

Куницына, педагога, оратора, гуманиста, высоко ценили В. Ф. Малиновский и Е. А. Энгельгардт. Сожалел об отставке Александра Петровича, Энгельгардт писал Ф. Ф. Матюшкину: «Куницын умел учить и добру учил!»

Кошанский Н. Ф. Обращаясь к Кошанскому в 1815 году со стихотворением «Моему Аристарху», Пушкин называет его, своего критика, трезво осуждавшего «чувства в ветреных стихах», по имени древнегреческого критика поэзии — Аристарха, сурового, строгого, но честного и справедливого.

Николай Федорович Кошанский родился в 1781 году и в возрасте семнадцати лет с золотой медалью окончил Московский университет, где прослушал курсы на двух факультетах — философском и юридическом. Будучи человеком трудолюбивым и талантливым, в двадцать два года он уже защитил диссертацию и был удостоен звания доктора философских наук. Знание греческого, латинского, французского, немецкого, английского языков способствовало его литературной деятельности в качестве переводчика и составителя учебников. Из профессоров Лицея* Кошанский был самым молодым по возрасту и единственным из преподавателей, имевшим ученую степень.

* При Пушкине профессоров в Лицее было всего три, помимо Кошанского — Будри и Гауеншильд (о нем см. приложение «Из истории Лицея»).

Это был человек передовых убеждений. Архивные документы подтверждают, что он состоял в масонской ложе «Избранного Михаила»²⁴, находившейся под влиянием декабристов.

Страстно любя поэзию «золотого века» — античности и будучи замечательным знатоком древней литературы, Кошанский не только сумел привить интерес и любовь к ней своим ученикам, но и дал возможность получить отличные знания, содействовал развитию талантов воспитанников. Лицейские стихотворения Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера и Илличевского свидетельствуют о глубоком знании поэзии, истории и философии античного мира.

«Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишия, которые всех нас восхитили... Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 811-м году, и никак не позже первых месяцев 12-го», — рассказывал И. И. Пущин.

Читая в Лицее курс российской словесности, Кошанский особое внимание уделял М. В. Ломоносову, как «основоположнику русской грамматики, основанной на живой русской речи»²⁵. В то время во всех учебных заведениях пособием являлось сочинение Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге». Оно использовалось и Кошанским.

Через Конференцию Лицея Кошанский выписывал для библиотеки книги по российской словесности — сочинения Ломоносова, Державина, Хераскова, Дмитриева, Жуковского, Воейкова, Хемницера и по латинской словесности — «Лексикон Латинской» сочинение Розанова, собственные переводы басен Федра, произведений Корнелия Непота и другие книги²⁶.

После смерти В. Ф. Малиновского 7 апреля 1814 года на совещании Конференции слушали предписание министра о том, что должность директора Лицея «исправлять передано» профессору Кошанскому, который должен будет также председательствовать в хозяйственном правлении, членами которого назначались инспектор Фролов и адъюнкт-профессор Куницын²⁷. Но через месяц после назначения Кошанский заболел, и исполняю-

щим обязанности директора Лицея министр Разумовский назначил профессора Гауеншильда, а преподавать российскую и латинскую словесность был приглашен адъюнкт-профессор А. И. Галич.

Когда Кошанский поправился, он хотел вернуться в Лицей, так как не был уволен и числился преподавателем, но место его было занято. В архивных документах обнаружено письмо Кошанского к Разумовскому, в котором он, «томимый долгое время ожиданием и мрачною неизвестностью», просил позволения «возвратиться к должности»²⁸. Однако просьбу его долго не удовлетворяли.

Находясь в вынужденном и длительном отпуске, в то же время желая быть полезным Лицею, Кошанский решил заняться переводами книг и пособий, необходимых для Лицея. Так, 2 марта 1815 года на заседании Конференции Лицея слушали «отношение» Кошанского по поводу изданной им «Латинской грамматики»²⁹, один экземпляр которой он «препровождал» для Конференции, другой — для доставления министру, с просьбой «в облегчение его издержки» предписать Главному правлению училищ «взять хотя шестьсот экземпляров сей книги». На этом же заседании слушали и второе «отношение» Кошанского, «в коем он изъявляет свое намерение издать на российском языке Винкельмана». На все свои просьбы Кошанский получил отказ Разумовского³⁰.

В 1816 году, со вступлением на пост министра просвещения князя А. Н. Голицына и по назначении директором Энгельгардта, Кошанский вновь начинает читать лекции в Лицее. Среди воспитанников становится популярной «Ручная книга древней классической словесности» в двух томах, изданная Кошанским в 1816—1817 годах. В ней на материале античной истории пропагандировались демократические идеи и республиканский строй.

Выпускник 1826 года М. А. Белуха-Кохановский вспоминал: «Николай Федорович удивительно хорошо читал, был страстным поклонником Пушкина, с особенным мастерством исполняя его произведения. Вот и мы, еще большие поклонники Пушкина, узнав о каком-нибудь новом его произведении, дружно приготавливались к латинскому уроку. Кошанский приходил в восторг, когда по окончании урока мы гурьбой обступали его с назойливой просьбой: Николай Федорович, будьте так добры,

привезите будущий раз такое-то новое произведение Пушкина и прочтите нам. Такая просьба не встречала отказа, и следующий урок российской словесности проходил в приятном чтении Кошанского».

Н. Ф. Кошанский уволился из Лицея 15 марта 1828 года в связи с болезнью³¹. Известно, что деятельность его была связана в основном с Царскосельским лицеем, но он был также директором императорского Института слепых (с декабря 1824 года), членом ученого комитета «Человеколюбивого общества», а в 1826 году был высочайше назначен членом «Комитета рассмотрения учебных пособий» при министерстве просвещения. Н. Ф. Кошанский был из дворян, но недвижимого имущества и крепостных крестьян не имел. Был одинок. В 1831 году он умер.

В сердцах воспитанников Лицея Н. Ф. Кошанский оставил по себе теплую и благодарную память. В своей статье, посвященной памяти А. Дельвига, А. С. Пушкин подчеркивал как весьма важное обстоятельство, что Дельвиг «Горация изучал в классе под руководством профессора Кошанского». Сам Дельвиг на вопрос поэта П. А. Плетнева, где он «учился языку богов», ответил: «У Кошанского». В этих словах прозвучали и глубокое уважение, и высокая оценка заслуг преподавателя.

Галич А. И. Александру Ивановичу Галичу Пушкин посвятил строфы в «Пирующих студентах» и два стихотворных послания.

Галич (настоящая фамилия Говоров), адъюнкт-профессор философских наук, был приглашен в Царскосельский лицей 10 мая 1814 года преподавать российскую и латинскую словесность вместо заболевшего Н. Ф. Кошанского. В Лицее он был всего один год (по 1 июня 1815 года), но остался в памяти своих воспитанников.

Яркий ум, умение вести живую беседу, простота в обращении, правдивость и прямота высказываний — все это привлекало к себе юные сердца. Занятия А. И. Галича часто проходили в непринужденных, оживленных разговорах. Ф. Ф. Матюшкин вспоминал, как Галич «обыкновенно привозил с собою на урок какую-нибудь полезную книгу и заставлял при себе одного из воспитанников читать ее вслух».

В юном Пушкине Галич видел будущего большого поэта. Именно он предложил Пушкину написать стихотво-

рение для переходного экзамена 8 января 1815 года «Воспоминания в Царском Селе».

К воспитанникам Лицея Галич относился как к равным себе, и они, по-видимому, чувствовали в нем в какой-то мере своего товарища. Это звучит в стихотворении Пушкина «Пирующие студенты» и в послании его «К Галичу» 1815 года. Свое второе «Послание к Галичу» Пушкин написал также в 1815 году, но уже после ухода его из Лицея. Поэт назвал Галича «парнасским * бродягой», «мудрецом любезным»:

Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден...

Из посланий Пушкина, воспоминаний воспитанников Лицея Галич представляется нам добродушным, веселым и снисходительным человеком. Его беседы были интересны, остроумны и увлекательны. Он понимал, глубоко чувствовал, любил поэзию и искусство. Особенное влияние наставник оказал на Вильгельма Кюхельбекера. Находясь в заключении, а затем в ссылке, Кюхельбекер не раз вспоминал на страницах своего дневника о «до слабости добром» Галиче. Биограф его А. В. Никитенко писал, что Александр Иванович «нередко говаривал» своим воспитанникам после оживленной, далеко не школьной беседы, взяв в руки Корнелия Непота: «Теперь потреплем старика». И находившийся в крепости В. К. Кюхельбекер записывал: «Примусь опять за Гомера; пора, как говаривал Галич, потреплем старика». Это выражение педагога помнил и Пушкин, в XL строфе второй главы «Евгения Онегина», написанной в 1823 году, читаем:

О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика.

Даже недоброжелательный М. А. Корф говорил о Галиче как о «предобром, но презабавном чудеке»: «Мы хотя очень над ним посмеивались, однако и очень его любили за почти младенческое простосердечие и добродушие».

* Парнас — гора, по древнегреческой мифологии, место пребывания Аполлона и муз.

20 мая 1815 года А. И. Галич писал «покорнейшее прошение» министру А. К. Разумовскому об отставке из Лицея³². В тот период он усиленно занимался философией и приватно читал лекции будущим декабристам. Занятия литературой с воспитанниками Лицея и необходимые для этого поездки из Петербурга в Царское отнимали у него много сил и времени. Галич вынужден был уйти из Лицея.

В 1820 году усилились реакционные настроения в бюрократическом аппарате. В 1821 году началась травля профессоров С.-Петербургского университета Раупаха, Германа, Арсеньева, отстраненных от должности, и Галича, которому пришлось много претерпеть в связи с этими гонениями.

Все это коснулось не только университета, но и Лицея: была уничтожена книга Куницына «Право Естественное»; в руководстве к познанию всеобщей истории Кайданова найдено «два сомнительных места»; Кошанскому запрещено было цитировать одну из басен Федра; из употребления в Лицее изъяты также «Начертания статистики» Арсеньева, служившие здесь руководством с 1819 года, и учебник «Всеобщей истории статистики» академика Германа.

В 1825 году вышла книга «Опыт науки изящного, начертанный А. Галичем». Это был первый оригинальный труд по эстетике на русском языке. С критикой его выступил журналист Н. А. Полевой. Познакомившись с отзывом Полевого в 1832 году, В. К. Кюхельбекер на страницах дневника сделал замечание: «Местами критик и прав: но можно ли так критиковать? И можно ли братья за разбор философского сочинения, когда большую часть возражений основываешь на словах: мне кажется? Впрочем, эта критика принесла мне и пользу, даже наслаждение, потому что познакомился с мыслями Галича».

Выдающийся философ-шеллингианец*, А. И. Галич под конец жизни, по словам М. А. Корфа, «впал в болезни и нищету». Он оказался в самом бедственном положении и вынужден был жить в доме Н. И. Греча, в прошлом своего идейного противника. Здесь он умер в 1848 году шестидесяти пяти лет от роду и был похо-

* Последователь Ф.-В. Шеллинга (1775—1854), немецкого философа-идеалиста конца XVIII — начала XIX века.

ронен в Царском Селе на Казанском кладбище. Место его захоронения утеряно.

Будри Д. И. «Будри, профессор французской словесности при Царскосельском Лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменяла ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу *de*, которую Будри тщательно сохранил. Он был родом из Будри. Он очень уважал память своего брата. <...> Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминающую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный», — вспоминал А. С. Пушкин.

Давид Марат, будущий лицейский профессор Давид Иванович Будри, родился в 1756 году в Швейцарии, в Нейштадте. Его отец был доктором медицины и философии. Давид Марат начал учение в нейштадтской гимназии. В 1768 году, когда семья переселилась в Женеву, он продолжал там образование в гимназии, а затем в академии. Известно и о близости Давида Марата французской революции.

После участия в женевском восстании начала 80-х годов XVIII века Давид Марат бежал в Россию. Камергер В. П. Салтыков пригласил его для воспитания своих детей. Он занимался воспитанием в пансионах и частных домах, с 1803 года был учителем французской словесности в институте благородных девиц ордена св. Екатерины, а с 1806 года — в Петербургской губернской гимназии.

В 1811 году Будри был приглашен в Лицей профессором французской словесности. В том же году он издал французскую грамматику (с русским переводом). В Лицее Д. И. Будри оставался до конца жизни. Он умер в 1821 году.

Давид Иванович Будри, умный, проникательный, высокообразованный человек, сумел заинтересовать воспитанников своим предметом. Обладая прекрасным даром слова, говоря о высокой гражданственности, «о проявлении душевного величия и добродетели», он своими патетическими речами напоминал ораторов французской революции. Де Будри находился в постоянной переписке со своим братом Жаном Полем Маратом, вождем французской революции, вплоть до его трагической гибели в 1793 году. По свидетельству Корфа, Будри способст-

вовал развитию воспитанников отнюдь не одним познанием французского языка, но он «действовал непосредственно и постоянно на высшую и важнейшую способность — способность правильного мышления, а через нее и на другую способность логического, складного и отчетливого выражения мыслей словом».

◆ Небезынтересно обнаруженное в Государственном историческом архиве Ленинградской области письмо Будри к «любезному сотоварищу» (по-видимому, Гауеншильду), написанное в 1821 году. Перечисляя свои заслуги, он подводит в нем итог своей деятельности в России: «Мне более шестидесяти пяти лет... более тридцати семи лет я посвятил России и, должен сказать, с неутомимою ревностью. Правда, осемнадцать только лет как нахожусь в действительной службе, но в трех государственных заведениях в одно время: осемнадцать лет в институте св. Екатерины, пять в С.-Петербургской гимназии и десять лет в Царскосельском Лицее и в пансионе одного и не на одну неделю не был в отпуске, что весьма составит 33 года, в которые бы служба моя продолжалась непрерывно, труды мои были тройные...»³³

Кайданов И. К. Иван Кузьмич Кайданов родился в 1782 году. Он происходил из духовного звания, учился в Киевской духовной академии, затем был назначен учителем в Переяславскую семинарию, но вскоре «вследствие высочайшего указа» отправлен в С.-Петербургский педагогический институт для продолжения образования. По окончании полного курса наук в этом институте он был причислен к первому, т. е. высшему, отделению студентов и получил звание старшего учителя гимназии. В 1807 году Кайданов был отправлен «в чужие края для усовершенствования себя в науках» и прошел там полные курсы философских и исторических наук, преимущественно в Геттингенском университете. С 1808 по 1811 год он пробыл в Германии, одновременно со своими товарищами еще по Педагогическому институту, Куницыным и Галичем. По возвращении из-за границы Кайданов выдержал экзамен на степень магистра и 17 августа 1811 года был назначен адъюнктом в Лицей³⁴, где преподавал историю, географию и статистику. В 1816 году он стал профессором...

И. К. Кайданов, как и Куницын, читал лекции по своим записям, использовал различные исторические труды западноевропейских авторов. Так же, как Малинов-

ский и Куницын, Кайданов осуждал деспотизм, причины расцвета Греции видел в политической свободе ее граждан, падение Рима связывал с усилением рабства и насилия. Кайданов говорил о высоком патриотизме, о чувстве национальной гордости, восхищался подвигами древних, самоотверженно защищавших свое отечество. В своих лекциях Кайданов, как Куницын и Кошанский, использовал знаменитые «Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей». Издание это в переводе с греческого Дестуни стало впоследствии настольной книгой декабристов. Лекции Кайданова, живые и интересные, несомненно оставили свой след в памяти Пушкина как будущего историографа. Со временем взгляды Кайданова становятся все умереннее, и постепенно он отходит от своих критических позиций.

«Очень почтительно относились мы к профессору истории Кайданову,— вспоминал М. А. Белуха-Кохановский,— почтенному летами, читавшему нам по своему печатному переводу Герена. Скучные сведения, сообщаемые своеобразным малороссийским выговором, дополнялись чтением исторических книг. История была у нас в большом почете».

Через Конференцию Лицея Кайданов выписал для лицейской библиотеки «Краткое землеописание Российского государства» Зябловского, «Российскую историю» Татищева, «Жизнь Петра Великого» Галема в переводе Ушакова; журналы: «Сын Отечества», «Исторический и статистический журнал», «Российский вестник»³⁵.

4 декабря 1814 года Конференция Лицея известила министра просвещения о том, что рукопись адъюнкт-профессора Кайданова под названием «Основания всеобщей политической истории» отпечатана в Академической типографии в количестве «600 экземпляров на ординарной и 50 на виленовой бумаге»³⁶. Позднее И. К. Кайданов издал еще много работ по российской и всемирной истории. Однако, по свидетельству воспитанников, лекции наставника были значительнее его печатных работ.

Так, академик Я. К. Грот, лицеист выпуска 1832 года, писал, что краткие учебники преподавателей Лицея, которых они «строго держались» в своих лекциях, были большей частью плохие, и в особенности таковой являлась «История» Кайданова.

По поводу одного из трудов Кайданова 28 октября 1833 года бывший ученик его В. К. Кюхельбекер сделал

запись в своем «Дневнике узника»: «Доброго нашего И. К. Кайданова исторический слог ни на что не похож. Из его всемирной истории помещен в «Сыне Отечества» отрывок, в котором он описывает войну 1812 года: тут при имени каждого русского генерала несколько риторических эпитетов и приложений,— тот наш Деций, тот Фабий, а тот Эпаминонд, другой бестрепетный герой, готовый всем жертвовать славе, третий мудрый, прозорливый вождь, словом ни один не пропущен без подобающей ему чести. Не так пишут историю».

Служебная жизнь И. К. Кайданова, судя по его формулярному списку³⁷, складывалась благополучно. В 1826 году 29 декабря он был принят в члены-корреспонденты Академии наук.

В 1837 году Кайданов по собственному желанию оставил Лицей. До 1838 года он являлся членом совета училища Правоведения. Окончательно ушел в отставку в 1841 году. Три сына Кайданова были воспитанниками Царскосельского лицея. И. К. Кайданов умер в 1843 году, похоронен в Петербурге на Смоленском кладбище.

Георгиевский П. Е. Петр Егорович Георгиевский поступил в Лицей в 1815 году на место А. И. Галича. Ему было тогда двадцать четыре года. По воспоминаниям бывших воспитанников Лицея, он запомнился им как хороший, добрый человек, но не как преподаватель.

Свое образование он начал в Калужской семинарии, затем был переведен в С.-Петербургский педагогический институт. Был гувернером и репетитором. В Лицее по 1828 год состоял адъюнктом у профессора Кошанского, помогал ему, имел специальный курс эстетики. Он преподавал латинский язык и словесность, русскую грамматику, риторику, теорию слога прозаических и стихотворных сочинений, теорию изящных искусств, логику и теорию красноречия.

Воспитанники Лицея в куплетах одной из «национальных песен» высмеяли несуразность некоторых выражений Петра Егоровича Георгиевского. Так, в своем лицейском дневнике А. Пушкин записал: «Вчера не тушили свечей; зато пели куплеты на голос: «Бери себе повесу». Запишу, сколько могу упомнить...» Далее Пушкин приводит куплеты «на Георгиевского», по которым видно, что в речах его было много красивых слов, звучных имен и мало смысла. Нельзя не отметить, что веселые

куплеты «национальных песен» вообще порой были весьма злыми, и даже маленький промах представлял в них преувеличенным.

М. А. Корф называл Георгиевского «схоластом и педантом, который не умел ничего сказать просто и отличался самым надутым красноречием». Недоброжелательство самонадеянного и язвительного Корфа по отношению ко многим своим преподавателям удивило бывшего воспитанника Лицея академика Я. К. Грота, и он сделал заметку на записке Корфа, считая, что Георгиевский поступил в Лицей очень молодым человеком и вначале действительно мог иметь приписываемые ему Корфом недостатки; преподавание его и во времена Грота «страдало некоторой сухостью», но воспитанники «уважали его как прекрасного человека, справедливого, скромного, деликатного, и не замечали в нем ничего подобного желанию блистать красноречием».

Однако Грот, так же, как и бывший лиценст академик К. С. Веселовский, характеризую Георгиевского как преподавателя незначительного, отмечает, что, только когда Кошанский, заболев, перестал преподавать и воспитанники перешли под руководство его бывшего адъюнкта («человека почтенного, весьма исправного, но, к сожалению, не даровитого и менее ученого»), лицеисты поняли, «что значит личность профессора». Они перестали заниматься латынью и уроками русской литературы с прежним увлечением, «горько сожалея» о Кошанском, оставившем у всех благодарное воспоминание о себе.

Конечно, воспитанникам после Н. Ф. Кошанского и А. И. Галича, известных своей ученостью, проводивших занятия в увлекательных беседах, было невозможно привыкнуть к другому педагогу.

В отношении, представленном министру просвещения, Конференция Лицея называла список книг, которыми руководствовался Георгиевский: в классе младшего возраста преподавал грамматику и риторику, следуя сочинению, изданному Никольским, латинскую грамматику — по руководству Бреда; в классе старшего возраста — эстетику, «следуя начертанию» эстетики Якоба; поэзию — придерживаясь Ржевского, изданного Российской Академией³⁸.

Найденные записи лекций Георгиевского, сделанные воспитанниками Лицея, говорят о нем, как о знающем педагоге, увлеченном своим предметом — эстетикой.

Георгиевский старался воспитать в учениках чувство прекрасного. Он считал, что человек от добрых чистых помыслов и чувств становится красивее, ибо все внутреннее его состояния всегда найдут отражение в его лице. Он говорил: «Посмотрите на прекрасное человеческое лицо, коего каждая одушевленная черта, каждый взгляд выражает чувство и мысль». Действительно, одухотворенное человеческое лицо — высшая красота на земле, ибо оно не только творение природы, но и достижение самого человека, развивающего в себе добрые начала и благородные устремления.

Шульгин И. П.

Будущий академик Иван Петрович Шульгин пришел в Царское-сельский лицей девятнадцати лет, в 1816 году, за год до первого выпуска. После окончания Петербургского педагогического института он был приглашен в Лицей преподавателем истории и географии на младший курс. Его молодость, ум, добрый нрав снискали ему привязанность многих товарищей Пушкина. Вильгельм Кюхельбекер и Павел Гревениц посвятили Шульгину стихотворения под одинаковым названием — «К Филону». Антон Дельвиг также написал послание — «К Шульгину».

И. П. Шульгин был преподавателем по 1817 год, затем помощником профессора по 1826 год и адъюнктом по 1833 год, когда получил звание профессора. С 1836 года был перерыв в его службе в Лицее, но в 1841 году он вновь вернулся в любимое заведение. С 1843 года он имел звание заслуженного профессора.

В течение десяти лет он являлся также профессором всеобщей истории в Петербургском университете, где был деканом факультета всеобщей истории. В то время в университете читал лекции по древней истории и истории средних веков Н. В. Гоголь, а русскую литературу — П. А. Плетнев. Учившийся в те годы в университете будущий великий русский писатель И. С. Тургенев с юмором отзывался о лекциях Гоголя, экзамены за которого в присутствии писателя, видимо из-за того, что он «все время ужасно конфузился», принимал И. П. Шульгин.

И. С. Тургенев, описав несколько комичный вид Н. В. Гоголя на лекциях и на экзамене, описал затем и Шульгина, его «худую длинноносую фигуру с двумя высоко торчащими — в виде ушей — концами черного шелкового платка». Он также сообщил, что, подав в отстав-

ку в университете, Шульгин воскликнул: «Непризнанным взошел я на кафедру — и непризнанным схожу с нее!» Тургенев резюмировал по этому поводу: «Он был рожден для того, чтобы быть наставником своих современников; но только не с кафедры».

Воспитанники же Лицея считали Шульгина одним из лучших профессоров. Он пользовался не только репутацией прекрасного человека, но его любили и ценили как педагога, дававшего большие знания. Лицейст выпуска 1838 года А. Н. Яхонтов сравнивал лекции профессора И. К. Кайданова, преподававшего всеобщую историю «крайне неудовлетворительно» и жившего «своей старой репутацией», от которого о первой французской революции воспитанники «не слышали ни единого слова», с профессором русской истории Шульгиным, увлекательно излагавшим свой предмет.

Академик К. С. Веселовский, лицейст одного выпуска с Яхонтовым, также дал Шульгину как преподавателю и человеку весьма высокую оценку. Он подчеркивал, что Шульгин был наиболее любимым профессором. Отличавшийся прямым и открытым характером, он невольно располагал к себе, проявляя в своих отношениях с воспитанниками душевную приветливость и сердечное радушие. «Он был замечательно умен, талантлив и, любя свой предмет и хорошо владея им, всегда умел оживлять свое изложение не риторическими фразами, а талантливой группировкой фактов», — вспоминал Веселовский, и добавлял, что лекции Шульгина были в числе тех, которые наиболее обогащали слушателей.

Разносторонне образованный, высокоэрудированный человек, прекрасный педагог и талантливый лектор, который знакомил воспитанников Лицея с физической географией, статистикой, русской историей, а позднее и со всеобщей историей, и впоследствии пользовался уважением выпускников этого заведения.

В 1869 году, за пять месяцев до смерти, И. П. Шульгин оставил службу в Лицее. Он издал ряд своих трудов по географии и истории, в том числе по русской истории, истории средних веков, новой истории, истории древних азиатских и африканских государств, истории греков и римлян. Его книга «Окончание истории Греков и история Римлян» в 1858 году была переведена на шведский язык.

И. П. Шульгин не раз выступал на торжественных

университетских и лицейских актах. В университете делал доклады на актах в 1836 году (тогда Шульгин был ректором университета) и в 1838 году. 9 октября 1861 года Шульгин выступал «с обозрением пятидесятилетнего существования Императорского Царскосельского, ныне Александровского, Лицея».

Карцов Я. И. Адъюнкт-профессор физических и математических наук, Яков Иванович Карцов преподавал в Лицее арифметику, геометрию, алгебру, тригонометрию, аналитическую геометрию, физику, черчение, астрономию, военные науки.

Чистую математику он преподавал по руководству Фусса, прикладную — по руководству Лоренца, дополняя своими сочинениями; физику — придерживаясь «Энциклопедии Клагеля», сопровождая своими записями. Для лицейской библиотеки он выписал «Аналитическую физику» Цильберга и «Военный журнал»³⁹.

19 октября 1815 года Карцов подал в Конференцию Лицея отношение, в котором давал отчет, что было пройдено им с воспитанниками, и просил освободить его от дальнейшего преподавания военных наук⁴⁰. Приняв во внимание заявление Карцова, Конференция Лицея сообщила министру просвещения, что Я. И. Карцов, преподаватель физико-математических наук, не берется вести военные науки — артиллерию, фортификацию — и просит министра пригласить для этого специалиста из военного министерства⁴¹. В 1816 году военные науки в Лицее стал преподавать полковник Ф. Б. Эльснер.

М. Корф считал, что «во всем математическом классе шел за лекциями и знал, что преподавалось, один только Вольховский». В Лицее в то время наибольшее значение придавалось гуманитарным наукам, поэтому многие лицеисты, среди них Пушкин, мало интересовались точными науками. Пушкин почти не занимался математикой. Однажды, как вспоминал И. И. Пущин, Карцов вызвал Пушкина к доске и, после того как тот не решил алгебраической задачи, сказал ему: «Садитесь на свое место и пишите стихи». И Пущин с благодарностью отмечал педагогический такт и проницательность Карцова, который не преследовал Пушкина и «из математического фанатизма не вел войны с его поэзией».

О жизни Я. И. Карцова мало известно, и только благодаря архивным документам он обрисовывается как одаренный и знающий человек.

Я. И. Карцов родился в 1784 году. Как и большинство ученых того времени, он происходил из духовного звания. Учился в Смоленской духовной семинарии, в 1803 году «по избранию начальства, в силу высочайшего указа, поступил студентом» в С.-Петербургский педагогический институт⁴².

Еще будучи студентом, Карцов перевел с немецкого «Высшую физику» Шредера, необходимый в то время учебник, который был напечатан и рекомендован для преподавания в гимназиях.

Как отлично кончивший курс наук, Карцов был послан в 1807 году для усовершенствования за границу. Там он слушал лекции в Иенском, Гальском и Геттингенском университетах, а также в Париже (в Collège de France и в Парижском музее натуральной истории). Видимо, он скоро обратил на себя внимание, так как уже через год, в 1809 году, был принят в члены Иенского минералогического ученого общества и в том же году — в действительные члены Ботанического общества в герцогстве Ольденбургском. Вернувшись через три года в Петербург, Карцов сдал экзамен и, по определению Конференции Академии наук и С.-Петербургского педагогического института, в июле 1811 года удостоен звания адъюнкт-профессора, а в августе того же года, вместе с двумя своими товарищами, Куницыным и Кайдановым, назначен в Лицей.

Одновременно с ними, в 1816 году, Карцов был произведен в профессора. Он преподавал в Лицее до самой своей смерти. Скончался Яков Иванович 15 февраля 1836 года после длительной и тяжелой болезни.

Профессор Карцов имел большую семью и всегда испытывал материальные трудности. Не раз обращался он в хозяйственное правление Лицея, прося «заимобразно сумму» с вычетом из жалованья в течение года⁴³. По смерти Карцова семья его, жившая только на его жалованье, которого, по словам вдовы Каролины Федоровны, «едва доставало на ежегодное пропитание», стала испытывать крайнюю нужду. Поскольку Карцов несколько месяцев не дослужил до двадцатипятилетия своей преподавательской деятельности в Лицее, его семья лишилась всех льгот. Вдова его обратилась 20 апреля 1836 года к директору Лицея генерал-лейтенанту Ф. Г. Гольтгоеру с прошением, в котором она писала о своем бедственном положении и «горестном состоянии» и просила исхода-

тайствовать ей и детям, «лишившимся всего со смертью отца», у высшего начальства ежегодную пенсию и единовременное пособие⁴⁴. Дело о пенсии вдове и детям Карцова длилось долго, и просьба полностью удовлетворена не была.

Эльснер Ф. Б. В 1816 году вместо Я. И. Карцова военные науки (артиллерию, фортификацию и тактику) в Лицее стал преподавать полковник барон Федор Богданович Эльснер⁴⁵, бывший адъютант Тадеуша Костюшко, вождя польского национально-освободительного восстания 1794 года. О жизни Эльснера сохранилось мало сведений. Лицейский пансион в 1828 году окончил Отто Эльснер, может быть, его сын.

Конференция Лицея

Профессора и адъюнкт-профессора во главе с директором, назначавшимся только по указу царя, составляли Конференцию Лицея, разрешавшую вопросы обучения и воспитания. В «Постановлении» о Лицее, в главе «О Конференции», говорилось, что «профессоры составляют Конференцию, или общее собрание, которого Председатель есть Директор»; в уставе Лицея отмечалось, что собрания Конференции должны быть однажды в месяц, а чрезвычайные — смотря по надобности. Лицей, находившийся на особом положении, первые годы (1811—1816) подчинялся непосредственно министру просвещения. Из архивных документов отчетливо выявилось отношение министра к правлению Лицея. Какой бы вопрос ни решался, даже самый незначительный, на проведение его в жизнь должно было испрашивать разрешение министра⁴⁶.

Конференция находилась в тесной связи с университетами: Петербургским, Московским, Харьковским и Казанским, получала отсюда книги, учебные планы и т. п. В свою очередь, Конференция посылала в высшие учебные заведения ученые труды преподавателей Лицея⁴⁷. Первая Конференция состоялась в день открытия Лицея, 19 октября 1811 года⁴⁸. В заседании участвовало семь человек (этот состав в течение 1811—1814 годов почти не менялся): директор В. Ф. Малиновский, профессора Н. Ф. Кошанский, Д. И. де Будри, Ф. М. Гауеншильд и адъюнкт-профессора А. П. Куницын, Я. И. Карцов, И. К. Кайданов. Присутствовал и министр народ-

ного просвещения А. К. Разумовский. Конференц-секретарем был назначен Николай Федорович Кошанский.

Первокурсники Лицея отличались друг от друга не только возрастом (им было от одиннадцати до четырнадцати лет), характерами, интересами, устремлениями, но и начитанностью. Некоторые воспитанники не знали иностранных языков, были слабы в российской словесности.

По распоряжению Разумовского внимание лицейских учителей было обращено в первую очередь на освоение иностранных языков⁴⁹. В расписании уроков, составленном самим министром, было отведено по восемь часов в неделю на французский и немецкий языки, на латинский — шесть, на русский язык, историю, географию, математику — по три часа; на логику, правоучение и закон божий — по часу.

Куницын и Карцов, у которых было мало учебных часов, обязаны были вести дополнительные занятия с отстающими. Куницын преподавал не только логику и нравственные науки, но еще два часа в неделю занимался с воспитанниками латинским и французским языками. Карцову помимо математики поручили занятия по немецкому и русскому языкам. Кайданову, преподавателю истории и географии, вменялось в обязанность заниматься с недостаточно грамотными «началом российского языка»⁵⁰.

Интересно расписание учебных часов, имеющихся в журнале заседания Конференции за 1811 год⁵¹. Согласно ему Кошанский читал российскую словесность по средам и четвергам в двенадцатом часу утра, а латинский — по вторникам, средам и четвергам в одиннадцатом часу, в среду занятия латынью были и в пятом часу после обеда. Де Будри занимался с воспитанниками французским языком по понедельникам, вторникам, средам и четвергам; Гауеншильд — по четвергам, пятницам и субботам — немецким. Куницын читал нравственные науки по понедельникам; по пятницам и субботам занимался с учащимися переводами с французского, а по субботам и четвергам — переводами с латинского. Карцов по понедельникам в одиннадцатом часу утра и в четвертом часу после обеда помогал готовить переводы с немецкого. Кайданов, проводивший три раза в неделю занятия по географии и истории, занимался также и русским языком.

В расписании указано, что по вторникам, четвергам и пятницам в третьем часу после обеда детям будут давать уроки чистописания на русском, французском и немецком языках. Рисование было предусмотрено по понедельникам и субботам в третьем часу после обеда, а закон божий — только по субботам в пятом часу после обеда. Таким было это первое весьма насыщенное расписание занятий.

Помимо профессоров и адъюнктов с воспитанниками занимались учителя. Были в Лицее и воспитатели-гувернеры. Надзиратель же по учебной и нравственной части являлся как бы главным, старшим воспитателем. Учебные и воспитательные вопросы решала Конференция, а все хозяйственные дела — хозяйственное правление. Таким образом, в Лицее был большой штат преподавателей, воспитателей, хозяйственников.

Учителя, гувернеры и надзиратели

Чириков С. Г.

Сергей Гаврилович Чириков родился в 1776 году в семье придворного служащего. Воспитывался он в Академии художеств и получил аттестат «художника первой степени со шпагой». Служил в чертежной всего флота, затем секретарем в Медико-филантропическом обществе.

В Царскосельский лицей был определен 28 июля 1811 года не только учителем рисования, но и гувернером⁵². Он пользовался любовью со стороны своих питомцев. «...Очень любимый лицеистами за ровный и приятный характер, за обходительность, за некоторое достоинство, не позволяющее нам таких с ним шалостей, на которые мы пускались с другими; наконец и за сочувствие к нашим литературным занятиям, в которых он находил вкус, потому что сам был поэт» — так вспоминал о Чирикове М. А. Корф.

Действительно, Сергей Гаврилович сочинил поэму-трагедию под названием «Герой Севера», которую воспитанники читали в рукописи. Впоследствии они стали шутливо называть учителя «героем Севера». Это прозвище, видимо, сохранилось за ним навсегда, ибо в 1840-х годах Е. А. Энгельгардт в письмах к И. И. Пущину упоминает о Чирикове, называя его «героем Севера Чирикандусом». Прекрасно воспитанный и образованный человек, скромный, с тонким тактом и поэтическими на-

клонностями, с художественным вкусом; С. Г. Чириков сыграл значительную роль в воспитании и обучении своих питомцев.

Чириков занимал комнаты на 4-м этаже в галерее над лицейской библиотекой, с дверью в нее в том же спальном коридоре, где были лицейские комнаты. Квартира гувернера Чирикова к открытию Лицея в 1974 году реконструирована не была. Проект ее воссоздания был предложен М. П. Руденской еще в 1950-х годах и впервые опубликован в книге «Пушкинский Лицей».

Воспитанники любили ходить к Чирикову. Просто и весело было им вместе с молодым воспитателем. Уютно устраивались на диване, болтали, баловались. Здесь постоянно, особенно в первые годы, устраивались литературные собрания, на которых учитель и его воспитанники сочиняли повесть, рассказывая по очереди ее продолжение. В его гостиной на стене долго сохранялись строки, набросанные рукой Пушкина.

На литературных собраниях у Чирикова первенствовали Александр Пушкин и Антон Дельвиг, отличавшийся необыкновенным даром воображения и фантазии. Здесь Пушкин однажды рассказал историю двенадцати «спящих дев», не упомянув источник — поэму Жуковского. Здесь Дельвиг импровизировал на тему русского похода 1807 года против Наполеона, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование «так живо и правдоподобно», что ему почти верят не только соученики, но и директор В. Ф. Малиновский.

В 1814 году Александр Пушкин, опять-таки на собрании у Чирикова, сообщил сюжет своей будущей повести «Метель».

С. Г. Чириков упоминается в одной из «национальных песен»:

Я во Питере бывал,
Из Царского туда ездая,
Перс я родом
И походом
Я на Выборгской бывал...

Учитель уверял, что род его происходил из Персии. М. Корф впоследствии подтверждал, что действительно «в физиономии своей он имел что-то восточное». Кто-то сочинил шуточные стихи о парчовом диване, на котором по вечерам рассказывались поудобнее питомцы Чирикова,

предвкушая увлекательнейшее путешествие вместе со своими выдуманскими героями.

Существует довольно злая лицейская эпиграмма Пушкина на Чирикова: «Портрет», которая рисует его человеком, умевшим приспособливаться к житейским обстоятельствам:

Поэт, писец и воин,
 Всегда, за все, во всех местах
 Крапивы он достоин:
 С Мартыном поп он записной,
 С Фроловым математик,
 Вступает Энгельгардт-герой —
 И вмг он дипломатик.

«Благодушнейшим из смертных» называл С. Г. Чирикова М. А. Белуха-Кохановский. И лицеист выпуска 1838 года поэт-демократ А. Н. Яхонтов вспоминал о Чирикове, как о «благороднейшем и добрейшем человеке, обладавшем замечательным тактом», и отмечал, что учитель был «живою хроникой минувшего Лицея», поэтому воспитанники «осаждали его любопытными расспросами про старину», и он с добродушною снисходительностью отзывался о шаловливых выходках Пушкина, о его сарказмах и эпиграммах.

Имея аттестат «художника первой степени со шпагой», С. Г. Чириков был даровит, много рисовал. Видимо, его особенно привлекал портрет. Можно предположить, что он запечатлел образы всех своих воспитанников и лицейских наставников. Известны и подлинные работы Чирикова с его подписью — портрет лицеиста С. Г. Ломоносова и портрет учителя чистописания Ф. П. Калинича. Некоторые из портретов, сделанных им, сохранились в позднейших и малоудачных копиях.

На пенсию С. Г. Чириков ушел из Лицея уже стариком. Умер в Петербурге в 1853 году.

Калинич Ф. П. В небольшом, но очень светлом классе для рисования можно было заниматься и чистописанием. Чистописание в лицейской программе отнесено к «изящным искусствам»: у воспитанников стремились выработать красивый каллиграфический почерк. С самого начала обучения учителем чистописания был Фотий Петрович Калинич. В то же время, как и Чириков, он являлся гувернером, только на младшем, втором курсе. Превосходный почерк почти у всех воспитанников был заслугой Калинича. Красиво пи-

сали Александр Горчаков, Вильгельм Кюхельбекер, Константин Данзас. Красиво мог писать и Пушкин.

Калинич отличался, по словам М. А. Корфа, большим ростом, «сенаторскою осанкою и поступью», «огромным лицом, вечно отражающим как будто глубокую думу». Со слов Энгельгардта, он не был симпатичным человеком и особенно досаждал директору своей приверженностью к его врагу — Гауеншильду.

Поэт-демократ А. Н. Яхонтов, воспитывавшийся в Лицее уже в 1830-х годах, говорил о Калиниче как о человеке «старого закала», «с весьма недостаточным образованием» и, казалось, хранившем «склад гувернерских принципов всего прошлого времени», но «в хорошие минуты он был патриархально ласков и шутлив, особенно со своими любимцами — лучшими учениками, которых называл: буянами и пичужками».

Помимо каллиграфического дара (все аттестаты воспитанников Лицея первого выпуска были написаны его рукой) Фотий Петрович некогда обладал также и красивым, сильным голосом. Именно по этой причине он, сын казачьего старшины, был мальчиком привезен в Петербург для обучения в придворном хоре, но, потеряв важные певческие данные, стал переписчиком, а затем поступил на службу в Лицей⁵³. Он с удовольствием участвовал в хоре воспитанников и «служил юношеским басом очень полезною октавою».

Пилецкий- Урбанович М. С.

Гувернер был воспитателем. Надзиратель же по учебной и нравственной части являлся главным, старшим воспитателем. Такое положение в Лицее занимал Мартын Пилецкий.

В программе автобиографии Пушкин записал: «Мы прогоняем Пилецкого», отметив это как важное событие в стенах Лицея. Действительно, это был в некотором смысле бунт воспитанников, возглавленный Пушкиным, Иваном Малиновским и Кюхельбекером.

Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович, человек иезуитского склада, ханжа, пытавшийся ввести в Лицее дух полицейского надзора, подавить свободу мыслей и действий как воспитателей, так и воспитанников, был надзирателем по учебной и нравственной части с 1811 по 1813 год⁵⁴. Известно, что воспитанники Лицея, почувяв дух шпионажа, который хотел внедрить Пилецкий, потребовали его увольнения. Поведение Пилецкого и его

методы воспитания шли вразрез с принятыми в Лицее, вызвали целую бурю протеста. Под личиной благочестия воспитанники угадали лицемера и доносчика.

В. Ф. Малиновский, разделяя настроения воспитанников, обратился к министру просвещения, Разумовский согласился с увольнением Пилецкого. Награждение при увольнении он получил от министерства полиции, которое осведомлял о внутренних делах Лицея.

М. С. Пилецкому нельзя отказать в уме и проницательности. Это был человек достаточно образованный, владевший пером, и его характеристики воспитанников, написанные им на основании «Табели», составленной по ведомостям преподавателей Лицея, отличаются порой острой наблюдательностью, умением и желанием разобраться до тонкостей в их психологии. Однако стремления Пилецкого имели целью определение сущности характера каждого воспитанника ради шпионства за ним*.

Вальвиль А. В. Учителем фехтования в Лицее был Александр Вальвиль. Александр Васильевич, как стали называть его в России, поступил на должность в 1812 году и уволился в 1824-м⁵⁵. По воспоминаниям М. Корфа, Вальвиль был очень любим своими учениками. Сведений о нем сохранилось мало. Прибыл он в Россию в конце XVIII или начале XIX века. Здесь он осуществил постановку батальных сцен в трагедии В. А. Озерова «Фингал», шедшей на петербургской сцене с конца 1805 года. В этот период в составе французской драматической труппы в Петербурге играла комедийная актриса госпожа Вальвиль, возможно, жена фехтмейстера.

Гимнастическим упражнениям и фехтованию в Лицее придавали большое значение, и эти дисциплины были включены в программу переводных экзаменов 1815 года. Пушкин, Кюловский и Мартынов фехтовали лучше всех в классе, в то время как успехи остальных «были не велики».

* Жизнь свою Пилецкий закончил весьма плачевно. После увольнения из Лицея служил следственным приставом в петербургской полиции, а в 1837 году, как участник религиозной мистической и изуверской секты, был выслан из столицы и заключен в монастырь. Затем он вернулся в Петербург и, оказавшись без куска хлеба, однажды приходил к М. Корфу с просьбой о пособии из комитета призрения заслуженных гражданских чиновников.

После выпускных экзаменов 1817 года Вальвиль, как прекрасный учитель, был удостоен награды. В том же году был опубликован краткий трактат Вальвиля по фехтованию, изданный на русском и французском языках, — «Рассуждение о искусстве владеть шпагою». Эта книга дает представление о школе фехтования Вальвиля.

С 1816 года он руководил подготовкой учителей фехтования в гвардейских кавалерийских полках.

В начале 1820-х годов, в чине капитана, продолжая свою деятельность в Лицее и в полках, Вальвиль начал проводить ежегодные смотры-соревнования фехтовальщиков гвардии в Михайловском манеже. В 1825 году он занимал прежнюю должность в Гвардейском корпусе, имея уже чин майора и много наград.

В середине 1840-х годов Вальвиль находился в Париже. Известно, что Александр Дюма написал роман «Учитель фехтования», используя биографические факты жизни Вальвиля.

Впоследствии Пушкин брал уроки у известного фехтовальщика Огюстена Гризье*.

Эбергардт И. И. Учить танцевать воспитанников Лицея начали с 1814 года. Первым учителем танцев был Гюар. О нем М. Корф вспоминал: «Гюару было, кажется, лет 70, когда он учил нас гавоту, менуэту и тому подобным танцам своей эпохи». Его сменил в 1815 году Вилье, а затем, в 1816 году, — Эбергардт.

Известно, что в начале 1800-х годов в Петербурге были первоклассные учителя танцев, среди которых был уже названный Гюар (Юар), а также Дидло, Колосова, Новицкая и Эбергардт. Мемуарист-балетмейстер А. Глушковский писал о методе обучения того времени: «Сначала заставляли делать разного рода батманы... потом учили разные па *tergea terge*, то есть па, не сопряженные с прыжками, под разные размеры музыки для балльных и разнохарактерных танцев... А главное достоинство старых учителей состояло в том, что они держали ученика долго на *менуэте а la geine*, потому что этот танец выправляет фигуру, приучает ловко кланяться, прямо ходить, грациозно протягивать руку». Так учили

* О. Гризье подверг резкой критике, и, по словам специалистов, убедительной, сочинение Вальвиля о фехтовании и его самого как фехтовальщика.

и в Лицее. Советский музыковед Ю. Слонимский, написавший книгу «Балетные строки Пушкина», отмечал, что в годы пушкинского отрочества бальный и балетный танец были еще «близнецами», ибо любительское и профессиональное в исполнительском искусстве танца не имело четких границ: обучение менуэту в конце XVIII века составляло основу балетной педагогики, а не только бальной, и лишь в первые десятилетия XIX столетия «именно из форм менуэта и гавота складывается схема парного танца будущего ра de deux», музыка же дуэтов даже в 1830-х годах по-прежнему называется «гавот», «менуэт».

Пять позиций и батманы, которым обучали Пушкина в Лицее, до сих пор остаются начальным курсом классического танца. Пушкин и его товарищи занимались танцами два раза в неделю в течение более трех лет.

Что касается Ивана Ивановича Эбергардта (преподавал в Лицее до конца жизни — по 1856 год), то он являлся не только одним из лучших педагогов своего времени, но и одним из видных мимических артистов русского балета. Через много лет после того, как он обучал балетной грамоте Александра Пушкина, он выступил в спектаклях, поставленных по мотивам произведений своего бывшего ученика: в «Кавказском пленнике» он исполнил роль черкесского хана, а в «Руслане и Людмиле» две роли: жреца Перуна и венгерского посла.

Уроки Эбергардта безусловно многое дали Александру Пушкину в понимании и ощущении танца. Пройдя хорошую школу, он был прекрасно подготовлен к тонкому восприятию танца со сцены. Известно, что Пушкин впоследствии стал большим театралом и ценителем балета, посвятившим вдохновенные строки замечательным русским танцовщицам.

ДЯДЬКИ И СЛУЖИТЕЛИ

28 августа 1817 года Е. А. Энгельгардт подписал «Правила о должностях дядек * вообще»⁵⁶. Хотя в это время Пушкин и его товарищи покинули Лицей, но документ этот несомненно отражал фактическое положение

* Дядькой назывался слуга в мужском закрытом учебном заведении или слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

дядек и до 1817 года. «Правилами» определялось, что «от каждого дядьки требуется не только совершенная трезвость и примерное поведение, но также чтобы он с крайней рачительностью и по совести исполнял возложенную на него должность и старался бы по мере сил своих содействовать к достижению предполагаемой цели...».

На каждом курсе имелось пять дядек. Один из них — старший, один — портной, чинивший платье воспитанников. Старший дядька обслуживал четырех, портной — трех, а остальные по шесть воспитанников.

Старший дядька «осуществлял надзор» за всеми дядьками своего отделения. Он принимал от эконома для всего отделения чернила, мел, мыло, щетки и помаду для волос, ваксу, зубной порошок и щеточки, свечи и прочее. В назначенное время он же сдавал «в мытье» белье воспитанников и принимал чистое.

«Белье содержалось в порядке особою кастеляншею; в наше время была м-те Скалон,—рассказывал И. И. Пущин.— У каждого была своя печатная метка: номер и фамилия. Белье переменялось на теле два раза, а столовое и на постели раз в неделю».

Дядьки также чередовались в дежурстве, днем и ночью. В продолжение ночи в свои часы дядька не только не мог спать, но даже сидеть. Он должен был в течение ночи ходить по спальному коридору, заглядывать в комнаты воспитанников, а в случае какого-либо происшествия немедленно призвать дежурного гувернера.

«В коридоре на ночь ставили ночники во всех арках,— писал Пущин.— Дежурный дядька мерными шагами ходил по коридору». Перегородки, отделявшие одну спальную комнату от другой, не доходили до потолка. Верхняя же половина дверей с решеткой «для света и воздуха» была до половины завешена занавесью, так что, приподняв ее, можно было видеть, что делает воспитанник.

И. И. Пущин вспоминал, что между дядьками замечательны были Прокофьев, екатерининский сержант, и польский шляхтич Леонтий Кемерский, сделавшийся лицейским домашним «restaurant», у которого «явился уголок», где можно было найти конфеты, выпить чашку кофе и шоколаду, даже «разумеется, контрабандой», рюмку ликеру, а иногда он, по заказу именинника, за

общим столом вместо казенного чая ставил «сюрпризом» кофе утром или шоколад вечером «со столбушками сухарей».

Служил в Лицее дядькой и некий Сазонов, оказавшийся преступником-убийцей. Известие это произвело сильное впечатление на юношей. Для них впервые открылась завеса над мрачными сторонами жизни. Пушкин упомянул имя Сазонова в одной из эпиграмм.

Приносить воду для умывания воспитанников и уносить помой в круг обязанностей дядек не входило. Эту работу выполняли специально назначенные в Лицей инвалиды⁵⁷.

Из архивных документов видно, что в Лицей присылали очень больных людей. Так, на заседании хозяйственного правления разбиралось дело о двух инвалидах, унтер-офицере Иване Михайлове и рядовом Степане Сидорове, страдавших болезнью, которая, по мнению доктора Пешеля, оказалась «неизлечима», и потому они «ни в какую службу для Лицея употребляемы быть не могут»⁵⁸. В архивных документах упоминается также и крепостной графа Д. Н. Шереметева Семен Павлинов, который был принят в Лицей помощником дядьки в 1811 году.

В том же году в Лицей был взят отставной денщик Казанского кирасирского полка Агафон Ефимов в качестве кучера с жалованьем двенадцать рублей в месяц с квартирой и столом⁵⁹. На заседании правления Лицея не раз звучали хорошие отзывы и о Семене Паелинсе и об Агафоне Ефимове.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Эйлер Л. К.

Наиболее деятельными чиновниками хозяйственного правления были люди интересные, образованные, любившие Лицей и его воспитанников. Вначале надзирателем по хозяйственной части с 1811 по 1812 год служил Леонтий Карлович Эйлер, внук знаменитого русского академика, математика и физика Леонарда Эйлера.

Из послужного списка Л. К. Эйлера видно, что он прежде числился по лейб-гвардии Преображенскому полку, в 1791 году был выпущен «к статским делам» в чине капитана, затем стал учителем в Кадетском корпусе,

позднее поступил на службу в Экспедицию путей сообщения начальником стола, 6 августа 1811 года определен в Царскосельский лицей (впоследствии Эйлер работал в Петербургской таможне)⁶⁰. По свидетельству Я. К. Грота, это был человек честный и благородный.

Золотарев М. А. С уходом из Лицея Эйлера надзирателем стал бывший его помощник Матвей Алексеевич (не Александрович, как ошибочно называл его И. Я. Селезнев) Золотарев. Пушкин писал о нем в послании «К Галичу» (1815).

Он проявлял большую заботу о воспитанниках, об их одежде, белье и прочем⁶¹. И. И. Пущин вспоминал: «Кушанье было хорошо, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву в бакенбарды». Вот шуточные куплеты из «национальной песни»:

Давайте петь Золотарева,
Хвала, хвала, Золотарев!
Ты выдумал похабны яства,
Запиртал в пироги лекарства...

М. А. Золотарев был весьма способным и образованным человеком. Он учился в Курской семинарии и по окончании ее был определен учителем красноречия, затем математики, впоследствии также преподавал философию. Но, решив продолжать свое образование, Золотарев подал прошение об увольнении и слушал курсы наук в Петербургском педагогическом институте по экономике, римскому праву, по праву естественному и уголовным законам, по физике, математике, статистике и всеобщей истории, о чем ему и дано было свидетельство⁶². С 20 июля 1811 года он служил в Лицее помощником надзирателя по хозяйственной части. В 1812—1814 годах он являлся надзирателем.

После него эти должности занимали Илья Антонович Камараш, который в 1816 году уволился «по преклонности лет и болезненному состоянию»⁶³, затем коллежский регистратор Петр Андреевич Роттаст, прослуживший в Лицее по 1841 год. Золотарев оставался помощником и 9 июня 1817 года был уволен на пенсию.

Люценко Е. П. Секретарем хозяйственного правления с 1811 по 1813 год был Ефим Петрович Люценко. Еще в 1790-х годах он вступил на литературное поприще. Писал пьесы, стихи, делал переводы с древних и европейских языков.

Когда в 1797 году в Царском Селе была основана первая земледельческая школа в России — Практическая школа земледелия и сельского хозяйства (располагалась между Царским Селом и Павловском — близ Отдельного парка), организатором которой являлся А. А. Самборский, Е. П. Люценко в числе восьми студентов Московского университета был откомандирован туда для обучения⁶⁴. По замыслу Самборского, школа предназначалась для молодых людей всех сословий. Изучив практическое земледелие, ее питомцы должны были распространять в государстве новейшие знания по сельскому хозяйству и земледелию и тем самым обратить приобретенные знания на «общую пользу». В школе помимо студентов из Московского университета обучались десять мальчиков и десять девочек из воспитательного дома, двадцать человек казенных крестьян и пять человек духовного звания. В 1803 году школа была закрыта, и Люценко некоторое время работал в департаменте уделов.

По рекомендации А. А. Самборского 8 августа 1811 года он был припят в Лицей на должность секретаря хозяйственного правления⁶⁵. В 1813 году Люценко оставил Лицей, продолжая заниматься литературным трудом.

В 1816 году он принял участие в основании Вольного общества любителей российской словесности («Соревнователей просвещения»), которое позднее перешло в руки деятельных членов Союза благоденствия.

В 1835 году Е. П. Люценко решил издать сделанный им еще в 1807 году перевод повести в стихах немецкого писателя Х.-М. Виланда «Перфонт, или Желания». Не найдя издателя, Люценко обратился к А. С. Пушкину с просьбой помочь ему в напечатании перевода. Пушкин принял живое участие в судьбе бывшего «лицейского». 19 августа 1835 года поэт пишет Е. П. Люценко письмо, в котором сообщает: «Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста. Надеюсь, что с своей стороны сделает он все возможное». Предпринял ли Корф что-либо — неизвестно.

Желая помочь нуждавшемуся Люценко, Пушкин согласился издать его труд, поставив по просьбе переводчика, для поднятия интереса к книжке, свою фамилию как издателя на заглавном листе. Перевод вышел анонимно в 1836 году под названием «Востола, или Желания» с подзаголовком: «Повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин». Появление этой книжки вы-

звало недоброжелательный отзыв О. Сенковского в «Библиотеке для чтения», считавшего перевод весьма несовершенным.

В первой же книжке только что вышедшего «Современника» А. С. Пушкин был вынужден ответить на нападки журналистов. Он процитировал место из заметки Сенковского, где было сказано, будто «Востола переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему напрокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

Глубоко задетый этим грубым выпадом в свой адрес и в адрес Люценко, Пушкин замечал: «Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого бы то ни было. После такого объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным».

Возникшие в связи с разговорами о «Востоле» толки привели Пушкина к ссоре со старым знакомым С. С. Хлюстиным, которая едва не окончилась дуэлью. Издание Пушкиным «Востола» Люценко имело целью оказание материальной помощи переводчику. Это говорило о сердечной доброте Пушкина и прочности лицейских связей.

ЛИЦЕЙСКИЙ ПАНСИОН

В июле 1812 года министерством народного просвещения было вынесено Постановление об организации Царскосельского лицейского благородного пансиона — подготовительного учебного заведения для обеспечения Лицея «отличнейшими учениками». Учебная часть пансиона подчинялась Конференции, хозяйственная — правлению Лицея. Носить «название» директора пансиона мог один из профессоров Лицея, его должны были выбирать «из природных россиян».

На место директора пансиона претендовал весьма подходивший для этого Н. Ф. Кошанский. Но министр Разумовский отклонил заявление Кошанского и назначил директором пансиона Ф. М. Гауеншильда. 27 янва-

ря 1814 года в Царском Селе, в Софии (так называлась та часть города, где жили преимущественно офицеры стоявших в городе полков), пансион был открыт.

От Лицея к нему можно было пройти Екатерининским парком, который начинался, можно сказать, у самых лицейских стен и, войдя в его северные ворота, выйти в восточные, сразу оказавшись у Лицейского пансиона. Так что парк как бы соединял эти два заведения.

На Конференции в марте А. П. Куницын зачитал написанные им «частные правила» для воспитанников пансиона, которые были созвучны правилам для воспитанников Лицея⁶⁶. Здесь, в частности в главе «Об обращении воспитанников между собою», говорилось: «Все воспитанники равны, как дети одного отца и семейства, и потому никто не может презирать других или гордиться перед прочими чем бы то ни было. Если кто замечен будет в сем пороке, тот занимает самое нижнее место по поведению, пока не исправится». А в главе «Об обращении воспитанников с низшими» записано: «Запрещается воспитанникам кричать на служителей или бранить их, хотя бы они были их крепостные люди...»⁶⁷

В 1815 году, после публичного экзамена и перехода Пушкина и его товарищей — двадцати девяти* человек — с младшего курса на старший, из пансиона в Лицей был принят двадцать один человек, которые в стенах Лицея вместе с Пушкиным и его товарищами в течение двух с половиной лет жили в одном спальном коридоре, обедали в общей столовой, занимались в одних и тех же классах. После первого выпуска в 1817 году в Лицей кроме подростков, окончивших пансион, приняли еще четырех человек, чтобы общее число учеников младшего курса составляло двадцать пять. Среди них был брат Константина Данзаса Борис, с которым воспитанники пушкинского выпуска были дружны.

В декабре 1816 года было постановлено, что воспитанники пансиона имеют исключительное право поступать в Лицей (через каждые три года избирались двадцать пять человек из самых лучших).

В пансионе было одиннадцать выпусков (курсов) — с 1819 по 1829 год. Из окончивших его впоследствии мно-

* В 1813 году тридцатый — К. Гурьев — был исключен из Лицея за дурное поведение. По Постановлению о Лицее (1810 года) было допущено исключение из него до окончания курса.

гие стали видными дипломатами, военачальниками, государственными деятелями. Здесь учились братья лицеистов и дети лицейских чиновников. Пансион окончили младший сын В. Ф. Малиновского Иосиф и сын Е. А. Энгельгардта Александр. В 1819 году с серебряной медалью пансион окончил будущий зять А. С. Пушкина Н. И. Павлицев. В пансионе учились брат А. С. Пушкина Лев и Павел Нащокин, будущий большой друг поэта.

Среди выпускников лицейского пансиона были два директора Петербургской гранильной фабрики — Н. Е. Бухольц (I курс) и А. М. Яфимович (X курс). На дипломатическом поприще служили: А. Берг (III курс) — генеральным консулом в Лондоне, А. Рашет (VI курс) — консулом в Бродях, Ф. Торнау (X курс) — военным агентом при посольстве в Вене, Р. Френ (X курс) — консулом в Анконе. Губернаторами стали многие из выпускников: А. Безак (I курс) — киевским, подольским и волынским генерал-губернатором; В. Васьков (IV курс) — с.-петербургским вице-губернатором; П. Замятин (V курс) — енисейским; И. Окунев (V курс) — тамбовским вице-губернатором. А. Галахов (II курс) был с.-петербургским обер-полицмейстером; В. Д. Комовский (III курс, золотая медаль) — директором канцелярии Министра народного просвещения; А. Фрейганг (V курс) — цензором в С.-Петербурге; Н. Носов (IX курс) — правителем дел в Лицее; А. Суковкин (XI курс, золотая медаль) — управляющим делами комитета министров.

Имя А. Нумерса было занесено в «Алфавит» декабристов. Август Федорович Нумерс окончил пансион с серебряной медалью в 1823 году, служил штабс-капитаном в гвардии и был убит при штурме Варшавы в 1831 году.

Многие выпускники оставили воспоминания о времени пребывания в Лицейском пансионе, в частности князь Н. С. Голицын (впоследствии генерал-лейтенант Генерального штаба, член военно-учебного комитета), окончивший пансион с серебряной медалью в 1825 году (VII курс).

Пансион просуществовал пятнадцать лет и был закрыт по постановлению от 23 февраля 1829 года (в основном из-за того, что директор его Ф. М. Гауеншильд весьма запустил дела).

Закрытие пансиона повлекло за собой неудобства в подготовке поступающих в Лицей. Тогда некоторые преподаватели сами стали готовить мальчиков к поступле-

нию. В 1834 году профессор и инспектор А. Ф. Оболенский завел приготовительный пансион, который был в 1836 году утвержден как частный пансион при Лицее. В нем к 1838 году занималось 50 воспитанников. Когда он закрылся, возникли новые пансионы (Брауна, 1843—1847, Гроздова, 1845—1851, Спешнева, 1847—1856, Лялина, с 1857 года). Позднее, уже в 1882 году, при Александровском лицее были открыты приготовительные классы, которые находились под непосредственным управлением лицейского начальства*.

ШЕСТЬ ЛЕТ СОЕДИНЕНЬЯ

Жизнь лицейская

«Невозможно передать вам всех подробностей нашего шестилетнего существования в Царском Селе: это было бы слишком сложно и громоздко; тут смесь и дельного, и пустого. Между тем вся эта пестрота имела для нас свое очарование», — писал в своих воспоминаниях И. И. Пущин.

Уже первые дни пребывания в Лицее коренным образом изменили жизнь воспитанников, наполнив ее радостной, приподнятой атмосферой. Не только новизна непривычной обстановки, по-своему роскошной и отличной от обстановки других закрытых учебных заведений, но и ощущение значимости их бытия, ставившего перед мальчиками, как перед взрослыми, задачи выработки в себе критического мышления, действенного, творческого отношения к жизни, определяли их настроение. Патриотическая речь Куницына на открытии Лицея пробудила чувство самосознания и ответственности за возложенные на них обязанности. Предначертание будущей незаурядной роли в обществе окрыляло одних, будоражило честолюбивые помыслы других.

В Лицее сразу же создалась обстановка, способствовавшая развитию поэтических и художественных наклонностей. Этому содействовало все: прекрасные дворцы, парки, которые дышали поэзией античного мира, и

* Об учреждении классов ходатайствовал директор Лицея Н. Н. Гартман, желая разместить их в отдельном от Лицея здании. К строительству их на Большой Монетной улице (ныне — улица Скороходова), на земле, принадлежавшей Лицею, приступили в 1880 году.

триумфальные памятники, запечатлевшие отечественную героику.

Может быть, в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» А. С. Пушкин, описывая прекрасный парк, мраморные статуи-«кумиры» и поразившие воображение отрока изваяния Аполлона и Афродиты, обращался к первым лицейским впечатлениям?

После известия о запрещении воспитанникам куда-либо выезжать из Лицея и о дозволении их родным посещать Лицей только по праздникам между воспитанниками начались «толки, даже рассуждения о незаконности такой меры стеснения». «Теперь, разбирая беспристрастно это неприятное тогда нам распоряжение, — писал И. И. Пущин, — невольно сознаешь, что в нем-то и зародыш той неразрывной, отрадной связи, которая соединяет первокурсных Лицея».

И. И. Пущин отмечал также, что Лицей, сочетавший в себе все удобства домашнего быта с требованиями учебного заведения, имел также роскошное помещение и содержание. Новоселье для многих воспитанников было интересным и радостным.

Александр Пушкин сразу же выделился среди всех своих соучеников широтой познаний, недостижимой для других начитанностью и феноменальной памятью. Но при этом он отличался скромностью, какая возникает лишь тогда, когда знания и дарования человека истинны и глубоки. И. И. Пущин, вспоминая то далекое время, подчеркивал: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше, и легче находят случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование, но нисколько не сделала его заносчивым...» Часто видел Пущин своего товарища «поглощенным не по летам в думы и чтения...». С первых мгновений лицейской жизни всем становится ясна исключительность дарований Александра Пушкина. «При самом начале — он наш поэт», — писал Пущин.

Грозовой 1812 год нарушил ровное течение жизни Лицея. Отечественная война, пробудившая дремлющие

силы народа, как никакое иное событие, повлияла на воспитанников Лицея, всколыхнув глубокие патриотические чувства. Охваченные желанием защищать Отечество, подростки мечтали быть в рядах ополчения. «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812-го года. Эти события сильно отразились на нашем детстве», — вспоминал впоследствии И. И. Пущин.

Из окон Большого зала видна дорога, по которой в 1812 году мимо Лицея через Царское Село двигались к театру военных действий народное ополчение и гвардия. События Отечественной войны 1812 года вторглись и в мирную жизнь Лицея, нарушили ее размеренный ход. «Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея, — вспоминал И. И. Пущин, — мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов... обнимались с родными и знакомыми — усатые гренадеры из рядов благословляли нас... Не одна слеза тут пролита...» В 1815 году в стихотворении «Александру» («Утихла брань племен...») Пушкин вспомнит эти памятные дни:

Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил,

«Святое братство»

Изгнав наполеоновские полчища из своих пределов, Россия освободила Европу. Войска вернулись из заграничных походов. Многие участники кампании воочию убедились в отсталости России по сравнению с европейскими странами. Но дома по-прежнему царилло бесправие. В военной среде началось политическое брожение.

Александр Пушкин и его друзья познакомились с кружком офицеров лейб-гвардии гусарского полка.

Историк Лицея Д. Ф. Кобеко подчеркивал, что не следует думать, будто в этом офицерском кружке преобладали кутежи: офицеры того времени принесли из заграничных походов «интересы иного рода сравнительно с теми, которые господствовали в русской армии до 1812 года».

Молодыми офицерами под руководством Ивана Григорьевича Бурцова была организована «Священная артель», явившаяся колыбелью тайных декабристских об-

ществ. У него в квартире собирались молодые люди, умные, деятельные, патриотически настроенные. На этих собраниях обсуждались «главные язвы» российской действительности: крепостное состояние народа, деспотизм, жестокое обращение с солдатами, лихоимство офицеров и чиновников, неуважение к человеческой личности.

Начало «Священной артели», существовавшей в 1814—1817 годах, положило юношеское общество «Чока» (1810—1812 годы), в котором самому старшему было восемнадцать лет. Из состава этого кружка, «президентом» которого являлся Н. Н. Муравьев, образовалась «Священная артель» — кружок А. Н. Муравьева и И. Г. Бурцова. Позже к этому небольшому кружку присоединилась группа воспитанников Лицея. В Петербурге святым местом для «артельщиков» стал дом генеральши Христовской на Грязной улице, где с 1815 года жили члены «Священной артели». Здание стояло на месте теперешнего дома 11 по улице Марата (почти напротив дома А. Н. Радищева).

Прогрессивная часть общества и передовая военная молодежь мечтали о преобразовании самодержавной России, стремились воплотить в жизнь общими усилиями идею добра для «общего блага». Иван Пущин, Владимир Вольховский, Вильгельм Кюхельбекер и Антон Дельвиг стали членами «Священной артели». Пушкин, по всей вероятности, бывал в этом кружке, хорошо знал о его деятельности.

«Святым братством» называли все они свою «артель». «Святому братству верен я», — заверял Александр Пушкин Вильгельма Кюхельбекера в мае 1817 года. А через год в стихотворении «Царское Село» Кюхельбекер называл дружеский союз Пушкина, Дельвига и Кюхельбекера «святым братством», «тройственным союзом, союзом младых певцов и чистым и священным».

Особая атмосфера вольнодумства, царившая в Лицее и кружке Бурцова, подготовила Пушкина и его товарищей к восприятию декабристских идей.

Лицейское творчество

Рукописные журналы В свободное от классов время воспитанники более всего литераторствовали — издавали рукописные журналы. Их объединяло чувство любви к отечественной литературе. Все вме-

сте сочиняли «национальные песни», где в шуточных, иногда и злых куплетах высмеивали свои недостатки и слабости своих наставников. Душою литературного кружка был Пушкин, а около него группировались лицейские поэты: Дельвиг, Илличевский, Корсаков, Кюхельбекер, Яковлев и некоторые другие. Рукописные журналы носили названия: «Вестник», «Неопытное перо», «Юные пловцы», «Для удовольствия и пользы», «Лицейский мудрец», «Мудрец-поэт» (или «Лицейская Антология»).

Воспитанники, обладавшие красивым почерком, переписывали сочиненное товарищами. Иллюстрировался журнал в основном Илличевским, способным рисовальщиком и карикатуристом.

«Пушкин... — рассказывал И. И. Пущин, — постоянно и деятельно участвовал во всех лицейских журналах, импровизировал так называемые народные песни, точил на всех эпиграммы и проч. Естественно, он был во главе литературного движения, сначала в стенах Лицея, потом и вне его, в некоторых современных московских изданиях».

Рисунки лицейстов Яркое дарование Пушкина-художника было оценено лишь со временем. Оно проявилось в большой степени уже после окончания Лицея. Лаконичная и точная манера пушкинского рисунка вызвала впоследствии нарочитые подражания многих художников-графиков, особенно работавших по пушкинской тематике. Но никому из них, даже самым талантливым, не удалось приблизиться к эмоциональному, выразительному почерку поэта.

В своей первой лицейской тетради Александр Пушкин дал достоверные изображения своих современников. Его легкое перо уже тогда умело убедительно передать их характерные черты. В лицейские годы, в лицейских черновых набросках рождались первые автографы поэта. Впоследствии многочисленные автопортреты Пушкина приобрели широкую известность, а один из них и ныне украшает «Литературную газету».

Работая, А. С. Пушкин обычно делал легкие и точные рисунки пером, изображая то себя, то своих героев и героинь, то своих недругов, а чаще — друзей и лицейских товарищей. Из преподавателей Лицея Пушкин, кажется, не изобразил никого, но зато в 1821 году на рукописи с первоначальным замыслом «Братьев разбойников» нарисовал портрет Ж.-П. Марата. В том же году на полях черновика оды «Наполеон» он рисует А. Гор-

чакова и вновь возвращается мыслями к нему в январе 1826 года, когда на полях рукописи «Андрей Шенье» набрасывает его профиль. После событий 14 декабря 1825 года Пушкин изображает В. Кюхельбекера и К. Рылеева на Сенатской площади, а в 1829 году создает выразительный портрет А. Дельвига. Работая над рукописью «Евгения Онегина», Пушкин особенно часто возвращается мыслями к Лицею, к своим лицейским друзьям. Так, в 1826 году Пушкин изображает В. Кюхельбекера, И. Пущина, А. Дельвига и А. Горчакова, а на полях VIII главы по памяти, но безошибочно и легко — Лицей, его арку, парадное крыльцо...

Исследователь А. Эфрос, в 1930 году подробно изучая и рассматривая рисунки Пушкина, в своей книге «Рисунки поэта» не обошел вниманием ни учителя рисования Чирикова, ни его учеников — сокурсников поэта. Он заметил, что, увлеченный рисованием, педагог Чириков «превратил свой класс в универсальную копировочную мастерскую», его ученики рисовали с антиков, эстампов, рисунков, иллюстраций, народных картинок; они «сводили, растушевывали, моделировали» головы и фигуры богов, богинь, героев, мудрецов, властителей, бар, простонародья, зверья.

Надо заметить, что лицеисты рисовали много и с натуры — друг друга, а иногда и приезжавших в Лицей родных и знакомых. Уроки С. Г. Чирикова не прошли бесследно — всех своих питомцев он научил рисовать. Известно, что Ф. Ф. Матюшкин свои записки во время путешествий снабжал рисунками. Делал, видимо, зарисовки и В. Д. Вольховский — топограф.

Рисунок Кюхельбекера был выразителен уже в лицейские годы. Как это свойственно многим поэтам и писателям, Вильгельм Кюхельбекер на полях своих рукописей часто делал различные наброски. Он был прекрасным рисовальщиком с твердой и легкой линией пера. Особенности представляют рисунки Кюхельбекера из лицейской тетради 1816—1817 годов: «Профиль юноши», «Два профиля» (один из них опубликован в 1976 году), «Мужской профиль» на автографе стихотворения «Зима», «Портрет мужчины с бородой» на автографе стихотворения «К Матюшкину» (первая половина 1817 года), «Портрет старика» на автографе стихотворения «Семья» (конец 1810-х или начало 1820-х годов), «Мужские портреты» на рукописи басни «Был парень моло-

дой, лихой работник...» (1818—1819 годы), созданные вскоре после окончания Лицея,— также близки рисункам из лицейской тетради. (Лицейские рисунки атрибутированы недавно, три из них опубликованы впервые в 1976 году и два — в 1980) *.

Если сопоставить эти рисунки между собой и со всей известной небольшой иконографией В. К. Кюхельбекера (рисунок А. С. Пушкина на рукописи VIII главы романа «Евгений Онегин» 1826 года, шарж П. Л. Яковлева, изображающий Кюхельбекера после возвращения его из-за границы в 1821 году, гравюра И. И. Матюшина, созданная в 1880 году, и рисунок С. Ф. Белкина 1845 года), то легко обнаруживается сходство. Здесь явно изображен один и тот же человек: так много общего в характерной линии рта с опущенным углом, в построении всего лица и даже в особенном его выражении, благодаря как бы «внутреннему» взгляду, видимо свойственному Кюхельбекеру.

Феноменальное сходство имеют «Профиль юноши», «Портрет мужчины с бородой», «Портрет старика» и рисунок С. Ф. Белкина, сделанный с натуры более чем через двадцать лет. Удивительно одно: как мог юноша Кюхельбекер так предугадать свой будущий облик в рисунке «Портрет старика»?

Подтверждением тому, что все эти рисунки являются автопортретами, может служить, пожалуй, и надпись, сделанная самим Кюхельбекером на рисунке «Два профиля»:

...Не ожидаю я участия
От юных, радостных друзей...

Предполагать, что Кюхельбекер изобразил здесь «юных, радостных друзей» (вернее, кого-то одного из них), не приходится, ибо сходство обоих профилей и лица юноши из той же лицейской тетради неоспоримо. Так рисунки поэта дополнили его же иконографию, и, что еще важнее,— лицейского периода. Сам же Вильгельм Кюхельбекер предстает перед нами как незаурядный художник.

Надо отдать должное и бесспорно первому лицейскому рисовальщику и карикатуристу Алексею Илличевско-

* Публикация С. Д. Руденской (Балашовой) в книгах «Они учились с Пушкиным», «Пушкинский Лицей» и в журнале «Аврора» (1976, № 14).

му. Остронаблюдательный, он превосходил всех живостью, непринужденностью карандаша, к тому же умел облекать все и всех в карикатурные формы и образы.

Он создал своеобразную «портретную галерею», запечатлев лицейские сцены, оживил для нас быт и атмосферу Лицея. Благодаря Илличевскому, хотя только в карикатуре, но все-таки мы можем представить себе многих из лицейских, чьи портреты нам неизвестны. В точности сходства карикатур Илличевского с его моделями убедиться легко. Сравним, например, поразительные по внешнему сходству известный портрет Гауеншильда и изображение его на карикатуре Илличевского или рисунок «Охота» из «Лицейского мудреца» 1815 года, где изображен Александр Корнилов, с его же фотографией 1850-х годов. Можно привести и другие примеры.

В книге «Пушкинский Лицей» были опубликованы все фрагменты карикатуры А. Илличевского «Лицейские профессора, ищущие милости у Разумовского», с удивительной точностью передающие черты портретируемых, в своем роде они восполнили скромную иконографию лицейских наставников.

Разбирая рисунки лицеистов, рисунки Пушкина и его товарищей, А. Эфрос дал и весьма интересные характеристики самих воспитанников. Он утверждал, что «настоящим человеком в искусстве» был Вольховский, хотя это, может быть, покажется и неожиданным, ибо «замечательный юноша, вызывающий к себе на столетнем расстоянии ту горячность симпатии, какую из всех перволицейстов мы чувствуем только к ближайшим пушкинцам, к Дельвигу, Пущину, да, пожалуй, к Кюхельбекеру, был наделен большей одаренностью, нежели то представляешь себе по официальным похвалам и товарищеским панегирикам». Установив и обосновав первенство Вольховского как лицейского художника, Эфрос видел близким к нему лишь одного — Костенского. И если краткий страстный монолог Эфроса о Вольховском можно озаглавить его же словами: «Скромность была его несчастьем», то не менее горячий монолог о Костенском звучит почти по-гоголевски, как маленькая поэма о маленьком человеке, как история одной несложившейся судьбы.

Наверняка лишь в 1930 году, ровно через сто лет после смерти Костенского, исследователь впервые уловил то, в чем, может быть, сам себе не хотел признать-

ся «старик» Костенский: «Лист с гусаром наводит на мысль, что рисование было какою-то уединенной его привязанностью, мрачной страстью... Лицей был для него, «старика», ни к чему. Он нуждался в иной школе. Лицейский недоросль мог бы успевать на скамье Академии художеств... Его «Гусар» говорит столько же о том, чем он мог бы быть, сколько и о том, чем он не стал». Разбор исследователем рисунка Костенского вылился в краткий, но увлекательный рассказ о каждом рисовавшем, и личность «старика» Костенского окрасилась новыми неведомыми красками, его «посредственность» осветилась радостным светом творчества.

Однако следует отметить, что Эфрос явно увлекся и преувеличил художественный дар К. Костенского, ибо рассмотренный им «Гусар» — весьма беспомощный рисунок, хотя и старательно скопированный; не в пример ему динамично, твердой рукой исполнен Илличевским рисунок «Схватка казака с французом», впервые опубликованный в книге «Они учились с Пушкиным».

Нельзя согласиться с Эфросом и в том, что лицеисты занимались чистым копированием, которому якобы только и обучал Чириков. Нет, лицеисты много рисовали с натуры, делали портреты друг друга, своих близких. Так, прекрасно выполнен портрет Семена Есакова в лицейском мундире. Много лет его полагали работой некоего Корфа, в действительности его можно считать рисунком лицеиста Модеста Корфа, хорошего рисовальщика, художественные способности которого отмечали как Чириков, так и Энгельгардт. Этот легкий рисунок Модеста Андреевича Корфа, исполненный в последний год обучения, свидетельствует о возросшем уровне лицейских художников. В книге «Они учились с Пушкиным» мы поставили инициалы «М. А.» предположительно: Корф (М. А.?), но дальнейшее исследование лицейского творчества дало нам право говорить об авторстве Модеста Корфа с уверенностью.

Рисунки воспитанников Лицея долгие годы хранились в семье Малиновских, так как некогда были подарены тетке Ивана Малиновского Анне Андреевне Самборской.

Анна Андреевна посвятила свою жизнь сначала отцу, а затем детям умершей сестры Софьи, жены В. Ф. Малиновского. Она ежегодно приезжала на дачу в Александрово близ Павловска. Воспитанники Лицея вместе со своим товарищем Иваном Малиновским часто

посещали ее дом. Благодарные за гостеприимство и сердечную теплоту, мальчики одаривали Анну Андреевну рисунками, которые она бережно хранила.

Ныне эти рисунки находятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. К ним прилагается текст, написанный кем-то из Малиновских: «Рисунки воспитанников Лицея 1-го курса, подаренные ими в знак памяти Анне Андреевне Самборской, которая всегда радушно принимала всех и не раз угощала их на даче Александровке, где в последний раз перед кончиною своею проводил лето отец ее Андрей Афанасьевич Самборский в 1815-м году».

Лицейский альбом Представление о почерках воспитанников Лицея первых лет дает альбом Александра Горчакова. Этот альбом — маленькая записная книжка — хранится среди автографов поэта в Пушкинском Доме *. В желтой обложке с серыми разводами, несколько потертая от времени, она содержит трогательные и наивные записи почти всех товарищей Горчакова по Лицею. По-видимому, у многих воспитанников были такие альбомы, но сохранился лишь этот, датированный ноябрем 1811 или 1812 года.

Автограф Пушкина, находящийся в нем, является одним из самых ранних известных автографов поэта. Впервые он опубликован в 1935 году в сборнике «Рукою Пушкина». Остальные же записи из альбома были опубликованы сравнительно недавно, в 1977 году **.

Записная книжка состоит из сорока трех листов размером примерно десять на пятнадцать сантиметров и включает двадцать одну запись. Первая из них принадлежит Семену Есакову, вторая — Михаилу Яковлеву, третья — Модесту Корфу, четвертая — Ивану Пушину. «Не забывай тебя любящего ***, желающего тебе искренно быть счастливым во век и почитающего тебя. И. Пушин». Следующую запись, стихотворную, сделал Алексей Илличевский:

Ах! есть ли некогда, средь
 славы и почтенья,
 Довольны будете вы щастьем
 и судьбой,

* Ф. 244, оп. 1, № 1688.

** Руденская С. (Балашова). В лицейском альбоме. — Вперед, 1977, № 67.

*** Здесь и далее орфография и пунктуация записей сохранена.

Смиренно вас прошу, средь
роскоши такой
Уставов не забыть любви
и снисхожденья.

После стихотворения Илличевского, на третьем листе, находится автограф Вильгельма Кюхельбекера. Твердым и красивым почерком он сделал свою запись на немецком языке; в ней десять строк, включая двустишие из Шиллера. Затем следует пожелание Горчакову от Николая Корсакова: «Желаю тебе счастья от всего моего сердца. Н. Корсаков». Восьмой автограф принадлежит Владимиру Вольховскому (третий лист, оборотная сторона): «С вашими дарованиями и достоинствами я не могу вам желать счастья, которое всегда им последует. И так мне ничего не остается пожелать вам окромя здоровья, нужного всем. В. Вольховский». Росчерк содержит анаграмму имени и отчества. Далее находятся записи Дмитрия Маслова и Константина Костенского. Одиннадцатую запись сделал Антон Дельви́г: «Одна только смерть исторгнет из моей памяти вас. Б: А: Дельви́г». Двенадцатая запись — Александра Бакунина, тринадцатая — двустишие — Николая Ржевского.

На обороте пятого листа (первая запись вверху страницы) — автограф Александра Пушкина. Это четырнадцатая запись в альбоме Горчакова. Видимо, она не случайно совпадает с номером его лицейской «кельи». Шесть строк написаны аккуратно, красиво. Заметно, что текст был почищен, и по почищенному юный поэт вновь написал несколько первых букв. Слова обращены к товарищу, видимо в ответ на его запись: «Вы пишети токмо для вашего удовольствия, а я, который вас искренно люблю, пишу чтоб вам сее сказать. А. Пушкин». Подпись имеет уже характерный впоследствии пушкинский росчерк.

На этом же листе, по-видимому, рукою Фридриха Стевена, сделана запись на немецком языке. На шестом листе находятся четверостишия Павла Мясоедова и Александра Корнилова (в подписи: «А. Корнилов»); на обороте — запись Сильверия Броглио и стихотворение Сергея Комовского:

Хотелось бы и мне
стихами написать
Да жаль Поэзии еще я не
учился;

А просто вам скажу: где б
я не находился,
Вас буду я всегда любить и
почитать.

Гувернер А. Иконников также сделал запись в альбоме своего воспитанника: «Желаю очень, чтобы любовь и расположение ваше ко мне, на всегда соответственны моей к вам преданности и усердия. А. Иконников».

Альбом, обязанный своим возникновением, по всей вероятности, дню рождения Александра Горчакова и содержащий записи, сделанные, скорее всего, одновременно, завершает автограф Ивана Малиновского: «Всегда буду помнить как ты любишь помогать товарищам, зато и тебе буду помогать в чем будет можно. Люби и помни друга твоего Ивана Малиновского».

Этот альбом Александра Горчакова, содержащий бесценный автограф Александра Пушкина и один из первых автографов Пущина, Кюхельбекера, Дельвига, представляет собой и значительный исторический интерес как своеобразный документ времени.

Он наполнен искренними, подчас наивными, записями друзей и соучеников Горчакова, которые уносят нас в далекую эпоху, в атмосферу Царскосельского лицея, в «резвый круг» товарищей Пушкина.

Лицейские поэты и музыканты

Уже тогда, в ранний период своего творчества, Пушкин относился к поэзии с позиций высокой гражданственности. Он проявил себя прежде всего как поэт-патриот. Он весь отдавался творчеству и, испытывая минуты вдохновения, познавал радости поэтического труда. Пройдут годы, и Пушкин скажет об этой поре:

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Удивенное волненье.

Пушкин и некоторые другие воспитанники под разными псевдонимами начали помещать свои произведения в московских журналах («Вестник Европы», «Российский Музеум», «Амфион»). Первым стал печататься Дельвиг. В «Вестнике Европы» в 1814 году была опубликована его «Ода на взятие Парижа», подписанная псевдонимом «Русской». Первое произведение Пушкина «К другу стихотворцу» было напечатано в журнале «Вестник Евро-

пы» в 1814 году в № 13 за подписью «Александр Н. к. ш. п.». В этом стихотворении гордо прозвучали слова пятнадцатилетнего поэта: «И знай, мой жребий пал, я лиру избираю». Когда «во мгле дубравных сводов» царскосельских парков, и «в углах лицейских переходов», и «в студенческой келье» — везде юному Пушкину стала являться его «неутомимая» вдохновенная муза, которая «озарила все вокруг», он почувствовал, как вспомнил впоследствии в романе «Евгений Онегин»:

Я изменился, я поэт,
В душе моей едины звуки
Переливаются, живут,
В размеры сладкие бегут.

О чем же пишет лицейский Пушкин, что волнует его? Юношеское творчество поэта для нас не просто дорого, оно являет нам стихи, многие из которых стали подлинными образцами русской поэзии.

Говоря о лицейском творчестве Пушкина, лучше всего прислушаться к голосу самого поэта, к его вдохновенному слову, к музыке его стиха, увидеть, что еще в лицейские годы четырнадцати-семнадцатилетний Пушкин создал произведения, способные восхищать нас сегодня.

Первое стихотворение Александра Пушкина за 1813 год обращено к крепостной актрисе — «К Наталье»:

Не владетель я Серала,
Не арап, не турок я,
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,

— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы, там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

Действительно, жизнь в Лицее была по-монашески уединенной. Крохотные комнаты воспитанников напоминали кельи, и даже решетки на окнах действительно существовали.

Первое печатное стихотворение «К другу стихотворцу» (1814 год) написано с тонким юмором и иронией:

Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,

Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы,
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы...

Стихотворение «Кольна» было напечатано в следующем, 14-м номере журнала «Вестник Европы», это вольное переложение эпизода из поэмы Оссиана «Кольна-Дона» (по русскому переводу):

Небес сокрылся вечный житель.
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках...

Большинство стихотворений из ста тридцати двух, созданных Пушкиным в Лицее, среди них более всего дружеских посланий — около сорока, и эпиграмм — более тридцати, и также элегий — семнадцать, при жизни поэта не печаталось; наверное, немало исчезло в чьих-то альбомах, но надо полагать, что лучшие дошли до нас. Том стихотворений Пушкина включает более ста его лицейских стихотворений. Многие романтические стихи Пушкина 1814 года наполнены живописанием природы, напоены возвышенными чувствами.

В стихотворении «К сестре» поэт описывает свою келью:

Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной келье:
Зашелка на дверях,
Молчанье, враг веселья,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель...

Мадригал «Красавице, которая нюхала табак» звучит искрометно, с юмором:

Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает...

Стихотворение-романс «Казак» было написано в 1814 году (напечатано в 1815 в журнале «Русский Му-

зеум») в подражание украинским песням, которые были в моде после постановки в 1812 году водевиля Шаховского «Казак-стихотворец»:

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка на бекрени
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

На именины лицейского товарища Александра Горчкова, бывшие 30 августа, поэт написал стихи:

Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?

В том же 1814 году Иван Пущин в № 18 «Вестника Европы» поместил свой перевод статьи Вольтера «Об эпиграмме и надписи древних». В статье были приведены стихотворные примеры, переведенные Илличевским. Пушкинский перевод античной эпиграммы сделан изящно, звучит легко:

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет век,
Седого времени не страшна ей обίδα:
Она — не смертный человек...

Искрящееся, озорное стихотворение «Пирующие студенты» — это уже классика, оно звучит с эстрады, его ныне читают на радио, по телевидению — всегда, когда вспоминают о юности поэта. Стихотворение посвящено друзьям, веселым, радостным, счастливым, собравшимся на дружескую пирушку. Здесь и профессор Галич, и друзья Дельвиг, Броглио («сиятельный повеса»), Пущин — «товарищ милый», Малиновский («повеса из повес»), Корсаков («милый наш певец»), Яковлев («Роде записной»), Роде — известный скрипач) и Кюхельбекер.

Друзья! досужный час настал;
 Все тихо, все в покое;
 Скорее скатерть и бокал!
 Сюда, вино златое!

Обращение к поэту Батюшкову, написанное в 1814 году, было напечатано в 1-м номере «Российского Музеума» в 1815 году:

Певцу любви любовь награда.
 Настрой же лиру. По струнам
 Летай игривыми перстами,
 Как вешний зефир по цветам...

В том же номере журнала одновременно опубликована и эпиграмма, перевод с французского:

Супругою твоей я так пленился,
 Что если б три в удел достались мне,
 Подобные во всем твоей жене,
 То даром двух я б отдал сатане,
 Чтоб третью лишь принять он согласился.

И, наконец, по предложению профессора российской словесности А. И. Галича для переходного экзамена 1815 года Пушкин создает «Воспоминания в Царском Селе», оно было помещено в «Российском Музеуме» в № 4 с примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает». Это стихотворение было первым, напечатанным за полной подписью поэта — Александр Пушкин.

Стихотворение было написано в октябре 1814 года, но когда стало известно, что на экзамене будет присутствовать Державин, Пушкин приписал еще две последние строфы. Это было в декабре. Стихи были прочитаны на репетиции экзамена перед министром просвещения Разумовским за несколько дней до начала экзаменов. В 1819 году Пушкин внес и некоторые изменения, сопровождая примечаниями, но в свои сборники его так и не включил. Этот текст при жизни поэта не печатался.

В произведении все дышит поэзией и славой царскосельских садов, многие красоты и памятные места их легко узнаются и сегодня, ибо столь конкретно живописуются. Поэт начинает стихотворение описанием ночи — ноши, где в каждой строке словно слышатся ночные шорохи; это ощущается и в обилии шипящих звуков, слова

завораживают своей загадочностью, ожиданием, предвкусением действия:

Навис покров угрюмой ночи
 На своде дремлющих небес;
 В безмолвной тишине почил дол и роци,
 В седом тумане дальний лес;
 Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
 Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
 И тихая луна, как лебедь величавый,
 Плывет в серебристых облаках.

Далее поэт описывает памятники славы русского оружия в честь побед над шведами, турками, одержанных под руководством великих полководцев, описывает победы в войне 1812 года. И вот повержен «тиран» — Наполеон, пала Франция — Галлия, но что же русские — россы?

В Париже росс! — где факел мщенья?
 Поники, Галлия, главой.
 Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
 Грядет с оливою златой.
 Еще военный гром грохочет в отдаленье,
 Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
 А он — несет врагу не гибель, но спасенье
 И благотворный мир земле.

Это глубоко патриотическое, вдохновенное произведение 15-летнего поэта завоевало всеобщее признание.

В лицейской редакции в этом стихотворении после стиха «плывет в серебристых облаках» следовали строки, полные очарования, исключенные поэтом в 1819 году:

И тихая луна, как лебедь величавый,
 Плывет в серебристых облаках.
 Плывет — и бледными лучами
 Предметы осветила вдруг.
 Аллеи древних лип открылись пред очами,
 Проглянули и холм и луг;
 Здесь, вижу, с тополем сплелась младая ива
 И отразилась в кристале зыбких вод;
 Царицей средь полей лилея горделива
 В роскошной красоте цветет.

Так Пушкин, требовательный к своему произведению, отсеивал лишние образы, даже если они и были удачно найдены.

Известный «Романс» Пушкина, написанный также в 1814 году, был опубликован в 1827 году в альманахе

«Памятник отечественных муз» в неточном и неполном виде, скорее всего без ведома поэта; вскоре оно стало популярным городским романсом, распространившимся и в селах, перепечатывалось в «Песенниках», звучит до сих пор. Несчастливая обольщенная мать подкидывает свое дитя к порогу чужой хижины — истории, не редкие в то время. Юный поэт сумел тронуть сердца этой горестной песнью матери:

«Ты спишь, дитя, мое мученье,
 Не знаешь горестей моих,
 Откроешь очи и тоскуя
 Ко груди не прильнешь моей.
 Не встретишь завтра поцелуя
 Несчастной матери твоей».

Кантата на мифологический сюжет «Леда» имеет свое очарование, прелестно своей неожиданной концовкой. Два французских стихотворения Пушкина «Stances» и «Mon portrait» при жизни Пушкина не печатались, они как бы завершают собой первые опыты лицейских стихов Пушкина. «Стансы» и «Мой портрет» переведены Б. В. Томашевским не рифмованным стихом. Это близкий к оригиналу и пушкинский по духу и лексике перевод. Иные попытки перевести с французского на русский «Мой портрет» рифмованным стихом далеки от оригинала и пушкинского стиля, являют собой сочинения самих переводчиков по мотивам пушкинского стиха. «Mon portrait» — это описание Пушкиным самого себя, обращенное к лицейскому товарищу Павлу Греницу.

Таковы ранние стихи 14—15-летнего поэта, в которых уже прекрасны и слово, и образы, в них ощутима зрелая мысль и звучат гражданственные мотивы. И если для юного Пушкина это еще только поэтическое начало, первые шаги, если гения стихи его детства лишь опыты, которые и он, и его читатели судят, сравнивая с произведениями его зрелого периода, то по обычной мерке эти стихи достойны мастера поэтического слова.

С 1815 года начинается период зрелого творчества как по мастерству, так и по идейной направленности. Отточены слово и форма, содержание глубоко или возвышенно-лирично.

В «Российском Музеуме» за 1815 год в № 5 поэт печатает стихотворение «Лицинию», позднее, в 1818—1819 годах, Пушкин подверг его некоторой переработке.

Это стихотворение поэт включил в собрание своих стихов 1826 года и с подзаголовком «с латинского», по цензурным соображениям. В рабской стране юный поэт смело заявляет: «Я рабство ненавижу», «кипит в груди свобода; во мне не дремлет дух великого народа». И последними звучат слова о мщенье, о падении развратного, погрязшего в злодеяниях и рабстве Рима: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Еще одно блистательное, даже пророческое стихотворение о близком поражении Наполеона «Наполеон на Эльбе (1815)», который в одиночестве предается своим мрачным мечтам:

«Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал — и все падет во прах,
Все сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Нежное лирическое стихотворение «Мечтатель» наполнено тишиной, покоем, поэтическим раздумьем, прекрасен и его запев:

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина,
С долины ветер веет,
Молчит певича вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи...

Это стихотворение, а также «К Пушину» и «К Галичу» были опубликованы в «Российском Музеуме» в № 8 и 9 за 1815 год.

Стихотворение «Воспоминание (К Пушину)» посвящено событию 5 сентября 1814 года, так называемой истории с гоголь-моголем, которую впоследствии описал И. И. Пущин в «Воспоминаниях о Пушкине». Три друга — Пущин, Пушкин и Малиновский — через дядьку Фому достали рому, яиц и сахару и устроили эту злополучную пирушку с гоголь-моголем. Исполнявший должность директора Гауеншильд об этой детской шалости донес министру Разумовскому. Фому уволили, а трем провинившимся было вынесено строгое порицание с занесением этого проступка в особую книгу, что впоследствии могло оказать влияние на дальнейшую судьбу, к тому же они были обязаны в течение двух недель во время вечерней молитвы стоять на коленях.

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пушковых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

В «Российском Музеуме» в № 10—11 были также напечатаны «Послание к Галичу» и «Моя эпитафия». Большинство стихов этого периода при жизни поэта либо не печаталось, либо публиковалось уже в послелицейские годы.

Большая часть стихотворений за 1816 год при жизни Пушкина не печаталась, хотя это истинные поэтические шедевры: «Сон», «Окно», «Осеннее утро», «Разлука», «Истина», «Наездники», «Элегия», «Месяц», «Слово милой», «Любовь одна — веселье жизни хладной», «Элегия», «Элегия» («Я думал, что любовь погасла навсегда...»), «Наслажденье». «Певец» и «К Морфею» — два пленительных стихотворения того периода, положенные затем на музыку, отмечены гением поэта. Первое было опубликовано в № 1 «Северного наблюдателя» за 1817 год, а затем включено Пушкиным в собрание его стихотворений; второе — впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда» в 1824 году.

Как и прежде, поэт пишет много эпиграмм. Вот, например, на поэтессу Пучкову:

Зачем кричишь ты, что ты *дева*
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты о женихе.

Наступил 1817 год, год окончания Лицея. Поэт обращается в своих стихах к друзьям лицейских лет. Гусару Петру Каверину он пишет:

И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

К Александру Горчакову — лицейскому товарищу — поэт обратился перед разлукой («Князю А. М. Горчакову»):

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный,—
Моя стезя печальна и темна;...

Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей.

«Товарищам», «В альбом Пушкину», «Разлука» — стихи, определяющие жизненную позицию молодого поэта, его целеустремленность.

Ряд стихов лицейского периода не имеют даты написания и значатся стихами 1813—1817 годов, к ним относятся и многие эпиграммы, в частности «На гр. А. К. Разумовского»:

Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
— Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

И на Кюхельбекера:

Вот Виля — он любовью дышит,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.

Озорно, лукаво звучит и зарисовка жанровой сценки из царскосельского быта «От всенощной вечер идя домой». Очарованием веет от прелестного по форме и словосочетаниям четверостишия «На Баболовский дворец».

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног.

Поэзия Александра Пушкина сразу приковывает внимание. По прошествии многих лет, и даже после смерти поэта, на его стихи, написанные в Лицее, композиторы все еще будут писать музыку. А стихотворение пятнадцатилетнего Пушкина «Под вечер, осенью ненастной...» (1814 год) вскоре после его создания прочно вошло в городской фольклор. Только на слова стихотворения «Певец», написанного Пушкиным в 1816 году, созданы романсы Верстовским, Титовым, Чайковским и еще восемью композиторами. Были положены на музыку лицейские стихотворения Александра Пушкина: «К Морфею», «Пробуждение», «Роза», «Уныние», «Слеза»,

«К живописцу», «К Делии», «К Маше» («Вчера мне Маша приказала...»); на празднике в Павловске 6 июня 1816 года пелись стихи Пушкина «Принцу Оранскому» *.

Все лицеисты, охваченные патриотизмом, становятся приверженцами русского языка, родной литературы. Своему дяде А. Н. Пещурову Александр Горчаков писал из Лицея, что он, хотя и любит французский язык, но не столь ослеплен им, чтобы не чувствовать всех достоинств русского языка, «обильнейшего, благозвучнейшего, богатейшего». Та необычайная легкость, с которой, казалось, писал Александр Пушкин стихи, была обманчивой, и соученики его знали это хорошо, недаром Модест Корф заметил, что «именно для такой легкости он <Пушкин> мучился над ними по часам и в каждом стихе, почти в каждом слове было бесчисленное множество поправок».

Преподавание музыки уставом Лицея не предусматривалось. Это волновало многих родителей. Так, отец Модеста Корфа обратился к министру с просьбой разрешить воспитанникам Лицея брать частные уроки. Министр разрешил, но с условием, чтобы они не шли в ущерб основному курсу обучения.

В Лицее было много музыкально одаренных юношей. Музыкальностью, прекрасным голосом отличались прежде всего Николай Корсаков и Михаил Яковлев. Антон Дельвиг хорошо играл на фортепиано, Вильгельм Кюхельбекер — на скрипке. О музыкальной одаренности Александра Пушкина говорит музыкальная выразительность его стихов.

Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою... —

писал Пушкин о себе в стихотворении 1815 года («Моему Аристарху»). По воспоминаниям А. П. Керн, «в минуты рассеянности» поэт всегда «напевал какой-нибудь стих» или какую-нибудь песню. Голос поэта был звонкий, певучий, и «нельзя было слышать более приятного, более гармоничного голоса», нежели голос Пушкина. Еще в лицейские годы Александр Пушкин, по воспоминаниям Корфа, «постоянно и деятельно импровизировал» так

* Стихи были заказаны престарелому поэту Нелединскому-Мелецкому, но, не будучи уверен в себе, он обратился к юному поэту и передал ему поручение.

называемые «национальные песни», он был автором и соавтором многих «лицейских гимнов». В подчеркнутом музыкальном ритме написаны Пушкиным в 1814 году его искрящиеся и озорные «Пирующие студенты».

Лицейские композиторы Корсаков и Яковлев писали музыку на стихи своих лицейских друзей. И впоследствии Михаил Яковлев, которого можно назвать одним из гениев русского романса, создал еще целый ряд произведений на слова Пушкина и Дельвига. Его романс «Элегия» на слова последнего, безусловно, является одним из шедевров русского музыкально-песенного искусства, где гармония музыки и слова доведена до совершенства.

Впоследствии, в 1821 году, из южной ссылки Пушкин напишет в послании «Чаадаеву» о своей первой пере поэтического творчества:

Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царкосельские хранительные сени.

Поэт В. А. Жуковский в письме к поэту и критику П. А. Вяземскому 19 сентября 1815 года писал о юном Александре Пушкине: «Это надежда нашей словесности... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который нас всех перерастет...»

Переходный экзамен

Лицей явился свидетелем необычайно важного события, ставшего решающим, поворотным в жизни Пушкина. 8 января 1815 года здесь состоялся экзамен: лицеисты переходили с младшего курса на старший. Пятнадцатилетний Александр Пушкин в переполненном зале в присутствии прославленного поэта Гавриила Романовича Державина читал свое глубоко патриотическое произведение, гимн народу — победителю в Отечественной войне 1812 года — «Воспоминания в Царском Селе». В этот день Пушкин был признан поэтом.

Этот торжественный момент изобразил И. Е. Репин в картине «Пушкин читает перед Державиным свое стихотворение „Воспоминания в Царском Селе“». Художник задумал осуществить работу к столетию со дня основания Лицея. Репин написал картину о встрече двух поэ-

тических поколений, воплотивших две литературные эпохи — уходящую и наступающую. Старик Державин, поднявшись навстречу юному Пушкину, вслушивается в его стихи и, кажется, видит грядущий день русской поэзии. Работая над картиной, Репин тщательно изучил не только иконографию Пушкина, но и быт, эпоху, костюм, интерьер Лицея. Он беседовал с бывшими его воспитанниками, еще помнившими прежнюю обстановку и атмосферу. Картина эта — своеобразный исторический документ.

Чтение Александром Пушкиным стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» произвело огромное впечатление на всех присутствовавших. Вот что писал друг Пушкина Иван Иванович Пущин: «На публичном нашем экзамене Державин державным своим благословением увенчал юного нашего поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этим торжеством. Пушкин тогда читал свои «Воспоминания в Царском Селе». В этих великодушных стихах затронуто все живое для русского сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уж не было: он убежал!..»

Сам Александр Сергеевич Пушкин вспоминал: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. <...> Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени. <...> Державин был очень стар. <...> Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. <...> Наконец, вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилося с упительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли.»

Пройдут годы, и в «Евгении Онегине» Пушкин скажет об этом времени:

Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Царскосельские встречи

Существует мнение, будто еще на лицейской скамье Пушкин был принят в число членов литературного общества «Арзамас». Но сохранившиеся протоколы заседаний не подтверждают этого. Имя Александра Пушкина и его кличка Сверчок, заимствованная из баллады Жуковского «Светлана», появляются в недатированном «Списке избранным арзамасцам», относящемся, скорее всего, к августу 1817 года. Несомненно одно: еще в Лицее Пушкин был хорошо знаком с многими арзамасцами и с деятельностью самого общества. Арзамасцем, как известно, являлся дядя Пушкина Василий Львович. В 1817 году в общество были приняты М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев и Никита Муравьев, призывавшие участников его к высоким гражданским целям.

Вся обстановка в Лицее и вне его стен, общение с талантливыми творческими людьми, с передовой мыслящей военной молодежью — все это способствовало быстрому созреванию умов. Передовые педагоги, талантливые ученики, и прежде всего А. Пушкин, привлекали к Лицею внимание известных поэтов, писателей, деятелей культуры. Многие смотрели на Лицей с надеждой. Его посещали видные впоследствии деятели декабризма, в частности Павел Пестель, Федор Глинка, бывали здесь известные поэты, литераторы, просветители. Будучи в Лицее, историк Карамзин, зайдя в класс, обратился к Александру Пушкину со знаменательными словами: «Пари, как орел, но не останавливайся в своем полете».

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возростал... —

так писал А. Пушкин в 1829 году в стихотворении «Воспоминание в Царском Селе».

Нельзя не оценить и той важной роли, какую сыграла в развитии эстетических вкусов лицеистов неповторимая красота царскосельских дворцов и парков. Она

будила любовь к природе, к искусству, вызывала чувство восхищения перед великими творцами прекрасного.

Царское Село, городок, окруженный зеленью лугов и бесконечными парками, выделялся как редкостная жемчужина среди всех пригородов Петербурга. Сочетание сельского покоя и идиллической тишины с расточительной роскошью и праздничностью, особенно в летние месяцы, когда здесь собиралась придворная знать, привлекало многих в эту обитель красоты. Три необъятных парка, два огромных дворца и множество павильонов, памятников, статуй. Здесь нашли отражение все стили искусства: от живописных форм барокко, гармонически прекрасного классицизма, столь близкого Пушкину, до средневековой и восточной экзотики, готических, китайских и турецких мотивов.

Парки, напоенные романтикой воинской доблести и славы русского оружия, чарующие духом античной поэзии, дышащие живописной красотой, тихой и задумчивой... В любое время года, в любую погоду «сады Лицея» дарили и до сих пор дарят человеку истинное наслаждение. Но именно осень как-то особенно оттеняет здешнюю красоту, запечатленную в едином слиянии архитектуры и искусно созданного пейзажа: красочная осенняя гамма была, как известно, умело использована учеными — садоводами и архитекторами — творцами этих садов.

Осень в царскосельских парках — это пламень красных, оранжевых и желтых листьев на синеве неба, их шуршание под ногами. Столь прекрасная в царскосельских парках, она навсегда осталась для Пушкина любимым временем года... Необыкновенная прозрачность голубоватых таецких вод, наполнявших многочисленные пруды, создавала зеркала, отражавшие все окружавшее. Искусственные водопады, каскады, ручьи, насыпи, подьемы и спуски, многочисленные мосты и мостики подчеркивали бесконечное разнообразие пейзажей. Среди деревьев здесь преобладали липы, в пору цветения наполнявшие воздух ароматом.

Запахи лугов, запахи полей и цветов... Пестрый мир птиц, бабочек, стрекоз. На глади озер — лебеди.

Пройдут годы, и в поэме «Евгений Онегин» А. С. Пушкин вспомнит:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,

Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Но музу поэта с самого начала питали и героические мотивы. Памятники победам русского оружия, украшавшие Екатерининский парк, будили в нем, как и в его товарищах, гражданственную гордость.

Через Царское Село проходил старинный почтовый тракт из Петербурга в Москву. Дорога вилась вдоль Александровского парка, сворачивала под арку Лицея, тянулась вдоль набережной канала у Екатерининского парка. Улицы Царского — прямые и широкие, особняки — небольшие и уютные, сады окружены ажурными чугунными решетками.

В. К. Кюхельбекер писал впоследствии: «Да что же и не примечательно для меня в Царском Селе? В манеже мы учились ездить верхом; в саду прогуливались; в кондитерской украдкой лакомились; в директорском доме, против самого Лицея, привыкали несколько к светскому обращению и обществу дам. Словом сказать, тут нет места, нет почти камня, ни дерева, с которым не было сопряжено какое-нибудь воспоминание, драгоценное для сердца всякого, бывшего воспитанником Лицея».

Во многих домах «Лицей имел права гражданства», как вспоминал И. И. Пущин. Воспитанники бывали в домашнем театре графа Толстого, в домах графа Ожаровского, И. Северина, Бакуниной (матери Александра Бакунина), у придворного банкира Вельо, в доме учителя пения Теплера де Фергюсона и, конечно, у Энгельгардта — второго директора Лицея. Именно в его доме они знакомились с обычаями света и находили женское общество.

Летом, в «вакантный месяц», директор совершал с воспитанниками дальние, иногда двухдневные, прогулки по окрестностям Царского Села; зимой в праздничные дни для развлечения он возил их на тройках за город за трапезой или пить чай; в саду, за прудом, для них устраивались катания с гор и на коньках.

Во всех этих увеселениях участвовало семейство Энгельгардта и близкие ему дамы и девицы, иногда — родственники воспитанников. «Одним словом, директор наш

понимал, что запрещенный плод — опасная приманка и что свобода, руководимая опытной дружбой, останавливает юношу от многих ошибок,— отмечал И. И. Пущин,— от сближения нашего с женским обществом зарождался платонизм в чувствах: этот платонизм не только не мешал занятиям, но придавал даже силы в классных трудах, нашептывал, что успехом можно порадовать предмет воздыханий».

В домашнем театре Толстого Пушкин встретился с крепостной актрисой Натальей, которой посвятил несколько стихотворений. Екатерина Павловна Бакунина, сестра лицеиста, «произвела всеобщий восторг во всей лицейской молодежи». «Как мы впервой все трое полюбили»,— вспоминал Пушкин в 1825 году о себе, Пущине, Малиновском. Многие лицейские стихи Пушкина вызваны чувством к этой прекрасной девушке. В Екатерину Бакунину влюблен был и лицейский поэт Илличевский. Сестре лицеиста Горчакова Елене Михайловне Пушкин посвятил в 1814 году мадригал.

На уроки танцев в Лицей иногда приглашали девушек. В Царское Село часто приезжали дочь графа Наталия Викторовна Кочубей и Софья Дмитриевна Позняк. «Подобно тому, как в жизни лицейских 1-го курса играла роль сестра их товарища А. П. Бакунина, Екатерина Павловна, такое же значение имела во II курсе сестра И. Д. Позняка, Софья Дмитриевна»,— писал В. П. Гаевский, лицеист выпуска 1845 года, со слов лицеиста второго курса Д. А. Эрнстова. Часто в сопровождении баснописца А. Е. Измайлова навещала она своего брата в Лицее. Софья Дмитриевна познакомилась со многими воспитанниками, в том числе с Антоном Дельвигом, и «нередко проводила в их шумном обществе целые дни». Впоследствии в известном петербургском салоне Софьи Дмитриевны, в замужестве Пономаревой, бывали не только А. Дельвиг, пламенно увлекшийся ею, но и В. Кюхельбекер, А. Илличевский.

Лицеисты бывали не только в квартире Чирикова или у живших с 1816 года в здании Лицея Калинича и Будри, но и у других лицейских наставников, квартиры которых были в доме Сакера на углу улиц Московской и Леонтьевской (ныне улица Труда). Этот дом давно снесен. Так, в 1921 году краевед Э. Ф. Голлербах (отец которого был, кажется, последним владельцем этого дома, где помещалась его же кондитерская) писал, что дом

уже не существует *. Ныне здесь проходной сквер с молодыми елями.

Необходимо отметить чистоту нравов и быта воспитанников Лицея. Так, М. А. Белуха-Кохановский, поступивший в Лицей через три года после окончания его Александром Пушкиным, подчеркивал «высокое нравственное состояние воспитанников»: «Живя в своем отдельном, своеобразном мирке, никогда никаких кутежей, несмотря на то, что мы очень дружили с лейб-гусарами, преображенцами и камер-пажами». Позволяли себе воспитанники старшего курса одно непростительное в учебном заведении занятие: это — курение. Курили они потихоньку, в саду.

Он описал также все лучшие стороны лицейского быта: материальную обеспеченность, хорошие условия, благотворную обстановку, способствовавшую «укоренению физических сил», удобные просторные помещения, отдельные спальни, прекрасную и обильную пищу, хорошее санитарное состояние.

Академик К. С. Веселовский, лицеист выпуска 1838 года, также оставил воспоминание о Лицее своего времени. Он подтверждал высказывание Белухи-Кохановского о лицейском быте и возражал М. А. Корфу. Веселовский считал, что быт Лицея с пушкинского времени мало изменился, и отмечал необычайно благотворное влияние этого учебного заведения на нравы воспитанников.

Он характеризовал Царское Село той поры как «самый добродетельный город» во всей России, ибо здесь не было ни кабаков, ни увеселительных заведений. «О том, чтобы уходить из Лицея тайком, без позволения, о чем говорит в своей записке барон М. А. Корф, у нас и в помине не было», — замечал Веселовский. Такой же представляется нам лицейская атмосфера и в пушкинское время. Может быть, лишь в период «междупарствия» — после смерти В. Ф. Малиновского — были отступления от правил.

*

К былым годам я памятью влеком,
Старинный наш припоминаю дом,
Где в оны дни бывали Пушкин, Пущин!
Его уж нет. Вишневый сад запущен.
Жасмин заглох...

По воспоминаниям М. П. Руденской, жившей до 1919 года по соседству (на Московской улице), дом и окружавший его сад выглядели очень привлекательно.

«Ваш резвый круг»

Только в начале 1817 года лицейским воспитанникам впервые за шесть лет разрешили побывать дома на рождественских каникулах. В течение долгих пяти лет двадцать девять юношей составляли своеобразную семью. Иван Иванович Пущин в своих воспоминаниях писал: «Образовалась товарищеская семья; в этой семье свои кружки; в этих кружках начали обозначаться, больше или меньше, личности каждого; близко узнали мы друг друга, никогда не разлучаясь; тут образовались связи на всю жизнь». Среди воспитанников возникли понятия «лицейская республика», «лицейское братство». Они были рождены юношеским энтузиазмом и свободным демократическим духом учебного заведения.

Но если взглянуть внимательнее в документы лицейской жизни, идиллической «единой и неделимой лицейской республики» и общего «лицейского братства» не было. «Братство» в устах лицейстов — скорее семейное понятие, нежели проявление духовного единства. Высокие идеалы и общие гражданственные устремления объединили в «святое братство», в неразрывный союз лишь небольшую группу юношей, прежде всего Пушкина, Пущина, Кюхельбекера и Дельвига.

Различие идейных устремлений лицейстов определило две основные группировки в их среде: Пушкин и его друзья и те, кто ближе к Корфу. Особняком стоит сдержанный и независимый Горчаков. Несколько человек, как, например, Костенский, — также вне группировок. Но часть воспитанников жила и мыслила в полной мере по заветам Малиновского и лучших педагогов. Недаром Пушкин еще в Лицее в известном стихотворении «Товарищам» говорил об их разных жизненных целях:

Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плуга знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя...

Двадцать восемь человек жили и учились с Александром Пушкиным под одной крышей в течение шести лет. Многих из своих товарищей Пушкин полюбил: Пущина, Малиновского, Дельвига, Корсакова, Матюшкина, Кюхельбекера, Вольховского... В числе «друзей моей души» поэт называл и Горчакова. Симпатизировал он Яковлеву,

Юдину, Есакову, Данзасу, Гревеницу. Юному Пушкину уже были свойственны прозорливость, чуткость, понимание человеческого сердца, и это позволило ему не ошибиться в тех, кого он любил с отроческих лет.

Веселые и меланхоличные, добродушные, а порой и злые насмешники, сдержанные и безудержно пылкие, то далекие, то близкие друг к другу, не похожие внешне и внутренне, они породнились. Но, как многочисленные братья одной семьи, они были и остались различны.

Все в деле педагогики и воспитания в Лицее было направлено на то, чтобы развить индивидуальность каждого, вскрыть и выявить лучшие душевные качества и свойства воспитанника. Любопытно, что каждый, еще мальчиком-подростком поставив перед собою жизненную цель, настойчиво шел к ней, преодолевая препятствия, не изменяя своей мечте. Вольховский хотел стать военным, Матюшкин — мореплавателем, Горчаков — дипломатом, Кюхельбекер — учителем. Для осуществления своих замыслов многие со стоическим упорством готовились к предстоявшей службе. Пушкин весь отдался поэтическому творчеству. Пущин и Вольховский зажглись идеей социального преобразования России. Семнадцатилетние юноши почти все были сложившимися людьми с твердыми и осознанными убеждениями.

Пушкин для Лицея — певец возвышенной и преданной дружбы. Он явился вдохновителем своеобразного ее культа: идеалы дружбы и товарищества ставились выше собственных интересов. Это стало характерной, традиционной чертой и лучших лицеистов последующих поколений.

Пушкин воспел своих первых друзей, он остался им верен до конца. Их имена он произносил в дни радости; о них он вспоминал на смертном одре... Даже краткая разлука с друзьями была для него остро ощутимой. В начале 1817 года, вернувшись в Лицей после рождественских праздников, этой первой разлуки с товарищами, Пушкин обратился к ним с «Элегней»:

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.

...Последние прогулки по царскосельским паркам, последние дни «единения», когда они ближе друг другу,

чем когда-либо, и дальше, чем всегда. Последние дни... И первые питомцы навсегда покинут стены Лицея. Через все жизненные радости и невзгоды они пронесут благодарную память о Лицее и о своих наставниках. Шесть лет, проведенные здесь, станут самыми дорогими днями юности.

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И Царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум —

так писал Александр Пушкин в мае 1817 года.

Восемнадцатилетний стихотворец... Кудрявые светлокаштановые волосы осеняют чуть смуглое лицо, высокий лоб. Стремительный взгляд серо-голубых глаз с золотистыми искорками, поражающий своей неповторимой выразительностью. Белозубая улыбка, легкость движений гармонично развитого, сильного тела. Юноша на пороге самостоятельной жизни...

Но в нем уже — глубина мыслей и чувств, широта знаний, смелость убеждений, творческая окрыленность. Таков Александр Пушкин, получивший признание известных поэтов, любимый и почитаемый друзьями. Покидая Лицей, он поклялся близким друзьям в верной дружбе, и годы не зачеркнули клятвы. Точно предчувствуя грядущее, Пушкин написал «В Альбом Пушину»:

...но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

Первый выпуск Лицея

19 мая 1817 года было определено, что окончившие курс воспитанники Лицея поступают на гражданскую службу с чинами от IX до XIV класса включительно и на военную службу в гвардейские или армейские полки — соответственно их познаниям и поведению. На чрезвычайном заседании Конференции Лицея 31 мая 1817 года было принято постановление о наградах¹.

В «С.-Петербургских ведомостях» ранее сообщалось о предстоявших в Лицее публичных испытаниях — пятнадцатидневных экзаменах по всем наукам.

Золотые медали получили: В. Д. Вольховский — 1-я золотая медаль (Большая), А. М. Горчаков — 2-я (Малая); серебряные медали получили: Д. М. Маслов — 1-я серебряная медаль, С. С. Есаков — 2-я, В. К. Кюхельбекер — 3-я, С. Г. Ломоносов — 4-я.

Четыре воспитанника были награждены похвальными листами с «означением», что «они найдены достойными получения серебряных медалей»²: И. И. Пущин — похвальный лист № 1, П. Ф. Саврасов — № 2, Н. А. Корсаков — № 3, М. А. Корф — № 4.

Рисунок для изготовления золотых и серебряных медалей был представлен директором Лицея Е. А. Энгельгардтом министру просвещения князю А. Н. Голицыну. Золотые медали отличались только размером — они были меньше серебряных. На лицевой стороне медали были изображены: сова — мудрость; лира — поэзия; венок дубовый — сила; венок лавровый — слава; под лирой на полуразвернутом свитке — фамилия получившего медаль и год выпуска. Над всем этим надпись: «Для общей пользы»³. Изображение, появившееся впервые на наградных медалях 1817 года, стало в дальнейшем эмблемой Лицея, его гербом.

Двадцать девять юношей собрались в последний раз и с тех пор в таком полном составе более никогда не собирались... «Как открытие Лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромн», — рассказывал И. И. Пущин.

В лицейский зал, где уже находились выпускники, директор, профессора, инспектор и гувернеры, пришел царь в сопровождении исполняющего обязанности министра народного просвещения князя Голицына.

С приветственным словом к выпускникам обратился Е. А. Энгельгардт.

Затем конференц-секретарь А. П. Куницын прочитал «Отчет Конференции Императорского Царскосельского Лицея в учебных занятиях воспитанников старшего возраста в течение шестилетнего курса учения». Это был отчет об учебных занятиях и образе воспитания.

В отчете говорилось об организации Лицея как нового, ни с чем не сравнимого учебного заведения, о трудностях в обучении и воспитании, связанных с различным

уровнем подготовки воспитанников и степенью одаренности.

Отмечая серьезность постановки обучения иностранным языкам в начальном курсе, Куницын подчеркнул, что «Лицей может похвалиться и тем, что славянский язык... отец многочисленного поколения наречий — в силу самого Постановления помещен был в круг учебного образования». Так же как российская словесность, немецкий, французский языки, был изучен и латинский — «обильный источник древней учености и родоначальник западных наречий Европы».

Помимо языков изучались законы и свойства природы, наука чисел. «С постепенным развитием способностей воспитанников представляемы были им предметы, требующие преимущественно их собственного внимания и размышления,— говорил далее Куницын,— убеждение в необходимости добрых нравов заимствовано было из самого существа природы человеческой и их свойства, а не из других каких-либо источников, более отвлеченных, которые нередко в самой нравственности заставляют сомневаться и почитать ее собранием закоренелых, без точного исследования принятых обычаев и правил».

Далее в отчете сообщалось, что по завершении начального курса обучения в 1815 году, после публичного экзамена, которому предшествовал экзамен «частный», предварительный, начался «окончательный» курс. Предметами учения стали науки, «объясняющие права и обязанности людей в общежитии, состав гражданского общества и существо связей, соединяющих различные части государства, источники народного богатства и благосостояния, правила управления народной промышленностью и способ удовлетворения общественным потребностям». Особое место уделено изучению российских гражданских и уголовных законов.

«При соображении отдельных узаконений, в разные времена изданных, открываемы были воспитанникам несогласия некоторых постановлений, и внимание их преимущественно обращено было на сии пункты, обыкновенно запутанность и беспорядок в течении судебных дел производящие,— говорилось в отчете.— Не скрыты были от них злоупотребления, в суде и расправе встречаемые, равно как источники оных и последствия; ибо в храме просвещения и образования одна только истина должна управлять устами наставника; она только может обна-

ружить всю гнусность неправды, мздоимства и лицепрятая».

Конференция «почитала и почитает излишними и даже не нравственными похвалы того, что само по себе достойно презрений и осуждения; а потому каждому из своих членов поставляла в обязанность изображать вещи в настоящем их виде, не смотря ни на какие уважения», так как, «кроме строгого с ее стороны наблюдения за сею частью воспитания, каждый из наставников руководствовался мыслию, что он образует юношей, которые, проходя степени службы, могут некогда приблизиться к подножию трона и, соделавшись орудиями верховной власти, соделаются вместе органами общего мнения и представителями народа перед лицом монарха...».

В отчете отмечалось, что с воспитанниками были рассмотрены устройство государственных дел и «необходимые обязанности благонамеренного служителя общества». В связи с этим ныне высказано пожелание: «Да наполнится их сердце состраданием к ближнему, да получат они смелость восставать против злоупотреблений, тяжким игом обременяющих общество. Будучи сами чужды своекорыстия и других страстей, подрывающих корень общежития, да положат они преграду другим в их незаконных поступках». Была представлена картина благоустройства общества, а также история всемирная, частная и общественная с целью познания того, что «как счастье народов зависит от благоразумного управления и благих нравов, так и бедственная судьба постигает их или за всеобщее развращение, или за пороки и ошибки их правителей. Таковы события должны занимать преимущественно внимание людей, готовящихся для общественного служения».

Куницын говорил также, что «отечественная история проходима была с тем же беспристрастием, с каковым предлагаема была древняя и новейшая иностранная»; «вопреки вскрывшемуся по злоупотреблению обычаю хвалить все домашнее без разбору, деяния исторические и характеры лиц, имевших влияние на дела России, представляемы были в точном их виде», и замечалось, что «суд и расправу могли находить только вельможи и люди, близкие ко двору царскому, а простой народ страдал от угнетения сильных».

Так как путь в военные постановлением «преграждаем не был», то изучались и науки физико-математиче-

ские, которые «излагаемы были с таковым же рачением, как и нравственные».

В отчете указывалось, что «учебные занятия всех воспитанников вообще сопряжены были с собственными их упражнениями в делопроизводстве: как по части правоведения, государственного хозяйства, так и по части военной, почему и могут они, оставив Лицей, употреблены быть непосредственно на службу общую» и что от них самих теперь зависит «воспользоваться приобретенным образованием».

И Конференция выражала надежду, что выпускники Лицея сделаются «добрыми гражданами и ревностными служителями общества».

По прочтении А. П. Куницыным «Отчета Конференции» Е. А. Энгельгардт продолжал свое приветствие, дополнив сказанное: «Достойные наставники не щадили ни труда, ни времени для усовершенствования вверенных им питомцев». С уверенностью говорил он о выпускниках: «Они могут быть полезны! Они будут полезны!..»

Был зачитан список воспитанников с «означением преимуществ, с коими каждый из них по мере успехов и достоинства» определяется на службу, розданы медали, похвальные листы и свидетельства.

Свидетельства об окончании курса наук в Лицее несколько отличались друг от друга. В свидетельстве № 1 Владимира Вольховского читаем: «...в течение шестилетнего курса обучения в сем заведении: закону божью и священной истории, логике и нравственной философии, латинской, российской, немецкой и французской словесности, истории всеобщей и Российской, географии и статистике, праву естественному, частному и публичному, государственной экономии и финансам, российскому гражданскому и уголовному праву, чистой и прикладной математике, артиллерии, фортификации и физике, также фехтованию, рисованью и черчению и при отличном благонаравии оказал во всех означенных науках и искусствах превосходные успехи...»

А вот свидетельство Александра Пушкина за подписями директора Егора Энгельгардта и конференц-секретаря профессора Александра Куницына: «Воспитанник Императорского Царскосельского Лицея Александр Пушкин в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в законе божием, в логике и нравственной философии, в праве естественном, частном

и публичном, в российском или гражданском и уголовном праве хорошие; в латинской словесности, в государственной экономии и финансов весьма хорошие; в российской и французской словесности, также в фехтовании превосходные; сверх того занимался историею, географиею, статистикою, математикою и немецким языком. Во уверение чего и дано ему от Конференции Имп. Царскосельского Лицея сие свидетельство с приложением печати. Царское Село. Июня 9 дня 1817 года».

Это свидетельство обнаружил лицеист выпуска 1875 года Николай Андреевич Гастфрейнд, разбирая в одном из архивов бумаги поэта. По его просьбе директор архива Д. Ф. Стюарт, лицеист выпуска 1859 года, передал его в Александровский Лицей.

Наконец Энгельгардт обратился к воспитанникам с напутственным словом: «Идите, друзья, на новом вашем поприще!.. Храните правду, жертвуйте всем за нее; не смерть страшна, а страшно бесчестие; не богатство, не чины, не ленты чествят человека, а доброе имя, храните его, храните чистую совесть, вот честь ваша. Идите, друзья, поминайте нас...» После этого хор воспитанников пропел «Прощальную песнь воспитанников Царскосельского лицея», сочиненную композитором Теппером де Фергюсоном на слова Антона Дельвига. На долгие годы стала она гимном Лицея, а бывшие воспитанники первого курса, собираясь на сходках 19 октября, пели «Прощальную песнь...», и всегда призывно, а не только грустно звучал для них финал этого гимна:

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отчества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

Е. А. Энгельгардт роздал выпускникам заказанные им чугунные кольца в виде рук, сомкнувшихся в пожатье. Впоследствии он часто называл своих бывших воспитанников «чугунниками». Некоторые из них долго не разлучались с этими кольцами. «В тот же день, после обеда, начали разъезжаться: прощаниям не было конца,— рассказывал И. И. Пущин.— С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку...»

На гражданскую службу выпустили семнадцать человек, из них с чином IX класса (титулярный совет-

ник) * — А. М. Горчаков, Д. Н. Маслов, В. К. Кюхельбекер, С. Г. Ломоносов, Н. А. Корсаков, М. А. Корф, Ф. Х. Стевен, С. Д. Комовский, П. Ф. Гревениц; с чином X класса (коллежский секретарь) — Ф. Ф. Матюшкин, А. Д. Илличевский, А. И. Мартынов, М. Л. Яковлев, П. М. Юдин, А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, К. Д. Костенский. Военную службу предпочли сами двенадцать человек. Офицерами гвардии ** стали: В. Д. Вольховский, С. С. Есаков, И. И. Пуцин, П. Ф. Саврасов, А. А. Корнилов, И. В. Малиновский, А. П. Бакунин; офицерами армии — К. К. Данзас, Н. Г. Ржевский, П. Н. Мясоедов, А. Д. Тырков, С. Ф. Броглио.

7 июня выпускникам объявили, что до открытия служебных вакансий им назначается жалованье (удостоенным IX класса — по 800, X — по 700, XII — по 600 и XIV — по 400 рублей в год).

9 июня 1817 года выпуск состоялся. Официальное известие об этом было помещено в журнале «Сын Отечества».

«НАСТАВНИКАМ... ЗА БЛАГО ВОЗДАДИМ»

Вся система воспитания и образования юношества в Лицее, заложенная прогрессивно мыслящими деятелями М. М. Сперанским и В. Ф. Малиновским, утвержденная и развитая передовыми педагогами Лицея Куницыным, де Будри, Кошанским, была поддержана и вторым директором — Е. А. Энгельгардтом.

И. И. Пуцин писал, что лицейское шестилетие «в историко-хронологическом отношении можно разграничить тремя эпохами, резко между собою отличающимися: директорством Малиновского, междуцарствием... и директорством Энгельгардта».

Лицей при В. Ф. Малиновском (1811 год — начало 1814 года) — это учебное заведение, в котором воспитанников, как уже говорилось, сознательно учили мыслить,

* Гражданский (штатский, или статский) классный чин по «Табели о рангах» — системе военных, гражданских и придворных чинов по степеням, созданной Петром I.

** Гвардия была привилегирована по сравнению с армией. Выпущенный в гвардию приравнялся к титулярному советнику, а выпущенный в армию — всего лишь к коллежскому секретарю.

рассуждать, спорить об истине, торжестве справедливости, о добродетели, об «общей пользе» и «общем благе».

Сподвижник директора адъюнкт-профессор нравственных наук А. П. Куницын, профессора Н. Ф. Кошанский и Д. И. де Будри, адъюнкты И. К. Кайданов и Я. И. Карцов были его единомышленниками и опорой.

Период после смерти Малиновского А. С. Пушкин назвал «безначалием». При временно исполняющем обязанности директора Ф. М. Гауеншильде в Лицее не только расшаталась дисциплина, но и поселился иной дух. Гауеншильд пытался искоренить свободолюбивую направленность лицейской педагогики, внедрил элементы сыска и сумел, разобщая наставников, найти себе приверженцев. Идеино близок ему был ханжа и фанатичный мистик полицейский агент М. С. Пилецкий, уволенный еще Малиновским в 1813 году по требованию воспитанников. Достойной сменой Пилецкому стал В. В. Чачков, таким же оказался надзиратель, а затем инспектор С. С. Фролов — отставной полковник, недалекий, грубый, вполне устраивавший Гауеншильда. Воспитанники Лицея не раз пели Фролову прямо в лицо: «Твой друг и барин Аракчеев...» Появление в стенах Лицея таких людей рождало настороженность в среде преподавателей и воспитанников.

Но уже в 1816 году директором стал Е. А. Энгельгардт. Этот год для многих воспитанников стал «счастливейшим годом», как сказал Пушкин. Были налажены быт и дисциплина, воспитанники смогли появляться во многих домах Царского Села. Энгельгардт поддержал основные традиции лицейского воспитания, заложенные Малиновским. Он также опирался на А. П. Куницына и высоко ценил его как ученого, оратора, педагога, просветителя.

Высокогуманный, высоконравственный девиз Малиновского — «общая польза», легший в основу обучения в Лицее, нес в себе понятие о назначении человека, целью жизни которого должно стать основное стремление — приносить пользу, служа «общему благу», то есть народу, Отчизне. Это было и девизом Энгельгардта, который говорил: «...доколе человек не умер, он должен иметь беспрестанно в виду великую цель: споспешествовать (содействовать. — С. Р.) общему благу».

Декабрист В. И. Штейнгель писал: «Царскосельский Лицей дал несколько выпусков. Оказались таланты в

словесности; но свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем, при вступлении в свет».

Цель основателей Лицея была достигнута, а идеи нашли благодатнейшую почву: пылкие чувствительные юношеские сердца открылись навстречу благородным устремлениям, таланты были поддержаны. Лицей дал возможность развиваться умам полнокровно, широко, выявляя в каждом его возможности.

Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель в своих записках говорил, что первый выпуск Лицея был «весьма примечательный», что немногие из его воспитанников «остались после в безызвестности». Особенную воспитанность и широкую образованность выпускников Лицея, и прежде всего первого курса, отмечали все современники, называвшие этот выпуск «блистательным». Вскоре он стал зваться «пушкинским».

Имена В. Ф. Малиновского, Е. А. Энгельгардта, А. П. Куницына, Н. Ф. Кошанского, Д. И. де Будри, И. К. Кайданова, Я. И. Карцова, А. И. Галича, С. Г. Чирикова, Л. Теппера де Фергюсона, Ф. О. Пешеля навсегда остались в памяти благодарных воспитанников. За шесть лет жизни в Лицее они полюбили своих преподавателей, гувернеров и дядек, и те, в свою очередь, привязались к своим питомцам. Не обходилось, конечно, без обид, без слез и без наказаний. Были любимые преподаватели и любимые ученики. Некоторых наставников воспитанники возненавидели. Можно с убежденностью сказать, что юношеские сердца безошибочно угадали среди своих педагогов добрых и злых, благородных и недостойных. Пушкин глубоко уважал В. Ф. Малиновского, более других педагогов был благодарен А. С. Куницыну, высоко ценил Н. Ф. Кошанского и любил А. И. Галича.

Впоследствии можно было слышать критику в адрес системы лицейского обучения и воспитания.

С защитой основ его выступил выпускник Лицея академик К. С. Веселовский, заметивший, что, когда пишут «о тогдашнем Лицее», то часто впадают в ошибку, ибо к учреждению, возникшему в начале столетия, «прилагают мерку современных требований».

Заведение, принимавшее учеников десяти-двенадцатилетнего возраста, должно было довести их за небывало краткий, всего лишь шестилетний срок обучения до того

уровня духовного развития и той зрелости, каких стали достигать позднее молодые люди, прошедшие восемь классов гимназии и 4-летний университетский курс.

Некоторые современники считали энциклопедичность лицейской системы обучения ее слабой стороной. Но Веселовский возражал и писал по этому поводу: «Если вспомнить, каковы были наши высшие учебные заведения», то «придется сказать, что Лицей был лучшим из них». В доказательство этого довольно привести то большое число лиц, «отличившихся в высших родах государственной службы, которые своим образованием обязаны были Лицею». Штат профессоров и преподавателей Лицея был составлен из лучших специалистов. «Конечно, — замечал Веселовский, — Лицей не имел задачей готовить специальных ученых, но для даваемого им общего образования не бесполезна и та энциклопедичность, в которой так укоряют его учебный план, так как и она способствовала общему умственному развитию питомцев и расширению их понятий». Важнейшую роль Царскосельского лицея К. С. Веселовский справедливо усматривал в его системе воспитания.

Интересно, что и по прошествии века, в празднование столетнего юбилея Лицея, в поздравительном адресе одного из высших учебных заведений, поднесенном Лицею, как наибольшая заслуга этого учреждения, подчеркивалось его воспитательное значение. Отмечалось, что Лицей не задавался целью готовить узких специалистов, а ставил задачу наиболее возвышенную — воспитать человека в самом благородном смысле этого слова, вследствие чего большинство бывших воспитанников Лицея отличалось не только внешней культурностью, но и теми высокими душевными качествами, которые французы называют «politesse de coeur» (отзывчивость сердца, сердечность), это выражалось в гуманности, уважении к человеческой личности, в отсутствии канцелярского формализма и других положительных качествах. Основы такой системы воспитания были заложены в Лицее еще первыми его наставниками.

«Плоды лицейского воспитания»

Передовые люди России возлагали на «лицейского» Пушкина свои надежды как на певца свободы. Братья Тургеневы — Александр Иванович (будущий декабрист)

и Николай Иванович — были в дружеских отношениях с юным поэтом. Они с большим интересом и сочувствием наблюдали за его развивающимся талантом. Находясь в постоянной переписке со своим младшим братом, дипломатом Сергеем Ивановичем, они сообщали ему во Францию о Пушкине. Сергей Иванович 1 декабря 1817 года в своем дневнике записал: «Мне опять пишут о Пушкине, как о развертывающемся таланте... пусть первая его песнь будет: „Свободе“». Эти слова оказались пророческими.

Ода «Вольность», написанная Пушкиным на квартире братьев Тургеневых в 1817 году, отражала его политические взгляды, сложившиеся в Лицее. В этом произведении прежде всего ощущается влияние лекций Куницына и бесед с Н. И. Тургеневым, одним из руководителей Тайного общества. «Вольность», получившая распространение в рукописи, послужила причиной высылки Пушкина на юг в мае 1820 года.

В 1818 году Александр Пушкин становится членом общества «Зеленая лампа», основанного в том же году Н. В. Всеволожским. Общество имело не только литературное, но и политическое направление. В начале 1819 года Н. И. Тургенев, задумавший издание политического журнала при участии А. П. Куницына, сообщал брату Сергею, что в предполагаемом журнале «должны были участвовать молодые люди, бывшие воспитанники Лицея, и несколько офицеров». Известно, что он пригласил Пушкина, Пуцина, Маслова, а также Кюхельбекера, выразившего желание содействовать Тургеневу и Куницыну в издании предполагаемого ими журнала.

В Петербурге стало распространяться в списках сатирическое стихотворение Пушкина «Сказки» (Noël). Оно ядовито высмеивало Александра I, обещавшего конституцию и обманувшего народ. Переписывалось и передавалось послание «К Чаадаеву» — одно из наиболее популярных произведений поэта, сыгравшее важную агитационную роль в декабристских кругах. Антикрепостническое стихотворение «Деревня», появившееся в 1819 году, возникло, видимо, при известном влиянии Н. И. Тургенева, готовившего тогда записку царю об отмене крепостного права.

Услышав о распространении списков «Деревни», царь приказал доставить ему это стихотворение. Узнав об этом, Пушкин сам переслал стихи царю, который якобы

еще продолжал «поощрять» появление различных проектов преобразования России. Царь лицемерно велел «благодарить Пушкина за добрые чувства», которые выражены в его произведении. Но вскоре Александр I, встретив в Царскосельском парке Е. А. Энгельгардта, сказал: «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает...» И действительно, как писал декабрист В. И. Штейнгель, «кто из молодых людей несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышавшими свободою». Поэт-декабрист Ф. Глинка, вспоминая об этом времени как о «прекрасной поре», писал, что «тогда гремел, звучней, чем пушки, своим стихом лицейский Пушкин».

Один из реакционных публицистов В. Н. Каразин в ноябре 1819 года занес в свой дневник, что «какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский», написал «презельную оду» (ядовитую, зловредную), где доставалось фамилии Романовых вообще, а сам царь был назван «кочующим деспотом». Отмечая также «обычай Лицея злословить государя» и называть его «дураком», он заключил, что воспитанники Лицея есть «первые рекруты поганой армии вольнодумцев». Каразин 2 апреля 1820 года послал донос министру внутренних дел В. П. Кочубею: «В самом лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей... Это доказывают почти все вышедшие оттуда. Говорят, что один из них — Пушкин — по высочайшему повелению секретно наказан. Но из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, некоторые же и в действительные ложи поступили». А далее Каразин с возмущением восклицал: «Кто сочинители карикатур или эпиграмм, каковые направлены на двуглавого орла, на Стурдзу* (на царя и его приспешника. — С. Р.), в котором высочайшее лицо названо весьма непристойно, и пр. Это лицейские питомцы!»

Пушкин действительно состоял членом кишиневской масонской ложи «Овидий», отчасти связанной с Союзом благоденствия. Есть предположение, что В. Ф. Малинов-

* Реакционный публицист, ярый монархист, идеолог Священного союза. Пушкин в 1819 году написал две эпиграммы на Стурдзу, в одной из которых он назвал его «холопом венчанного солдата» — Александра I.

ский состоял в масонской ложе; профессор Н. Ф. Кошанский был членом ложи «Избранного Михаила», находившейся под влиянием тайных обществ — Союза спасения, а затем Союза благоденствия. В этой же ложе состоял и В. К. Кюхельбекер, принятый в нее в 1820 году.

Масонство — религиозно-политическое движение, возникшее в XVIII веке в форме тайной международной организации с мистическими обрядами. Масоны ставили своей целью «нравственное совершенство» — воздвижение «храма добродетели» (откуда название организации «вольные каменщики», перевод с французского *Francs maçons*) *. Все русские масонские ложи, некоторое время терпимые правительством, были закрыты в 1822 году.

Еще в мае 1820 года Пушкин был выслан из Петербурга на юг за вольнолюбивые произведения, приобретавшие все большее влияние на общественную мысль. Лицей как рассадник вольнолюбия был разгромлен. В своем незаконченном послании к «И. И. Пущину» А. С. Пушкин, находясь в Михайловском, писал в 1825 году:

Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбля мирный наш лицей.

Реакционный публицист и литератор Ф. В. Булгарин послал донос в III жандармское отделение «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оно́го», в котором писал, что «в свете называется лицейским духом», когда молодой человек порицает поступки особ, «занимающих значительные места», и порицает меры правительства, знает наизусть или сам сочиняет на русском языке «предосудительные» эпиграммы, «пасквили» и песни, а на французском — знает «все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений», и «сверх того» он толкует о конституциях, палатах, выборах, парламентах... В Лицее, как сообщал Булгарин, начали читать запрещенные книги, там создан ар-

* Интересно, что Моцарт стал франкмасоном, за что был отлучен от католической церкви.

жив рукописей, ходивших тайно по рукам, и, «наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей». Булгарин возмущался и преподавателями Лицея, которые, «под предлогом благородного обхождения, позволяли юношеству безнаказанно своевольничать», а на образ мыслей не обращали ни малейшего внимания, потому «либерализм укоренился в Лицее...».

Позднее в реакционных кругах и даже за границей распространился слух, что в восстании 14 декабря 1825 года в основном участвовали выпускники Лицея. За границей Лицей представлялся «рассадником свободомыслия» в России. Всех передовых деятелей страны там считали его воспитанниками. Гамбургская газета в марте 1826 года опубликовала письмо из Лиона *, в котором говорилось, что большинство декабристов — питомцы Лицея, и с удовлетворением подчеркивалось, что среди восставших не было питомцев иезуитских школ. 17 апреля 1826 года Меттерних послал депешу австрийскому послу в Петербурге, в которой сообщал: «Я недавно затребовал от Гауеншильда подробную историю организации Царскосельского Лицея. Она представит большой интерес и даст ключ к тому явлению, что, так сказать, собственные дети несчастного Александра поклялись погубить его, не останавливаясь даже перед убийством».

Е. А. Энгельгардт в это время уже не был директором Лицея, но он очень близко принимал к сердцу все, что касалось его детища и бывших его воспитанников. Он написал протест в связи с нападками на Лицей и его разгромом, но русские газеты отказались напечатать его. Энгельгардт опубликовал свой протест в двух остзейских газетах **. За границей его перепечатали, что безусловно было вызвано интересом к событиям 14 декабря 1825 года.

Энгельгардт, дороживший лицейскими добрыми традициями, справедливо считавший, что дело воспитания в Лицее было поставлено лучше, чем во всех иных учебных заведениях России, старался отстоять Лицей. Но все было тщетно. В 1829 году Николай I заявил: «...ученики, подобные выпущенным во вкусе Энгельгардта, не будут более выходить из Лицея».

* „Hamburgischer...“, 1826, 18 марта, № 50.

** „Ostsee Provinzen blatt“ (Riga), 1826, 14 апр. № 73.

В действительности же далеко не все воспитанники Лицея были охвачены вольнолюбием и жаждой преобразований. Из Лицея вышли и «верные слуги престола», и люди, далекие от политики, и просто карьеристы.

Первые удары реакции, направленные против Царскосельского лицея, были вызваны творчеством Пушкина. Но вот отгремели пушечные выстрелы на Сенатской площади. Весьма деятельными участниками событий 14 декабря 1825 года были И. Пущин и В. Кюхельбекер. В тайном обществе, как выяснилось, состоял и лучший ученик I курса В. Вольховский. Привлеченными по делу 14 декабря кроме них оказались еще несколько воспитанников Лицея: А. Корнилов и А. Бакунин (выпуск 1817 года), Б. Данзас и Н. Молчанов (выпуск 1820 года), А. Малиновский и С. Жеребцов (выпуск 1823 года) и выпускник Лицейского пансиона А. Нумерс. В «Алфавит членам бывших злоумышленных обществ и лицам прикосновенным к делу произведенному...», составленный следственной комиссией в 1827 году, было занесено также имя А. А. Дельвига. И. В. Малиновский, по утверждению советского литературоведа М. К. Азадовского, был прикосновенным к делу декабристов.

Е. А. Энгельгардт писал И. И. Пущину в Сибирь о том, что Лицей переведен (с 1 января 1844 года. — *С. Р.*) на Петербургскую сторону, в здание Александровского сиротского дома*, и называется теперь Александровским лицеем. Он с горечью добавлял: «...нашего Царскосельского Лицея не стало». Об этом с болью писал он Ф. Ф. Матюшкину и другим своим бывшим воспитанникам.

Царскосельский лицей, заклеянный реакционерами как «безнравственное» учебное заведение, но воспитанный А. С. Пушкиным и восторженно приветствуемый либеральными и демократическими кругами России, завоевал славу наиболее прогрессивного высшего учебного заведения в Европе, славу очага вольнолюбия. Передовая русская интеллигенция, глубоко верившая, что путем просвещения можно направить страну на путь прогресса и изменить государственный строй, основала Лицей и творчески разработала передовую систему воспитания и образования.

* Ныне Кировский проспект (ранее Каменноостровский), 21, дом сохранился. В главном корпусе находится теперь СГПУ № 16.

«ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ»

К сорокалетию Лицея Иван Васильевич Малиновский в письме к Александру Михайловичу Горчакову, самому высокопоставленному из бывших лицестов пушкинского курса, обратился с предложением, почти требованием, чтобы все оставшиеся в живых лицейские дали отчет в своей деятельности «для общей пользы», чтобы эту исповедь можно было даже опубликовать — «отлитографировать».

Действительно, многие выпускники первого курса прославили Лицей, их имена произносили и произносят с уважением и благодарностью.

«Все те же мы», «Все тот же ты» — в эти слова поэт вкладывал особый смысл, они были определением верности юношеским клятвам, юношескому союзу свободолюбивых, честных друзей, готовых прийти друг другу на помощь, служащих общей пользе в широком, не в обиходном, а в идейном смысле.

Многие соученики поэта оставили свой заметный след в русской культуре и дипломатии. Изучение жизни и творчества Пушкина вызвало интерес к судьбе тех, с кем он был близок в юности, с кем общался в период становления характера и таланта. Отношение Пушкина к своим друзьям и соученикам, отношение в свою очередь их к нему позволяет лучше понять и самого поэта.

Поражает дальновидность юного Пушкина — те, кого оценил он еще в лицейские годы, кому посвятил строки своих стихов, кого любил или кому он симпатизировал, оказались людьми незаурядными, их имена вошли в историю России. К ним, к своим лицейским друзьям и товарищам, Пушкин обращался в своих стихах: «Мой первый друг, мой друг бесценный» — Иван Пуштин, декабрист, человек высоких духовных качеств, написавший записки о Пушкине, о Лицее, ставший практически первым историком Лицея; «О Дельвиг мой» — Антон Дельвиг, тонкий поэт-лирик, журналист, человек большого сердца; «Мой брат родной по музе, по судьбам» — Вильгельм Кюхельбекер, декабрист, замечательный поэт-романтик, писатель, великий страдалец и подвижник; «О воли и бурь любимое дитя!» — Федор Матюшкин, знаменитый мореплаватель; «Люблю тебя душою» — Михаил Яковлев, русский композитор, поэт, человек, преданный дружбе и чести; «Ты наш казак и пылкий и незлоб-

ный» — Иван Малиновский, честнейший человек, борец за лучшую долю для крестьян; «Спартанскою душой пленя нас» — Владимир Вольховский, декабрист, известный военачальник, человек высоких достоинств; «Все тот же ты для чести и друзей» — Александр Горчаков, выдающийся русский дипломат, остававшийся верным дружбе, «С огнем в очах, с гитарой сладкогласной» — Николай Корсаков, композитор, поэт и певец безвременно погибший; «Дитя харит и вображенья» — Алексей Илличевский, в свое время известный поэт, оставивший свои письма о лицейской жизни, о Пушкине, важные для истории Лицея.

Первый выпуск Лицея, который мы именуем Пушкинским, — это целое созвездие блистательных имен, ярких личностей, необычайных судеб. Прежде всего к своим друзьям, преданным братству и свободе, обращался Пушкин:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз,

*И те же узы дорогие
Связали курсы всех годов...*

*В. Р. Зотов,
лицеист выпуска 1841 года*

«ЛИЦЕЯ ДЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ» Лицейские годовщины

19 октября — одна из памятейших пушкинских дат. День основания Лицея, вошедший в историю с именем Пушкина, был священным для всех его однокурсников. Они всегда старались собраться вместе, чтобы отметить эту дату.

Из писем Корсакова стало известно, что у него дома накануне 19 октября 1817 года «представители единой и неделимой лицейской республики» собрались на дружеский лицейский обед. Знаменательный день отмечался и в Лицее. В «Краткой ведомости о состоянии Лицея» в отделе «Происшествия» 21 октября отмечено¹, что в этот день наряду с высшими чиновниками Лицея посетили только что выпущенные Пушкин, Пущин, Вольховский, Малиновский, Корсаков, Маслов, Кюхельбекер, Стевен, Бакунин, Корнилов, Саврасов.

Из письма Корсакова к Горчакову известно, что 19 октября 1818 года праздновалось у И. И. Пущина, на сходку собралось четырнадцать человек, «пели лицейские песни, снова возвратились в доброе старое время». Мно-

гие последующие сходки проходили в доме у А. Д. Тыркова.

А. С. Пушкин участвовал не во всех лицейских сходках, но он всегда помнил и отмечал этот день. Поэт создал несколько стихотворений, посвященных лицейским годовщинам, придавших некоторым из этих сходок особое значение и широкую известность: «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825), «19 октября, 1827» («Бог помочь вам, друзья мои...»), «Чем чаще празднует Лицей...» (1831 год), «Была пора: наш праздник молодой...» (1836 год).

Вслед за Пушкиным написал стихи в память лицейских годовщин 1828, 1836 и 1837 годов В. К. Кюхельбекер. Дню Лицея посвятил свои строки и А. А. Дельвиг.

Как же происходили празднования лицейских годовщин?

Первоначально Е. А. Энгельгардт приглашал своих бывших воспитанников к себе в Царское Село в воскресенье, предшествовавшее 19 октября. Такое празднество 1818 года описал Кюхельбекер в письме к одному из своих товарищей. В тот день все приехавшие в Царское Село обедали у Энгельгардта, затем перешли в Лицей, где состоялись театрализованное представление и бал.

Однако вскоре первокурсники стали праздновать 19 октября в тесном товарищеском кругу. Этот обычай переняли и последующие курсы, причем каждый выпуск собирался отдельно. Даже на двадцатипятилетний юбилей Лицея бывших воспитанников разных курсов объединить не удалось. Но позднее, рассеянные по белу свету, уже многих недосчитывавшие в своих рядах, они все же стали собираться вместе. Праздничные ужины первых лет с 1835 года сменились скромными обедами.

В 1822 году у А. Илличевского, вернувшегося после поездки в Сибирь, собралось пятнадцать человек. Пели куплеты, сочиненные хозяином дома и А. Дельвигом. Илличевский прочел экспромт:

Здесь все мы: из Литвы, Сибири,
Из-за Бухарии степей,
Так ныне на моей квартире
Возобновляется Лицей.

Доколе сердце в нас свободно
И чести вятен строгий глас,
Дадим же руки ежегодно
Мы освящать сей день меж нас.

Дельвиг ответил ему также экспромтом:

Что Илличевский не в Сибири
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.

Пушкин в это время был в южной ссылке, в Кишиневе. День 19 октября 1823 года он провел в Одессе. На сходке 1824 года, происходившей в Петербурге на квартире у живших вместе Вольховского, Стевена и Яковлева, было решено в 1827 году, в десятилетие со дня выпуска, праздновать серебряную дружбу, а по прошествии двадцати лет — золотую. В заключение ужина Дельвиг сочинил экспромт, пропетый тут же хором:

Семь лет пролетели, но, дружба,
Ты та же у старых друзей:
Все любишь лицейские песни,
Все сердцу твердишь про лицей...

19 октября 1824 и 1825 годов А. С. Пушкин встречал, будучи в ссылке в селе Михайловском. К годовщине 1825 года поэт создал стихотворение, в котором он вспоминал безвременно погибшего Корсакова и своих друзей — мореплавателя Матюшкина, Пущина, Горчакова, Дельвига, Кюхельбекера. В Петербурге же на сходке 1825 года присутствовали Дельвиг, Яковлев, Илличевский, Комовский и Корф. По некоторым сведениям, в первый и в последний раз был Кюхельбекер.

Среди произведений А. С. Пушкина, посвященных лицейским годовщинам, «19 октября» 1825 года является самым крупным и значительным. Из сохранившихся черновых вариантов известно, что после слов «Минутное забвенье горьких мук» первоначально следовали строки, замененные Пушкиным. Поэт, томившийся в изгнании, обращался к далеким и близким, к живым и ушедшим друзьям, которых когда-то соединил впервые день 19 октября:

Товарищи! Сегодня праздник наш.
Заветный срок! сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш.—
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея...

Последняя строка Пушкина из этого стихотворения «И загремит веселый наш пеан» (пеан в Древней Греции — гимн) связана со стихотворением Илличевского «Лето знойно, дочь природы...». Этот его «пеан» исполнялся на каждой лицейской годовщине и был веселой, радостной застольной песней, в то время как гимн Дельвига «Шесть лет промчалось как мечтанье...», также обычно исполнявшийся, был песней прощальной...

19 октября 1826 года Пушкин провел в Москве. И вскоре, в декабре, послал из Пскова И. И. Пущину свое знаменитое послание «Мой первый друг, мой друг бесценный!..», достигшее Пущина в Сибири лишь в 1828 году. На праздновании лицейского дня 1826 года были прочитаны стихи Илличевского и Дельвига, который посвятил свое «Снова, други, в братский круг...» Пущину и Кюхельбекеру, осужденным за участие в декабрьском восстании:

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не ждем в свои объятия.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Выпьем, други, в память их!
Выпьем полные стаканы
За далеких, за родных...

14 октября 1827 года произошла случайная встреча Пушкина, спешившего в Петербург к очередной лицейской годовщине, с Кюхельбекером, которого переводили из Шлиссельбурга в Динабург. Эта встреча около Боровичей была описана поэтом. Говорится о ней и в рапорте фельдъегеря, сопровождавшего ссыльных.

Пушкин, по некоторым сведениям, успел прибыть к 19 октября в столицу и отпраздновать лицейский день с друзьями. К этому дню он написал проникновенные строки, обращенные ко всем товарищам, где бы они ни находились:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на прах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Протоколы лицейских сходов сохранились с 1822 года. В 1828 году на квартире Тыркова шуточный протокол сходки со всеми лицейскими кличками написал собственноручно Пушкин. Под протоколом подписались все перечисленные друзья, проставив в скобках свои прозвища, затем Пушкин приписал четверостишие:

Усердно помолвившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Пушкин уезжал в деревню.

В 1829 и в 1830 годах Пушкина в Петербурге не было, и годовщины отмечались без него. В 1831 году он также не пришел на сходку — это было после женитьбы поэта и в год трагической смерти любимого его друга Антона Дельвига. В горестном предчувствии поэт писал тогда стихотворение «Чем чаще празднует лицей...», предвещая скорую смерть и себе:

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого ведуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый...

Протокол этой сходки записан был «лицейским старостой» Яковлевым на том же листе, где сделал свою запись Пушкин в 1828 году.

В 1832 году Пушкин присутствовал на сходке, а в 1833 году в этот день находился в Болдине. Сходка 1834 года — одна из последних с участием Пушкина. Она состоялась опять у Яковлева, который сделал краткую протокольную запись об этом событии. Внизу листа он приписал и скромный счет за вино, три фунта миндаля и четыре десятка груш бергамот. Запись Яковлева сохранила почти вещественное ощущение одной из последних сходов, на которой присутствовал Пушкин.

Стоит отметить, что Пушкин, говоря «Лицей», представлял себе только свой выпуск, словно на этом обрывалась дальнейшая история Лицея. «Лицейская семья» для Пушкина — это его соученики по курсу. Пушкин отличал Лицей своего времени от Лицея последующих выпусков, считая, что только первым лицеистам были свойственны те традиции, которыми так дорожили он и его близкие друзья.

В 1836 году многие сокурсники поэта согласились на объединение трех выпусков Лицея для празднования его двадцатипятилетия. За это особенно ратовал М. Корф. Пушкин же категорически возражал и написал по этому поводу М. Яковлеву, занимавшему в Лицее комнату № 39, записку, поставив вместо подписи, по старому обычаю, номер своей лицейской «кельки»: «Я согласен с мнением 39 №. Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист один будет праздновать 19 октября. Об этом не худо напомнить. № 14». Здесь Пушкин думал о том, кто переживет всех своих товарищей по курсу.

Годовщина 1836 года была последней в жизни Пушкина. Поэт сам написал почти весь протокол сходки, потом его закончил Яковлев.

В тот день Пушкин был весьма напряжен и взволнован. Он начал читать свое посвящение лицейской годовщине: «Была пора: наш праздник молодой...», но слезы помешали ему говорить.

Когда не стало Пушкина, то уже в первую встречу не стало и «прежнего радушия». Лицейские годовщины, потеряв своего вдохновителя, сделались малоинтересными, незаметными, незначительными. Но затерянный в сибирской глуши В. К. Кюхельбекер вплоть до самой смерти чтил этот день «по старым заветам прежнего Лицея» и воспевал «лицейское братство». Да в далекой украинской провинции старик И. В. Малиновский к сорокалетию со дня основания Лицея потребовал от оставшихся в живых товарищей отчета в деятельности «для общей пользы», о претворении в жизнь юношеских клятв «лицейского союза». Но его призыв остался без отклика.

Е. А. Энгельгардт, некогда ратовавший за объединение лицеистов всех выпусков в одно неделимое братство, уже через два года после гибели Пушкина, словно прозрев, с горечью вспоминал о том, что ко дню 19 октяб-

ря Пушкин, бывало, «кликнет клич товарищам и возбуждает в ином остывающем сердце память и чувство прежнего времени». Энгельгардт вдруг остро ощутил, что Пушкина нет, а «клич товарища был бы полезен», дабы не только возродить сердечность встреч, всколыхнуть остывающие чувства лицейских лет, но и напомнить некоторым лицейский завет — служить «общей пользе».

Потерявшие прежнее обаяние лицейские годовщины превратились наконец в чуть ли не светскую обязанность, в обыденную традицию. В 1840-х годах Энгельгардт отмечал, что многих бывших его воспитанников разъедает «великосветский расчетливый насущный холод» и что ему самому только и осталось радости — жить воспоминаниями.

«Солнце русской поэзии», Пушкин был душою «лицейского братства», «лицейского союза», «лицейской республики», он был средоточием лучших заветов и клятв; он один держал ключ от вдохновенности лицейских сходов, был их душою, их певцом. В 1829 году в своем необработанном и незаконченном стихотворении «Воспоминания в Царском Селе», написанном не случайно в день 14 декабря и не случайно снова в форме патристически звучащего «Воспоминания в Царском Селе» 1814 года, Пушкин словно черпает силы в прошлом:

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый,
И вижу вновь семью друзей.

В 1841 году 19 октября отмечали и в самом Лицее. Выпускники же нескольких курсов собрались в ближайшее к этой дате воскресенье в доме Юнкера на Васильевском острове, угол 3-й линии и Большого проспекта (ныне дом № 6). Здесь поблизости жил Е. А. Энгельгардт. В письме к И. И. Пущину старый директор вскоре рассказывал: «Наше родное 19 октября мы ныне праздновали тремя днями позже, потому что нынешний директор Лицея Броневский* празднует этот день в самом Лицее и приглашает туда и нас, бессрочно отпущенных ветеранов. 20 октября мы собрались на скромную дружескую трапезу; не много нас было: I курс толь-

* Д. Б. Броневский, его брат, — моряк, генерал-майор Владимир Богданович, участник ряда войн, был известен как историк и писатель.

ко М. Корф, Маслов, Бакунин, Комовский и Яковлев (Гревениц, Данзас, Юдин и Мартынов — невидимки); прочих моих 4-х курсов было также по 6, итого 31 человек. Прочие рассеяны по белу свету и к этому дню прислали письменные отклики: из Бразилии — Ломоносов, из Симферополя — Розен, из Выборга — Стевен, из Полтавы — Малиновский, из Дрездена — Рихтер, из Калуги — Фаминцын, из Лондона — Берг и пр. и пр. Из ветеранов наставников были Кайданов, Кочетов, Георгиевский, Шульгин, герой севера Чирикандус (С. Г. Чириков. — С. Р.) и многоречивый Пешель, а так как долг платежом красен, то мы пригласили также и Броневского. Броневский удивлялся единодушному, через столько лет сохранившемуся у всех чувству привязанности...» О дне 19 октября Энгельгардт писал поэту М. Д. Деларю, лицеисту выпуска 1829 года, с гордостью, как о дне, который празднуется и в Бразилии, и в Нерчинске, и в Париже, и в Малороссии, и в Лондоне, и в Одессе — везде, где только есть лицейские.

В течение ряда лет собирались на обеды в честь лицейских годовщин в квартире Анатолия Евстафиевича Жадовского, лицеиста III курса, на Владимирской улице в доме Фитонова, в частности II, III и IV курсы на 25-летие Лицея (в октябре 1836 года). Жадовский был весьма радушным хозяином и сам устраивал бесплатные обеды. На одном из таких праздничных обедов у Жадовского в честь лицейской годовщины, когда собрались бывшие соученики II—IV курсов, М. Д. Деларю предложил производить денежный сбор между присутствующими (а также отсутствующими на данном обеде товарищами) на какое-либо полезное дело. Этот сбор составил так называемый лицейский сиротский капитал, который постоянно пополнялся и служил помощью нуждавшимся лицеистам и их семьям.

Через год, 19 октября 1842 года, праздновалось двадцатипятилетие первого выпуска Лицея *. Лицейский же

* Знаменательный день вскоре описал Ф. В. Булгарин, впервые побывавший в Лицее. Статья по легкомысленно-болтливому тону весьма не понравилась другу А. С. Пушкина, П. А. Плетневу, и он писал лицеисту выпуска 1832 года Я. К. Грогу, с которым находился в длительной переписке (впоследствии изданной): «Читал в 238 № «Северной пчелы», как хвалой своей Булгарин олевал ваш Лицей, Броневский должен быть без такту, что приглашает на праздник таких свиней».

обед перенесли на следующее воскресенье, и состоялся он также на Васильевском острове в доме Юнкера, в том же помещении. По сообщению М. А. Корфа, это был не обычный пикник и не складчина, а праздник, который давал Энгельгардт за собственный счет. В день годовщины бывшие воспитанники имели обычай посещать Лицей. Но, как видно из письма Корфа, это осуществлялось все сложнее: «...ожидание свидеться 19 октября в Царском Селе не сбылось, и из 1-го курса всего нас было там только двое».

О лицейской сходке 23 октября 1843 года Энгельгардт сообщал И. И. Пущину, что собралось всего тридцать шесть человек. Многие, хотя и были в Петербурге, не явились.

По воспоминаниям А. А. Харитонова, в 1860-х годах, когда поредели ряды старых лицейстов, собиравшихся прежде по курсам, оставшиеся в живых воспитанники первых семи курсов стали праздновать «заветный день Лицея» совместно. К ним присоединились и некоторые воспитанники Лицейского Донона. Собрания эти происходили в ресторане Донона. Душою их был Я. К. Грот.

Пятидесятилетие Лицея 19 октября 1861 года праздновалось весьма торжественно в здании Александровского лицея. На празднике прозвучали посвящения лицейской годовщине поэтов Л. А. Мея и В. Р. Зотова, лицейстов выпуска 1841 года. Второе свое посвящение, уже неофициальное, «Лицейстам (Застольная песня)», по преданию, Лев Мей прочел в царскосельском лицейском саду:

Собрались мы всей семьей —
И *они*, кого не стало,
Вместе с нами, как бывало,
Неотлучною душой!

.
. Вы с нами!
.

И поете братским хором
Нам про Царское Село,—

Где, маститой тайной святы,
Встали древние палаты,
Как немой завет веков;
Где весь божий мир — в картинах;
Где, «при кликах лебединых»,
В темной зелени садов,

Словно птички голосисты,
 Распевали лицейсты...
 Каждый был тогда поэт,
 Твердо знал, что май недолог,
 И что лучше царскоселок
 Никого на свете нет!

Помянем же мы, живые,
 За бокалами дружной
 И могилы, нам святые,
 И бессмертный наш лицей!..

В честь праздника семидесятилетия Лицея поэт В. Р. Зотов опубликовал свое посвящение этой лицейской годовщине в одной из столичных газет, в котором вспоминал всю историю Лицея от создания его до этого юбилея, отмечая, что переезд Лицея из Царского Села в Петербург не повлиял на традиции и дух Лицея:

В столицу наш перенесен приют,
 Но молодые поколения
 В нем жизнью старую живут.
 Все тот же прежний дух Лицея,
 Добром и честью пламенея,
 Горит в сердцах его детей,
 И незапятнанно и чисто
 Все так же имя лицейста
 От прошлых лет до наших дней,
 И те же узы дорогие
 Связали курсы всех годов
 Взаимной дружбою...

И далее Зотов говорил, что каждому выпускнику есть чем помянуть дорогой Лицей и что «на всех путях служения отчизне», где нужно было, не жалея жизни, «добру и правде быть житом», где надо было «трудиться твердо, неуклонно, карая все, что незаконно», всегда «в борьбе с неправдою и злом» воспитанник Лицея оказывался опорой слабого, он не робел перед сильным:

Всегда питомец был Лицея
 С высоко поднятым челом.

И с гордостью за Лицей и с грустью об ушедших годах Зотов писал:

И семьдесят пять лет родного учрежденья
 Встречает в этот день уж третье поколение.

Чувствуя свое поэтическое бессилие в должной мере выразить всю силу чувств в этот день лицейской годов-

щины, Зотов вновь и вновь обращается к гению Пушкина, понимая, что никогда и никому уже не воспеть «Лицея день заветный» подобно великому поэту:

И только слабых струн нестройные аккорды
Лицею в этот день несут обычный дар.

...Прошло более ста лет со дня празднования последней лицейской годовщины в стенах Царскосельского лицея.

И вот с 1949 года здесь вновь начали праздновать «Лицея день заветный».

19 октября 1961 года Большой зал Лицея едва мог вместить всех приглашенных: Всесоюзный музей А. С. Пушкина и общественность страны торжественно отмечали 150-летие Лицея. Гости съехались с разных концов нашей страны и из-за рубежа. Среди них были и правнук первого директора Лицея Петр Павлович Малиновский (внук друга Пушкина Ивана Васильевича Малиновского) и один из последних лицейстов, литератор Лев Любимов. Он отмечал затем в одном из журналов: «...многие далекие воспоминания волнующе вставали передо мной, как никогда на чужбине, где я прожил почти тридцать лет, я испытывал в этом здании, среди хранящихся в нем реликвий, гордость от сознания, что я воспитывался в том же учебном заведении, что и Пушкин».

Специально к этой знаменательной дате были выпущены памятка-путеводитель по Лицею (написана М. П. Руденской) и юбилейный значок с изображением памятника Пушкину-лицейсту (работы Р. Баха) и с цифрой «150».

Первый хранитель Мемориального музея Лицея М. П. Руденская за двадцать семь лет своей работы в Лицее (1949—1976) состояла с некоторыми из бывших лицейстов в переписке. На протяжении нескольких лет ей писал из Брюсселя выпускник Лицея, сообщавший о ежегодных встречах бывших лицейстов, посвященных 19 октября, проходивших в Париже. Об этих празднованиях лицейских годовщин писал Руденской также и праправнук А. С. Пушкина Г. Воронцов-Вельяминов. Его отец также всегда посещал эти собрания, которые, видимо, прекратили свое существование к 1970 году.

М. П. Руденская была лично знакома с бывшими лицейстами Л. Д. Любимовым, В. Н. Зарубаевым,

В. Ю. Горяиновым и некоторыми другими. Л. Д. Любимов и В. Н. Зарубаев приезжали в Лицей.

С началом реконструкции здания Лицея, с 1966 года, празднования годовщины проводились в церковном флигеле Екатерининского дворца, в помещении Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Истинное торжество 19 октября 1974 года состоялось в прекрасном, окончательно восстановленном Большом зале, наконец представшем перед посетителями в своем былом виде*.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ. 1817—1843

После первого выпуска Лицей в Царском Селе существовал еще двадцать семь лет. С 19 октября 1811 года и до 1 января 1844 года из Царскосельского лицея было выпущено двести восемьдесят шесть человек, из них на гражданскую службу — двести тридцать четыре, на военную — пятьдесят и на флот — двое. В «важных частях службы государственной» оказалось достаточно лицейстов: двенадцать членов Государственного совета, или министров (среди них из состава I курса — Горчаков и Корф); девятнадцать сенаторов (I курса — Корпилов, Матюшкин и Яковлев); три почетных опекуна; пять дипломатов (I курса — Ломоносов); более шести губернаторов (I курса — Бакунин и Корнилов); семь директоров департаментов и равных им по должности (I курса — Гревениц, Маслов и Юдин); свыше тринадцати служили по дворянским выборам в должностях губернских или уездных предводителей дворян (I курса — Малиновский). Многие из тех, кто трудился на государственной службе, приносили пользу отечеству и стремились содействовать прогрессу.

Царскосельский Лицей первых лет послепушкинской поры, казалось, не отличался от прежнего, но не было здесь Пушкина, который преображал Лицей, был душою его.

Первые гонения на Лицей были связаны как с крамольными стихотворениями послелицейского Пушкина,

* С 1949 года лицейские годовщины всегда отмечались по новому стилю, т. е. 31 октября; в этот день праздновалось и 150-летие Лицея; с 1975 года их начали отмечать по названию — 19 октября.

которые сочли «плодами» лицейского воспитания, так и с выходом в свет «опасной» книги Куницына «Право Естественное». Под особо бдительный контроль Лицей попал после декабрьских событий 1825 года. Истоки вольнодумства среди молодого поколения реакция усматривала в Лицее, в системе лицейского воспитания.

Историк Д. Ф. Кобеко, давая оценку Лицею той поры, подчеркивал, что Лицей действительно снискал себе репутацию либерального учебного заведения, и это было вполне естественно, ибо его породило «дней Александровых прекрасное начало», но, по мере того как воззрения царя и его советников изменялись в сторону реакции, Лицей «должен был представляться им учреждением опасным и призывал на себя меры строгости». Кобеко отметил также, что деятельность воспитанников Лицея подвергалась порицанию в той части общества, которая по тем или иным причинам находила нужным укреплять идею абсолютизма, особенно в кружках реакционеров Аракчеева, Магницкого, Рунича, архимандрита Фотия и им подобных.

Лицейская система образования и воспитания в 1820-х годах претерпевала преобразования. Многие изменения в программе были связаны с развитием наук и требованиями жизни. Но были и иные, продиктованные страхом перед вольнодумством. Постепенно одно из важных мест в обучении занял закон божий. В сознание учеников стали усиленно внедрять религиозность, слепое послушание, чинопочитание.

Простота отношений перволиценстов с педагогами и наставниками исчезла. «Лицейская республика» уходила в далекое прошлое. Непринужденность, уверенность в себе, некоторое своеволие, а иногда и непослушание, характерные для пушкинской поры, после 1821 года усердно изживались. Лицей начал резко менять свое лицо. А первые педагоги стали жить лишь воспоминаниями о прежнем «золотом веке» Лицея.

Остановимся подробнее на истории перемен в Царскосельском лицее. Итак, учрежденный в 1810 году Лицей по 1821 год никаких изменений в преподавательской и воспитательной системе не испытывал, исключая лишь открытие кафедры военных наук в 1816 году.

В 1821 году, когда началось гонение на книгу А. П. Куницына «Право Естественное», когда стала торжествовать реакция, в Лицее было отменено преподава-

ние права естественного, замененного наукой о финансах. Министр просвещения строгойше потребовал бдительного наблюдения за нравственностью воспитанников и установил слежку за их поведением. Он послал докладную Александру I, указывая на беспорядки в Лицее как по учебной, так и по «нравственной» части.

Энгельгардт писал своему бывшему воспитаннику Матюшкину: «Князь (Голицын. — С. Р.) мною весьма недоволен и, находя, что я весьма дурно воспитываю вверенную мне молодежь, предписал особым секретным орденом священнику Кочетову пецись (печься, следить, заботиться. — С. Р.) о исправлении воспитанников, о искоренении в них зла и пр. ...Словом, друг мой, я оставляю Лицей и все те прекрасные мечты, с которыми переселился я сюда. ...Лицей был предмет жизни моей, я кроме его никаких более планов вперед не имел...»

В 1822 году, по выражению Я. К. Грота, железная рука Аракчеева исторгла Лицей из подчинения Министерства народного просвещения и отдала под военную опеку, то есть Лицей передали Управлению военно-учебных заведений. Один из выдающихся педагогов своего времени Е. А. Энгельгардт вынужден был уйти в отставку. В 1823 году директором Лицея назначается генерал-майор Гольтгоер. По указу царя это учебное заведение вошло в ведомство Главного директора кадетских и пажеских корпусов, в подчинение великого князя Константина Павловича, известного своим солдафонством и ограниченностью. По этому поводу любопытен приказ главного директора кадетских и пажеских корпусов, которому подчинялся Лицей, генерал-адъютанта Н. И. Демидова о том, кого надо избирать к столу главного начальника. В частности, он писал, что избираемые должны быть те, кто при «наиотличнейшей нравственности в течение времени оказывают постоянно примерное прилежание к наукам и отличные успехи в оных», помимо того, они должны были быть «наилучшей наружности, самые ловкие».

Демидов время от времени делал предписания директору Лицея «о приучении детей к откровенности, ласковости, вежливости, и всему тому, что может их сделать любезными и достойными внимания высшего начальства». В обязанность инспектора и гувернеров также вменялось «иметь внимательное наблюдение и почаству внушать воспитанникам умение титуловать чиновных особ

по их чиnam и достоинствам на том основании, что вежливость и знание приличий есть первый признак образованности».

Время управления военно-учебными заведениями генерал-адъютантом Н. И. Демидовым * являлось весьма характерным в деле укрепления «нравственного» воспитания. Он буквально забросал Лицей множеством предписаний, распоряжений, инструкций и даже частных писем на имя директора Лицея. Главный директор касался всего — от воспитания и преподавания до мелочей быта.

Он предписывал воспитанникам читать книги только нравственные и исторические, а «трагедии, различные романы и вообще все те книги, которые могут воспалить воображение юных воспитанников», он строго запрещал. Демидов предписывал директору Лицея: «Каждый из воспитанников должен быть тщательно наблюдаем во всех правилах его нравственности; а как главнейшее — составляющие оно суть покорность, послушание и учтивость, то сии добродетели во всегдашнем предмете и на таковых основывать все правила воспитания каждого из благородных юношей».

Религиозное воспитание Демидов считал основой всякого порядочного воспитания, но и здесь он вносил свои коррективы: запрещал чтение Библии, и, прежде всего, Ветхого завета. Он писал директору Лицея в феврале 1829 года, что находит чтение Библии воспитанниками «излишним, хотя по существу своему священной <книги>, но по содержанию некоторых мест превосходящей юношеские понятия». Курьезно звучит, что вместе с Библией Демидов предписывал не дозволить читать «и другие богословские и высокой нравственности книги, из коих воспитанники по незрелости рассудка, могут почерпнуть неправильные суждения». Демидов стремился руководить через начальство Лицея всей жизнью воспитанников, поселить в их среде дух слежки. Он требовал к себе на просмотр письма воспитанников к родным перед отправкой их адресатам. Так после восстания декабристов бушевала реакция в учебных заведениях России.

В 1832 году воспитанникам Лицея было приказано дежурить при дворе в Царском Селе по воскресным и

* Назначен на эту должность 14 декабря 1826 года и оставался в ней по день своей смерти — 4 июля 1833 года.

торжественным дням, по примеру камер-пажей и пажей. С первыми были сравнены воспитанники старшего возраста, со вторыми — младшего. С этих пор воспитанники Лицея, по три-четыре человека, уже «удостаиваются» приглашений на балы во дворец, на танцевальные вечера и спектакли. То, против чего так горячо выступал директор Е. А. Энгельгардт, то, чего боялся, — рождения угодливости, тщеславия, развращения нравов от близости ко двору — все это восторжествовало.

С того же года были разрешены отпуска в Петербург, на большие, т. е. длинные, праздники и на время летних каникул. Были изданы и особые правила. Так, в театре дозволялось сидеть только в ложе (а не в креслах или партере), посещать балы Дворянского собрания и маскарады строго воспрещалось.

В 1834 году в Лицее было отменено преподавание высшей математики и увеличены курсы статистики, истории, юридических наук и языков. В начальный курс был введен английский язык, а из курса нравственных наук исключена философия нравственности. К тому же начальный курс математики был ограничен арифметикой, геометрией и началами алгебры. Стали преподавать музыку и гимнастику, ввели юридическую практику. В том же году было утверждено положение, по которому выпускникам Лицея предоставлялось право слушать в Петербургском университете курс по избранным специальностям.

Лицей давно перестал быть тем замкнутым, маленьким учебным заведением, так сказать, камерным, располагавшим и к интимным кружкам, и к уединению, где безвыездно шесть лет, как единая семья, жили, учились, проводили каникулы его первые питомцы. Даже личные комнаты лицеистов были уничтожены в 1832 году, в связи с увеличением до ста человек (к 50 «казеннокошным» прибавлено 50 человек «своекошных» с платою по 2000 рублей в год), и вместо них устроены общие спальни. Воспитанники были разделены на четыре класса (от первого до четвертого — выпускного): 3-й и 4-й классы составляли старший возраст, а 1-й и 2-й — младший*. Поступали в младший класс из Петербургской гимназии (заменившей Благородный пансион при университете);

* При переводе Лицея в Петербург было принято обратное наименование классов, младший стал называться четвертым, а старший (выпускной) — первым.

с 1834 года стали принимать поровну из Петербургской гимназии и Московского дворянского института. Обстановка в Лицее стала казарменной, практиковались телесные наказания.

28 мая 1832 года Е. А. Энгельгардт писал В. Д. Вольховскому: «...Жаль, что бедный Лицей должен так изменить свою физиономию; за оною неизбежно последует и перемена нравственная.

Уже от домовых отпусков уничтожится эта прекрасная связь наших лицейских, для коих в продолжение шести лет весь мир заключался в стенах Лицея и которые в продолжение шести лет были неразлучными товарищами; от того между ними неразрушимая связь, дружба, от того привязанность к Лицею. Кадеты, оставя с радостью корпус, не знают уже более ни его, ни тамошних товарищей».

А через четыре года тому же адресату пишет с горечью: «Ты спрашиваешь, что думаю я о нынешнем * Лицее?.. впрочем, прежнего Лицея там и тени нет.— Голтгейер (Ф. Г. Гольтгоер. — *С. Р.*) добрый человек, но о воспитании имеет столько же понятия, как я о кавалерийском маневре. Он воспитан во 2-м Кадетском корпусе, всю жизнь свою провел там и педагогике научился в Дворянском полку. Вступая в Лицей, он объявил воспитанникам: думайте, что хотите, только будьте исправны перед начальством!!! Им управляет Оболенской (инспектор, профессор. — *С. Р.*), низкой фарисей, основывающий все воспитание на постыдной системе подслушивания за дверьми, на изловлении и краже записочек по ящикам, и даже доходил до того, что приучивал воспитанников делать тайные доносы на товарищей...

В числе выпускаемых встречаются образованные молодые люди, которые, несмотря на все... сохранили какое-то собственное благородство и сами вслух говорят, что это чувство сохранилось еще по старым преданиям прежнего Лицея...»

Для многих выпускников Лицея стены его оставались всегда дорогими. Обиды и неприятности забывались, отсеивались, и, как это часто случается, в памяти оставались лишь лучшие воспоминания. Уже никто из них не знал точно, каким же был Лицей при Пушкине, хотя лицеисты и старались свято хранить прежние традиции.

* В подлиннике — дважды подчеркнуто.

Вспоминая лицейские годы, А. А. Харитонов, лицеист VII курса, выпуска 1835 года, писал, что «дух заведения был превосходный: старинные предания поддерживались прежними выпусками, которые приезжали не только из Петербурга, но и из более далеких мест, чтобы навестить нас». И он вспоминал об одном таком посещении Лицея В. Д. Вольховским, служившим тогда начальником штаба на Кавказе, который по приезде в Петербург первым делом счел необходимым заглянуть в родной Лицей. Из книги о жизни Вольховского, написанной его другом И. В. Малиновским, известно, как окружили его тогда лицеисты, как провожали по всему зданию, как подвели к мраморной доске, висевшей в зале, на которой его имя стояло первым. Но, поняв их намерение, Вольховский начал читать имена снизу вверх и, дойдя до своего, остановился.

Мраморные доски с именами воспитанников, удостоенных золотой медали, были установлены в Лицее в 1833 году. К пятидесятилетию Лицея, к 1861 году, таких досок было уже пять. На них были выбиты имена пятидесяти трех выпускников, среди них: В. Вольховский, А. Горчаков, А. Малиновский, Я. Грот, К. Веселовский, В. Кайданов, Е. Есаков, В. Шварц.

А. А. Харитонов рассказывал и о том, как много и упорно занимались воспитанники Лицея: «Мы работали, учились и читали много: из 25-ти воспитанников нашего курса больше половины в последние два года вставали в 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой... Начальство не запрещало этих ранних занятий и отпускало для них зимою казенные свечи».

В его воспоминаниях интересно и описание последнего дня выпуска из Лицея — 13 июня 1835 года. В этот день они пропели прощальную песнь первых воспитанников Лицея, которую каждый лицеист знал наизусть, затем поднялись в доргуары, где ожидали их петербургские портные и, нарядившись во фраки, отправились к директору благодарить в его лице все лицейское начальство и наставников за полученное воспитание, следуя здесь завету Пушкина «не помня зла, за благо воздадим». Затем все сошлись к обеду в ресторане Друммеля, после расстались навсегда, ибо «потом уже не могли собраться в полном комплекте...».

После 1817 года в Лицее наставниками оставались Е. А. Энгельгардт, А. П. Кувицын, Н. Ф. Кошанский,

Д. И. Будри, И. К. Кайданов, Я. И. Карцов, П. Г. Георгиевский, С. Г. Чириков, Ф. П. Калинин, И. П. Шульгин и другие. Среди профессоров можно отметить П. М. Архангельского (математические науки — 1815—1828), Е. В. Врангеля (политическая экономия — 1820—1837), Ф. А. Олива (немецкая словесность — 1821—1825), Реми Жилле (французская словесность — 1830—1841)*. Игнатий Акинфиевич Ивановский — профессор политической экономии и права — прослужил в Лицее 30 лет (1837—1867), это был талантливый, увлекающийся педагог, которого особенно любили лицеисты как Царскосельского, так и Александровского Лицея, оставившие о нем добрые воспоминания, например, А. Н. Яхонтов, К. С. Веселовский, Е. И. Ламанский и другие. Его учеником был и М. Е. Салтыков (Щедрин). В Царскосельском лицее начинали преподавательскую деятельность профессора Н. Т. Щеглов, Ф. И. Шау, И. А. Курнанд.

Среди окончивших Царскосельский лицей с 1817 по 1843 год** получили известность: художник В. П. Лангер, поэт М. Д. Деларю; академик пушкинист Я. К. Грот, установивший нормы русского правописания, которыми мы с незначительными изменениями пользуемся до сих пор; создатель русских школ для слепых К. К. Грот; П. И. Миллер, оставивший записку о дуэли и смерти Пушкина; востоковед член-корреспондент Академии наук Н. В. Ханыков; историк академик К. С. Веселовский; поэт-демократ А. Н. Яхонтов; революционер, утопический социалист, основатель политического кружка молодежи (петрашевцев) М. В. Буташевич-Петрашевский (в его кружок входили многие лицеисты разных выпусков); поэт-лирик, автор исторических драм Л. А. Мей, в творчестве которого отчетливо слышны вольнолюбивые мотивы, например, в стихотворении «Вечный колокол», опубликованном А. И. Герценом; журналист, редактор В. Р. Зотов, писатель, тесно связанный с революционерами-народниками, с Герценом, которому посылал секретные материалы для «Колокола»; философ, энциклопедист, петрашевец

* Добрые чувства вызывали у лицеистов многие педагоги: профессор Я. И. Баршев, адъюнкты Тилло и Пепольд (по французской словесности), гувернеры П. П. Гельмерсен, И. Е. Мартини, А. И. Кох, Цетриус и другие. См. приложение «Преподаватели...»

** Подробнее о выпускниках Царскосельского лицея см. в приложении «Выпускники...» и в книге М. и С. Руденских «С лицейского порога».

Н. Я. Данилевский, идеолог панславянизма (труд «Россия и Европа»), автор известных работ по ихтиологии.

Лицей ждал нового поэтического гения, ждал преемника лиры поэта. И имена прозвучали, но не броско, не столь многозначительно и ярко, чтобы соревноваться с Пушкиным. Каждый лицеист, писавший стихи, начинал зваться Пушкиным этого курса. Такими на своих курсах были лицейские поэты Михаил Деларю, Александр Яхонтов, Лев Мей, Михаил Салтыков (Щедрин). Писали в Лицее стихи Я. К. Грот и на французском языке поэты А. В. Мещерский и И. И. Барышников. Стихи поэта-лицеиста Льва Мея, зрелые по форме, являют нам прекрасные поэтические образы, проникнутые подлинным лиризмом, но истинное озарение даровал Лицею лишь поэтический гений Пушкина.

После Пушкина в Лицее появился талантливый поэт М. Д. Деларю, близкий знакомый Дельвига и Языкова. Его книги «Превращение Дафны. Сельская поэзия» (1829 год), «Сон и смерть» (1831 год) и «Опыты в стихах Михаила Деларю» (1835 год) имели читательский успех. Он заявил о себе, как о тонком лирике.

Стихотворение Деларю «Статуя Перетты в Царском-Сельском саду» великолепно по форме, по красочности образов, по мелодичности стиха. Посвящено оно воспетой Пушкиным царскосельской статуе «Перетта» или «Молочница» — фонтану, изображающему девушку, грустно сидящую у разбитого кувшина, из которого струится вода. Недаром советский искусствовед и поэт Э. Ф. Голлербах включил это стихотворение в свою антологию «Царское Село в поэзии» (1922 год) наряду со стихами Державина, Пушкина, Анненского, Ахматовой, посвященных Царскому Селу, и это стихотворение не затерялось среди шедевров лирики, а наоборот, заиграло всеми поэтическими красками. Деларю передал как бы само тихое журчанье воды, ее плеск и шепот среди камня; он усилил это впечатление игрою слов, повтором звуков (буквы «ж» в словах «меж», «журчаньем», «бежит», «надежда», «лежит», «животворный», «возрожденный» и букв «з» и «м»), что придало стиху особую мелодичность:

Что там вдали, меж кустов, над гранитным утесом мелькает,
Там, где серебряный ключ с тихим журчаньем бежит?

Нимфа ль долины в прохладе теней позабылась дремотой?

Ветви, раздайтесь скорей: дайте взглянуть на нее!

Ты ль предо мною, Перетта? — Тебе изменила надежда,

И пред тобою лежит камнем пробитый сосуд.

Но молоко, пролиаясь, превратилось в журчащий источник:
 С ропотом льется за край, струйки в долину несет.
 Снова здесь вижу тебя, животворный мой Гений, Надежда!
 Так из развалины благ бьет возрожденный твой ток!

Деларю много занимался переводами с немецкого и французского языков, а в 1839 году он издал в Одессе свой перевод «Слова о полку Игореве» («Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова». Переложение Михаила де Ла Рю) с развернутым предисловием. Особый интерес переводы «Слова» Деларю и впоследствии Льва Мея представляют ныне, после того как по решению ЮНЕСКО в 1985 году отмечалось 800-летие этого общепризнанного шедевра мировой литературы.

Знаменитый плач Ярославны Деларю переводит так:

Слышен глас Ярославны; пустынной
 кукушкой с утра
 Кличет она: «Полечу,— говорит,— ко Дунаю
 кукушкой,
 Мой бобровый рукав омочу в Кальские
 воды,
 Раны кровавые князю на страждущем теле
 отру ими!»
 Плачет на ранней зоре Ярославна
 в Путивле на стенах
 Так говоря: «О ветер, ветер могучий!
 К чему, властелин, ты
 Веешь напротив? К чему на свободных
 крылах своих мчишь ты
 Ханские стрелы на воинов друга? Иль мало
 под небом
 Гор тебе веять, лелея судов стан на море
 синем?
 Что же, могучий, веселье мое по ковылю
 развеял?»

Но наиболее заметным из лицейских поэтов был поэт-демократ А. Н. Яхонтов. Он многое сделал для народного просвещения, составлял сборники для народного чтения, переводил западных классиков — Гете, Шиллера, Гейне, Мицкевича. В 1884 году издал небольшую книжку стихов «Старые — молодые песни». Среди них «Senjo lósi» и «Памяти Пушкина». Свои произведения он публиковал в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Русском инвалиде», «Русской старине» и других. Был сотрудником Некрасова с конца 1867 года. В 1859 году, получив наследство — поместье с крепостными, Яхонтов освободил своих крестьян еще до крестьянской ре-

формы. Жил он в селе Камно Псковского уезда, где и умер. Его литературный архив был устроен в 1920-х годах. После Великой Отечественной войны в сгоревшей усадьбе поэта «Камно» были обнаружены тетради его стихотворений и затем, в 1960-х годах, двадцать семь были впервые опубликованы*. Среди этих стихов «Русские песни», переводы стихов из Гейне, из Гете.

В стихотворении Яхонтова «Победителю» звучат строки, посвященные Франции 1871 года:

Но громок клич Народной Обороны,
Из недр земли откликнулась страна,
Уже встают отсюда легионы,
Уже кипит народная война!

Сыны отцов — апостолов свободы,
Покинув плуг и препоясав меч,
Костями готовы галльские народы
За родину и за свободу лечь!

Выдающимся явлением на поэтическом поприще в Лицее явился Л. А. Мей. И хотя имя его широко известно, но сама поэзия мало знакома широкому читателю. Его лицейские стихотворения 1838—1841 годов несут печать мастерства и таланта.

Небольшое лицейское стихотворение Льва Мея возрождает эпизоды побегов лицейстов из Лицея в Питер, которые в его время случались:

Братья, помните ль, бывало,
Как нередко удирало
Человек пять-шесть из нас
Прямо в Питер, не спросясь...

Интересным для нас является стихотворение, посвященное директору Лицея генерал-лейтенанту Гольтгоеру, уходившему в отставку:

Старый вождь наш! Нам судьбою
Разлучиться суждено,

* Краткие сведения об этих публикациях напечатаны в журнале «Русская литература» в № 4, 1964 г. В 1965 году в Ленинграде был издан «Список произведений поэта Яхонтова, напечатанных в Пскове в 1964—1965 годах». Тексты публиковались по подлинным рукописям — «Стихотворения А. Яхонтова», тетради № 1—3, написанные в Пскове в 1856—1858 годах, где Яхонтов в течение десяти лет был директором городской гимназии, а затем занимал разные должности по дворянским выборам.

Вместе жить нам не дано
 Больше, добрый друг, с тобою...

Ты любил лицей — не может
 И тебя он не любить.

Кто, лицей оставя, может
 По лицу не грустить?

Храм наук, приют священный!
 Что тебя для нас милей?

Л. А. Мей прославился как поэт-патриот, автор лирических стихов и драматических произведений «Царская невеста», «Псковитянка», на сюжеты которых созданы Н. А. Римским-Корсаковым одноименные оперы. Многие стихи Мей положены на музыку. Ему, терпевшему крайнюю материальную нужду, оказывал поддержку лицейский друг князь Г. А. Кущелев-Безбородко (1832—1876), писатель-дилетант и меценат, с 1859 года — издатель «Русского слова» (в его доме жил А. Дюма-отец).

Еще в лицейские годы друг Мей и его соученик Зотов были редактором рукописного журнала «Вообще», а издателем рукописного альманаха «Столиственник» — С. Я. Голубцов. Эти журналы несли лицейские традиции еще пушкинских лет. В 1840 году в одном из номеров «Вообще» Зотов писал о восемнадцатилетнем Льве Мее восторженно и пророчески, что в его опытах видна «печать дара самобытного, таланта оригинального, стих его по своей гладкости и силе стоит наряду с лучшими стихотворениями наших теперешних поэтов; описания его неподражаемы, сравнения новы и разительны, мысли по большей части новы и смелы». «Вот поэт, который некогда займет высокое место в ряду наших лучших писателей... Лицей некогда будет гордиться Меем!» — восклицал он.

В Лицее у Мей возник интерес к теме всемирной истории. Как и Деларю, Мей перевел «Слово о полку Игоря, сына Святослава, внука Олегова». К своему переводу Мей сделал примечание: «...изучая «Слово», я убедился в близком сродстве его с нашими народными сказками и песнями: тот же склад речи, тот же напев. <...> я старался употреблять выражения или существующие, или былые, но близко знакомые русскому уху».

Вот как звучит у Мей плач Ярославны:

Поют копыя на Дунай-реке.
 Ярославны голос слышен...

Перелетною кукушкой
 Поутру она кукует.
 «Полечу,— княгиня молвит,—
 Я кукушкой по Дунаю,
 Омочу рукав бобровый
 Во Каяле во реке,
 Вытру раны я у князя
 На его кровавом теле!»

Ярославна рано плачет
 Во Путивле на огаде,
 Приговариваючи:
 «Ох ты, ветер, буйный ветер!
 Для чего насильно веешь,
 Для чего на легких крыльях
 Ты стрелков наносишь ханских
 На удалую дружину
 Моего милóва друга?
 Али мало тебе веять
 Вверх, под облако, лелея
 Корабли на синем море?
 Для чего мое веселье
 По ковыль-траве развеял?»

Лицейские годы М. Е. Салтыкова-Щедрина

Лицейстов XIII курса, выпускавшихся в мае 1844 года *, можно считать царскосельскими, ибо в стенах Царскосельского лицея они учились почти шесть лет.

Этот курс окончил гениальный сатирик, писатель-демократ Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Михаил Салтыков поступил в Царскосельский лицей ** через год после смерти А. С. Пушкина. Это был именно тот период, когда с особой силой обострился интерес к жизни и творчеству поэта. Литературное творчество в Лицее процветало. Запрещенная литература ходила по рукам. В автобиографической заметке 1858 года Салтыков-Щедрин вспоминал:

«В то время Лицей был еще полон славой знаменитого воспитанника его, Пушкина, и потому в каждом почти курсе находился воспитанник, который мечтал сделаться наследником великого поэта».

Стихотворение «Ли́ра», посвященное Державину и Пушкину, стало первым печатным его произведением:

* Выпускные экзамены проходили в мае и июне, официальный же акт выпуска состоялся 17 августа 1844 года.

** В 1836 году он был принят пансионером в Московский дворянский институт, откуда в 1838 году переведен в Лицей.

оно было опубликовано в журнале «Библиотека для чтения» в 1841 году за подписью «С»:

На русском Парнасе есть лира;
Струнами ей — солнца лучи,
Их звукам внимают полмира:
Пред ними сам гром замолчи!

И в черную тучу главою
Небрежно уперлась она;
Могучий утес — под стопою,
У ног его стонет волна.

Два мужа на лире гремели,
Гремели могучей рукой;
К ним звуки от неба слетели
И приняли образ земной.

Один был старик величавый:
Он мощно на лире бряцал.
Венцом немерцающей славы
Поэта мир хладный венчал.

Другой был любимый сын Феба:
Он песни допеть не успел
И в светлой обители неба
Уж исповедь сердца допел.

Певец тот был славен и молод:
Он песнею смертных увлек,
И лиры безжизненный холод
В волшебные звуки облек.

Угасли! В святые селенья
Умчавшись, с собой унесли
И лиру, одно утешенье
Средь бурь и волнений земли!

Стихи юного Салтыкова носили подражательный характер, его увлекла «скорбная рефлексия» Лермонтова, Байрона и Гейне. Сам Салтыков впоследствии язвительно писал об увлечении стихотворчеством, называя его «стихотворным развратом». Он пародировал мрачную романтику своих лицейских стихотворений в «Противоречиях» и в «Запутанном деле». Но несмотря на это, он утверждал: «Я в литературе состою с 47 года... или даже с 43 года, когда печатались в плетневском современном мои первые стихи»*.

* Из письма к М. М. Стасюлевичу от 7—19 октября 1881 года.

В автобиографической записке 1878 года Салтыков отметил, что еще в первом классе Лицея «почувствовал решительное влечение к литературе, что и выразилось усиленною стихотворною деятельностью». Ряд стихотворений он тогда же напечатал, но большинство не сохранилось, как и неоконченная трагедия «Кориолан», о которой писатель отзывался с «большим сарказмом».

Достоверно принадлежащих Салтыкову известно всего одиннадцать стихотворений*, из них девять были напечатаны в 1840-е годы в «Современнике»: «Два ангела» (1840); «Песня (из Victor Hugo)» (1840); «Лира» (1841); «Рыбачке (Из Гейне)» (1841); «Из Байрона» («Разбит мой талисман, исчезло упоенье!») (1842); «Вечер» (1842); «Из Байрона» («Когда печаль моя, как мрачное виденье...») (1842); «Зимняя элегия» (1843); «Музыка» (1843); «Наш век» (1844); «Весна (Из моих отрывков)», посвящено князю П. Урусову, однокурснику Салтыкова, исключенному из Лицея в конце 1842 года или Ф. С. Усову, лицеисту X курса (1844).

Стихотворение «Рыбачке (Из Гейне)» надо признать весьма удачным:

О милая девочка! быстро
Челнок твой направь ты ко мне;
Сядь рядом со мною, и тихо
Беседовать будем во тьме.

И к сердцу страдальца ты крепче
Головку младую прижми —
Ведь морю себя ты вверяешь
И в бурю и в ясные дни.

А сердце мое то же море —
Бушует оно и кипит.
И много соколовиц бесценных
На дне своем ясном хранит.

В стихотворении «Вечер» чудится картина царско-сельского парка:

Заря вечерняя на небе догорает;
Прохладой дышит все; день знойный убегает;
Бессонный соловей один вдали поет.
Весенний вечер тих; клубится и встает
Над озером туман; меж листьями играя,

* Полностью опубликованы в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений», т. 1. М., 1965.

Чуть дышит майский ветер, ряд белых волн качая;
Спит тихо озеро. К крутым его берегам
Безмолвно прихожу и там, склонясь к водам,
Сажуся в тишине, от всех уединенный.
Наяды резвые играют предо мной —
И люблю мне смотреть на круг их оживленный...

В автобиографической записке Салтыков-Щедрин вспоминал, что «влияние литературы в Лицее было очень сильно: воспоминание о Пушкине обязывало», «журналы читались с жадностью, особенно сильно было влияние «Отечественных записок», и в них критики Белинского».

Еще лицеистом Салтыков познакомился с В. Г. Белинским в доме М. А. Языкова, где видела его в лицейском мундире в начале 1840-х годов писательница А. Я. Головачева-Панаева, когда он приходил туда по утрам в праздники. Она вспоминала, как садился он обычно не в той комнате, где сидели все гости, а в другой, против дверей, и оттуда внимательно слушал разговоры. И в те годы, по замечанию писательницы, юный Михаил Салтыков не отличался веселым выражением лица, «его большие серые глаза сурово смотрели на всех, и он всегда молчал».

С будущим деятелем освободительного движения Михаилом Васильевичем Петрашевским, начавшим еще на лицейской скамье пропаганду идей западноевропейского утопического социализма и создавшим «самую многочисленную и наиболее последовательно социалистическую организацию в стране»*, Салтыков познакомился в Лицее. Петрашевский окончил Лицей почти через год после поступления туда Салтыкова. Учившийся на XIII курсе Михаил Салтыков застал в лицейских стенах лицеистов X, XI, XII, XIV курсов, среди них поэтов Льва Мея и Владимира Зотова.

В автобиографической записке 1878 года Салтыков-Щедрин отметил, что в его образовании принял участие священник села Заозерья Иван Васильевич Преображен-

* Первые русские социалисты. (Библиотека революционных мемуаров «Из искры возгорится пламя». Предисловие Б. Ф. Егорова.) Л., 1984, с. 13.

В. И. Ленин выводил родословную российской социалистической интеллигенции «начиная от кружка петрашевцев, правильно» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 438).

ский, который обучал его латинскому языку по грамматике Кошанского. Так этот лицейский наставник стал в некоторой степени и его наставником.

Для нас интересны выдержки из писем матери Михаила Салтыкова Ольги Михайловны к мужу Евграфу Васильевичу* от марта — апреля 1839 года, когда она приезжала в Царское навестить своего Мишу: «...приехали в Царское Село благополучно... приехав в Лицею, я увидела Мишу, который здоров, мил, очень вырос, ловок стал, хорошо учится и ведет себя; словом, я полюбовалась на него. Он был обрадован до крайности нам. Тут пробыла я до понедельника, а в его время полюбовалась на Царское Село... Познакомилась я с семейством Мишина началь<ника>, генералом**, его описать нельзя, что за почтенное семейство, и они все меня обласкали. Также познакомилась с инспектором***, его семейством и с г-ном Бегеном**** и протодьяконом и всеми их семействами, все меня обласкали, и я как будто с ними со всеми давно знакома... Мы на днях едем в Царское Село провести весь день: быть во дворце, Эрмитаже там и прочее любопытное видеть. Также поедем... в Павловское по железной дороге. Я уже два раза каталась. Она***** знакома в Лиции (Лицее. — С. Р.) с экономом и хочет его просить Платона***** поместить в дядьки около Миши. Он исполнит ее просьбу. Миша провел у нас до фомина понедел<ь> <ника> *****. Очень милый мальчик выходит и хорошо начал говорить по-фра<нцузски>, неме<цки> и немного по-англицки... главное, не знаю, как устроить об Мише. Хочется мне его взять к себе на вакацию*****, но она ближе <чем> в конце июля

* В лицейские годы Салтыкова отец его служил в министерстве государственных имуществ старшим помощником столоначальника.

** Ф. Г. Гольтгоер — директор Лицея.

*** А. Ф. Оболенский, о нем 7 марта 1839 года Салтыков писал родителям, что этот человек «достоин всяческого презрения», это же мнение разделял и Е. А. Энгельгардт.

**** Лицейский надзиратель.

***** Баронесса Е. А. Клейст, петербургская приятельница О. М. Салтыковой.

***** Крепостной дворовый человек Салтыковых.

***** Провел с матерью и сестрой в Петербурге пасхальную неделю.

***** На каникулы, в июле, которые Михаил Салтыков проводил в родном имении Спас-Угол.

не будет... ужасно и потому я поручу Митрию *... к нам привезти».

29 июля 1839 года Ольга Михайловна сообщала, что Михаил Салтыков уже приехал к ней в Москву и что 2 июля надо выслать к ним лошадей (Векшу, Серую и Вороную) с кучерами «Олимпиаем» и «Логашкой» (Алемпием и Логгином — крепостными Салтыковых).

При Салтыкове в Лицее преподавали Шульгин, Георгиевский, Чириков, Калинин, Эбергардт, помнившие юного Пушкина и делившие своими воспоминаниями о нем с новыми поколениями лицеистов.

Отношение Салтыкова к воспитательной системе, осуществляемой тогда в Лицее, было далеко не розовым, он, как еще и сокурсник Пушкина М. А. Корф, как и А. М. Унковский, не окончивший XVI курса, исключенный из Лицея вместе с В. Константиновым и А. Бангышем за посещение дома Петрашевского, критически отзывался о некоторых педагогах. Преподавателя русской словесности П. Е. Георгиевского он считал «человеком удивительно добрым, но в то же время удивительно бездарным». Вольнодумское стихотворство в Лицее запрещалось, разрешались лишь верноподданнические, благонамеренные сочинения, оттого Салтыкову и приходилось «укрывать свои стихотворные детища в сапоге». Начальством проверялись даже письма к родным. «Низкий фарисей» — инспектор А. Ф. Оболенский, он же и преподаватель нравственных наук, производил тайные обыски.

В 1843 году случилось чрезвычайное происшествие — обструкция профессору русского языка Ф. В. Гроздову, устроенная воспитанниками выпускного класса. В это время Михаил Салтыков, участвовавший в ней, жалуюсь на «скуку школьничьей жизни», просил мать о разрешении выйти из Лицея, чтобы поступать в университет (скорее всего в Московский), но получил отказ. Возможно, он опасался исключения из Лицея. Об этом факте свидетельствуют колоритные по стилю и эмоциональные письма матери ** Салтыкова к ее старшему сыну Дмит-

* Старшему сыну Дмитрию Евграфовичу (черты характера которого впоследствии были отображены в образе Иудушки Головлева).

** В книге «Салтыков-Щедрин. 1826—1976. Статьи. Материалы. Библиография». Л., 1976. («Из родового архива Салтыковых», публикация Н. С. Никитиной, предисловие и комментарии С. А. Макашина, с. 251—342).

рию, к мужу, полные беспокойства о лицейском Мише. Из этих писем вырисовывается яркий образ этой сильной характером женщины.

Михаил Салтыков при блестящих способностях не был из лучших по поведению — он отличался резкой прямоотой, экспансивностью, независимостью поведения, унаследованными от матери, был упрям и скрытен. Мать называла эти черты его «строптивым безвдравием». Оттого в письмах к родным Салтыков сообщал, что по учению он идет в классе шестым, а по поведению сидит за столом девятым, а может, будет и десятым. Таковым было давнее лицейское правило еще со времен Пушкина: воспитанники сидели за столом в порядке, определявшемся их поведением, а в классе — успехами в ученье. Вспомним здесь и строки Пушкина об этом правиле:

На пир любви душой стремлюся я...
 Вот вижу вас, вот милых обнимаю.
 Я праздника порядок учреждаю...
 Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
 Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
 Садитесь, как вы садились там,
 Когда места в сени святого крова
 Отличие предписывало нам.

Но Лицей не стал для Салтыкова-Щедрина тем, чем он явился для Пушкина. Это произошло не только потому, что сам Лицей уже стал иным в пору жизни здесь Салтыкова, нежели в пушкинский период, но и в силу разности характеров двух великих писателей и направленности их творчества, ввиду времени, разделившего их, ввиду смены эпох, диктовавшей иные идеалы. Новое время рождало новую поэзию. В Лицее не появилось более столь вдохновенного певца, как Пушкин, да и Лицей не мог быть уже столь опозтезироваан.

Два русских гения вышли из стен Царскосельского лицея. И кажется знаменательным, что это были выпускники его первого и его последнего курса — Пушкин и Щедрин.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЛИЦЕЙ. 1844—1917

В начале 1840-х годов существование Царскосельского лицея подошло к концу. XII курс, выпущенный в декабре 1842 года, был последним. Акт выпуска происхо-

дил 31 января 1843 года, а через год, с 1 января 1844 года, Лицей, уже Александровский, так он стал называться с 6 ноября 1843 года, был переведен в Петербург на Каменноостровский проспект в здание бывшего Сиротского дома.

1843 и 1844 годы, время перевода и переименования Лицея, тоже характеризовалось рядом изменений в преподавании. Но 1848 год вошел в историю Лицея как год введения нового Устава Лицея. Выпускники Лицея могли теперь поступать на службу только в министерство внутренних дел. Курс учения разделен был на подготовительный и окончательный. Закону божьему уделяется все больше внимания. В 1849 году открывается кафедра гражданской архитектуры, а в 1851 году вводится преподавание административного права, с 1852 года — сельского хозяйства (в 1859 году эта кафедра, как и кафедра гражданской архитектуры, была закрыта).

Лицей — передовое учебное заведение в начале века, перестроенный и преобразованный, не решал своих прежних задач. К тому же и время выдвигало все новые и новые проблемы в области образования. В конечном итоге Лицей потерял свою первоначальную роль и стал почти полностью дублировать курс юридических наук в университете.

Бывшие воспитанники Царскосельского лицея, оглядываясь на прошлое своего заведения, все более отчетливо видели пропасть, отделившую царскосельских и петербургских лицейстов.

Д. Ф. Кобеко, учившийся в Александровском лицее и написавший монографию о лицее Царскосельском, всегда подчеркивал их коренную и существенную разницу*. Он замечал также, что первенцы Царскосельского лицея не очень благосклонно смотрели на питомцев лицея Александровского.

Если бы не гений Пушкина и его всегда живое имя, тонкая нить, протянувшаяся от Лицея начала XIX века к Лицею середины и конца столетия, навсегда бы обор-

* В своем «Историческом очерке... Лицея», составленном к пятидесятилетнему юбилею Лицея в 1861 году, И. Я. Селезнев, вопреки историку Д. Ф. Кобеко, резко отделявшему Царскосельский от Александровского, рассматривает всю историю Лицея как единого организма, имевшего только разные этапы своего существования (с 1817 по 1822 год, с 1822 по 1843, и с 1843 года).

валась. Может быть, и сам Лицей перестал бы существовать, не будь он осенен именем поэта.

История Лицея как учебного заведения делится на два периода: 1811—1843 годы — Царскосельский лицей, и 1844—1917 годы — Александровский лицей (петербургский период). При этом Царскосельский лицей 1811—1817 годов с давних пор называют Пушкинским Лицеєм и выделяют особо.

Но Лицей, воспетый и прославленный поэтом, и после 1817 года был в широком смысле не менее пушкинским. То же можно сказать и об Александровском лицее, ибо это учреждение много сделало для увековечения памяти А. С. Пушкина, именно здесь зародились и Пушкинская библиотека, и Пушкинский музей, и Пушкинское лицейское общество, и в этом смысле уже само название — Александровский — может показаться символичным: в нем как бы утверждается звучное имя поэта.

Уже говорилось о том, что Пушкин и его друзья отличали свой Лицей от Лицея последующих лет. По сути так оно и было. Но мятежный дух Царскосельского лицея продолжал витать и в его петербургских стенах. И воспитанники Александровского лицея стремились увидеть и подчеркнуть в глазах всех окружающих непрерывную связь своего учебного заведения с лицеем Царскосельским. Это желание безусловно основывалось на любви и почитании великого поэта, обессмертившего Лицей. Многие выпускники Лицея внесли неоценимый вклад в Пушкиниану (автографы, книги, реликвии и т. п.).

Не случайно именно Александровский лицей оказался инициатором и основоположником Пушкинского музея. По словам Владимира Николаевича Зарубаева, лицеиста выпуска 1902 года, посетившего Музей-Лицей в 1960-х годах; он, еще будучи учеником, одно время являлся хранителем Пушкинского музея.

Пушкинское лицейское общество было создано к столетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Устав его был утвержден в Царском Селе 4 мая 1899 года и вскоре опубликован. Он имеет тридцать два параграфа, подробно освещающих задачи Общества, обязанности его членов. Общество учреждалось при Александровском лицее в Петербурге и имело целью, как было записано в первом параграфе устава, «всестороннее изучение творений Пушкина, разъяснение и распространение во всех слоях русского народа».

Для достижения этой цели Общество должно было собирать сведения о жизни и деятельности Пушкина, а также рукописи, печатные издания и предметы, относящиеся к его жизни и творчеству; предпринимать исследования о значении Пушкина в историческом, художественном и нравственном отношении; издавать сочинения Пушкина, а также произведения других русских писателей, являвшихся его предшественниками или продолжателями.

Общество ставило своей целью и изучение лицейской старины, проведение в Александровском лицее пушкинских вечеров, посвященных чтению произведений поэта и других писателей, разбору их произведений, беседам о них и исследованию музыкальных сочинений. Предполагалось устраивать публичные Пушкинские чтения, концерты, театральные представления.

В ведение Общества перешли существовавшие в Лицее Пушкинский музей и Пушкинская библиотека, причем Общество принимало на себя обязанность заботиться о пополнении этих собраний и об устройстве для них достаточного помещения, открытого для публики.

Кроме выполнения своей непосредственной задачи Общество должно было оказывать содействие начинающим писателям из лицеистов в их литературных трудах. Обществу предоставлялось право издавать свои труды в специальном сборнике, выходявшем по мере накопления материала.

Пушкинское лицейское общество имело печать с изображением герба Лицея и его названием. Архив Пушкинского лицейского общества поступил впоследствии в Пушкинский Дом.

В Александровском лицее продолжали жить некоторые традиции Царскосельского лицея, и именно здесь, через много лет после запрещения, впервые вновь зазвучала песня Дельвига «Шесть лет...». День основания Лицея — 19 октября — оставался праздником для лицеистов. В стенах Александровского лицея имя Пушкина прозвучало с новой силой в период празднования столетия со дня рождения поэта. Широко отмечалась здесь и столетняя годовщина Лицея в 1911 году*.

* К тому времени из питомцев Царскосельского лицея оставался в живых только один — Г. Г. Принтц, воспитанник XI курса, выпуска 1841 года.

Конечно, Пущин, Кюхельбекер, Вольховский, Горчаков, Матюшкин, Дельвиг и Яковлев вошли бы в историю России, если бы даже не были товарищами поэта по Царскосельскому лицей. Но имена многих его соучеников остались жить только именем поэта. «Лицейское солнце обманчиво. Если оно горит, то лишь отсвечиваясь Пушкиным», — заметил искусствовед А. Эфрос. И это справедливо.

Но и за все время своего длительного существования, вплоть до 1917 года, Александровский лицей не смог сравниться с Царскосельским обилием выдающихся выпускников. Именно Царскосельский лицей, наиболее прогрессивный для своего времени, дал России Пушкина и Салтыкова-Щедрина, Кюхельбекера и Дельвига, Пущина и Петрашевского. Такое созвездие имен уже более не возникало.

Лицей прошел сложный путь от демократичного по своему духу учреждения начала XIX века, давшего великих писателей и деятелей освободительного движения, до учреждения с религиозно-монархическим уклоном. История Лицея как бы отразила в себе извечную истину, что только воспитание свободы суждений, развитие самостоятельного мышления, собственного мнения, чувства собственного достоинства может дать хорошие плоды и разжечь «божьи искры» таланта, а насаждение религии, чиновничества, запрещение выражать иные мысли, кроме официальной точки зрения, — может дать только преданных исполнителей, а подчас и погасить природные дарования. Но нельзя также умалить здесь и роли педагогов Лицея, противостоявших реакции.

Не так уж была безобидна история переселения Царскосельского лицея, переименованного в Александровский, в Петербург, не сохранялся в нем и «прежний дух» Лицея пушкинской поры.

Слава Лицея оказалась непреходящей только благодаря Пушкину. Ведь ни Кюхельбекер, ни Дельвиг, ни Мей, ни Салтыков, ни Яхонтов — никто из лицейских поэтов не воспел своей *alma mater*. И «Записки» Пущина тоже были вызваны к жизни именем Пушкина. Михаил Салтыков (Щедрин), учившийся много лет спустя после Пушкина, очевидно, недолюбливал Лицей и уж конечно не смог бы опозитизировать его. Одаренный юноша, а позднее гениальный сатирик, смотрел на Лицей, столь изменившийся со дней своего замечательного «пра-

щуре», мрачно, без всякого высокого чувства. Видимо, то же можно сказать и о Бутаевиче-Петрашевском.

История Лицея послепушкинской поры была весьма переменчивой: вносились коренные изменения в лицейскую систему образования и воспитания. Если в системе образования и наметилась тенденция как-то сузить энциклопедичность преподававшихся здесь наук, ввести специализацию, что отвечало задачам времени, а значит и должно было служить некоторой систематизации преподавания, то в воспитании, наоборот, происходил полный регресс. Свобода суждений, которой так прежде дорожили в Лицее, была уничтожена. Как уже рассказывалось, Лицей начал менять свое лицо после 1821 года.

В 1851 году выпускникам Лицея вновь было разрешено избирать гражданскую службу вне министерства внутренних дел, а в 1856 году, по ходатайству А. М. Горчакова, выпускникам Лицея возвращается право поступать на службу в министерство иностранных дел.

С 1861—1866 годов выходят новые постановления о приемных экзаменах в Лицей, пересматривается общий курс наук. В 1871 году член совета Лицея академик В. П. Безобразов выступает за дальнейшие реформы в лицейском преподавании. Еще в 1848 году и даже ранее указывалось на коренные недостатки образовательной системы Лицея, заключавшиеся в ее многопредметности и неправильности распределения предметов по классам.

7 мая 1877 года разрешалось постепенное преобразование Лицея, начиная с 1877/78 учебного года: увеличение числа воспитанников, надстройка четвертого этажа над зданием Лицея и продажа земли, принадлежавшей Лицею. Было введено новое шестиклассное устройство (вместо четырехклассного) и новый учебный план. В преподавание было введено полицейское право.

Так Лицей, под натиском реакции, менял свой устав, свою программу, свою идейную направленность, приспособляясь к требованиям правительства.

С 1883 года начались ежегодные выпуски весной.

Надо сказать, что с давних пор между С.-Петербургским университетом, открытым в 1819 году, и Лицеем существовала тесная связь: из университета вышли многие лицейские преподаватели, но с течением времени все чаще и чаще воспитанники Лицея на старшем курсе и студенты университета слушали одних и тех же

профессоров. Университетский же устав 1863 года приблизился к уставу Лицея 1848 года, а в 1884 году старший курс Лицея занимался почти по программе юридического факультета.

В то время в университете и в Лицее преподавались: право — римское, гражданское, уголовное, международное, полицейское, финансовое, церковное, а также энциклопедия права, политическая экономия и статистика. В дополнение ко всему в университете был курс истории философии права (читавшийся одновременно с энциклопедией права), преподавались торговое право и судопроизводство, а в Лицее кроме общих с университетом дисциплин читались лекции по психологии, римским древностям, истории (всеобщей и русской) и истории литератур (римской, русской и трех западных).

Так Лицей и юридический факультет Петербургского университета стали почти однородны в своих программах, хотя лицейская все же оставалась обширней и разносторонней.

Бывшие воспитанники Царскосельского лицея, оглядываясь на прошлое своего заведения, все чаще сравнивали его с нынешним. В дневнике А. Д. Комовского (младшего брата соученика А. С. Пушкина), лицеиста VI курса, есть запись: «25 октября, воскресенье, 1859 года. Еще свято сохраняется между лицейскими всех курсов обычай праздновать товарищескими сходками 19 октября, воспетое Пушкиным, как день рождения Лицея в 1811 году. Наш шестой курс, покинувший стены Лицея в 1832 году, первое время весьма усердно собирался в этот как бы священный памяти всех нас день. Потом редели ряды товарищей, реже стали собираться. <...> Нынешний год по вызову младших наших... явились и некоторые из нашего курса на сходку. Это было в прошлый понедельник. Праздновали обедом. Немного собралось из нас в составе двух курсов, но и собравшиеся не все узнавали друг друга... Обед был дружный, не очень шумный, но веселый... После обеда к нам присоединился еще и 5-й курс, в той же гостинице собравшийся к обеду. Немного и их было...

Явились различные мнения относительно того, можно ли считать лицейских не царскосельских такими же лицейскими, какими считаются все, окончившие свое воспитание в Царском Селе. Один, много два голоса были за, остальные все против. И, действительно, Лицей

уже был не тот и по составу и по уставу своему, когда его перевели в Петербург. Песнь, сочиненная для выпуска 1-го курса в 1817 году — «Шесть лет промчались, как мечтание!..», потеряла свое значение для лицейских петербургских, которые совершают свой курс учения в кратчайший срок. Стихи Пушкина — «Нам целый мир чужбина, Отечество нам Царское Село...» — также не могут шевелить сердца не воспитывавшегося в Царском Селе.

Следовательно, нельзя, кажется, не признать, что истыми лицейскими могут называться только лицейские царсосельские. Это нисколько не должно отнимать и от петербургских права любить свое заведение и чествовать его столько же, сколько и мы. Союз их с нами заключается в любви к тому же основному заведению и в преданиях дедов, сохраняющихся свято во всех донныне курсах».

Многие профессора Александровского лицея начинали служить в Царсосельском, например, профессор физико-математических наук Николай Тихонович Щеглов преподавал здесь с 1836 по 1853 год. С 1848 года он имел звание заслуженного профессора. Щеглов был известен рядом научных трудов по математике, физике, химии и алгебре.

Адъюнкт-профессор Фома Иванович Шау преподавал в Царсосельском и Александровском лицее английский язык в течение двадцати лет (1842—1862). Образование свое он получил в Кембридже. Был автором нескольких литературных трудов и переводов русских классиков на английский язык, в частности А. С. Пушкина.

Иосиф Антонович Курнанд, профессор французского языка и словесности, в Лицее прослужил с 1841 по 1853 год. Он издал ряд своих работ по французской литературе.

Автором многочисленных трудов по истории являлся и профессор всеобщей русской истории Василий Васильевич Бауер, прослуживший в Лицее двадцать лет, с 1864 по 1884 год.

Иван Васильевич Вернадский был в Лицее профессором политической экономии и финансового права с 1861 по 1868 год, он также автор ряда трудов по экономике.

Профессор Петр Миронович Перевлевский преподавал в Александровском лицее с 1862 по 1866 год. Он был

в свое время известным составителем учебных пособий по русской словесности.

Особенно надо отметить инспектора и профессора Лицея Владимира Васильевича Никольского, прослужившего в Лицее более семнадцати лет (с 1866 по 1883 год). При поступлении в Лицей он выдержал конкурс. Совет Лицея по единогласному решению признал справедливым отдать преимущество Никольскому, который «кроме сведений по русской словесности обнаружил знание философии и психологии и дар одушевленного преподавания».

В 1879 году, редактируя десятое издание известной славянской грамматики Перевлевского, после которого он занял кафедру в Лицее, Никольский сделал некоторые добавления на основании своего опыта, а также указаний, найденных им в черновых заметках самого автора. Никольский много сотрудничал в различных журналах, занимался изучением творчества А. С. Пушкина. Но основными его трудами стали заботы по увековечению памяти поэта — устройство в 1879 году Пушкинской библиотеки, в 1881 — пушкинской выставки. Он неустанно хлопотал о расширении Пушкинского музея в Лицее.

В числе преподавателей Александровского лицея были известные историки-профессора Нестор Александрович Котляревский, автор обширных трудов по истории, и Василий Иванович Семевский — сподвижник К. Д. Ушинского, исследователь русского освободительного движения, в частности декабристов, впервые опубликовавший прокламации Семеновского полка; он создал также серию работ о деятельности петрашевцев, его незавершенный труд «М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы» вышел в 1922 году.

Говоря об Александровском лицее, необходимо добрым словом вспомнить директора Лицея с 1853 по 1877 год Николая Ивановича Миллера, бывшего инспектором с 1843 по 1853 год. При Н. И. Миллере создавался Пушкинский музей в Лицее. Миллер высоко чтит гений Пушкина, поддерживал любовь воспитанников к поэту.

В 1887 году в журнале «Русская мысль» был опубликован рассказ выдающегося русского писателя Н. С. Лескова «Спасение погибающего» («Человек на часах»). В основу его положено истинное событие, произошедшее в Петербурге и рассказанное автору Н. И. Миллером, с которым Лесков был хорошо знаком в 1880-х годах.

Лесков тепло рисует гуманный образ Миллера. С большим уважением отзывался о Миллере в своих записках Н. А. Корф, лицеист выпуска 1854 года, отметивший, что в суровые времена лицейской жизни генерал-майор Миллер оставался сугубо штатским человеком и не стремился внедрить в Лицее военную муштру.

В Александровском лицее были наставниками и преподавали многие выпускники Лицея, среди них: курс теории изящных искусств в 1845—1846 годах читал Валериан Платонович Лангер; русскую словесность в 1852—1862 годах преподавал Яков Карлович Грот; курс делопроизводства в 1849—1851 годах читал Яков Владимирович Ханьков.

Выпускники Александровского лицея продолжили лучшие традиции Царскосельского, среди них были видные деятели освободительного движения, от петрашевцев, народников, нигилистов до участников Октябрьской революции. Многие лицейские славно послужили девизу своего учреждения: жить Для Общей Пользы*.

В мае 1847 года три выпускника XV курса — А. И. Европеус, Н. С. Кашкин (сын декабриста) и О. Ф. Отг — привлекались по делу Петрашевского, а также Е. И. Ламанский, выпускник XIV курса, не говоря уже о многих и многих петрашевцах, выпускниках Царскосельского лицея, среди которых были сын лицейского профессора Н. И. Кайданов, Н. Я. Данилевский, сын товарища Пушкина Е. С. Есаков, Н. А. Спешнев и В. А. Энгельсон (последние двое полный курс Лицея не кончили). А. И. Европеус, видный деятель демократической оппозиции, корреспондент «Колокола» Герцена — Огарева, не только был сослан, как петрашевец, рядовым на Кавказ, но затем и в Пермь в 1859 году. Его другом и сподвижником был М. Е. Салтыков-Щедрин. Николай Александрович Траверсе, выпускник XVII курса, тоже был

* В своей книге «Воспоминания» (в 3-х т. М., 1960) государственный деятель С. Ю. Витте часто упоминает имена бывших лицеистов, отмечая их образованность и «чересчур либеральные идеи». Так, о министре земледелия Ермолове он говорил, что из каждой ноты его «течет либеральный мед, так хорошо приготовлявшийся в последнее десятилетие в Царскосельском лицее (что на Каменноостровском проспекте)». Так что Лицей и в начале 1900-х годов слыл как весьма либеральное учебное заведение (по сравнению с другими), вызвавшее подчас неудовольствие иных высокопоставленных чиновников.

участником Вольной русской печати Герцена — Огарева, его судьбой живо интересовался И. И. Пущин.

Братья Серно-Соловьевичи, Николай Александрович и Александр Александрович, известные публицисты, революционные демократы, соратники Герцена, Чернышевского, Добролюбова, — также выпускники Лицея, соответственно: XIX курса выпуска 1853 года и XXII курса выпуска 1857 года. Такова славная плеяда революционных демократов — выпускников Лицея.

Знаменитый художник, родоначальник, по словам критика В. Стасова, настоящей русской исторической живописи Вячеслав Григорьевич Шварц был выпускником XXIII курса Лицея.

Имя Николая Дмитриевича Ножина, лицеиста XXIV курса, известного нигилиста, биолога и наставника Н. К. Михайловского (публициста, теоретика народничества), также можно отнести к революционно настроенным деятелям.

Виктор Павлович Гаевский, лицеист XIV курса, Дмитрий Фомич Кобеко — XXI курса, и Николай Андреевич Гастфрейнд, лицеист выпуска 1875 года, внесли свой неопенимый вклад в Пушкиниану, в историю Лицея. Еще можно назвать из общественных деятелей Николая Николаевича Кашкина — выпускника 1889 года, внука декабриста и сына петрашевца С. Н. и Н. С. Кашкиных.

В 1917 году Лицей прекратил свое существование, как бывшее привилегированное учреждение, дублирующее к тому же университетский курс юридических наук.

О последних днях Александровского лицея рассказал один из последних лицеистов, публицист Лев Дмитриевич Любимов. Его критическая оценка Лицея и лицейских предоктябрьской поры отражает взаимоотношения воспитанников между собой, их взгляды на окружающих и соответствующие тому поступки лицеистов, характерные и для предшествующих лет. Свои воспоминания «На чужбине» Любимов опубликовал впервые в 1957 году в журнале «Новый мир», а в 1979 году они вышли отдельной книгой.

Тринадцать лет Лев Любимов поступил в Лицей, но окончить его не успел в связи с упразднением этого учреждения после Октябрьской революции.

Любимов передает интересные черты лицейского быта, описывает одежду воспитанников, правила своеобразного внутреннего этикета, «аристократического тона»,

манер, вкуса в представлении привилегированных юношей, а также отмечает сохранение некоторых традиций старого, еще Пушкинского Лицея.

Печать вырождения, в смеси с кичливостью, лежала на большинстве лицеистов, готовивших себя к высокой карьере, но вовсе не подготовленных к тому, чтобы вступить в иную, новую жизнь, уже властно вторгавшуюся в затхлый, отживший мир, в котором им самим подчас было душно и тесно.

Чтобы лучше понять, что же представлял собой Лицей предреволюционной поры, со всеми выработанными в нем годами правилами и обычаями, любопытно перелистать страницы книги, написанной самим лицеистом, к тому же почти нашим современником, смотревшим на Лицей прошедшей эпохи глазами человека нового времени.

Лев Любимов поступил в Лицей весьма подготовленным, но такими были почти все, впервые перешагивавшие его порог. Ко времени поступления в Лицей он уже несколько раз побывал за границей, проучился два года в петербургской немецкой школе, владел французским, как русским, хорошо говорил по-немецки и прилично по-английски, к тому же много занимался с гувернантками и гувернерами.

«Традиции Лицея,— пишет Любимов,— были очень своеобразны: многие из них восходили к пушкинским годам, хотя в николаевское время и были извращены военной муштрой». Как и в пушкинское время, жаловаться на товарища не полагалось ни при каких обстоятельствах. Инциденты между товарищами разрешались курсовым собранием. Второгодник оставался членом того курса, на который он был принят при поступлении в Лицей. «Лицеист, совершивший поступок, „несовместимый с лицейскими понятиями о чести“», мог быть исключен с курса. Он имел право оставаться в Лицее, но товарищи с ним не разговаривали.

Еще об одной традиции рассказывает Любимов: «Все воспитанники первого класса, самого старшего, были «генералами». Младшие товарищи, равно как и дядьки (прислуживающие), величали их «превосходительствами». При этом не просто генералами, а генералами от чего-нибудь, подобно тогдашним генералам от инфантерии, кавалерии или артиллерии. Генералу от сада подчинялись садовники, генерал от кухни следил за питанием,

генерал от танцев исполнял обязанности дежурного воспитателя на уроках танцев и так далее. Генеральские должности были выборными. Выше всех стоял генерал от фронта: он был хранителем лицейских традиций и имел право налагать кары за их нарушение».

Любимов приводит пример, рассказывая о таком подчинении, обретавшем порой в своем развитии бессмысленные формы. Лицейское начальство разрешало курить только воспитанникам «университетских классов» (то есть старшекурсникам). По негласному внутреннему распорядку курить мог каждый, но, если при этом встречался старший воспитанник, надо было предварительно испросить его разрешение.

«Предположим, я закурил в саду, прячась за деревом от начальства,— рассказывает Любимов.— За соседним деревом тоже стоит с папиросой лицеист, старше меня на один курс. Я его не заметил. Он подзывает меня: «Доложите генералу от фронта, что вы закурили, не испросив разрешения старшего воспитанника». Являюсь к генералу от фронта, становлюсь «смирно» и сообщаю о своей провинности. «Я вас записываю,— объявляет он.— Останетесь в субботу на час». Наступает суббота. Все, кроме записанных, уходят. Курсовой воспитатель (я не значусь в его списке) осведомляется, почему я замешкался. Отвечаю: «запись генерала от фронта». Он не спрашивает, за что — это его не касается».

Такое подчинение приобретало свои, порой изощренные, порой уродливые формы. И воспитатели благосклонно смотрели на соблюдение таких неписаных законов подчинения, вырабатывавших в младших чиновничество. (В пушкинское время тоже играли «в генералов», особенно в связи с военными событиями 1812 года, но ничего похожего на описываемое Любимовым тогда и в помине не было.)

Любимов отмечает, что воспитанники Училища правоведения, основанного значительно позднее Лицея, старались подражать лицеистам, но так как само училище отличалось большей военной муштрой, то правоведа и в этом преуспевали, потому там царила издевка старших над младшими, какая в стенах Лицея не практиковалась, где все проявлялось в корректной форме и оставалось в рамках приличия.

Что за правила «хорошего тона» входили в понимание лицеиста? Например, лицеистам запрещалось сидеть

в театре ближе седьмого ряда, ибо их появление в первых рядах считалось «щегольством сомнительного вкуса». Строго-настрога запрещалось ездить на лихачах: «Лихачи — это для купчиков, то есть для „людей совсем дурного вкуса“».

Любимов отмечает, что лицеист воспитывался носителем «дворянской культуры», как культуры единственно «подлинной», якобы выражающей «все возможности» России, вовсе не задумываясь, что Россия — это прежде всего народ, создающий все блага, за счет которого и культивируется этот дворянский образ жизни, этот «хороший вкус», которым, как подчеркивает Любимов, в юности лицеисты «кичились, пожалуй, больше всего».

Интеллигенция, разночинцы, буржуа, вся та прослойка, что существовала между народом и аристократами, тоже не интересовала лицеистов, она была так же далека им, как и народ. Если, например, какой-то молодой учитель, недавно приехавший из провинции, говорил «пока!», или кто-то произносил «извиняюсь», «знакомьтесь», «мадам», для высшего света этот человек не мог существовать с подобным лексиконом. Для того чтобы «отшлифоваться по-настоящему», ему необходимо было получить воспитание. О даме, которая называла свою фамилию, когда ей представляли мужчин, люди круга Любимова говорили полупрезрительно: «Это не настоящая дама, это интеллигентка», ибо слово «интеллигент» звучало в их устах более чем свисходительно.

Высокомерие, спесь разъедали окружающее высшее общество изнутри, все это нашло отражение и в лицейской среде последних лет. Значимость приобретали мелочи, а главное уходило из поля зрения. Толковали с возмущением о том, что кто-то вместо фрака явился в Думу в смокинге, перепутав дневное собрание с обедом, и это казалось чуть ли не преступлением.

«Весь смысл человеческого существования мы готовы были свести к точному знанию выработавшихся в «нашем мире» понятий и правил, — рассказывал Любимов. — Некоторые из них были как будто разумны, удачны. Но беда в том, что чуть ли не всю общественную жизнь мы рассматривали под их углом... Правила, навыки, которыми мы так кичились, приобретали в нашем сознании самодовлеющее значение, которое в конце концов затемняло все остальное. Толстовская княжна Марья с первого взгляда узнает в Николае Ростове человека оди-

накового с ней круга. В уличной толпе, театре, поезде, чуть ли не на пляже каждый из нас должен был научиться распознавать себе подобных. Но, в отличие от княжны Марьи, он часто ничего не видел, кроме них. И эти люди составляли „наш мир“».

Так воспитывались лицеисты в семье, такое воспитание довершал и Лицей, уже стоявший на пороге своего закрытия.

«Пушкинское солнце осветило когда-то Лицей, и лучи его еще доходили до нас,— писал Любимов.— Поэтому дух Лицея не был сугубо чиновничьим, казенным. Лицеисты даже мнили себя «вольнодумцами», так как, в силу исключительности своего социального положения, разрешали себе отпускать шпильки по адресу самых высоких персон... Лицей формировал чиновников, выгодно отличающихся отсутствием низкопоклонства, потому что уже в начале службы они часто считали себя выше своих начальников. Бывшие лицеисты, которых я помню, точно знали, что «приличный человек» должен быть одинаково далек «от недотянутого джентельмена» и пушкинского «перекрахмаленного нахала», часть по-своему были недурно образованы, изучив римское право и иностранные языки, но имели самое смутное представление о своем народе, о его нуждах, о том, что значит подлинный прогресс, что значит Россия и какие силы двигают историей».

После Февральской революции на некоторое время занятия в Лицее прекратились, затем возобновились. Директор генерал Шильдер сам отстранился от дел. Его заменил штатский инспектор. Весной происходят экзамены. «Генералы»-выпускники прощаются с младшими и, как заведено, обходят класс за классом, «вековой церемониал» соблюдается полностью. Один из выпускников выходит из строя и произносит речь. Все идет по ритуалу: «генералы» вручают младшим прощальные серебряные жетоны, и каждый из них удостоивается «традиционной чести» — старший товарищ, от которого он получает жетон, переходит с ним на «ты». Затем все окружают «генералов» и качают их, подбрасывая как можно выше. Когда «генералы» покидают класс, громовое «ура» несется им вслед. Таким был последний выпуск из Лицея весной 1917 года.

Осенью 1917 года занятия в Лицее возобновились, но проходили только в младших классах. Поступило разре-

шение пройти гимназический курс (два класса за один учебный год). Лицеом теперь управляет родительский комитет. Первое время занятия проходят в самом Лицее, затем классы переводят в соседний дом Горчакова — его владелец в память своего деда, А. М. Горчакова, товарища А. С. Пушкина, освобождает место для занятий лицейстов. Воспитанников уже полсостава, ибо остальные с каникул в Петроград и в Лицей не вернулись. Лицейсты живут теперь дома, занятия могут и не посещать. Носят то форму, то штатское, а треуголку уже никто не надевает.

Так заведение изжило само себя, его цели, его задачи, его настроения, его состав были не нужны новому миру. Как пережиток прошлого, оно влачило последние дни своего существования.

Лицей прошел сложный путь от прогрессивного, демократического по своему духу учреждения начала XIX века, давшего великих писателей и деятелей освободительного движения, до учреждения с реакционным религиозно-монархическим уклоном, и по этой причине в 1917 году был закрыт.

К новому, 1918 году, сообщал Любимов, в Петрограде из лицейстов его курса оставалось всего одиннадцать человек. Надев в последний раз форму, они сфотографировались группой.

Из близких лицейских друзей Любимова, кажется, только один Евгений Казакевич категорически заявил, что никуда не уедет. Его отец, боевой генерал, принял решение «не покидать отечества ни при каких обстоятельствах», потому и сын «проникся тем же убеждением: надо быть до конца со своей страной». Е. Казакевич в послереволюционные годы работал бухгалтером в Ленинграде и умер там в дни блокады.

Многие из лицейстов остались в революционном Петрограде и сражались на стороне красных в годы гражданской войны, а затем находились на государственной службе в разных городах Советской страны.

С первых дней революции лицейст выпуска 1902 года, защитник Порт-Артура полковник В. Н. Зарубаев (сын участника русско-японской войны Н. П. Зарубаева) стал на сторону восставших матросов и солдат, был первым военным комендантом Петрограда.

Как видный военачальник, он участвовал в разгроме Юденича (был помощником командующего войсками Пе-

троградского военного округа), в боях на Дальнем Востоке, а во время Великой Отечественной войны — в защите Ленинграда. Был награжден орденами и медалями. Вступил в ряды Коммунистической партии.

Многие годы В. Н. Зарубаев, человек разносторонне образованный, полиглот, был на преподавательской работе. Почти до самой смерти в 1972 году, последовавшей на девяносто третьем году жизни, он оставался на общественной работе. Его портрет помещен в одном из залов Ленинградского окружного Дома офицеров имени С. М. Кирова, где находится Музей истории войск Ленинградского военного округа.

Так Лицей явился колыбелью выдающихся декабристов, петрашевцев, революционных демократов, народо-вольцев, участников Октябрьской революции 1917 года. Девиз Лицея жить Для Общей Пользы был претворен в жизнь многими замечательными его выпускниками.

ИЗ ЛИЦЕЙСКИХ ОБЫЧАЕВ

Егор Антонович Энгельгардт положил основание не только гербу Лицея, лицейской медали, но и обычаю при выпуске разбивать лицейский колокол, звон которого призывал воспитанников к занятиям, обеду... Каждый из лицейстов брал себе на память кусочек разбитого колокола.

Пушкинскому курсу Энгельгардт из осколков колокола заказал чугунные кольца с памятной надписью. Такое кольцо было с Иваном Ивановичем Пуцциным в далекой сибирской ссылке. В 1838 году, 20 июня, Пуццин писал лицейскому другу Ивану Васильевичу Малиновскому: «...ты, верно, не забыл 9 июня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 год, мысленно соединился со всеми товарищами, друзьями нашей юности. Теперь мы можем с полным убеждением повторить слова Дельвига, который тогда нам провещал: «Судьба на вечную разлуку, быть может, породнила нас». Уверенность в дружбе неизменной смягчает горечь непреложного исполнения этого пророчества. Мы розно и между тем вместе: взаимность чувств не знает разлуки. Побеседовал я мысленно с прежними однокашниками, почтил благодарностью тех, которые попечениями услаждали

первые годы нашей жизни (лицейских паставников.— С. Р.), и в душе пожелал вам и им всем радостных ощущений...»

В фондах Пушкинского Дома имеется реликвия — печать на большом тоназе с эмблемой чугунного кольца (две руки в рукопожатии) и словами «Прощальной песни», цитируемыми Пуцциным в приведенном выше письме. Хранится она под названием «Лицейская товарищеская печать». Ее следует считать печаткой И. В. Малиновского, ибо на оборотной стороне — монограмма, состоящая из его инициалов. Поступила она от П. П. Малиновского, внука лицеиста.

Обычай разбивать колокол сохранялся в Царскосельском лицее и во все последующие годы. Он превратился в традицию — «обряд разбития колокола». Когда в 1843 году Лицей из Царского Села был переведен в Петербург, то воспитанники вывезли и камень, на котором совершался торжественный обряд.

В 1911 году в своей «Краткой памятке... Лицея», курсовой воспитатель и секретарь Лицея, лицеист IX курса А. А. Рубец рассказывал: «Все они (выпускники.— С. Р.) собираются для этого в каменке и, попрощавшись с колоколом, верным спутником их за 6 лет лицейской жизни, кладут его на Царскосельский камень и разбивают его... Кусочки разбитого колокола разбираются всеми членами курса и берегутся как святыня».

Автор, скрывшийся за инициалами «А. И.», в своей небольшой книжке «Памятные жетоны Александровского Лицея», вышедшей тоже в 1911 году, к столетию Лицея, считал, что обычай разбивать колокол постепенно якобы изжился и был возобновлен в Александровском лицее лишь в 1875 году, когда выпускник Лицея Г. А. Бернард разбил колокол, осколки которого лицеисты XXXIV курса хранили как память.

С одним из осколков колокола, разбитого XXXVIII курсом 10 октября 1881 года и доставшегося выпускнику этого курса лицеисту Павлу Матвеевичу Азанчеву-Азанчевскому, произошла интересная история*.

В 1950-х годах из Центрального хранилища музейных фондов, располагавшегося тогда в городе Павловске, в

* См. Руденская М. П. «И берегутся как святыня». — Вперед, 11 сентября 1976 г.

Музей-Лицей к хранителю Лицея Руденской поступил металлический осколок якобы бомбы, убившей Александра II, для экспертизы и исследования ввиду близости даты, выгравированной на нем (16 октября), к годовщине Лицея (19 октября) и весьма далекой от событий марта 1881 года.

К осколку было приложено письмо, написанное В. Г. Кашеневым, проживавшим в 1924 году на станции Псебайская под Майкопом.

«Музею Революции. Ленинград. При сем препровождаю обещанный осколок бомбы № 38, коей был убит император Александр II. Осколок этот был дан в память этого события предводителю дворянства Азанчеву-Азанчевскому, имевшему придворный чин, кажется, шталмейстера и бывшему в то время в Петербурге... От него он перешел к его дочери, бывшей замужем за неким Белоручевым... с которым я был знаком на Дальнем Востоке и от которого я получил его на память, полагаю, что осколок этот имеет некоторый исторический революционный интерес и, пользуясь случаем, что из нашего медвежьего уголка будет ехать адъюнкт геологии т. Робинсон в Ленинград, считаю приятным для себя долгом послать эту вещь с ним для передачи Музею, т. к. посылать ее почтой не решался, опасаясь пропажи».

Этот осколок был принят Музеем революции под инвентарным номером 2443, а после Великой Отечественной войны, при реорганизации музеев, вместе с другими экспонатами передан в Центральное хранилище музейных фондов.

Осколок имеет треугольную форму, его размер 1,5×1,5 см. На внешней стороне, слегка выпуклой, видны следы орнаментики. На внутренней, отшлифованной, несколько вогнутой, выгравировано: «16 октября 1881 г. XXXVIII».

Дата 16 октября не совпадала с днем смерти Александра II, который, как известно, был убит народовольцами 1 марта 1881 года; римская цифра XXXVIII также вряд ли могла рассматриваться как номер осколка. Кроме того, осколок мало напоминал часть бомбы, ибо он был латунный и имел на одной стороне рельеф. Бомба же, которой был убит Александр II, представляла собой жестяной футляр. В журнале «Былое» за 1906 год (№ 3, март) сказано об исторической бомбе: «...жестяная банка с динамитом, края, обложенные нитроглицери-

ном, в середине куски свернутого сукна, смоченные пироксилином».

Таким образом, считать данный предмет осколком бомбы оказалось неверным. И Руденская обратилась к лицейским материалам. В 1881 году состоялся XXXVIII выпуск лицейстов, и среди них находился Азанчев-Азанчевский Павел Матвеевич, стоявший первым по алфавиту. Выпущен он был IX класса статским советником, затем являлся вологодским уездным предводителем дворянства и председателем Вологодской уездной земской управы. Эти данные окончательно убедили в том, что осколок связан с датой выпуска лицейстов XXXVIII курса.

В 1881 году лицеист XXXVIII курса П. М. Азанчев-Азанчевский получил свой осколочек лицейского колокола. Чтобы носить его как брелок на часовой цепочке, Азанчевский заказал к нему золотое ушко.

Таким образом, этот осколок, считавшийся тридцать восьмым осколком бомбы, есть частичка лицейского колокола, разбитого тридцать восьмым курсом Лицея 16 октября 1881 года. Выпуск лицейстов этого года состоялся в декабре, разбитие колокола, по-видимому, приурочили к годовщине Лицея. Осколок был передан в фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Потребность иметь реликвию на память о своем пребывании в Лицее вызвала к жизни и другой обычай, начало которому было положено 15 марта 1885 года, когда в день прощания с Лицеем XLII курс поднес жетоны всем выпускникам. Существовали и жетоны 1886 года с гербом и девизом Лицея «Для Общей Пользы»; до 1894 года курсовых жетонов не было, хотя в 1892 году и был утвержден общелицейский жетон. Курсовые жетоны появились вконец с 1894 года. В то время и przygotowительные классы завели обычай раздавать жетоны, тоже с гербом и девизом Лицея.

Кроме этих общелицейских жетонов появились и памятные жетоны, относящиеся к какому-нибудь событию, связанному с лицейской жизнью, или предназначенные лишь для определенной группы лицейстов. (Так, группа лицейстов LII курса выдала жетоны на память об отбытии совместного наказания за какой-то проступок).

В 1899 году второй класс (LVI курс) подарил выпускному LV курсу золотой эмалированный жетон. Выпускники же раздали всем лицеистам серебряные жетоны с портретом А. С. Пушкина, 100-летие которого от-

мечалось в том году. На лицевой стороне жетона изображен профиль поэта, под ним даты: 1811—1817 — время пребывания поэта в Лицее; на оборотной стороне — надпись в три строки: «19 марта LV 1899».

Таковы некоторые лицейские обычаи, доносящие до нас память Царскосельского лицея и более поздние традиции Александровского лицея.

ЛИЦЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ

25-летие Лицея широко праздновалось при жизни А. С. Пушкина.

50-летний лицейский юбилей отмечался 19 октября 1861 года. Это было истинное торжество. Собрались все воспитанники, от первого до последнего выпуска. Акт открыл попечитель Лицея П. Г. Ольденбургский. 27 октября была напечатана «во всеобщее сведение» записка об этом торжестве «Пятидесятилетний юбилей Императорского Лицея 19-го октября 1861 года».

Этому дню бывший лицеист поэт Лев Александрович Мей посвятил стихотворение «19 октября 1861 года» несколько официального характера для прочтения на торжественном акте:

Да! Ты уж поседел, родимый наш лицей!..
 Но честной сединой святых твоих кудрей
 Гордимся мы, затем, что целые полвека
 Ты в слабом отроке готовил человека
 И мужа сильного в борьбе с коварным злом,
 С насилем тупым и с раболопной ложью...

...И пусть ты поседел, родимый наш лицей,
 Но тот же, как и был, но величав и ныне,
 И верим мы тебе, полвековой святыне...
 И юной жизнью кипит твой юбилей!..

Он же посвятил торжеству Лицея «Застольную песню» с пометой 19 октября 1861 года.

Именно на этом празднике бывшие лицеисты стали инициаторами открытия по всей стране подписки на сооружение памятника А. С. Пушкину. Тогда же основана Пушкинская стипендия при Петербургском университете. В память 50-летия Лицея была выбита бронзовая медаль по проекту выпускника Лицея Вячеслава Григорьевича Шварца. Праздник ознаменовался и выходом в свет книги библиотекаря Лицея И. Селезнева «Истори-

ческий очерк... Лицея», которая была роздана на память участникам торжества.

В 1867 году Лицей отметил еще одно торжество — 50-летний юбилей первенцев Лицея. Бывшим воспитанникам, в частности Горчакову, Матюшкину, Корфу, Ковчскому, были поднесены памятные адреса. Тогда же в лицейском зале были установлены бюсты Пушкина и Горчакова. Так было положено основание Пушкинскому залу Лицея — впоследствии Пушкинскому музею. В этом зале 2 августа 1879 года были помещены портреты бывших директоров Лицея: В. Ф. Малиновского, Е. А. Энгельгардта, Ф. Г. Гольтгоера, Д. Б. Броневского и Н. И. Миллера.

Директор Лицея Николай Иванович Миллер способствовал увековечению памяти Пушкина в стенах Лицея, при нем создавался Пушкинский музей, именно он проявил инициативу, обратившись к другу Пушкина М. Л. Яковлеву с просьбой передать Лицею бесценный автограф стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» 1825 года, который и положил начало Пушкинской коллекции в Александровском лицее. 19 октября 1879 года начальство Лицея обратилось к бывшим и нынешним лицеистам с просьбой откликнуться и создать Пушкинскую библиотеку. В тот же день воспитанник IV курса Лицея Федор Косов преподнес полный экземпляр «Вестника Европы» за 1814 год, где были опубликованы первые стихи Пушкина. Начались и другие подношения. Так библиотека стала расти и пополняться.

В 1880 году вынесено постановление об учреждении Пушкинской библиотеки. Мысль основать эту библиотеку возникла еще в празднование 50-летия Лицея.

В 1880 году в Москве был открыт памятник А. С. Пушкину работы А. М. Опекушина. Инициаторами и этого большого события явились лицеисты, которые в 1860 году открыли подписку на сооружение памятника, а 19 октября 1870 года образовали комитет по его сооружению. В комитет вошли товарищи поэта по курсу Ф. Ф. Матюшкин и М. А. Корф, а также братья Я. К. и К. К. Гроты и другие лицеисты. Открытие памятника Пушкину стало большим торжеством. На нем присутствовала депутация от Лицея (директор, инспектор и восемь лучших воспитанников), с речью выступил академик Я. К. Грот.

Поэт А. Н. Яхонтов (лиценст X курса, выпуска 1838 года) посвятил этому торжественному общенациональному событию стихотворение «Памяти Пушкина (по случаю открытия ему памятника в Москве)»:

Ты в сердце родины увидел первый свет,
И памятник тебе в том сердце создается:
Ты слышишь ли, какой оно любовью бьется
К тебе, родной, народный наш поэт?

За чуждым светочем мы шли тропею узкой,
Но смело поднял ты свободное чело
И путь открыл иной: в потоке жизни русской
Твой дух обрел широкое русло.

Ты, к матери-земле припавши чутким ухом,
Услышал мощные, живые звуки в ней,
И Русь проникнулась твоим могучим духом:
Ты дал сознанье силы ей.

Далеко жизненной волной тебя взметало,
И свет не пощадил, и рок тебя не спас!
Ты пал, с свинцом в груди в неотвратимый час..
В России Пушкина не стало!!

Чего не досказал, родимый, ты стране?
Кто знает: пламенем души твоей согреты,
Какие волны дум остались на дне,
Какие песни не допеты?!

Безмолвно там в земле покоится твой прах,
Где ты в изгнанье жил, свой подвиг совершая,
Но песнь твоя слышна от края и до края,
В равнинах, дебрях и горах.

Благословен глагол души твоей свободной!
Он в сердце русского бесследно не замрет:
Он будит в нас любовь и помысл благородный,
Он к жизни духа нас зовет!

В великую пору народной жизни новой
Твой, в сердце каждого запечатленный, лик,
На лоне матери-Москвы семивековой,
Народной волею возник.

Он вечен — времени законам непокорный —
И вторит за тобой несметная толпа:
Ты памятник себе воздвиг нерукотворный —
К нему не зарастет народная тропа...

19 октября 1880 года было ознаменовано открытием в Петербурге Пушкинской выставки, организованной Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

В 1882 году на проценты, образовавшиеся от 25 тысяч рублей, оставшихся от сооружения памятника Пушкину, были учреждены ежегодные Пушкинские премии за лучшие сочинения в области изящной литературы. 19 октября того же года состоялось первое присуждение премии, второе — 24 октября 1883 года.

В связи с годовщиной Лицея 19 октября 1884 года в журнале «Русская старина» за 1885 год было помещено обращение к читателям: «Пушкин — лучшая слава Лицея. Гением Пушкина Лицей гордится вместе со всей страной. Но справедливо ли было бы забывать нам о других, более скромных деятелях литературы и науки, воспитанных Лицедем...» И предлагалось учредить библиотеку Лицея подобно тому, как 19 октября 1879 года было положено устройство Пушкинской библиотеки.

Пушкинский и другие залы Лицея в 1885 году пополнялись портретами и бюстами выдающихся выпускников Лицея, сюда также поступили в дар модели (проекты) памятника Пушкину из императорской канцелярии и от скульпторов Забелло, Лаврецкого, Кускова. Картина художника Наумова «Дуэль Пушкина» демонстрировалась на зимней петербургской выставке 1885 года, весной того же года она была преподнесена в дар Лицею и помещена в Пушкинском зале, который уже постепенно превращался в музей поэта, ныне эта картина находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

Широко отмечалось и 75-летие Лицея.

В празднование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина, 4 мая 1899 года, в Царском Селе был подписан устав Пушкинского лицейского общества. Ко дню рождения поэта была выпущена серебряная медаль чеканной работы М. А. Скуднова.

В 1900 году в Царском Селе состоялось открытие памятника Пушкину-лицейсту работы царскосела, известного скульптора Роберта Робертовича Баха.

В 1911 году отмечалось 100-летие Лицея. К этому торжеству бывшие лицеисты издали свои труды о Лицее: Д. Ф. Кобеко — «Царскосельский Лицей» (с указателем личных имен, составленным лицеистом LX курса В. А. Чудовским); А. А. Рубец (лицеист XIX курса) — «Краткая историческая памятка Александровского, бывшего Царскосельского Лицея». Позднее еще один бывший лицеист, Н. А. Гастфрейн, выпустил трехтомный труд «Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею». Появилось

много статей об этом учреждении и его бывших воспитанниках. Так этот юбилей превратился в чествование памяти А. С. Пушкина.

Торжественно прозвучали адреса, поступившие в Лицей от разных учебных заведений и учреждений страны, а также от частных лиц. В большинстве из них отмечались общественная, научная и литературная деятельность выпускников Лицея, и прежде всего А. С. Пушкина.

Но самый большой Пушкинский праздник состоялся в советское время, когда в 1949 году отмечалось 150-летие А. С. Пушкина — этот всесоюзный праздник ознаменовался открытием Мемориального музея Лицея. На торжестве присутствовали гости из многих стран мира. В лицейском зале выступил выдающийся чилийский поэт Пабло Неруда.

С этих пор Пушкинские лицейские праздники получили мировой резонанс. Лицей стал тем культурным очагом, тем центром, куда приезжают выдающиеся общественные и государственные деятели, поэты и писатели из разных стран мира. Многие из них оставили здесь свои памятные записи в книге почетных гостей.

рестройки в связи с увеличением числа воспитанников до ста человек: окна общих спален увеличены по размерам окон второго этажа; расширены столовая и буфетная¹.

Когда Лицей перевели в Петербург, здание вновь передали дворцовому ведомству. Его отвели под квартиры для чиновников, и оно многократно переделывалось. Планировка 1811 года была окончательно уничтожена, парадное крыльцо разобрано.

Но в 1899 году, к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, по ходатайству прогрессивной общественности на здании Лицея была установлена мемориальная доска: «Здесь воспитывался Александр Сергеевич Пушкин. 1811 — 1817». Когда в 1911 году отмечался 100-летний юбилей Лицея, на здании была установлена вторая мраморная доска со словами: «В сем здании с 1811 по 1843 год находился Императорский Лицей».

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в 1920 году, в здании бывшего Лицея, в одной из квартир, там, где некогда были спальни воспитанников, поселился известный литературовед и один из первых советских краеведов Н. П. Анциферов, который стремился установить местоположение «кельи» Пушкина. В 1930-х годах в здании Лицея жил выдающийся художник К. С. Петров-Водкин, увлеченно писавший портреты А. С. Пушкина. В этот период его «лицейская» квартира становится очагом, своеобразным центром русской, советской культуры*. По некоторым сведениям, несколько ранее здесь же жил поэт О. Мандельштам.

В годы Великой Отечественной войны город Пушкин был временно оккупирован гитлеровскими захватчиками. Они разрушили, разграбили его. Здание Лицея уцелело, но его крыша оказалась пробита, двери и оконные рамы выломаны.

Когда советские войска освободили город, первое алое знамя взвилось над аркой Лицея. Почти сразу же на четвертом этаже, там, где когда-то находилась комната Пушкина, стал создаваться своеобразный музей.

Бойцы перенесли сюда выкопанную из земли статую «Девушка с кувшином», некогда воспетую великим поэтом. Ее поставили на пустые ящики из-под снарядов, покрытые мешковиной. Портрет Пушкина и немногие эк-

* См. Приложение: «Детскосельские годы К. С. Петрова-Водкина».

спонаты (фотографии, репродукции) завершили этот скромный народный музей военного времени. Войские части, проходившие через город Пушкин, всегда останавливались возле Лицея. Солдаты поднимались на четвертый этаж, и там, где жил юноша А. С. Пушкин, давали клятву отмщения за поруганные врагом святыни.

Страна еще только залечивала раны, нанесенные войной, а в дворцах и парках Ленинграда, в том числе и в здании Лицея, уже развернулись восстановительные работы по проекту архитектора Л. М. Безверхнего. Так в 1946—1949 годах стала осуществляться давняя мечта о создании здесь мемориального музея².

10 июня 1949 года в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина в торжественной обстановке состоялось открытие музея. Он был небольшой: на третьем этаже впервые восстановленный Большой зал (принятое тогда название — Актный, как показали дальнейшие изыскания, не соответствовало историческому) с двумя аванзалами, на четвертом — четыре спальни, и в первую очередь комнатка Пушкина.

Музей-Лицей. 1949—1966

Уже с первых дней своего существования Мемориальный музей Лицей приобрел широкую популярность в нашей стране и за рубежом. Как филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина, помещавшегося в 1949—1952 годах в Александровском дворце города Пушкина, и он находился тогда в ведении Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. В 1953 году, 16 декабря, Всесоюзный музей А. С. Пушкина стал самостоятельным учреждением и был переведен в здание Государственного Эрмитажа, а Александровский дворец передан другому ведомству.

Большой зал, двусветный, с четырьмя колоннами, со стенами, окрашенными зеленовато-голубой масляной краской, имел на торцовой стене лепную композицию: доспехи, учебные атрибуты и символы наук; над нею прямоугольный барельеф «Олимпийские конные игры»; в арочных проемах — лепная орнаментика. Между окнами висели зеркала в рамах красного дерева, напротив стены с лепными украшениями находился камин, около которого стоял стол, покрытый красным сукном. На одной из стен была укреплена мраморная доска с надписью:

«В этом зале 8 января 1815 года на экзамене в присутствии Г. Р. Державина Пушкин читал „Воспоминания в Царском Селе“».

В 1957 году в аванзалах расположили экспозицию. В галерее — бывшей лицейской библиотеке — в первые годы существования музея находилась выставка «Пушкин в Царском Селе». Из четырех спален воспитанников экспонаты имела только одна — Ивана Пущина. Здесь стояли конторка, ломберный стол, на нем фарфоровый таз и кувшин — предметы начала XIX века.

Музей был как бы врезан в середину здания, густо населенного жильцами, сдавлен коммунальными квартирами, так что посетители входили в музей по узкой служебной лестнице, а широкими парадной и запасной лестницами пользовались лишь проживавшие в доме. Естественно, все это имело для музея огромные неудобства.

Маленький мемориальный музей вел большую пропагандистскую работу. Он устраивал Пушкинские чтения, лекции, доклады, заседания, проводил детские утренники, отмечал все лицейские годовщины.

За семнадцать лет существования (1949—1966) музей приобрел широкую известность в нашей стране и за рубежом. В праздновании 152-й годовщины Лицея в 1963 году приняли участие делегаты Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки.

Когда музей А. С. Пушкина в 1953 году переехал в Ленинград, Лицей в городе Пушкине приобрел особое значение и большую автономию. Экспозиция музея продолжала пополняться. Через несколько лет был открыт лекторий на втором этаже здания. Гардероб, располагавшийся рядом с Большим, тогда называвшимся Актовым, залом был перенесен на второй этаж. Постоянный штат Музея-Лицея состоял из нескольких человек (хранителя Лицея, препараторов — смотрителей залов, дворника и ночных дежурных). По воскресным и праздничным дням в Лицей приезжал дежурный экскурсовод. Первым хранителем Лицея с 1949 по 1974 год была М. П. Руденская, а затем, до 1976 года, она являлась заведующей мемориальным отделом Лицея.

Реконструкция и мемориализация Лицея

В основе работы музея лежала незаметная стороннему глазу кропотливая исследовательская деятельность.

Каким было здание к моменту передачи его Лицею в 1811 году? Как было приспособлено к учебному процессу и жизни воспитанников? Какие изменения вносились в его внутреннюю планировку и убранство? Каков был характер учебного и воспитательного процесса, быта воспитанников, их отдыха, развлечений? Чем своеобразны и примечательны были окружавшие их люди? Найти ответ на эти вопросы — такую задачу поставила перед собой хранитель Лицея М. П. Руденская. Поиски привели к открытиям, которые, в основном, были сделаны еще в 1950-х годах. Тогда выяснился характер планировки здания, архитектурно-декоративной отделки фасада и интерьеров, убранства помещений. Была обнаружена фотография с акварели В. П. Лангера, изображающая Большой зал до пожара 1820 года³. По крупницам, рассеянным в разных документах, были собраны сведения об отделке и убранстве этого зала.

Стали ясными назначение аванзалов и их исторические названия⁴: газетная, или журнальная, комната, передняя, прохладная и длинная комнаты. Было определено местонахождение классов, их конкретное назначение⁵: физический класс, физический кабинет, учебный класс, класс пения.

Помимо архитектурно-декоративной отделки и убранства названных выше комнат и классов выявлен декор библиотеки. Был составлен список книг, находившихся в Лицее в 1811—1817 годах⁶.

Уточнено, как выглядели комнаты-спальни воспитанников, как и чем они были убраны⁷.

Раскрылись разные стороны лицейского быта (одежда, питание, отдых и т. п.). Были обнаружены многие документы, отражавшие научную деятельность Конференции Лицея и работу его хозяйственного правления. Определено все, начиная от щипчиков для снятия нагара со свечей до дренажной системы вокруг Лицея и принципов отопления дома.

Помимо описания планировки помещений, окраски стен, дверей, оконных рам и прочего установлен облик парадного крыльца⁸. Было также выяснено местонахождение ряда помещений, в частности комнат преподавателей Калинича и де Будри, живших в Лицее с 1816 года⁹.

Оказалось, что во время реставрационных работ 1946—1949 годов были допущены некоторые историче-

ские неточности при воссоздании Большого зала и комнат воспитанников¹⁰.

Архитектурно-декоративная отделка зала противоречила архивным документам: торцовая стена и арочные проемы были украшены тяжелой лепкой; стены окрашены светло-зеленой краской, а не «под розовый мрамор»; вместо двух кафельных печей с росписью поставлен камин более позднего времени.

При восстановлении четырех комнат воспитанников не были соблюдены пропорции оконных рам: с внутренней стороны окна сделали, как положено, квадратными, но они не совпадали с переплетами наружных рам, так как с внешней стороны, с фасада здания, окна оставались прежней величины, поэтому ни окна, ни форточки не могли свободно открываться.

Перегородки же, разъединяющие спальни, доходили до подоконников (упирались в них), отчего между перегородками и окнами образовалось пространство, через которое можно было попадать из одной комнаты в другую, минуя двери, что, естественно, вызывало недоумение.

К тому же все четыре двери спален отстояли друг от друга на большом расстоянии, в то время как они должны были быть сларены.

В феврале 1955 года Всесоюзный музей А. С. Пушкина обсудил результаты работы М. П. Руденской, а в 1956 году они были рассмотрены в Пушкинском Доме и на Всесоюзной научной сессии музейных работников, где получили высокую оценку специалистов и музейеведов. В это же время Руденской был разработан проект «Реконструкция музея Лицея», написана «Историческая справка» по Лицею и составлено «Проектно-плановое задание» для реконструкции как фасада здания Лицея, так и внутренней планировки всех четырех этажей, а также для изготовления мебели и предметов убранства по рисункам и чертежам.

В 1957 году были сделаны первые практические шаги: проект «Реконструкция музея Лицея» был одобрен научной экспертизой (экспертом была Т. Н. Кречетова — старший научный сотрудник Русского музея), состоялся ученый совет Государственной инспекции по охране памятников архитектуры города Ленинграда (ГИОП), утвердивший этот проект (реконструкции здания Лицея) и проектно-плановое задание. Высокую оценку проекту

реконструкции Лицея дал известный музеевед Н. П. Лоштинин, старший научный сотрудник НИИ культуры в Москве. Ценность проведенной работы отмечалась и на Всесоюзном совещании музейных работников в марте 1961 года в Москве. Научная статья Руденской «Новое о здании Лицея», о которой шла речь на этом совещании, была опубликована в 1962 году в книге «Пушкин и его время» (Исследования и материалы). В местной и центральной прессе также отмечалась работа по изучению лицейских документов, сообщалось о предстоящей реконструкции здания Лицея и мемориализации его интерьеров.

Когда всестороннее изучение архивного, графического и библиографического материала по истории Лицея в основном завершилось, «Историческая справка» о Лицее (и исторические справки по каждому предмету убранства и быта, по интерьерам и т. п.), рабочие рисунки и эскизы поступили к архитектору-реставратору И. Н. Бенуа, которая в 1961 году выполнила проекты реконструкции в чертежах и акварелях.

Многие ученые-пушкинисты, прежде всего академик М. П. Алексеев, профессора Б. П. Городецкий и Н. В. Измайлов, архитекторы и научные сотрудники ГИОПа подержали идею реконструкции всего здания Лицея.

Реконструкция Лицея началась в 1966 году и завершилась в 1974 году. В это время проектные работы в Лицее осуществлял архитектор А. А. Кедринский. Проекты росписей помещений и живописные работы выполняла бригада художников под руководством Я. А. Казакова.

В марте 1968 года состоялся ученый совет Всесоюзного музея А. С. Пушкина во главе с академиком М. П. Алексеевым, одобривший Экспозиционный план будущего Мемориального музея-Лицея. С докладом «Мемориализация Лицея в экспозиционном плане» выступила автор плана М. П. Руденская и представила ряд своих рабочих рисунков здания Лицея (парадного крыльца, оконных переплетов, дверей и т. п.), интерьеров Лицея (классов, залов, спален, их убранства, мебели, бытовых предметов и т. п.). В июне того же года художественный совет ГИОПа утвердил эскизы настенной и потолочной живописи для Лицея, выполненные бригадой Казакова.

Уже тогда по зданию Лицея, имевшему нештукатуренные стены, для научных сотрудников ВМП, ГИОПа,

Екатерининского дворца-музея и Городского экскурсионного бюро хранителем Лицея была проведена специальная лекция-экскурсия, предвосхитившая облик будущего Мемориального музея Лицея.

В 1970 году был утвержден проект электроосвещения Лицея. В 1971 году Экспозиционный план был дополнен с учетом масштабов предстоящего экскурсионного потока. В 1972 году прошел утверждение проект воссоздания мебельного убранства, и художественный совет утвердил четыре эскиза потолочной живописи классов. Роспись потолков в классах была осуществлена лишь в начале 1975 года. 30 мая 1974 года состоялся ученый совет Всесоюзного музея А. С. Пушкина по приему Лицея.

6 июня 1974 года, в день 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина, Мемориальный музей Лицей был торжественно открыт.

Гости Лицея, взойдя на парадное крыльцо, поднимались в мемориальные помещения по старинной каменной лестнице, по ступеням которой некогда впервые прошли принятые в Лицей, и среди них — двенадцатилетний Александр Пушкин.

Возрожденный Лицей начал свою новую жизнь.

Академик Михаил Павлович Алексеев писал в статье «Первый хранитель Лицея»: «Почти четверть века понадобилось Марии Петровне Руденской и ее ближайшим сотрудникам на то, чтобы полностью переоборудовать филиал Всесоюзного музея А. С. Пушкина — Мемориальный музей Лицей в Пушкине, хранителем которого она являлась. Задача, поставленная ею, — воссоздать в этом музее бытовой облик жизни Лицея в пушкинское время — была исключительной по своей трудности.

Бытовое окружение Пушкина, тот материальный мир вещей, предметов и обиходных явлений, в котором жил великий русский поэт, мы представляем себе не полностью, в некотором преобразованном, в значительной степени условном виде. В картине старого быта, как бы мы ни старались воссоздать ее во всей жизненной полноте, неизбежно исчезают многие мелкие, но порой очень существенные детали. Поэтому раздобыть нужные предметы для экспонатов, связать разрозненные, с трудом отовсюду добытые факты в целую, не только предполагаемую, но достоверную, почти осязаемую картину возможно было только после постоянно возобновлявшихся пои-

сков в архивах и библиотеках, удачных находок, непрерывных, долговременных, напряженных созидательных усилий.

Казалось, что все это никогда не приведет к цели и что уровень наших познаний о жизни Пушкина-юноши в его школьные годы никогда не повысится. Но между тем разыскания удались как нельзя лучше: было достигнуто максимальное приближение к исторической истине. Воссоздание лицейского быта, который этот замечательный мемориальный музей демонстрирует своим посетителям, отличается редкой достоверностью и полнотой. Все это удалось благодаря заинтересованным поискам, вдохновленным любовью к великому русскому поэту, о жизни которого в Лицее мы знаем сейчас много больше того, что знали или предполагали раньше».

25 мая 1976 года в Большом зале Лицея коллективу Всесоюзного музея А. С. Пушкина был вручен орден Трудового Красного Знамени за большую работу по эстетическому воспитанию и пропаганде творческого наследия великого русского поэта.

Здание Лицея

Простых, строгих форм, традиционных для русского классицизма, здание Лицея образует вместе с церковным флигелем Большого (Екатерининского) дворца единый архитектурный ансамбль, необычный и по своему композиционному построению и своеобразной красоте.

Главный фасад здания, обращенный в сторону дворца, имеет портик из четырех колонн коринфского ордера, над окнами третьего этажа находится декоративный фриз. Лицейский и церковный флигели соединяет узкий переход, стены которого, прорезанные внизу арками, как бы пропускают сквозь себя улицу. По сторонам средней арки находятся ниши для декоративных статуй, над которыми некогда помещались круглые барельефы, исполненные царскосельским лепщиком Григорием Макаровым. Восточный фасад Лицея с его парадным крыльцом наиболее эффектен. С этой стороны трехпролетная арка, связывающая лицейский корпус с церковным, гармонично замыкает перспективу набережной канала, отделяющего Екатерининский парк от городских кварталов. Сквозь арку видны поворот улицы и Александровский парк. С западной стороны Лицея из-под арок открывает-

ся перспектива на спускающуюся под гору улицу и Екатерининский парк.

Составляя в 1811 году «Опись переделкам и поправкам Царско-Сельского бывшего дворца... для помещения в оном Лицея...», архитектор Василий Петрович Стасов писал о том, что «наружность дома» надо «починить штукатуркою» и покрасить, «железную кровлю тоже починить» и «выкрасить на масле» два раза¹¹. Важным материалом для реконструкции здания в наши дни явился также и контракт Ивана Увакина, обнаруженный в одном из архивных дел. В этом контракте от 25 июня 1813 года идет речь о ремонте здания Лицея: «...всякую порчу в карнизах вокруг верхних двух этажей и колонн ко дворцу исправить штукатуркою наилучшим образом. Колонны обелить, а те места на стенах, кои починены будут, подкрасить палевой краскою»¹².

На основании этих архивных данных был решен вопрос о фасаде здания, о его окраске. С белыми колоннами, белой отделкой фасада здание Лицея, палевого, чуть розоватого, теплого цвета, стало светлее и словно легче, нежели при его прежней серой окраске.

Сам Пушкин оставил нам ценный документ — изобразил Лицей на рукописи восьмой главы романа «Евгений Онегин». На рисунке хорошо видны арка Лицея с тремя пролетами и парадное крыльцо. Этот легкий набросок пером соответствует описаниям, обнаруженным в архивных документах.

Парадное крыльцо Каменное, сложенное из путиловской плиты, парадное крыльцо обнесено железными перилами с четырьмя медными шишками по углам. Образованный под крыльцом свод имеет железную решетку «для чищения труб водосточных». По бокам входной двери на кронштейнах висят фонари. Двери парадного крыльца двустворчатые, стеклянные, с полукруглой верхней фрамугой, окрашены масляной краской под дуб¹³. Таким предстает это знаменитое лицейское крыльцо перед посетителями с 1974 года. В ясные дни оно почти всегда освещено солнцем.

Помимо парадного, как уже упоминалось, в Лицей ведут еще два входа (ныне реконструированные): служебный — со стороны внутреннего двора и запасной — со стороны Александровского парка.

Поднявшись по каменным ступеням парадного крыльца, открыв стеклянную дверь, посетители попадают в ве-

стибюль, как говорили в пушкинское время, — в «сени», с каменным полом. Слева здесь круто поднимается вверх старинная парадная лестница с широкими каменными ступенями из лещадных плит *. Эта лестница, свидетель жизни далеких лет, словно хранит отзвук легких шагов юноши поэта и его товарищей.

Расположение помещений

Рассказывая о Лицее, И. И. Пушкин вспоминал: «В нижнем этаже помещались хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров и некоторых других чиновников, служащих при Лицее. Во втором — столовая, больница с аптекой и конференц-зал с канцелярией; в третьем — рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятий воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека в арке, соединяющей Лицей со дворцом через хоры придворной церкви. В верхнем — дортуары. Для них, на протяжении вдоль всего строения, во внутренних поперечных стенах прорублены были арки. Таким образом, образовался коридор с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты: всего пятьдесят номеров. Из этого же коридора вход в квартиру гувернера Чирикова, над библиотекой».

Войдя теперь с улицы в вестибюль, можно пройти в гардероб музея, служебные помещения, а также в небольшой зал заседаний, где обычно проходят литературные вечера. В интерьер этого зала включен лепной барельеф, убранный из Большого зала во время восстановительных работ.

В пушкинское время при Лицее был швейцар, которому вменялось в обязанность следить, чтобы посторонние люди не проникали в здание. Было дано распоряжение: «Людей с узлами не пропускать».

Стены парадного хода и всей лестницы, как и в далекие времена, окрашены теперь под розовый мрамор (стены других входов — розовой краской). Это создавало и создает впечатление обилия света, пространства.

Если бы мы могли вернуться в прошлое, то, поднявшись на площадку четвертого этажа, оказались бы у сто-

* Род местного пудостского естественного камня-известняка, добываемого в поселке Пудость, близ города Гатчины.

ла портного, занимавшегося починкой и «переправкой платья» воспитанников. Он исправлял должность дядьки, обслуживая трех лицейстов. Здесь на площадке стояли «лакейские ящики» для щеток и большие часы в футляре красного дерева. Время в Лицее строго учитывалось. Распорядок дня ничто нарушить не могло.

...Вот зазвонил лицейский колокол, и тишина огромного здания нарушилась, послышались смех и топот быстрых ног на лестнице. Это окончились занятия в классах на третьем этаже. Дядька, откладывая шитье, перегибается через перила и смотрит вниз: кто это выбежал из вестибюля здания? Вездь разрешение еще не дано...

Во втором этаже в настоящее время находятся фонды музея и размещаются временные выставки. Вполне возможно и создание здесь постоянной экспозиции, посвященной истории Царскосельского лицея, его воспитанникам, наставникам, каждодневной лицейской жизни.

В третьем и четвертом этажах воссоздана обстановка, в которой жил и учился Александр Пушкин

Поднявшись по парадной лестнице, можно пройти одно за другим все помещения третьего этажа и выйти через класс пения на лестницу запасного хода¹⁴.

Все помещения, в том числе и Большой зал, — проходные и образуют две анфилады. Одну анфиладу составляют передняя, Большой зал, длинная комната, физический класс, физический кабинет и класс пения; другую — газетная, Большой зал, проходная комната, физический класс, физический кабинет и учебный класс. Библиотека, расположенная в сторону от анфилады, в галерее, тоже проходное помещение: из нее можно попасть на хоры церкви Екатерининского дворца, только дверь, ведущая туда, закрыта.

Передняя Помещение примыкает к Большому залу со стороны парадной лестницы. Оно обращено двумя окнами в Лицейский сад.

Название этого аванзала — передняя — установлено по описи 1822 года, позднее она именовалась шинельной. Стены ее окрашены под зеленый мрамор, потолок выбелен и обведен «ленточкой», пол — дубового паркета.

Передняя соединяется с Большим залом аркой-входом, с газетной (или журнальной) комнатой — двустворчатой дверью, а та, в свою очередь, также соединяется с Большим залом арочным проемом.

Большой зал

Большой зал Лицея — это действительно большой и парадный зал. Он двусветный, с четырьмя колоннами и четырьмя арками. Стены его расписаны под розовый мрамор, переходящий в лиловый. Между окон — над зеркалами, в арочных проемах, на торцовой стене, потолке и двух изразцовых печах — росписи: венки, воинские доспехи, одноглавые орлы — символы победы, две аллегорические фигуры, олицетворяющие гениев наук, античная сцена — Афина обучает юношей; орнаментика. Дубовый паркет выложен крупными шашками. Зал выглядит необыкновенно светлым. Окна, расположенные друг против друга, и зеркала в простенках зрительно увеличивают его пространство. Оконные переплеты и двери, как и везде в Лицее (снаружи и изнутри здания), окрашены желтой масляной краской под дуб.

И. И. Пущин называл в своих воспоминаниях этот зал рекреационным (предназначенным для использования во время рекреации — перерыва между уроками). В обиходе чаще его называли просто лицейским, в архивных документах кроме Большого он именуется еще и гимнастическим, так как служил для отдыха, игр, фехтования и танцев. В то же время это было единственное парадное помещение, где происходили все торжественные акты.

Обычно в Большом зале было пусто, но в торжественных случаях сюда вносили стол, покрывали его красной скатертью, ставили лучшую мебель.

Как же был восстановлен подлинный облик Большого зала, с которым связаны столь богатые и разнообразные воспоминания?

Сохранилось несколько документов, изучая которые, можно было постепенно представить себе Большой зал пушкинского времени. Это «Опись переделкам и поправкам...», сделанная в 1811 году архитектором В. П. Стасовым; смета, им составленная, контракт подрядчика И. К. Пробкина, который он заключил с министерством народного просвещения 20 февраля 1811 года¹⁵, и представляющая особенный интерес «Опись вновь отделанному строению Главного корпуса Лицея после пожара» 1822 года¹⁶. Эти документы вместе с некоторыми другими дали основу для работ по реконструкции Лицея.

Из «Описи переделкам...» 1811 года Стасова становятся ясными план, конструкция и отделка здания. Потолок зала опирается на четырех колоннах с архитравами

и шпрингелями для поддержания перегородок и пола четвертого этажа, а также «собственно для сокращения плоской пропорции сей залы». Стены зала было намечено «расписать по приличности». Кроме Большого зала живописные работы должны были проводиться в классах, в столовой и в других помещениях. 21 января 1811 года эта «Опись переделкам...» была опробована, и проект Стасова начал воплощаться в жизнь.

Строительные работы по Лицею и трем каменным строениям по Певческому переулку начались с марта 1811 года, и, несмотря на то что все делалось вручную, они велись необычайно быстро. В главном учебном корпусе (собственно в Лицее) дополнительно было пробито по четыре окна во всех этажах; вместо дубовых лестниц, пришедших в негодность, сделаны каменные; установлены новые двери, заделаны старые, впервые на лестничных площадках всех этажей с двух сторон здания устроены туалеты («нужные места»). В трех флигелях, принадлежавших Лицею, также были проведены большие работы по переделкам, строились кухня, баня.

Залы в Лицее расписывал живописный мастер Набоков. 13 августа подрядчик Пробкин начал сдавать выполненные работы архитектору Стасову. Доделки и поправки велись в сентябре. А в октябре 1811 года все помещения здания, а главное — его парадный Большой зал уже были готовы к торжеству открытия Лицея¹⁷.

Сведения об облике Большого зала, в частности о росписи его стен, о существовании росписей на печах, о характере живописи фриза, дополнили также по архивным документам о ремонте лицейских помещений в 1813—1817 годах.

В 1813 году в ведомостях было записано: «В Большом зале стены покрасить под мрамор»¹⁸. И в отчетности 1814 года также указано, что стены Большого зала подкрашивались под розовый мрамор¹⁹. В это же время в Лицей вновь приглашают Набокова, чтобы подправить живопись, которую он выполнил в 1811 году. В 1817 году, перед первым выпуском, Лицей приводили в порядок, ремонтировали помещения. В Большом зале живопись подправлялась маляром Афанасьевым: «Работали в зале, стены и потолок вновь перекрыты, на печах писаны военные трофеи, фигуры во фризах подправлены, и в арках снова написано, ценой — 125 рублей»²⁰.

В документах и литературных источниках сообщалось не только о пожаре в Лицее, но и о том, что сохранилось от прежнего убранства и какие были внесены изменения после восстановления.

В 1820 году, 12 мая, в 3 часа дня, загорелась одна из глав церкви Екатерининского дворца. Пожар охватил и Лицей. Горели библиотека и Большой зал, где провалился потолок. Благодаря энергии директора Лицея Е. А. Энгельгардта оказались спасенными не только все вещи воспитанников и мебель, но даже двери, рамы, паркет.

Весть о гибельном лицейском пожаре застала И. И. Пущина в Могилеве. Здесь он встретил фельдъегеря, недавно покинувшего Царское Село, который рассказал, что за несколько дней до его выезда сторел Лицей, остались одни стены, а воспитанников поместили в церковном флигеле.

Печальное письмо послал Энгельгардт своему любимому воспитаннику Ф. Ф. Матюшкину 10 сентября 1820 года, в котором сообщал о бедствии, что обрушилось на Екатерининский дворец и Лицей: «От одной треснувшей дымовой трубы, у которой находилась балка, загорелась в 2 часа пополудни одна из глав на придворной церкви; в 3 часа уже горел весь большой купол и часть крыши, а в 4 часа свалилась горящая большая средняя глава на улицу. Ветер был страшный... огонь метал во все стороны, все стремились спасти дворец, а о Лицее никто не заботился. Мы с Сакеном (лицейским библиотекарем. — С. Р.) и воспитанниками вынесли всю библиотеку (книги и шкафы), физический кабинет и минеральный кабинет. Потом с нашими людьми вынесли мы из-под горящей уже крыши все воспитанничьи вещи, все двери, все окошки и часть даже штучных полов. Мы перестали выносить, когда уже пламя не позволяло боле ходить; все ушли, я остался один в нашей большой горячей зале, и когда уже более половины потолка провалилось, когда уже пол горел, я простился с залом, с вечно незабвенным окошком, — с Лицеем! — Два дня после того приехали Вольховский, Пущин, Комовский, Малиновский, Саврасов; — мы обняли друг друга и молча со слезами обещали друг другу, что дружба наша и любовь к старому Лицею не исчезнут, как он!»

Но Лицей возродился, и Энгельгардт уже в июне 1821 года писал Матюшкину: «В Царском же Селе нашем вообще, а в особенности в Лицее, по строительной

части — величайшие перемены. После пожара весь Лицей с погреба до крыши возобновлен и, можно сказать, лучше стал. Я старался, сколько можно, сохранить все по-прежнему относительно цвета и расположения живописи в комнатах, но живопись теперь писана академиком и так хорошо, что жаль почти жить в зале, потому что жильцы ее, вероятно, хотя без намерения, но сотрут и попортят. Все, что было плохо, теперь хорошо и ново, между прочим паркеты... Библиотека в арке теперь сделана в два света, и маленькая лесенка красного дерева возносит Сакена во второй ярус. — Кабинет минеральный устроен прелестнейшим образом в полукруглой комнате, где в твоё время стояли клавикорды и был певческий класс... По возвращении твоем ты, впрочем, найдешь все опять по-прежнему».

Восстановлением сгоревшей части дворца и Лицея занималась специальная комиссия. Архитектор В. П. Стасов, вошедший в нее, работая над воссозданием Лицея в 1820 году, оставался верным своим первоначальным находкам, за исключением некоторых небольших отступлений в пользу улучшения внешнего облика помещений. В первоначальном проекте 1811 года у Стасова все оконные переплеты, а также двери во всех четырех этажах были покрыты желтой краской под дуб. В 1820 году, после пожара, оконные переплеты и двери были окрашены белой масляной краской. Если в 1811 году живописные работы по Лицею проводил Набоков (впоследствии он расписывал иконостасы и иконы в Александро-Невской лавре), то в 1820 году такие работы в Лицее и в Екатерининском дворце (в личных комнатах Александра I и в других помещениях) исполнял замечательный мастер Ф. Д. Брандуков, много работавший со Стасовым и являвшийся первоклассным исполнителем настенной живописи в технике гризайль (под лепку).

Так произошли изменения в росписи Большого зала: вместо плоскостной живописи, исполненной Набоковым и подправлявшейся впоследствии Афанасьевым, появилась объемная настенная живопись. Изображение этой живописи на известных литографиях П. Иванова и П. Бореля привело к ошибке реставраторов Большого зала в 1946—1949 годах, принявших ее за лепку.

По восстановлению Лицея в 1822 году главным комиссаром Сучковым, работавшим при комиссии исправления сгоревшей части дворца и Лицея, была составлена

опись передачи здания эконому Лицея Роттасту. Эта «Опись вновь отстроенного главного учебного корпуса Лицея», находящаяся ныне в Государственном архиве Ленинградской области, явилась весьма важной для реконструкции Лицея²¹. Она раскрыла планировку помещений, окраску стен, а также характер живописи.

Из описи стало ясным местоположение газетной, или журнальной, комнаты в одном из аванзалов. До середины 1950-х годов ее отождествляли с лицейской библиотекой в галерее. Кроме того, стали известны названия и назначение еще трех аванзалов, то есть передней, проходной и длинной.

Большой зал имел четыре арки-входа из четырех аванзалов (и пятый вход в галерею-библиотеку через двустворчатую стеклянную дверь). В описи 1822 года подробно указывается, где и что именно расписано, — стены и потолок в Большом зале и в арках-входах и как окрашены потолок и стены зала²².

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда имеется счет Ф. Д. Брандукова, расписывавшего залы Лицея после пожара²³. Из этих описи и счета вырисовывается ясная картина Большого зала пушкинского времени. Правда, это были пока только описательные документы. Их дополняли известные литографии Петра Иванова (1830-е годы) и литография Петра Бореля (1850-е годы), изображающие Большой зал.

Но самые интересные изображения лицейского зала были представлены на двух фотографиях* с подлинников, местонахождение которых, несмотря на предпринятые поиски, осталось неизвестным. На первый взгляд они одинаковы; изображение дано от левого арочного проема; та же тематика декоративной отделки (в арочных проемах — орлы — символ победы на знаменах; в кессонах — венки; на торцовой стене — воинские доспехи, знамена, сцены из античной жизни); в аванзале, видном через арочный проем, изображены сидящие за конторкой фигуры воспитанников (одна из них — ближе к арочному проему). На обеих фотографиях под изображением лицейского зала помещена «Прощальная песнь...» воспитанников Лицея первого курса. Но при внимательном рассмотрении снимков видно их различие.

* Фотографии находятся в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

На фотографии первой — на светлом фоне торцовой стены четко обрисовывается декор, данный совершенно плоскостным; декоративное оформление потолка имеет крупную розетку, а архитравы — орнаментальную живопись; в простенках между окон — изображение двух венков; слева на переднем плане, у окна, кресло конца XVIII века; для масштаба даны пять человеческих фигур (две сидящие за конторками, две — стоящие у торцовой стены и одна — с книгой — в центре зала у правого края изображения); паркет показан крупными шашками; в углах поставлены годы: 1811, 1820, 1829.

В журнале «Старые годы» за январь 1912 года, в статье Н. Соловьева «О воспитаннике императорского Лицея Валериане Лангере» (лицеист выпуска 1820 года), сообщается, что еще на лицейской скамье Лангером была исполнена акварель — вид лицейского зала и эта акварель, некогда принадлежавшая Е. А. Энгельгардту, находится ныне в собрании Гамма* в Берлине. Далее Н. Соловьев сообщал, что под рисунком акварели имелась надпись: «Шесть лет протчилось, как мечтанье. В объятых сладкой тишины...», а в углах рукою Энгельгардта проставлены годы: 1811, 1820, 1829. По всей вероятности, Энгельгардт отметил здесь открытие Лицея, пожар 1820 года и год выпуска из Лицея своего сына Владимира. Рассказывая об этой акварельной работе В. Лангера, Соловьев, наверное, хорошо ее знал и, возможно, видел у Гамма в Берлине или имел с нее фотографический снимок.

Описание Большого зала, данное Соловьевым, совершенно соответствует первой фотографии. Таким образом, было установлено, что она сделана с акварели В. П. Лангера, выполненной им до пожара 1820 года.

О том, что упомянутая акварель лицейского зала была у Энгельгардта, свидетельствует его письмо к Матюшкину от 24 ноября 1836 года: «Я был один, убрался в свою келью, двери на замок, сел перед залой лицейской, окруженный многими из тех, кто там со мной жили, чувствовали, любили, и праздновал 25-летие один». В 1872 году Владимир Егорович Энгельгардт, написавший статью о своем отце, послал письмо К. Я. Гро-

* Александр Федорович Гамм — лицеист выпуска 1883 года. В 1907 году был русским консулом в городе Штеттине в Германии.

ту: «Имея весьма схожий и отлично написанный масляными красками портрет Е. А. Энгельгардта, думаю, что не лишним приложить к рукописи фотографический снимок с этого портрета... Егор Антонович написан... близ письменного стола, на стене висит картина, изображающая залу Лицея».

Раскрашенная фотография с упомянутого в письме портрета Энгельгардта (местонахождение его неизвестно) находится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Над столом, за которым сидит Энгельгардт, висит изображение Большого зала, в правой стороне которого, с краю, видна отдельно стоящая фигура, такая же, что и на первой фотографии.

Фотография вторая снята с рисунка, заключенного в резную раму; слева под изображением, внизу, имеется подпись (по-французски): «Лангер». Это то же изображение Большого зала, что и на обложке нот «Прощальной песни» воспитанников Лицея выпуска 1817 года, напечатанных в петербургской литографии Давишон в 1835 году, но здесь прибавлены еще фигуры воспитанников (справа, в глубине зала): один из них — верхом на стуле, другой — у правой колонны. Когда же Лангер выполнил этот новый для нас рисунок?

Как было уже сказано, после пожара 1820 года настенную живопись в залах Лицея выполнял Брандуков, который славился как замечательный мастер живописи гризайль. Фотография вторая, снятая с подписной работы Лангера, создает впечатление объемной живописи, что совершенно соответствует архивным документам и счетам Брандукова. Это лишний раз подтверждает, что фотография вторая является более поздним изображением Большого лицейского зала, после пожара 1820 года.

Таким образом, именно эта работа Валериана Лангера была использована рисовальщиками-литографами Петром Ивановым в 30-е годы и Петром Борелем в 50-е годы XIX века, копировавшими работы Лангера. Как видно, Большой зал Лицея был изображен Лангером и до и после пожара 1820 года, что можно проследить не только в характере архитектурно-декоративной отделки, но и в расположении человеческих фигур и в падающих тенях от них.

Так анализ фотографий, сделанных некогда с подлинных работ Лангера, позволил сделать выводы, необходимые для правильной реконструкции Большого зала.

Описание этих фотографий с утраченных оригиналов также представляет несомненную ценность. Именно всестороннее изучение и анализ иконографии Большого лицейского зала в сочетании с архивными документами, воспоминаниями современников — все вместе позволило представить с возможной точностью Большой зал Лицея и дать его конкретное описание, легшее в основу реконструкции.

Зал должен был выглядеть так: стены окрашены под розовый мрамор, переходящий в лиловый; в арочных проемах и на стенах клеевыми красками выполнены изображения воинских доспехов, аллегорических фигур, знамен, античных сцен; в простенках между окнами — роспись в виде двух венков; две изразцовые печи также расписаны под розовый мрамор и имеют живопись, аналогичную по теме росписи торцовой стены. Таким и предстает зал перед посетителями сегодня.

После реконструкции Лицея 1966—1974 годов Большой зал, воссозданный на основе более обширных исторических данных, значительно отличается по своему архитектурному интерьеру от зала 1949—1950 годов.

Стройность и изящество пропорций зала дополнены его убранством. В Государственном историческом архиве Ленинградской области было обнаружено дело «О первом обзаведении Лицея», откуда стало известно, что дворцовый флигель, переданный Лицею, был обставлен мебелью и вещами, принадлежавшими дворцовому ведомству. Вместе со зданием все эти вещи были переданы на «первое обзаведение» Лицею. В некоторых залах дворцового флигеля — будущего Лицея — на третьем этаже стены были обтянуты штофом: голубым, зеленым, малиновым. Его сняли. Сняты были и занавеси. В дальнейшем этот штоф и занавеси, по-видимому, использовали для оборудования Лицея.

Мебель конца XVIII века, переданная Лицею, оказалась старой, расколотой. Золоченая резная мебель в Лицей попала в ограниченном количестве. Большая же часть мебели оказалась крашеной, оббитой барханом, бродячьей, штофом, сафьяном. Стулья были с плетеными сиденьями и с кожаными подушками. Часть мебели привели в порядок, часть же, как негодную к употреблению, уничтожили.

По воспоминаниям И. И. Пуцина известно, что в зале между окон висели зеркала в золоченых рамах.

Эти зеркала (восемь штук) также достались Лицею вместе с дворцовой мебелью и были применены архитектором Стасовым для украшения Большого зала. По-видимому, и малиновый штоф, снятый со стен, был использован для портьер этого зала. На окнах висели нарядные шторы и портьеры с кистями.

На всех изображениях Большого зала мебель отсутствует, только на фотографии первой хорошо видно кресло XVIII века в стиле барокко, стоящее у арочного проема, оно дает некоторое представление о мебели, какую получил Лицей от дворцового ведомства.

Перед торжественными актами в Большой зал вносили лучшую мебель, складной стол, расставляли его и покрывали красной, с переходом в малиновый тон, суконной скатертью с золоченой бахромой. Размеры стола, количество сукна и золоченой бахромы для скатерти были также обнаружены еще в 1950-х годах в архивных материалах. Все это дало возможность с предельной точностью воспроизвести интерьер зала. Цвет (оттенок) портьер и скатерти к открытию музея не удалось получить в полном соответствии с архивным описанием, и поэтому они могут быть в дальнейшем заменены.

Большой зал освещался двухрожковыми масляными лампами, изображения которых четко видны на фотографиях первой и второй. Точно такие висячие лампы и были воссозданы. При проектировании их использовались не только фотографии с работ Лангера, но и изображения аналогичных ламп конца XVIII — начала XIX века.

Как показали некоторые архивные документы, четыре арочных проема-входа в Большой зал, соединяющие его с передней, газетной, проходной и длинной комнатами, некогда завешивались красным сукном, и таким образом лицейский зал отделялся от других помещений. Учитывая предполагавшийся огромный поток посетителей музея, их решено было не воспроизводить.

Газетная комната Из большого зала виден интерьер небольшой газетной комнаты. Стены ее окрашены под зеленый мрамор, потолок выбелен и обведен «ленточкой», пол покрыт дубовым паркетом — все выполнено соответственно описи 1822 года²⁴.

Здесь находятся круглый стол красного дерева конца XVIII — начала XIX века, на нем реляции — сообщения с театра военных действий 1812 года; шахматный

столы того же времени, стулья, воссозданные по описаниям, основанным на архивных данных.

Возможно, что кроме круглого стола здесь стояли и ломберные столы или небольшие столики красного дерева конца XVIII века, которые в большом количестве были переданы в Лицей²⁵. На столах расставлялись подсвечники со свечами и щипчиками для снятия нагара со свечей.

Можно предположить, что именно в этой комнате на стене висела «ландкарта» европейской части России, по которой воспитанники следили за передвижением русских войск в 1812 году. Сейчас здесь представлены копии старинных карт — полушарий и европейской части России.

В Лицее применялось ламповое и свечное освещение. Лампы заправлялись маслом, но часто дымили, коптили, и поэтому за чистоту ламп и заправку их отвечал специальный служитель, обученный своему делу.

Газетная, так же как и передняя, освещалась настенными масляными лампами. Ныне на стенах их такие же лампы, сделанные специально для экспозиции.

Все осветительные приборы Лицея — реконструкции (так называемые «новоделы») по старым образцам и документам. Освещение в музее везде электрическое, исходящее из источника, скрытого от глаз посетителей.

Окна газетной смотрят на дворец, на золотые купола его церкви, а из арки открывается вид на парадный Большой зал и лицейскую анфиладу.

Долгое время, как уже упоминалось, газетную, или журнальную, комнату отождествляли с библиотекой, что нашло отражение в первых путеводителях по Лицею 1949 и 1951 годов. На самом же деле газетная существовала самостоятельно²⁶.

Есть еще одно название газетной комнаты — «богомольная», которое встречается в архивных документах. Окна комнаты выходят в сторону дворцовой церкви, и, по-видимому, именно здесь читались утренняя и вечерняя молитвы. Но главное назначение ее было другим. В этом небольшом помещении находился своеобразный читальный зал. Здесь воспитанники читали русские и иностранные газеты и журналы и обсуждали новости.

Особенно многолюдно бывало в газетной в тревожные дни Отечественной войны 1812 года. «Газетная комната никогда не была пуста, — вспоминал И. И. Пущин, — в

часы, свободные от классов читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях; всему живо сочувствовалось у нас: опасения сменялись восторгами при малейшем проблеске к лучшему. Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное». В стихотворении 1836 года «Была пора: наш праздник молодой...» А. С. Пушкин вспоминал эти дни:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И в сень наук с досадою возвращались,
Завидуя тому, кто умреть
Шел мимо нас...

Библиотека

Выйдя из газетной в Большой зал и повернув налево, мы останавливаемся перед двустворчатой стеклянной дверью, ведущей в лицейскую библиотеку, расположенную в галерее над аркой Лицея. В противоположном конце галереи находится дверь красного дерева, ведущая на хоры Екатерининского дворца.

Пять окон библиотек, центральное из которых является в то же время и дверью, ведущей на небольшой балкон, делают это помещение словно шире. Сквозь прозрачные стекла книжных шкафов пестреют корешки лицейских книг. А за окнами открывается прекрасная перспектива дороги: по одну сторону ее, справа от нас, — Екатерининский парк, по другую, слева, — бывшие кавалерские дома. Отсюда воспитанники Лицея также могли видеть ряды народного ополчения 1812 года на их первом марше.

В своей «Описи переделкам...» 1811 года архитектор В. П. Стасов совершенно не касается галерей, предназначенной для библиотек. По-видимому, она находилась в хорошем состоянии. Из архивных документов стало известно, что при ремонте 1813 года стены библиотеки «снова крыли голубой краской»²⁷.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда имеется дело «О командировке живописного мастера Данилова для росписи во флигелях»²⁸. 23 января 1792 года Федор Данилов «с командою» был направлен в Царское Село расписывать флигель, а вернее «новый дворцовый флигель».

Поврежденная пожаром 1820 года галерея была восстановлена в своем первоначальном виде; это касается

и росписи потолка и фриз. Из описи 1822 года стало известно, что после пожара потолок в библиотеке «расписан гирляндами», а в счете Ф. Брандукова указано, что «за расписание фриз» в библиотеке им получено пятьдесят рублей²⁹. Дверь красного дерева, соединяющая библиотеку с дворцом, пострадавшая при пожаре 1820 года, была отремонтирована и возвращена на место. Дверь эта в лицейские годы Пушкина завешивалась сукном.

В библиотеке стоят шесть книжных шкафов под красное дерево. Их точные размеры также обнаружены в архиве. Они были даны архитектором Стасовым мастеру С. Кисти, выполнявшему работу³⁰. Шкафы — двойные, внутри окрашенные белой масляной краской. Верхние шкафы имеют дверцы в четыре стекла, а нижние шкафы — филенчатые.

Проходное помещение библиотеки не было загромождено мебелью. По-видимому, здесь стояли лишь ломберные столы красного дерева и крашенные стулья. На окнах, как и прежде, висят голубые портьеры с кистями и распашными занавесями. Освещалась библиотека двумя настенными масляными лампами, ныне они воссозданы, но с другим источником света — электрическим.

Среди архивных материалов, в частности касающихся деятельности Конференции Лицея, нашлись документы с названиями книг, выписанных для лицейской библиотеки в 1811—1817 годах³¹. Это позволило составить их реестр. Здесь были учебники русского, латинского, французского, немецкого языков, книги, выписываемые преподавателями Лицея по нравственным, правовым, историческим и другим наукам, а также периодические журналы.

Возглавив Лицей, Е. А. Энгельгардт обратил внимание на недостаток книг в лицейской библиотеке, пополнявшейся с большим трудом, ибо министерство просвещения отпускало на это весьма скудные средства. Энгельгардту удалось выхлопотать разрешение царя на передачу Лицею библиотеки Александровского дворца³². Но дело затягивалось из-за того, что в разрешении не было сказано о передаче вместе с ними и книжных шкафов. В это время, с 1816 года, на пост исправляющего должность министра просвещения вступил князь А. Н. Голицын. Теперь Энгельгардт обратился к Голицыну с просьбой о передаче библиотеки, шкафов и о «церковной

ограде» (так называлась тогда территория нынешнего Лицейского сада)³³. хлопоты увенчались успехом. Библиотека из Александровского дворца была переведена в Лицей³⁴. Но это было в конце 1818 года, когда А. С. Пушкин уже закончил курс и был выпущен из Лицея.

В 1963 году, ко дню рождения А. С. Пушкина, в торжественной обстановке была разрезана ленточка у входа в возрожденную лицейскую библиотеку. Там были поставлены такие, как и в пушкинское время, книжные шкафы, а на их полках — подлинные лицейские книги. Их было триста тридцать. Сто семьдесят книг — экземпляры изданий, находившихся здесь в пушкинское время.

Лицейские книги поступили в музей из Свердловского университета, куда попали в 1920 году из бывшего Александровского лицея. Интерьер библиотеки стремились воссоздать точно.

Открытие библиотеки Лицея нашло широкое отражение в советской печати, хотя ввиду предстоящей реконструкции дома воссоздание ее не было доведено до конца — не поставлены угловые печи и не расписан потолок. Ныне интерьер библиотеки воссоздан полностью.

В библиотеке вспоминаются строки стихотворения «Городок», написанного Александром Пушкиным в 1815 году:

На полке за Вольтером
 Виргилий, Тасс с Гомером
 Все вместе предстоят.
 В час утренний досуга
 Я часто друг от друга
 Люблю их отрывать.

Все эти книги в подлинных лицейских экземплярах и дубликатах сегодня стоят на полках библиотечных шкафов, стоящих вдоль галерей.

Проходная и длинная комнаты

Из библиотеки мы вновь попадаем в Большой зал, из него ведут еще два арочных входа — один в проходную комнату, другой — в длинную. Три балконные двери проходной выходят на дворец, три окна длинной — на внутренний двор (в нынешний Лицейский сад).

Стены этих комнат расписаны под зеленый мрамор, потолки выбелены и обведены «ленточкой», полы — дубового паркета³⁵. Освещаются комнаты настенными лампами.

При Пушкине в этих комнатах у каждого воспитанника имелась своя конторка, и после классов они гото-

вили здесь уроки. Эти два помещения соединяются двустворчатými дверьми с классами. На круглом столе в проходной комнате под стеклом лежат копии лицейских карикатур и журналов. Может быть, где-то здесь, в проходной, рисовал Илличевский или Данзас «выпускал в свет» очередной номер «Лицейского мудреца». Может быть, где-то здесь происходили «бунты вечеров», о которых А. С. Пушкин вспоминал в черновике стихотворения «19 октября» 1825 года:

Златые дни! уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

Попасть в проходную и длинную комнаты можно или со стороны Певческого переулка по парадной лестнице, или со стороны Александровского парка по запасному ходу. Они находятся в центре здания.

Служебный ход со стороны внутреннего двора в пушкинское время, как упоминалось, доходил до второго этажа. По нему проносили готовую пищу из кухни, помещавшейся в одном из флигелей по Певческому переулку, в буфетную, находившуюся на втором этаже, рядом со столовой. В 1832 году, когда число воспитанников в Лицее достигло ста, на четвертом этаже были уничтожены личные комнаты-спальни и сделаны общие (на четыре класса), тогда-то служебную лестницу и довели до четвертого этажа. Таким образом, длинная комната оказалась уничтоженной, а на месте ее образовалась лестничная клетка.

Когда же в 1946—1949 годах в Лицее восстановили мемориальные помещения, то служебной лестницей пользовались и служащие и посетители музея (это был тогда единственный вход в музей). Ныне эта лестница, как и в пушкинское время, ведет только до второго этажа.

Длинная комната с тремя окнами в сторону Лицейского сада, так же как и проходная, использовалась для занятий воспитанников после классов. В этом помещении представлены также и фехтовальные принадлежности пушкинского времени.

Физический класс Из проходной и длинной комнат можно пройти в физический класс. Он самый просторный из классов и, так же как Большой зал, двусветный: три окна его выходят на дво-

рец, а три — на внутренний двор. Стены класса покрыты светло-зеленой краской. На потолке роспись — знаки Зодиака.

Относительно росписи потолка и фриз в лицейских документах сказано лаконично: «Расписаны фигурами и орнаментами». В 1813 году, когда в Лицее происходил ремонт, подправлялась и живопись в этом классе³⁶. В классе поставлены две печи (топки некогда находились со стороны длинной и проходной комнат), расписанные под розовый мрамор. Они имеют живописное изображение дудки и венка.

В одном из рукописных журналов было помещено коллективное стихотворение — «национальная песня» — под названием «Мудрец», где давалось описание класса:

На кафедре, над красными столами,
Вы книгу книг не видите ль, друзья?
Печально чуть скрипит огромная доска,
И карты грустно веют над стенами.
На печке дудка и венец...

Во времена Пушкина в физическом классе стояли шесть полуциркульных столов из ольхи под красное дерево со скамьями, сделанными наподобие кресел и построенными амфитеатром. Описание их также находится в архивных документах. При создании скамей «наподобие кресел» их устройство было несколько упрощено.

В первоначальном проекте Стасова 1811 года сказано, что под кафедрой преподавателя пол необходимо приподнять на три ступени³⁷. Благодаря этому преподаватель мог видеть каждого воспитанника, и, наоборот, — все воспитанники видели его.

В этом учебном помещении находились также классная доска (ныне она выполнена по рисунку 1812 года, взятому из альбома Строганова)³⁸ и глобусы, небесный и земной. Глобус земной, изготовленный в XVIII веке, также занял тут свое место.

Следует отметить, что классную мебель для открывшегося Лицея делали медленно. Даже в 1818 году и позднее все еще давались заказы па нее и на некоторые другие предметы убранства. Физический класс освещался лампой с двумя рожками, висевшей в центре потолка, и настенными масляными лампами. Сегодня этот класс предстает перед посетителями Лицея в исторически точном виде.

В физическом классе читались лекции по всем предметам, здесь проходили все основные занятия. И наверное, именно этот класс имел в виду А. С. Пушкин, когда в черновике «Евгения Онегина», вспоминая лицейские годы, писал:

Когда в забвеньи перед классом
 Порой терял я взор и слух,
 И говорить старался басом,
 И стриг над губой первый пух,
 В те дни...

В этом по-праздничному нарядном классе, полном света и воздуха, лицеисты постигали науки. Здесь хочется еще раз отдать дань памяти лицейским учителям. Ведь именно здесь Александр Куницын постоянно говорил с кафедры «против рабства и за свободу»...

Физический кабинет За физическим классом находится физический кабинет. Он тоже двухсветный, но имеет четыре окна (по два на каждую сторону). Стены его покрыты зеленой краской, по потолку «обведены трафаретом». Для этого кабинета в 1812 году изготовили два шкафа — «двойные», под красное дерево, такие же как и в лицейской библиотеке³⁹, в 1813 году было добавлено еще шесть шкафов, для хранения физических приборов⁴⁰.

Еще в 1811 году министр просвещения приобрел для Лицея в счет лицейского бюджета от надворного советника Ковалевского электрическую машину стоимостью 1750 рублей (большая по тому времени сумма)⁴¹. Такая же электрическая машина конца XVIII века и сегодня стоит в этом кабинете. В кабинете много других физических приборов первой половины XIX века. Некоторые из них поступили в музей из Ленинградского строительного техникума, куда, по преданию, они попали в 1918 году из Александровского лицея. Здесь ныне помещен и глобус небесный, тоже конца XVIII века.

Освещался физический кабинет настенными масляными лампами.

Хотя И. И. Пущин вспоминал о двух классах с кафедрами, архивные документы пока дают такие сведения только относительно физического класса. Возможно, что кафедра стояла и в физическом кабинете. Особый служитель следил за чистотой физического кабинета, библиотеки и за всеми учебными комнатами, прилежавшими к

Большому залу. Несомненно, что этот кабинет был царством Якова Ивановича Карцова.

Учебный класс Из физического кабинета в учебный класс ведет двустверчатая дверь. Это комната в два окна по южной стороне здания. Стены ее окрашены зеленой краской, потолок расписан «трафаретом»⁴². Учебным классом помещения названо в документах описи 1820 — 1822 годов.

Можно предположить, что оно имело несколько назначений. Здесь могли заниматься чистописанием и рисованием. Ведь Лицей заказывал специальные рисовальные столы (размеры их также найдены в архиве), табуреты со спинками и без спинок.

В настоящее время в классе представлены копии с рисунков воспитанников Лицея, выполненные на архивной бумаге, и гипсовые слепки. Примерно такие слепки были в Лицее, о чем свидетельствуют многочисленные работы воспитанников, рисовавших в основном с подобных гипсовых бюстов и слепков.

Класс пения В класс пения можно пройти из учебного класса и из физического кабинета. Это нарядный небольшой полукруглый зал с двумя окнами на северную сторону (на Знаменскую церковь). Стены зала окрашены светло-зеленой краской, потолок расписан по трафарету. Освещался зал настенными масляными лампами. Такие же лампы находятся здесь.

Из писем Е. А. Энгельгардта к Ф. Ф. Матюшкину известно, что в этой комнате стояли клавикорды. В дальнейшем, после 1817 года, это помещение было использовано под минералогический кабинет.

После реконструкции класса клавикорды (конца XVIII века) здесь вновь заняли свое место. Это подлинные старинные клавикорды, некогда принадлежавшие другу А. С. Пушкина П. Вяземскому. На них лежат ноты произведений лицейского учителя пения Людвига Вильгельма Теппера де Фергюсона. Наверное, в этом классе впервые прозвучала его «Прощальная песнь».

Запасная лестница и служебные помещения В классе пения имеются три двери, о двух из них уже говорилось, третья ведет на лестницу запасного хода. При выходе из класса направо есть еще небольшая дверь, ведущая в небольшой закуток с окном. Может быть, здесь помещался карцер? В постановлении о Лицее (1810 года) указывалось, что высшей мерой наказа-

ния является «уединенное заключение» (не более трех дней), в течение которых директор должен был посещать провинившегося и делать ему «приличные увещевания».

Выйдя на запасную лестницу, мы попадаем на площадку с окном и светлую широкую лестницу, сложенную из прочных лещадных плит. Эта лестница сохранилась со времен Пушкина. Стены вдоль нее, как и тогда, окрашены в розовый цвет, переходящий в малиновый.

Лестницей запасного хода в основном пользовались педагоги, жившие в первом этаже Лицея. Семейные педагоги жили в доме Сакера, на углу улиц Леонтьевской (ныне улица Труда) и Московской (в настоящее время на этом месте разбит сквер).

В 1816 году профессору Будри, которому было трудно ездить из Петербурга в Царское, отвели в первом этаже две комнаты окнами к дворцу, близ запасного входа.

Учитель Калинин занимал две комнаты во втором этаже, окнами во двор, ближе к парадной лестнице; напротив его комнат находилась шинельная, размещавшаяся вблизи столовой. Лестницей запасного хода пользовались и чиновники, служившие в канцелярии на втором этаже.

На этом же этаже в конференц-зале, располагавшемся примерно под классами, проходили заседания Конференций Лицея.

26 мая 1817 года была утверждена новая сумма ежегодных расходов на Лицей, ибо шестилетний опыт показал недостаточность средств, отпускаемых на его содержание. Последующий курс жил и учился в более благоприятных условиях.

Помещение бывшего хозяйственного правления находилось в первом этаже, невдалеке от парадной лестницы. Сейчас занято служебными комнатами музея.

Служебная лестница, столовая и больница Во все помещения Лицея можно было попасть с двух входов — парадного и запасного, а в первый и второй этажи — еще и со служебного. Находится служебный вход, как упоминалось, в центре здания, со стороны двора. Лестница здесь доходит сейчас, как и в пушкинское время, до второго этажа. С 1832 года на этой лестнице проложили еще два марша — до четвертого этажа, их уничтожили в 1974 году. На втором этаже, на-

лево от лестницы, располагались буфетная и столовая, а прямо — больница с аптекой.

На стене больницы Иван Пущин обнаружил в июне 1817 года стихотворение Пушкина, которое узнал по почерку поэта:

Вот здесь лежит больной студент,
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

Спальный коридор и комнаты воспитанников

Поднявшись на четвертый этаж, мы попадаем в широкий коридор, по обе стороны которого находятся спальни лицейстов, а в конце его видна стеклянная дверь на парадную лестницу. Это спальный коридор. Каждый воспитанник имел здесь свою комнату-спальню, над дверью которой висела черная дощечка с номером ее, именем и фамилией владельца этой маленькой комнатки.

В своем проекте 1811 года архитектор Стасов особое внимание уделил четвертому этажу, ибо здесь были жилые помещения. На основании этого проекта, описи 1822 года и воспоминаний И. И. Пущина стало возможным окончательно выяснить, как выглядели комнаты четвертого этажа в пушкинское время.

Посередине здания, от одной лестничной площадки к другой, был проложен коридор на шести арках, в обоих концах которого находились стеклянные двустворчатые двери с полукруглыми фрамугами. По обе стороны коридора шли «камеры», отделенные друг от друга перегородкой вышиной в три с четвертью аршина, оштукатуренной «для безопасности от огня» с двух сторон.

В каждую комнату вела одностворчатая дверь, имеющая сверху железную сетку «для света и воздуха»⁴³. Чертеж дверей, выполненный Стасовым для Царскосельского лицейского пансиона, был обнаружен, как и все другие документы, касающиеся Лицея, еще в 1950-х годах в одном из архивов Ленинграда⁴⁴. Он полностью соответствует сохранившемуся описанию. На этом чертеже двери соседних спален сдвинуты вплотную (спарены), сетка же затягивает всю верхнюю часть каждой двери.

Перегородки, разъединявшие спальни, рассекая подоконники, подходили вплотную к раме (до средней пере-

мычки окна). При этом каждая половина окна открывалась самостоятельно и имела форточку. В описи 1822 года упоминается на четвертом этаже сто две форточки⁴⁵. Размеры оконных рам также стали известны из архивов.

Почему же архитектор Стасов проектировал только по половине окна на каждую спальню? Несмотря на то что при переделке и перепланировке здания под Лицей в 1811 году на каждом этаже было пробито заново по четыре окна, все же на пятьдесят две спальни их не хватило. Поэтому Стасов решил в шестнадцати окнах «по причине перегородок» расширить откосы и переделать перемычки, сделав к ним новые переплеты «со всеми приборами»⁴⁶.

Как и во всех этажах Лицея, на четвертом этаже все оконные переплеты и двери окрашивались желтой масляной краской под дуб. Стены же коридора и спален покрывались зеленой краской. Пол был дощатый, крашенный «масляной желтой краской за два раза».

В то же время узкие половицы не настилались, и ширина досок была не менее двадцати сантиметров (нынешние доски предполагается со временем заменить).

Печей в спальном коридоре не существовало. Отоплялись коридор и спальни по особой трубной системе при помощи душников. Таких душников было четыре: два — по одной стороне, два — по другой. Тепло шло от жаровых печей, находившихся в первом этаже, и из печей третьего этажа⁴⁷. Но этого оказалось недостаточно, и тогда по указанию В. П. Стасова в 1812 году на лестничных площадках четвертого этажа были установлены дополнительные печи, тепло от них шло по той же системе труб.

Растопкой печей в Лицее занимался печник. «По всем частям (здания. — *Р. С.*) теплота поддерживается по предписанным градусам, спальни и коридор через поправки, по совету архитектора učinенные, нагреваются до положенной меры. Воспитанники встают, учатся, кушают, спят в положенное время без малейшей разности от одного дня с другим», — сообщал министру В. Ф. Малиновский в ноябре 1812 года.

19 ноября 1872 года И. В. Малиновский в ответ своему лицейскому товарищу С. Д. Комовскому писал, живо вспоминая прошедшее: «Нас в Лицее было 30, вскоре стало 29, а номеров было 50, и вот, сколько припом-

ню, как их занимали: № 6 Юдин, 7 Малиновский, 8 Корф, 9 Ржевский, 10 Стевен, 11 Вальховский *, 12 Матюшкин, 13 Пущин, 14 Пушкин, 15 Саврасов, 16 Гревениц, 17 Илличевский, 18 Маслов, 19 Корнилов, 20 Ломоносов, — все они ко дворцу, а в ограду **: 29 Данзас, 30 Горчаков, 31 Брольо, 32 Тырков, 33 Дельвиг, 34 Мартынов, 35 Комовский, 36 Костенский, 37 Есаков, 38 Кюхельбекер, 39 Яковлев, 40 Гурьев, 41 Мясоедов, 42 Бакунин, 43 Корсаков. Этих (т. е. последних) номеров за давностью шестьдесят одного года не помню. Потом нас переместили, когда из пансиона перевели во 2-ой курс двадцать одного ученика, и только помню, что № 1 был мой. Вот тебе ответ на твое письмо от 20 октября о номерах...»

Комнат на этаже было пятьдесят две: пятьдесят — для воспитанников (в расчете на будущий прием) и две — для дежурных гувернеров (одна для гувернеров старшего, другая — младшего возраста). С 1815 года (после переходного экзамена) число воспитанников увеличилось до пятидесяти человек, так как отныне в Лицее появился младший — второй курс. Двадцать один воспитанник был переведен сюда из Лицейского пансиона.

Первенцев Лицея поселили в центре коридора, подалее от входных дверей. И теперь, как и прежде, над дверью каждой комнаты висит черная дощечка с именем бывшего ее владельца...

Помещения четвертого этажа Лицея, с его полутемным коридором со сводами и крошечными комнатами, напоминали монастырские.

Комната Пушкина — № 14 — одно из наиболее волнующих мест Лицея. Здесь, в этой маленькой «каморке тесной», юный поэт создавал первые свои стихи, здесь он размышлял, читал, оставаясь один, здесь он по вечерам беседовал вполголоса через перегородку с Пущиным, эту комнату Александр Пушкин описал в своих лицейских произведениях: «К сестре» — в 1814 году, в посланиях к Юдину и Галичу — в 1815 году. Он называл свою маленькую комнату не только «каморкой тесной», но и «молчаливой», «мрачной кельей». И все-таки «келья кров» был «приятный».

* И. В. Малиновский всегда употреблял написание фамилии друга через «а».

** В сторону ограды городской Знаменской церкви, стоявшей близко к Лицею.

В романе «Евгений Онегин» поэт вспомнит свою «студенческую келью» озаренной светом поэтического вдохновения:

Моя студенческая келья
 Вдруг озарилась: муза в ней
 Открыла пир молодых затей,
 Воспела детские веселья,
 И славу нашей старины,
 И сердца трепетные сны.

Посетители, гости музея подолгу стоят перед раскрытой дверью комнаты Пушкина с ее скромным убранством, вспоминают стихи поэта, посвященные его другу Пушину. С особой силой звучат здесь слова: «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

И здесь особенно глубоко понятна сила этой дружбы, которая была проверена долгими годами такой близости, когда все человеческие достоинства и слабости становятся явными и ничего нельзя утаить от наблюдательного взора товарища, делящего с тобой даже одно окно.

Иван Иванович Пуцин писал о своем первом посещении четвертого этажа: «Он (инспектор. — С. Р.) привел меня прямо в четвертый этаж и остановился перед комнатой, где над дверью была черная дощечка с надписью: № 13 Иван Пуцин; я взглянул налево и увидел: № 14 Александр Пушкин. Очень был рад такому соседу, но его еще не было, дверь была закрыта. Меня тотчас ввели во владение моей комнаты, одели с ног до головы в казенное, тут приготовленное...» Иван Иванович Пуцин перечислил вещи, стоявшие в помещении: «...железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами». Убранство комнат было одинаковым, но не одинаковы были их обитатели.

Можно сказать, что Александру Пушкину, остро впечатлительному, легко ранимому, весьма повезло с более спокойным и уравновешенным соседом, умевшим добрым, дружеским словом и делом помочь товарищу сгладить возникавшие иногда неловкости, допущенные во взаимоотношениях с соучениками.

В небольшой тесной комнате Ивана Пуцина находят парадный мундир, либо каждодневный сюртук и другие принадлежности одежды. Это платье является реконструкцией, исполненной для постановки пьесы Дзеля Любашевского «В садах Лицея».

Воссоздание убранства комнат-спален лицейстов представляло особенную сложность. И. И. Пущин в своих «Записках...» называет мебель, стоявшую в каждой комнате. Но, естественно, такого лаконичного описания недостаточно для ее реконструкции. На помощь исследователю вновь пришли архивы и различные графические материалы.

Мебель для комнат-спален изготовлялась в 1811 году. Подрядчики после торга обязывались сделать тот или иной предмет. Как же выглядела мебель в комнатах на четвертом этаже? И что же явилось самым сложным в воссоздании ее?

Оказалось, что труднее всего поддается определению внешний вид лицейской кровати. Сначала для Лицея изготовили 36 кроватей (30 для воспитанников и шесть для больницы)⁴⁸. Заказ на кровати в 1811 году выполнял купец Серов. Из ведомости 1813 года стало известно, что лицейская кровать была «железная, полированная, с медными пишками, обтянутая парусиной, стоимостью 22 рубля»⁴⁹. В 1815 году в связи с увеличением числа воспитанников (до пятидесяти человек) вновь заказывали мебель в спальни.

В последующие годы в архивах упоминаются деревянные щиты-«приголовники», окрашенные, как и кровати, в зеленый цвет⁵⁰.

После первого выпуска 1817 года эконом Роттаст довел до сведения хозяйственного правления Лицея, что необходимо привести в порядок вещи и мебель, «употребляемую воспитанниками». При этом имеется счет от «вольного стекольщика» Петра Данилова, из которого следует, что на четвертом этаже он выкрасил 59 кроватей зеленой краской, получив за каждую по два рубля⁵¹.

После пожара 1820 года многие вещи требовали ремонта. В архивных делах этого времени обнаружен счет на 180 рублей за деревянные рамы к тридцати железным кроватям, а также за починку щитов (по два щита на каждую кровать)⁵². В архиве Пушкинского Дома находится счет Якова Петрова за выкрашенные зеленой краской пятьдесят девять кроватей. «За три раза» окраски следовало заплатить 85 рублей⁵³.

В 1950-х годах в одном из архивов был обнаружен рисунок Лукина — образец казенной кровати 1832 года⁵⁴. Чтобы представить себе, как она выглядела в первом

десятилетия прошлого века, надо было сделать большое количество рабочих рисунков. Наконец был найден, как оказалось, точный облик кровати для воспитанников в пушкинское время. Однако некоторые сомнения заставляли продолжать поиски.

И вот в архиве Пушкинского Дома среди лицейских материалов, в рукописном журнале за 1821 год «Лицейский Аргус», издававшемся лицеистами третьего курса, обнаружены акварельные рисунки-шаржи, освещавшие жизнь и быт воспитанников⁵⁵. Один из шаржей отражал инцидент в спальне. Кровать, изображенная здесь, имеет прямую спинку с медными шишками, на ножках кровати — медные колпачки. «Приголовниками» служат зеленые щиты. находка разрешила все сомнения и подтвердила правильность хода изыскательной работы и подготовительного рабочего рисунка.

Таким же путем кропотливого поиска и многочисленных проб шла подготовка и других так называемых «новоделов», которым предстояло играть роль мемориальных вещей.

С 1811 по 1813 год «приголовники» кроватей затягивались парусиной, но это оказалось непрочным. Парусина вытягивалась, рвалась и поэтому вскоре была заменена деревянными щитами, окрашенными, как и кровати, в зеленый цвет, в тон поверхности стен⁵⁶. Деревянные днища кроватей поддерживались ремнями (для упругости)⁵⁷.

На кровати лежал тиковый матрас-тюфяк, набитый конским волосом. С верхней стороны тюфяк обшивался кожей⁵⁸. На каждую кровать полагались две простыни, две полупуховые подушки из алой китайки, две наволочки с тесемками, одеяло байковое, белое, обшито зигзагообразно красной тесьмой, и полотенце салфеточного полотна⁵⁹. В архиве были найдены размеры одеял (длина 2 аршина 14 вершков, ширина 2 аршина), простынь, наволочек и т. п.⁶⁰.

Небольшие туалетные столики под красное дерево имели откидную крышку с зеркалом⁶¹. Зеркало было оправлено в раму красного дерева. Под откидной крышкой находились гнезда для жестяного таза, жестяной кружки с крышкой для воды и костяной мыльницы с крышкой.

Туалетные столики (они же и ночные) по контракту выполнял мастер Кисти, а таз, кружку и мыльни-

цу — мастер Петр Гань⁶². Жестяные принадлежности к туалетному столику были окрашены «бланжевой» (телесного цвета) краской. К туалетному столику относились синие стаканчики (с блюдцами) для полоскания рта, зубные щетки, костяные гребни и щипцы для завивки волос. Ведро для сливания воды из тазов в спальнях не стояли. Чистую воду для умывания приносили солдаты-инвалиды, они же делали уборку после умывания.

Конторка и комод для спальни воспроизведены в 1973—1974 годах по образцу подобной мебели и изобразительному материалу, имеющимся в Павловском дворце-музее и в Русском музее. За образец туалетного столика был взят столик М. И. Кутузова, находящийся в Пушкинском заповеднике в доме Вульф (Тригорское).

Стул полагался в спальне простой, крашеный. Его выполнили по образцам стульев конца XVIII века.

Окно в каждой спальне имело снаружи до половины железную решетку и со стороны комнаты завешивалось занавесью. Счета на приобретение материала для занавесей имеются в архивах⁶³.

Но как же было окончательно установлено и подтверждено главное — местонахождение комнаты А. С. Пушкина? Уже цитировались воспоминания И. И. Пущина, где он указывает этаж, номер комнаты поэта, упоминает о перегородке, о глухой стене, о том, что был единственным соседом Пушкина. При подготовке работы по реконструкции Музея-Лицея были просмотрены архивные документы начиная с 1811 года. Все сведения Пущина подтвердились. Первых воспитанников Лицея поселили в центральной части здания, подальше от входных дверей, поэтому «глухая стена» могла быть только у одной из арок коридора.

В письме И. В. Малиновского к С. Д. Комовскому от 19 ноября 1870 года не только перечислялись все номера комнат с именами их владельцев, но и отмечалось, какие из комнат были окнами «ко дворцу», а какие «в ограду», то есть в сторону Знаменской церкви. То, что комната Пушкина выходила окнами на дворец, видно из его «Послания к Юдину»:

Меж тем, как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и левой
Разбросив рифмы здесь и там,

Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сиянье
Гусар промчался под окном...

Уже упоминалось, что Николай Павлович Анциферов в 1920-х годах, живя в перепланированном Лицее, выяснял, где же именно находилась комната Пушкина. Он просмотрел не только мемуарный, но и архивный материал (планы всех этажей Лицея из Детскосельского городского архива, но лишь с 1832 года). Анциферов поставил цель определить точно, откуда шла нумерация лицейских комнат. Иван Пущин, когда его подвели к комнате № 13, рассуждал Анциферов, опираясь на воспоминания друга Пушкина, должен был находиться лицом к дворцу, налево же была комната № 12. Следовательно, делал он вывод, нумерация комнат шла со стороны Александровского парка. Таким образом, комната Пушкина справа граничила с комнатой Ивана Пущина, а слева имела глухую стену и должна была примыкать к стене одной из шести арок коридора. Уточнив все связанное с нумерацией, Анциферов определил местонахождение комнаты-кельи А. С. Пушкина: четвертое окно от арки (в сторону дворца). Но здесь надо вспомнить, что это окно делилось на две половины и выходило одновременно в комнаты Пушкина и Пущина.

Летом 1928 года Н. П. Анциферов сделал сообщение в Пушкинском Доме о результатах своих поисков.

Но нельзя было пренебречь данными И. В. Малиновского, который в письме к С. Д. Комовскому упоминает о переселении старшекурсников в связи с появлением в 1815 году в Лицее младшего курса — двадцати одного человека и сообщает тут же, что новых номеров он, за давностью более шестидесяти лет, не припомнит, кроме своего нового — № 1 (вместо прежнего — № 7). Конечно, Малиновский мог иметь в виду переселение только некоторой части воспитанников, а многих это могло и не коснуться.

В одном из писем Вильгельма Кюхельбекера, где он рассказывает о праздновании лицейской годовщины 1818 года, есть свидетельство, подтверждающее это. Он отмечал: «...многие из нас бродят по родным, по заповедным местам, где провели мы лучшие годы своей жизни... иной сидит в той же келье, в которой сидел шесть лет. Забывает все, что с ним ни случилось со времени

его выпуска, и воображает себе, что он тот же воспитанник, тот же еще лицейский...» Тем самым В. К. Кюхельбекер утверждает, причем всего лишь через год после окончания Лицея, что все шесть лет каждый провел в своей комнате.

Когда отмечалось 25-летие со дня основания Лицея (в 1836 году), между бывшими воспитанниками пушкинского выпуска началась оживленная переписка. М. Л. Яковлев подписывался № 39, М. А. Корф — № 8, А. С. Пушкин № 14, то есть номерами своих комнат. И. И. Пущин, например, совсем не упоминает о переселении из комнаты в комнату, и, судя по его запискам, он всегда в течение шести лет жил рядом с Пушкиным. В 1834 году А. С. Пушкин писал М. Л. Яковлеву: «Ведь у тебя празднуем мы годовщину? Не правда ли? № 14». И в октябре 1836 года А. С. Пушкин в письме М. Л. Яковлеву вновь подписался: «№ 14».

Все эти материалы позволили убедиться в точности данных И. И. Пущина и выводов Н. П. Анциферова и воспользоваться ими в ходе реставрации.

6 июня 1974 года перед почетными гостями и посетителями Мемориального музея Лицея впервые предстали восстановленные в своем прежнем облике спальня, коридор и восемь комнат воспитанников: Пушкина, Пущина, Матюшкина, Вольховского, Кюхельбекера, Яковлева, Есакова и Костенского, расположенные в непосредственной близости друг от друга.

Со временем можно воссоздать полностью и оборудовать (по аналогии с реконструированными спальнями) все остальные комнаты, и в первую очередь «кельи» Дельвига, Горчакова, Корсакова, Данзаса.

**Комната дежурного
гувернера** Эта комната также находится в спальном коридоре. Она обставлена предметами старины: кушетка,

столик с выдвигаемыми ящиками, стол для умывания, кувшин (начало XIX века) и таз для умывания (конец XVIII века). На стене — старинный шандал со свечой (XVIII век). На столе — воссозданные по образцам того времени подсвечники и щипцы для снятия нагара со свечей.

В этой комнате попеременно могли находиться С. Г. Чириков, Ф. П. Калинич или еще не упомянутый нами Карл Борисович Мейер, поступивший на службу в Лицей в 1814 году.

Квартира Чирикова Сергей Гаврилович Чириков, лицейский учитель рисования, жил в галерее, то есть в арке над лицейской библиотекой. Если подняться по парадной лестнице на четвертый этаж, то по левую сторону спального коридора мы увидим дверь, ведущую в помещение над библиотекой. Это дверь в квартиру Чирикова.

Как и все одинокие наставники, он занимал в здании две комнаты. Они располагались над лицейской библиотекой и соответственно занимали такую же площадь.

М. П. Руденская предложила свой художественный замысел (проект) воссоздания обстановки комнат Чирикова, его воплощение не представляет больших трудностей. Интерьер может быть в какой-то мере типичным для квартир одиноких чиновников при учебных заведениях и в то же время должен соответствовать духу его обитателя — художника и поэта.

Несколько ступенек вели в длинное помещение, которое могло делиться на две, по-видимому неравные, части легкой перегородкой или даже занавесью, а может быть, и просто ширмой. Ближе к входу большая половина — гостиная, дальняя, меньшая, — спальня.

В гостиной, скорее всего, находилась мебель красного дерева (или напоминающая его по окраске), полученная в 1811 году от дворцового ведомства на «первое обзаведение Лицея» и частично поступившая в пользование преподавателей и чиновников.

Кушетка (диван), книжный шкаф, круглый стол, подсвечники. Возможно, здесь стоял и рисовальный столик с откидной крышкой или мольберт.

За перегородкой или ширмой находились кровать (известно, что несколько кроватей с пологом были также получены от дворцового ведомства), туалетный столик, подсвечник.

Стены должны иметь светло-зеленую окраску, как в коридоре и спальнях, и оконные рамы — желтого цвета. На окнах висели, по-видимому, белые миткалевые занавески и зеленые портьеры. Здесь были две угловые печи.

В зимнее время двусветная квартира Чирикова, имевшая десять окон, была холодной, и с западной стороны на зиму окна или часть окон могли быть заделаны войлоком. Из небольших окон этой квартиры открывается необыкновенно притягательный по красоте вид на город, старинный тракт и парк.

Свои лучшие в жизни лицейские годы, своих близких друзей и своих наставников, которым он всегда оставался признателен и благодарен, вспомнил А. С. Пушкин в стихотворении «19 октября» 1825 года. Эти строки обращены и ко всем тем, кто создавал возможность юным воспитанникам Лицея быть счастливыми в его стенах:

Наставникам, хранившим юность нашу,
 Всем честию, и мертвым и живым,
 К устам подъяв признательную чашу,
 Не помня зла, за благо воздадим.

Обойдя все помещения Мемориального музея Лицея, мы попадаем вновь на парадную лестницу и, покидая стены здания, выходим на его парадное крыльцо. Перед нами возникает дорога вдоль набережной канала, за которой в летнее время плотной зеленой стеной стоят старые деревья. Там, за этими «стариками», начинаются воспетые поэтом дубравы и «липовые своды», готовые принять и нас под свою «дружескую тень»...

А. С. Пушкин стремился побывать в Лицее и после окончания его, а когда жизнь надолго отрывала поэта от родных мест, от Лицея, он возвращался сюда мысленно. В маленьком стихотворении 1829 года он уносился воспоминаниями в лицейские годы:

Зорю бьют... из рук моих
 Ветхий Данте выпадает,
 На устах начатый стих
 Недочитанный затих —
 Дух далече улетает.
 Звук привычный, звук живой,
 Сколь ты часто раздавался
 Там, где тихо развивался
 Я давнишнею порой.

*Сады прекрасные,
под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею
главой.*

*А. С. Пушкин.
Воспоминания в Царском Селе (1829)*

«ПРЕДЕЛ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ»

В Царское Село — «в сады Лицея» — Пушкин возвращался неоднократно на протяжении своей жизни.

Он шел сюда «на поклонение» святым для него местам. Поэт совершал путешествие в бесконечно дорогое прошлое.

Он шел в «счастливый городок», как идут люди к чистому источнику, ища здесь не только воспоминаний, но и душевного обновления, даже исцеления:

*И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.*

Так писал А. С. Пушкин в 1829 году, посетив Царское Село впервые после девятилетнего перерыва, вызванного ссылкой сначала на юг, а потом — в Михайловское.

Пятнадцатилетним юношей Александр Пушкин создал свои первые «Воспоминания в Царском Селе», где «каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет...».

О Царском Селе Пушкин-лицеист писал и в своем дневнике, и в стихотворениях «Городок», «К Галичу», «Сон», «Осеннее утро». После окончания Лицея он также создает ряд произведений, посвященных дорогам его сердцу местам: «Дубравы, где в тиши свободы...», «Царское Село», «Воспоминания в Царском Селе», «Царско-сельская статуя», «В начале жизни школу помню я...», «Prologue». О «садах Лицея» поэт вспоминает в романе «Евгений Онегин», в повести «Капитанская дочка», в поэме «Гавриилиада». В стихотворении «19 октября» 1825 года он назвал Царское Село отечеством.

Царское Село воспевали еще поэты XVIII века. Как о «созвездии прекрасном» писал о Царском Селе (так оно тогда называлось) М. В. Ломоносов. Но воистину прославил Царское Село только гений Пушкина. Посвятили свои строки царскосельским местам и друзья поэта А. А. Дельвиг и В. К. Кюхельбекер. «Легкокрылый гений» Дельвига, его «нежная муза» тоже родились в Лицее, в царскосельских садах.

Прощаясь с Лицеем в мае 1817 года, Дельвиг обратился к друзьям:

Я редко цел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О царский сад, тебя ль забуду я?

Грустно звучит четверостишие Дельвига, записанное в альбом товарищу летом 1817 года:

Не мило мне на новоселье,
Здесь все увяло, там цвело:
Одно и есть мое веселье —
Увидеть Царское Село!

В. К. Кюхельбекер всегда дорожил памятью о Лицее, о городе юности. В продолжение всей своей жизни он, так же, как и Пушкин, стремился душой и сердцем в эти места. Посетив Царское Село в 1818 году, Кюхельбекер создает стихотворение «Царское Село», в котором описывает те памятные места царскосельского парка, где бывали вместе он, Пушкин и Дельвиг и где заключили они «тройственный союз, союз молодых певцов, и чистый, и священный».

Места прелестные, где возвышенных муз,
 И дивный пламень их, и радости святые,
 Порыв к великому, любовь к добру — впервые
 Узнали мы, и где наш тройственный союз,
 Союз молодых певцов и чистый, и священный,
 Всесильным навыком и дружбой заключенный,
 Был братскою каменой * укреплен!

В том же году в стихотворении «Отрывок» Кюхельбекер вновь вспоминает царскосельские места как «лучший мир», где «гуляло счастье среди лугов священных...». А через год, посетив Царское Село, поэт написал стихотворение «Мечта», в котором вспоминал «друзей отцветших лет». Но особенно примечательно письмо В. К. Кюхельбекера, написанное в 1830-х годах из сибирской ссылки своей племяннице А. Г. Глинке. В нем он мысленно летел к родным пенатам, перечислял все памятные места и заключал: «Словом сказать, тут нет места, нет почти камня, ни дерева, с которым не было сопряжено какое-нибудь воспоминание, драгоценное для сердца всякого бывшего воспитанника Лицея».

Еще в 1818 году в журнале «Сын Отечества» была опубликована заметка Вильгельма Кюхельбекера в форме письма под названием «Письмо лицейского ветерана к лицейскому ветерану».

Кюхельбекер рассказывал о дне 19 октября, который был для него днем веселья и радости, главным образом по случаю годового празднества основания нашего родного Лицея».

В письме к «ветерану» Кюхельбекер описывал, как бродили по родным, но заповедным царскосельским местам бывшие лицеисты, как навещали «в саду каждое знакомое дерево», каждый куст, каждую «тропинку», как обходили пруд, останавливались на розовом поле или в темных аллеях, окружавших павильон уединения. «Какую сладостную меланхолию вливала осень в мою душу, здесь, в родимом краю моем!» — восклицал Кюхельбекер.

А в шесть часов все собрались в одном из залов Лицея. Затем был бал и великолепный ужин, и прекрасная музыка звучала весь вечер. Свое письмо Кюхельбекер за-

* Одна из италийских нимф, обладавшая даром пророчества. Впоследствии камени стала одной из богинь — покровительниц искусств и отождествлялась с музой.

кончил словами: «19 октября для меня день необыкновенный и не только потому, что я бывший воспитанник Лицея, но и потому что я человек, что я Русской».

ДОМ ДИРЕКТОРА

Небольшое двухэтажное здание на бывшем Певческом переулке (ныне Лицейский переулок, 1) хорошо сохранило свой облик, как и два других дома рядом с ним, также принадлежавшие Лицею. Летом 1811 года здесь поселился первый директор Лицея В. Ф. Малиновский со своей многочисленной семьей.

Тогда это здание было значительно меньших размеров. К нему примыкал одноэтажный флигель, где помещались лицейские кухня и баня. Внутренняя планировка комнат была неудобна для большой семьи Малиновского.

Здесь В. Ф. Малиновский в октябре 1811 года радушно встречал каждого вновь прибывшего вместе с сопровождавшими его родственниками или знакомыми и отсюда направлял в Лицей. Вот как описывал свой приезд И. И. Пущин: «В Лицее все было готово, и нам велено было съезжаться в Царское Село. Как водится, я поплакал, расставаясь с домашними... Повез меня тот же дядя Рябинин, который приезжал за мной к Разумовскому. В Царском мы вошли к директору: его дом был рядом с Лицеем. Василий Федорович поцеловал меня, поручил инспектору Пилецкому-Урбановичу отвести в Лицей».

В. Ф. Малиновский всегда оставался отечески добр и справедлив к своим воспитанникам. Он многое сделал для развития их лучших духовных качеств. Здесь, в этом доме, первый директор прожил с семьей около трех лет. Здесь он и умер.

Егор Антонович Энгельгардт прожил в доме рядом с Лицеем более трех лет.

Назначенный в январе 1816 года директором Лицея Е. А. Энгельгардт, так же, как и первый директор, имевший многочисленную семью, обратился к министру с прошением не только отремонтировать «неудобный для жилья дом директора», но и перестроить его. Тогда-то к нему был присоединен флигель, занятый баней, и надстроен второй этаж под жилые комнаты, а в нижнем оборудовали кабинет и кухню. Баню построили отдельно, во дворе. Во время ремонта он жил в доме Сакера.

В архиве Пушкинского Дома находятся рисунки лицеиста А. Белухи-Кохановского, изображающие дом со стороны сада, куда выходил балкон, ныне не существующий¹. На балконе часто пели хором воспитанники Лицея.

Фронтон подъезда директорского дома Энгельгардт украсил гербом Лицея, сохранившимся до сих пор.

ДОМ ТЕППЕРА

Дом учителя пения — небольшой, но уютный особняк вблизи Лицея. Он существует и поныне на углу улиц Пролетарской (№ 1) и Коммунаров (№ 6) *.

Это также одно из пушкинских памятных мест города. Л.-В. Теппер де Фергюсон собирал воспитанников и педагогов Лицея на музыкальные вечера. М. Корф вспоминал, как по вечерам учитель «обыкновенно зазывал к себе» кого-нибудь из воспитанников, человек трех или четырех, и тогда пили у него чай, болтали, пели и музицировали, и «эти простые вечера» были юношам «чрезвычайно по вкусу». Вильгельм Петрович жил здесь со своей женой, дочерью петербургского банкира Жаннетой Ивановной, урожденной Севериной, и племянницей ее Жозефиной Вельо (жена Теппера и жена придворного банкира Вельо были родными сестрами).

Сестры — Софья, воспитывавшаяся у родителей, но часто бывавшая в доме Теппера, и Жозефина — были необычайно хороши собой, и многие воспитанники, по видимому и Пушкин, были увлечены ими.

«По воскресеньям в доме учителя пения происходили литературные беседы, задавались темы, на которые готовились к следующему воскресению несколько сочинений, и, таким образом, совершались литературные состязания, на которых Пушкин первенствовал», — рассказывал М. Л. Яковлев.

«Добрый Теппером», «нашим почтенным другом», «превосходным виртуозом и столь же превосходным человеком» называл В. К. Кюхельбекер своего учителя.

«Теппер де Фергюсон был сыном богатого, потом разорившегося банкира и учил нас в последний только год,

* Ныне здесь размещается районное бюро загса и торжественный зал бракосочетаний.

не музыке собственно, а лишь только пению», — рассказывал М. Корф. В Царскосельский лицей в качестве преподавателя пения Теппера пригласил его большой друг Е. А. Энгельгардт. Стоит отметить, что Теппер, вопреки утверждениям М. Корфа, обучал воспитанников Лицея бесплатно.

Людвиг Вильгельм Теппер де Фергюсон привлекал к себе не только как талантливый музыкант и композитор, но и как высокообразованный, артистичный и обязательный человек. Он много сделал для развития музыкальных вкусов учеников.

До приезда в Петербург (около 1800 года) Теппер восемь лет провел в Вене, истинном «музыкальном царстве Европы», где в это время жили Гайдн, Моцарт, Бетховен, Сальери. Он увлеченно занимался музыкой и брал уроки у известного педагога.

Он путешествовал по Европе, когда его отец в 1794 году разорился и умер, вероятно покончив с собой. Теппер после смерти отца становится музыкантом-профессионалом. Он получает известность и как композитор. Его произведения пользуются популярностью у избалованной венской и гамбургской публики.

Известно, что русские редко ездили за границу искать славы и тем более редко там ее находили. Зато Россия уже с начала XVIII века стала страной, куда устремились из-за рубежа большие таланты, неудачники и просто искатели легкого успеха. И Россия принимала их всех, порой с большим радушием, чем многие из них того заслуживали, иногда даже в ущерб отечественным талантам. Для многих же талантливых людей Россия становилась второй родиной, где они начинали творить и получали признание. Их имена уже звучали по-русски, а сами они прочно вращались в русскую почву.

Один из интереснейших музыкантов Европы, Теппер де Фергюсон жил и творил в эпоху, богатую великими композиторами. Его жизненная дорога пролегла где-то рядом с ними, но перекрестились ли пути, произошли ли интересные встречи? Может быть. История жизни лицейского учителя еще не раскрыта до конца, порой она кажется полной приключений, резких перемен. Во многом она трагична.

Вскоре после приезда в Петербург Теппер поселился в Царском Селе, недалеко от дворца и от Лицея. Это

единственное известное местожительство Теппера в России*.

Начиналась новая глава жизни музыканта. Выступления Теппера в Петербурге проходили с большим успехом. В 1812 году его назначают придворным капельмейстером. В Петербурге продолжается не только концертная деятельность Теппера, он создает здесь ряд новых музыкальных произведений, изучает русскую музыку. В одном из петербургских издательств были напечатаны в 1806 году его фортепианные вариации на тему русской песни «В темном лесе». Первые издания произведений Теппера датированы 1796 годом. Издателями его были крупные и широко известные фирмы Вены, Гамбурга и Петербурга. В собраниях Ленинграда насчитывается свыше сорока произведений композитора, включая рукописи и рукописную копию. Существует опубликованный в 1814 году в Лейпциге далеко не полный список произведений Теппера.

Композитор писал в различных жанрах, главным образом фортепианную и вокальную музыку. Еще в 1797 году он создал кантату для хора в сопровождении фортепиано на слова «Оды к радости» Шиллера. По всей вероятности, это одно из первых музыкальных произведений на этот текст.

С переездом в Петербург в творчестве композитора появляется новый жанр — сценическая музыка. Он поставил в Петербурге несколько опер и оперетт, шедших с большим успехом. В вокальном творчестве Теппер обращался и к романсу и к песне. Им были также написаны «Романсы Дон Кихота». По утверждению ленинградского музыковеда А. М. Ступеля, Теппер, несомненно, стоял выше многих своих более известных современников, его жизнеутверждающее, ясное творчество и сейчас может еще привлечь слушателей своей искренностью, а исполнение его произведений — «воскресить одну из привлекательнейших страниц русского столичного музицирования начала прошлого века».

В августе 1817 года Теппер зачислен в штатную должность преподавателя в Лицейский благородный пансион. В Лицее Теппер служил до середины 1819 года.

* Итальянский художник XVIII века Бернардо Белотто (Каналетто-младший) запечатлел дом банкира Теппера в Варшаве на картине «Медовая улица» (Варшава, Национальный музей).

Композитор принес с собой в Лицей моцартовские традиции — благородство музыкального вкуса, изящество, чувство меры. Несомненно влияние Теппера на гениального юношу Пушкина. И может быть, не случайно именно к Моцарту Пушкин впоследствии дважды обращался в своем творчестве.

Хоровые занятия, которые организовал в Лицее Теппер, необыкновенно способствовали музыкальному развитию воспитанников. В хоре соединились оба курса Лицея, старший и младший, что не допускалось ни на лекциях, ни на отдыхе. Пением занимались все, независимо от способностей. Хор разучивал светскую и духовную музыку. В 1816 и 1817 годах воспитанники часто «певали у директора на балконе».

9 июня 1817 года под управлением своего учителя хор Лицея пропел «Прощальную песнь» Теппера на слова А. Дельвига, «священную тризну разлуки и обетов» будущей жизни. Это патриотическое сочинение, исполненное тонкой лирики, явилось средоточием «лучших заветов и клятв», стало затем на многие годы гимном Лицея.

После разгрома декабрьского восстания 1825 года, в период реакции, в «Прощальной песни» правительство услышало призыв к борьбе. Ведь песнь напоминала о первом курсе Лицея, о декабристах Пущине, Кюхельбекере, имя автора ее слов — Дельвига — было под подозрением.

Постепенно песню «выживают» из Лицея. В 1830 году в Лицее было отменено преподавание пения, и, видимо, тогда же прекратилось и исполнение «Прощальной песни...». «Начальство уже давно запретило петь и знать „Шесть лет...“», — сообщал В. Вольховскому Е. А. Энгельгардт в 1835 году. Этим запрещением было подчеркнуто ее политическое звучание.

Но Энгельгардт не сдавался. В 1835 году были пзданы ноты и слова песни (текст впервые был опубликован в «Сыне Отечества» еще в 1817 году). За разрешением Энгельгардт обратился к выпускнику Лицея цензору В. Н. Семенову, который не смог отказать своему бывшему директору. И Энгельгардт с удовольствием пишет в Тифлис Вольховскому: «Посылаю тебе поминок — «Шесть лет», хотя ты и не из числа отличнейших певцов, но не менее того тебе приятно будет иметь у себя этот остаток прежнего доброго времени, а может быть,

еще и есть у вас какой-нибудь хор кантонистов, которые могли бы даже и спеть. Пусть бы чувства и звуки, наполнявшие в 1817 году залу Лицея, раздались в 1835 году в Тифлисе».

В 1860-х годах «Прощальная песнь» начинает звучать вновь. В 1865 году ее исполняют в годовщину основания Лицея, а в 1899 году — на торжественном акте в честь столетия со дня рождения Пушкина.

«Прощальная песнь» явилась своеобразным итогом творчества Теппера. Проникновенным словам Дельвига, гражданственной направленности ряда куплетов соответствовала возвышенная и поэтическая музыка. В 1818 году Теппер пишет музыку к лицейскому спектаклю «Детство Жан-Жака Руссо».

Тогда же появилось и произведение для хора, о котором Вильгельм Кюхельбекер писал: «Музыка, исполненная чувства и выражения, достойна нашего почтенного друга, доброго Теппера». В дальнейшем Теппер, занявшийся педагогической работой, не создал значительных произведений.

В 1817 году Энгельгардт сообщил Федору Матюшкину, что Теппер разбогател, получив большое наследство после старухи тещи. В мае 1819 года Энгельгардт обращается к министру с просьбой об увольнении Теппера на некоторое время в связи с поездкой за границу «для поправки расшатанного здоровья». Но богатство не принесло счастья Тепперу, не принесла ему радости и поездка. Она оказалась трагической. Он выехал из России с женой и племянницей Жозефиной. В Париже Жозефина погибла, выпав из окна. Вскоре умерла и жена музыканта.

Теппер вернулся в Царское Село в свой опустевший дом. 14 сентября 1823 года Энгельгардт писал Кюхельбекеру: «Теппер здесь. Схоронив в Париже Joséphine, в Дрездене — жену, он возвратился сюда один и тяжело чувствует, что один на свете; его положение очень жалкое». Это последняя из дошедших до нас вестей о лицейском учителе пения, об этом, по словам П. А. Плетнева, «вдохновенном старике».

Но жива до сих пор «Прощальная песнь» Теппера и Дельвига, и она является подлинным памятником талантливым ее создателям.

Теппер умер, скорее всего, в Царском Селе и, видимо, был похоронен на Казанском кладбище. Неизвестна

дата рождения Теппера (источники называют и 1750 и 1775 год), неизвестна и дата смерти. Не сохранились и его портреты.

Имя, несправедливо забытое, как и многие имена этого богатого талантливыми музыкантами времени, может быть, не всплыло бы и сегодня, но история Пушкинского Лицея, одного из прогрессивных учебных заведений России, бросает свет на всех, кто прививал лицеистам идеи добра, справедливости, способствовал развитию в них чувства прекрасного.

Район, прилегающий к Лицею, — Лицейский переулок и почти вся набережная — Комсомольская улица (бывшая Садовая), — сохранился в своем первоначальном виде. Долго сохранялись и лещадные плиты набережной, теперь они заменены гранитными. Только асфальт, словно скрывший булыжную мостовую, нарушает исторический облик этого города. Видимо, вблизи Лицея был и домашний театр графа Толстого, который посещали воспитанники Лицея, и дом банкира Вельо, некогда запечатленный В. Лангером. Эти здания не сохранились.

ДОМ КАРАМЗИНА

Дом историка на Комсомольской улице, 9, как и директорский дом, был угловым: дом директора — на углу Лицейского переулка и Комсомольской улицы, а дом Карамзина — на другом углу Комсомольской и улицы Труда (бывшей Леонтьевской), вблизи от дома директора.

Н. М. Карамзин поселился здесь с семьей в мае 1816 года. Он приехал из Москвы, чтобы получить разрешение на печатание восьми законченных томов «Истории государства Российского». По воспоминаниям литератора М. П. Погодина, юный Пушкин «всякий день, после классов, прибегал... к Карамзиным из Лицея» и проводил у них вечера. Он читал книги из его «отборной и обширной библиотеки, в то время как хозяин занимался за письменным столом». Стол Карамзина, обыкновенный, небольшой, из простого дерева, был весь завален бумагами и книгами. Книжки лежали всюду — и на стульях, и на полу. Здесь и проходили долгие беседы шестнадцатилетнего Пушкина и пятидесятилетнего историографа.

Из уст Карамзина слышал здесь юный поэт многие страницы «Истории государства Российского», а в 1818

году он охарактеризовал в нескольких строках эту его «повесть древних лет» в стихотворении «Жуковскому» (первоначальный вариант).

Пушкинские строки произвели огромное впечатление на старшее поколение поэтов. Образность выражения «в дыму столетий» поразила П. А. Вяземского, и он писал Жуковскому, которому Пушкин посвятил стихотворение: «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. «В дыму столетий!» Это выражение горю. Я все бы отдал за него, движимое и недвижимое. Какая бестия!.. Этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших... Державин испугался бы «дыма столетий»... О прочих и говорить нечего».

Вот как в этом стихотворении вспоминал Александр Пушкин те мгновения и часы, что запечатлелись в его душе, когда он, еще воспитанник Лицея, читал рукопись Карамзина:

Смотри, как пламенный поэт,
Внимаем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!
Он духом там — в дыму столетий!

И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной...
И в нем трепещет вдохновенье!

Позднее А. С. Пушкин отбросил эти строки, по-видимому, по причине расхождения взглядов поэта и историка, защищавшего необходимость «самовластья и прелести кнута». «Карамзин под конец был мне чужд», — писал Пушкин П. А. Плетневу в 1831 году. Но идейное отчуждение не помешало Пушкину признавать достоинства его как ученого-историка и как писателя, совершившего свой подвиг — создавшего крупнейший исторический труд.

К драме «Борис Годунов» поэт сделал посвящение: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин».

Дружба Пушкина с семьей Карамзина продолжалась всю его жизнь. У Карамзина Александр Пушкин встречал и В. А. Жуковского и А. И. Тургенева.

Здесь же, в доме Карамзина, познакомились семнадцатилетний Пушкин и двадцатидвухлетний лейб-гусар Петр Яковлевич Чаадаев, живший тогда в Софии. Общение с Чаадаевым оставило глубокий след в жизни поэта. Чаадаев, впоследствии член Союза благоденствия, отличался глубоким умом, смелостью взглядов, силой убеждения.

СОФИЯ. ЗДАНИЕ ЛИЦЕЙСКОГО ПАНСИОНА

Ныне это часть города Пушкина*. Вернувшийся из заграничных походов лейб-гусарский полк был расквартирован в Царском Селе, в Софии, — так называлась и по традиции называется сегодня та часть города, где находится Софийский собор и где жили преимущественно военные.

Пушкин и его товарищи бывали среди военной молодежи, у гусаров, любивших собираться на дружеские вечеринки, где, как писал Пушкин в 1817 году в стихотворении «К Карамзину», дружно уживались книги с бокалом, высокие мысли с «безумной шалостью». Пушкин подружился с людьми веселыми, остроумными, либерально настроенными — П. П. Кавериним, П. Х. Молоствовым, Я. И. Сабуровым, но особенно прочной оказалась дружба с Н. Н. Раевским.

В 1824 году в черновом наброске стихотворения «К Сабурову» Пушкин вспоминал «сердцем истинных гусаров», среди которых провел он круглый год: с Кавериним — гулял, с Молостровым — «бранил Россию», а со своим Чаадаевым — читал...

Впоследствии А. С. Пушкин обратился к Чаадаеву с проникновенными стихами как к ближайшему, единственному, неизменному другу и «целителю душевных сил».

В Софии долгое время сохранялись жилые дома XVIII — начала XIX века. С конца 1950-х годов большинство их снесено или перестроено.

Здание Царскоесельского лицейского благородного пансиона было создано архитектором В. П. Стасовым из пяти отдельных домов в 1814 — 1820 годах. Это здание находится на углу бульвара Киквидзе (бывшей Кадетской

* Город София был объединен с придворцовой слободой Сарским Селом по указу от 29 августа 1808 года, когда был учрежден единый уездный город Царское Село.

улицы) и Парковой улицы, называвшейся прежде Волконской, на которую и обращено главным фасадом. Ныне здесь размещается Высшее военно-морское инженерное училище имени В. И. Ленина.

МАНЕЖ И КУПАЛЬНЯ

Из других памятных мест города необходимо указать на здание бывшего манежа на углу улиц Комсомольской и 1 Мая (бывшей Конюшенной), где воспитанники Лицея обучались верховой езде. Ныне здесь размещается спортивная школа.

Энгельгардт заботился о гармоническом развитии воспитанников.

«...Согласно постановлению о Лицее, — писал Энгельгардт министру в 1816 году, — надлежит обучать воспитанников верховой езде и плаванию. И то и другое искусство весьма полезное для укрепления физических сил молодого человека, а верховая езда в особенности необходима для будущего офицера. Имея в Царском Селе манеж, потребно бы только завести несколько манежных лошадей и определить берейтора, коему жалованье по штату положено... Для плавания определить на летние месяцы двух или трех надежных матросов и дозволить воспитанникам... пользоваться в назначенные дни имеющеюся в Саду большою купальнею. За плату сим матросам имеетя сумма штатная»².

31 октября 1816 года состоялось заседание Конференции Лицея, на котором было заслушано предписание управляющего министерством просвещения А. Н. Голицына. Он поручал директору Лицея отнестись к полковому командиру лейб-гусарского полка генерал-майору Левашову, чтобы он назначил, кто именно и в какие часы будет обучать воспитанников верховой езде. «Мы стали ходить два раза в неделю в гусарский манеж, где на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабенау, под главным руководством генерала Левашова», — вспоминал И. И. Пущин.

Деревянная купальня, где воспитанники обучались плаванию, находилась в Екатерининском парке вблизи Большого пруда. Она была построена архитектором Д. Кваренги в конце XVIII века. По инициативе Е. А. Энгельгардта ее передали Лицею³. После Великой Отечественной войны и до середины 1960-х годов в ней

располагался так называемый Зеленый театр. В настоящее время купальня не существует: место это превращено в луг.

ПУШКИНСКИЕ ПАРКИ

Памятными пушкинскими местами являются и парки города. Прежде всего это относится к воспетым поэтом Екатерининскому, Александровскому и к отдаленному Баболовскому паркам. Пушкин посвятил восторженные строки памятникам русской военной славы — Морейской и Чесменским колоннам, Кагульскому обелиску.

Впоследствии с памятью Пушкина в Царском Селе стали особенно связывать и воспетую им царскосельскую статую — фонтан «Девушка с кувшином» работы скульптора П. П. Соколова. Этот фонтан, воздвигнутый у прозрачного источника, — бронзовая статуя, изображающая юную девушку, грустно сидящую на камне перед осколками разбитого кувшина, вдруг потерял свою изначальную символику, связанную с басней Лафонтена, и стал романтическим символом утрат: словно юная муза вечно грустит о поэте, навсегда покинувшем царскосельские сады...

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Многие царскосельские красоты — памятники, аллеи — остались неназванными поэтом, но он так живописует их, что более чем через полтора столетия они узнаются сегодняшними посетителями памятных пушкинских мест.

Конечно, время изменило и город, и «сады прекрасные» — «царскосельские хранительные сени», с их «священным сумраком» и тишиной.

В 1960-х годах началась реконструкция регулярной части Екатерининского парка, чтобы приблизить его облик к середине XVIII столетия. Перестройка парка началась почти одновременно с реконструкцией Лицея. В преддверии открытия Мемориального музея Лицея близлежащая к нему часть парка потеряла характер, присущий ему в пушкинское время, и представляла уже иную эпоху, отдаленную по времени от пушкинских «садов Лицея». Нарушилось существовавшее прежде как бы естест-

венное слияние атмосферы Лицея и парка, их вековая гармония, так тесно связанные с творчеством Пушкина. Ведь недаром парки города имеют и иное, общее название — Пушкинские.

Пейзажная часть парка сохранилась почти такой, какой была при Пушкине, исключением является лишь Собственный садик и павильон Турецкая баня, возникшие значительно позже.

Александровский парк в целом лучше сохранил облик пушкинского времени. Перед Александровским дворцом, восхищающим простотой и гармонией своих величавых форм, по сторонам небольшой лестницы, ведущей на двойную колоннаду, стоят две статуи (скульпторов А. В. Логановского и Н. С. Пименова), некогда они были представлены на выставке в Академии художеств, где привлекли внимание Пушкина, поместившего в «Художественной газете» в декабре 1836 года в № 9 — 10 два стихотворения: «На статую играющего в свайку» и «На статую играющего в бабки»:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
 Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
 Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
 Врозь расступись; не мешай русской удамой игре.

С довоенных лет в пушкинских парках проходит большой праздник: отмечается 6 июня — день рождения поэта. Особое звучание этот день приобрел с 1949 года, после открытия Мемориального музея Лицея и Всесоюзного музея А. С. Пушкина (в Александровском дворце, а с 1967 года — во флигеле Екатерининского дворца). Эти пушкинские торжества, театрализованные зрелища на темы пушкинских сказок и поэм привлекают множество гостей и туристов. У памятника Пушкину-лицейсту звучат стихи поэтов прошлых лет и современных.

«СЧАСТЛИВЫЙ ГОРОДОК»

С такой любовью воспетое Пушкиным Царское Село, постепенно изменялось уже во времена поэта. Это видно и из переписки Е. А. Энгельгардта с Ф. Матюшкиным.

Отправляясь в июле 1817 года из Царского Села в Москву, чтобы встретиться с матушкой, которую не видел шесть лет, и прощаясь с Е. А. Энгельгардтом, Федор Матюшкин очень огорчался, что должен покинуть родные места:

В своих путевых заметках он записал: «Я не хотел оставить Царское Село, но оно скоро скрылось...» На обратном пути из Москвы Матюшкин запечатлел панораму Царского Села, какой она предстала его взору 30 июля 1817 года: «Город лежит на горе: все улицы, все дома видны. Мне казалось, что я давно там не был. С удовольствием смотрел я на высокие златоглавые церковные купола, на белые красивые домики, искал глазами тот, где живет мой благодетель, мой наставник (Е. А. Энгельгардт. — С. Р.), где живет его любезное семейство; нашел его — я не мог спустить глаз с него... Я забыл Москву, когда увидел Царское Село».

В июне 1821 года Е. А. Энгельгардт писал Ф. Ф. Матюшкину не только о возрождении Лицея после пожара, но и описывал «блаженное Царское Село», которое стало неузнаваемым: «С приезда от Павловска выстроен великолепный дом графа Кочубея, против одного поставлены чугунные ворота, у Пансиона стоявшие; далее отстроено манеж — прекрасное строение! далее оранжерея — чудесное строение, а на будущий год предполагают отстроить весь ряд домиков от оранжереи до Лицея».

Таким образом, Энгельгардт описывал Садовую улицу вплоть до Лицея и те улучшения, что произошли здесь. В этом же письме он писал о Зверинце в Александровском парке, который превратился в «рай», «уже не говоря об украшении города, который невероятным образом увеличился и обстроился...»

МУЗЕЙ-ДАЧА А. С. ПУШКИНА

Через четырнадцать лет после окончания Лицея, летом 1831 года, А. С. Пушкин поселился с женой в Царском Селе на даче Китаевой, на углу Кузьминской и Колпинской улиц (ныне улицы Васенко и Пушкинской). Этот небольшой, деревянный, красиво поставленный дом своим фасадом обращен в сторону Александровского парка. Здесь помещается музей-дача А. С. Пушкина (Пушкинская улица, 2).

В один из июльских дней гулявшего в парке прославленного поэта увидел воспитанник Лицея Павел Миллер. Тогда Лицей готовился выпустить VI курс. Миллер, глубоко почитавший Пушкина, набрался смелости и подошел к нему: «Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич; но я внук вам по Лицею и желаю вам предста-

виться». Они продолжили прогулку вместе. Пушкин расспрашивал Миллера о Лицее, просил прислать ему из лицейской библиотеки журналы «Телескоп» и «Телеграф» и, наконец, пригласил юношу к себе в гости.

Павел Миллер несколько раз бывал на даче у Пушкина. Между ним и Пушкиным началась переписка. Известны четыре письма поэта, свидетельствующие о дружеской симпатии к юноше. В первом письме Пушкин приглашает Миллера вновь побывать у него, шутливо заверяя: «Внук очень тем обяжет ему сердцем преданного деда». «Преданный вам пращур», — подписал Пушкин другое письмо к Миллеру в сентябре 1831 года. Бывал Пушкин в это лето и в Лицее. Лицейские, мечтавшие увидеть поэта, несказанно радовались такому событию.

Я. К. Грот вспоминал о первом посещении Лицея А. С. Пушкиным и о том, с каким восторгом приняли его лицеисты, провожавшие «всем курсом и гурьбой» по всему Лицею. Обращение поэта с лицеистами было «совершенно простое, как со старыми знакомыми», «на каждый вопрос он отвечал приветливо», с участием расспрашивал о нынешнем лицейском быте, показывал свою бывшую комнатку и «передавал подробности о памятных ему местах».

ЛИЦЕЙСКИЙ САД

Сад расположен вблизи северного фасада Лицея и занимает небольшой, квадратной формы участок между Знаменской церковью, улицами Васенко, Коммунаров и Лицейским переулком. Около Лицейского сада, с северной его стороны, находится дом Теппера, с юго-восточной — дом директора Лицея.

Когда-то здесь была березовая роща, окруженная еще в 1784 году железной оградой. Во времена Пушкина рощу называли «оградой»⁴.

К «ограде» примыкала церковь Знамения (или Знаменская), построенная в камне по проекту архитектора М. Г. Земцова в 1734—1746 годах. Здание сохранилось, и его фасад реставрирован. Эта церковь была городской, и только в течение недолгого времени, уже в послепушкинские годы, она принадлежала Лицею. Пушкин и его товарищи из окон Лицея могли наблюдать возле церкви толпу горожан. По воспоминаниям И. И. Пущина, одну из возможных городских сценок Александр

Пушкин описал в лицейском стихотворении «От всеобщей вечер идя домой...».

В лицейские годы поэта между окружавшей Знаменскую церковь дикорастущей березовой рощей и зданием Лицея оставалась часть лицейской территории. Эта довольно узкая площадка между зданием Лицея и церковной оградой привлекательной не была. Лицейсты предпочитали тенистые парки или дальние загородные прогулки. В перерывах между занятиями они гуляли чаще всего по Екатерининскому парку (который они называли «садом») в сопровождении гувернера и дядьки.

Вблизи дворца шуметь запрещалось. Для игр воспитанникам было отведено Розовое поле — обширный луг, окаймленный кустами шиповника, на окраине Екатерининского парка, находившийся поблизости и с Александровским и с Баболовским парками.

Но Лицей нуждался и в своей территории.

Е. А. Энгельгардт, вступив на пост директора, сразу же стал хлопотать о передаче Лицею «церковной ограды». Название этого места — «ограда» — долго сохранялось.

Почти в центре «ограды»-рощи находился крытый колодезь, здесь была стоянка экипажей. В «ограде» устраивались ежегодные царскосельские ярмарки, поэтому на ее территории находились деревянные лавки для торговцев. Место это не могло использоваться ни для прогулок, ни для игр.

Энгельгардт очень беспокоился, что воспитанники Лицея «должны чинно, сложа руки, прохаживаться по аллеям сада». И он обратился к министру просвещения князю А. Н. Голицыну с письмом, в котором выражал беспокойство и твердую надежду получить «выпрямленную церковную ограду и встретить в оной весну»⁵. Но весна прошла, а «ограда» по-прежнему не была отдана Лицею.

В августе 1816 года Энгельгардт представляет Голицыну докладную записку: «Для здоровья и соответственного юношескому возрасту воспитанников упражнения, необходимо нужно при Лицее иметь пространное место, на коем бы воспитанники в хорошее время могли пользоваться свежим воздухом не только для забавы, но и для учебных занятий... Прилегающая к Лицею церковная ограда к сему весьма удобна»⁶.

Долго хлопотал Е. А. Энгельгардт о «церковной ограде». Разрешение «на отделение ее к Лицею» пришло только в 1818 году.

... Вскоре Энгельгардт писал Голицыну, что, получив его предписание от 4 сентября о том, что Лицею «всемилошвейше пожалован» сад, который будет отделан архитектором А. Менеласом, он пригласил последнего для «советования». Тогда же была составлена смета на отделку и планировку, подписанная Менеласом⁷.

А уже 10 ноября 1818 года Энгельгардт сообщал министру, что по «опробованному плану и рисунку, новая ограда вокруг сада ныне окончена за исключением двух железных ворот, которые уже делаются», и что вокруг церкви поставлен дощатый глухой забор. Энгельгардт замечал тут же, что «ограда, будучи вся построена из камня, теперь гораздо прочнее и величественнее...»⁸.

Ограда сада, выполненная по рисунку Менеласа, видимо, была красива. О ней можно судить в какой-то мере по описи, составленной для передачи зданий Лицея в дворцовое ведомство: «От обоих концов Главного строения двор и сад, принадлежащий к нему, окружен железною решеткою с каменными столбами и таким же цоколем с деревянными вазами и с фонарями на столбах. В саду устроен крытый колодезь...» Каждый фонарь с лампою и всеми приборами из чугуна стоили по пятьдесят рублей. Сооружение было достаточно дорогим.

В 1820 году Валериан Лангер — лицеист исполнил двенадцать литографированных (в цвете) видов Царского Села. Он изобразил и Лицейский сад с так называемой беседкой «Грибок». То, что воспитанники называли беседкой, по сути был колодезь с крышкой, над которым и была сооружена беседка в форме гриба. Этот крытый колодезь сохранился еще со времен ярмарок, только беседку над ним соорудили новую. Колодезь был удобен для Лицейского сада, здесь брали воду для его полива.

В 1821 году Энгельгардт сообщал Ф. Ф. Матюшкину: «...и наша бывшая, так называемая ограда, Лицейский сад, — очень разросся, и отдельные в нем садики воспитанников один другого лучше. Кроме садиков для забавы заведен у нас и садик ботанический по Линнеевой системе, заведен и рассадник для кустов и деревьев, которые мы на прогулках набираем, к себе пересаживаем и потом украшаем свои садики. — Будет ли все это продолжено после или нет — я не знаю, но сомневаюсь... Занятие природой смягчает сердце, возбуждает чувство, привязывает к природе; оно есть лучшее основание веры, ибо нет священнее, величественнее книги, как книга природы. На-

добно только сердце, которое бы умело в сей книге читать».

Известно, что I курс Лицея пользовался доброй славой и уважением всех последующих поколений лицеистов. В среде ветеранов Лицея образовался своеобразный культ Царского Села, Лицея и всех его памятных мест.

Друзья Пушкина, выпускники I курса, с согласия Е. А. Энгельгардта поставили в 1817 году в Лицейском саду на дерновом холме близ ограды мраморную плиту (или камень) с надписью «Genio loci», то есть гению, покровителю и родоначальнику этих мест, по некоторым сведениям, посвященную Александру Пушкину.

По древним поверьям, в том месте, где жил великий человек, остается его тень. Впоследствии М. Корф уверял, что это вовсе не был памятник Пушкину, а просто камень с надписью, придуманной романтическим Энгельгардтом в честь гения — покровителя этих рощ. У прежнего дома Энгельгардта в Царском Селе стоял якобы такой же камень с такой же надписью.

Постепенно памятник обветшал. В 1837 году, после смерти поэта, XI курс, с разрешения директора генерал-майора Д. Б. Броневского, восстановил его.

С эпитафией из Пушкина: «Куда бы нас ни бросила судьбина...» — А. Н. Яхонтов создает стихотворение «Genio loci»:

Таинственный и благодатный гений
Привольных мест, где был взлелеян я,
Где память первых сердца впечатлений
И где вторая родина моя,
Я — снова твой, я полон чувств старинных,
Прими опять под сень густовершинных,
Шумящих лип и вековых дубов!

Ты помыслы о высоте призванья
К добру и правде, юному, мне дал,
Ты светлые внушил мне упованья
И доблестей гражданский идеал;
Ты веяньем таинственным, но вятным
Берег меня от суеты и зла,
И под твоим нантьем благодатным,
Во мне любовь к прекрасному росла.

Я снова здесь — и в сердце благодарном,
Былые сны и грезы расцвели:
Здесь отроку, в сиянье лучезарном,
Явилась жизнь в прельстительной дали;
Впервые здесь зарей мне улыбался
Небесный свод — и в ширь к себе манил,

И полному отвагой юных сил
 Весь мир великим поприщем казался.

В развесистой тени родного сада
 Как медленно влачился мой досуг!
 Строга была лицейская ограда
 И тесен закодированный мой круг.
 Я рвал мои священные оковы,
 Не разумел, где — истина, где — ложь,
 И наконец на волю, к жизни повой,
 Как иступленный, вырвался — и что ж?!
 За каждый шаг, за каждую попытку
 Осуществленья юношеских грез
 Я выносил мучительную пытку,
 Я поглощал отраву горьких слез!

Теперь, когда минуты наслажденья
 И юности судьбою сочтены,
 Я у тебя пришел искать спасенья,
 О благодатный гений тишины!
 Я не умел, чем было, насладиться,
 Я расточал безумно жар души...
 О, научи, как с жизнью примириться,
 И тяжкие сомненья разреши:

Ужели благ высоких обаянье,
 Весь мир любви, искусства, красоты —
 Лишь бред пустой, слова без содержания,
 Лишь призраки ребяческой мечты?
 Ужель, как зыбь изменчивая моря,
 Непрочны в мире истина и честь,
 А вечность зла и жизненного горя —
 Одно, что в нем действительно есть?

И мне в ответ благоволящий гений:
 «Жизнь — труд и долг, а не веселый пир;
 Ницн же в них для сердца утешений,
 В них цель сама и твой душевный мир.
 Не испытай грядущего напрасно,
 Мимолетящим благом дорожи
 И, на лету схватив его, скажи:
 Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Видимо, связь памятника с именем Пушкина вызвала недовольство в верхах. Директору Лицея был послан запрос, по какому случаю поставлен в Лицейском саду памятник Пушкину и с чьего разрешения? Директор объяснил, что доска не имеет отношения к Пушкину и что это возобновленный, существующий со времен первого курса памятник «местному воображаемому гению».

«Genio loci» лицеисты стали особенно почитать после

смерти Пушкина. Весть о гибели его вызвала среди них истинное горе. Лицейсты просились на похороны, но безуспешно. Все они были необычайно взбудоражены и после появления стихов Лермонтова «Смерть поэта». Плита с лаконичной надписью приобрела тогда особое значение и стала восприниматься как первый памятник Пушкину, возстину гению тех мест.

Плита впоследствии была перевезена в Петербург, в сад Александровского лицея. Д. Ф. Кобеко, учившийся здесь с 1850 по 1856 год, еще живо помнил этот «остаток лицейской старины, помещавшийся в глубине сада, на правой его стороне». Затем камень куда-то исчез.

Во время празднования 50-летия Лицея прогрессивный журналист В. Р. Зотов, лицеист XI курса (впоследствии семнадцать лет хранивший у себя архив «Народной воли»), призывал разыскать этот памятник Пушкину, похищенный чьей-то кощунственной рукой, или возобновить его. В 1873 году вновь раздавались голоса о «загадочном» исчезновении камня, но найти его не могли...

«ИДУ НА ПОКЛОНЕНИЕ...»

Как и в старые времена, к Лицею сегодня можно идти по Кузьминской улице (ныне Васенко), ведущей от Египетских ворот. Налево старинный бульвар (ныне Октябрьский) с тремя аллеями: одна — для конных, другая — для пеших, средняя — для экипажей.

В этом месте, у развилки дорог с 1937 года стоит памятник А. С. Пушкину работы Л. Бернштама, созданный в 1911 году (находился до 1937 года в вестибюле здания Лицея). Этот бронзовый памятник был расстрелян фашистами, они метались в сердце поэта.

Ныне это место изменило свой исторический вид. Вместо одной дороги, проходившей через ворота, вокруг них создана круговая, объездная дорога. И бронзовый поэт стоит под древним вязом у развилки шумных дорог. Он как бы встречает и провожает всех приезжающих в город. Здесь много молодежи, студентов Сельскохозяйственного института, находящегося поблизости. Тут останавливаются экскурсионные автобусы с советскими и зарубежными туристами, такси с новобрачными, которые кладут здесь цветы и фотографируются рядом. Зимой и летом к подножию памятника протоптана тропка, и здесь всегда лежат свежие цветы. А в день Восьмого марта чьи-

то благодарные, наверное, женские руки из года в год кладут мимозы и тюльпаны. Это место, за которым с недавних пор разбит Пушкинский сад, стало одним из любимых мест, посещаемых пушкинцами. А на скамьях около памятника всегда отдыхают люди.

Построенные с использованием древнеегипетской тематики и иероглифистики, экзотические, монументальные Египетские ворота и бронзовый памятник Пушкину, стоящему в задумчивой позе, вместе с силуэтами Федоровского городка и собора, длинным зданием казачьих рот, построенным в русском стиле, с зеленью аллея, бульвара и противоположного луга с группами деревьев создают неповторимый по красоте, покоряющий своей необычной гармонией и поэтичностью ансамбль.

Вскоре улица приводит нас к красивому светлому двухэтажному дому с балконами — к даче поэта. Напротив нее еще один старый дом, давно перестроенный. За домом — костел. Еще один поворот улицы, и вот возникает величественный и строгий Александровский дворец. Колонны его, как светлые натянутые струны, кажется, способны исторгать музыку. А вдаль уже голубеет Екатерининский дворец и сверкают золотые купола дворцовой церкви, оттеняя простоту здания Лицея. В Лицейском саду — задумчивый бронзовый юноша... Лучше всего прийти к Лицею в тихий золотой осенний день. И сам поэт всегда стремился побывать в этих местах в дни, близкие к лицейской годовщине.

В плане вступительной части неосуществленного стихотворения «Prologue», написанного А. С. Пушкиным, по-видимому, незадолго до смерти, он словно намечает путь из Петербурга, от безымянной могилы друга — может быть, Дельвига — до Баболовского парка — окраины Царского: «...теперь иду на поклонение в Царское Село и в Баболово...»

Пушкин хотел побыть наедине со своей юностью, увидеть тени прошлого. Он шел на поклонение в святые для его сердца места. В «Prologue» звучит тема утрат. С Царским Селом связано все потерянное. Не случайно Пушкин упоминает здесь и имя Томаса Грея — автора элегии «Сельское кладбище»... Вспоминаются ему лицейские игры, уроки, а из товарищей — Дельвиг и Кюхельбекер. «Prologue», этот трагический набросок, остался как зыбкая, ускользающая тень нового поэтического произведения, зреющего в сердце и мыслях поэта. Судя по

плану стихотворения, Пушкин собирался посвятить его Лицею, лицейским друзьям, наставникам, царскосельским встречам. В основу стихотворения, по-видимому, лег реальный факт посещения поэтом Царского Села в связи с годовщиной Лицея, ставшей в его жизни последней.

Какой же дорогой мог идти Пушкин от Лицея в Баболово? Конечно, он мог идти по Екатерининскому парку. Но есть и более короткая — Подкапризная дорога на Гатчину. Этой дорогой некогда, так же как и по Садовой улице, шло народное ополчение на борьбу с Наполеоном.

Подкапризная дорога, прямая и широкая, пролегает между Екатерининским и Александровским парками, соединяющимися между собой переходами-арками — Малым и Большим капризами, воздвигнутыми над этой дорогой. В конце дороги начинается старинный Баболовский парк.

Итак, Пушкин шел на поклонение в Царское Село, в «сады Лицея», и в Баболово. Почему же вдруг возникло и с такой силой прозвучало это название? Оно появляется у Пушкина только дважды. Один раз в связи с именем красавицы Софьи Вельо (стихотворение «На Баболовский дворец») и в «Ргоlogue», где оно занимает место, равное Царскому Селу, что звучит неожиданно... Почему поэта тянет именно сюда? Что связано с этими местами? Поэт оставил нам только план стихотворения. Он не осуществил задуманного. Но может быть, именно Баболово, тенистый парк, его пруды, аллеи, ключи, уединенный дворец, напоминающий старинный замок, широкие просторы с деревенькой вдали — все это вдохновило поэта на создание многих образов. «...La roésie — Баболово», — пишет Пушкин. Видимо, Баболово, которое Пушкин здесь сравнивал с поэзией, должно занять почетное положение среди памятных пушкинских мест.

Из Баболовского парка можно вернуться к Лицею вновь Подкапризной дорогой или более отдаленной Парковой улицей, огибающей Екатерининский парк. Пройти мимо Орловских ворот той частью города, что зовется Софией. Напротив Кадетских ворот покажется здание бывшего Лицейского благородного пансиона, у следующих ворот в парк мелькнет скромная старинная беседка. И хотя стихи Пушкина «Надпись к беседке» по традиции относят к Большому капризу, увенчанному мраморной беседкой, вряд ли это правильно. Молодые девушки графиня Наталья Ючубей или Екатерина Бакунина едва ли уходили в столь отдаленные уголки парка, на его окраи-

ны. Поэтому близость именно этой беседки (а их в парке было тогда только две) к Лицею позволяет думать, что она была воспета Пушкиным.

Вскоре Парковую улицу пересекает улица Маяковского, ведущая к Павловску. Если остановиться на пересечении этих улиц, то по правую сторону окажется Павловск, а по левую — Лицей, ибо улица Маяковского переходит в Комсомольскую.

Павловск знаменит своим огромным старинным парком, многочисленными павильонами и дворцом на холме над речкой Славянской. По этой дороге ходили воспитанники Лицея в Павловск, а более всего для того, чтобы посетить гостеприимный дом тетки Ивана Малиновского, жившей, как уже упоминалось, на даче в Александрове.

Почти на окраине Пушкина, между ним и Павловском, находится старинный Отдельный парк. Около парка еще одно памятное место — здесь некогда стоял дом А. А. Самборского. И здесь В. Ф. Малиновский писал свой знаменитый трактат о мире. К Лицею же надо идти в противоположную сторону, мимо ворот «Любезным моим сослуживцам» и дворца Кочубея.

Путнику, стоящему на набережной Комсомольской улицы и смотрящему вдаль, на Лицей, открывается неповторимая по красоте перспектива. Необыкновенное чувство овладевает теми, кто идет этой улицей-набережной в сторону Лицея золотым осенним днем в закатное время и видит его в лучах вечернего солнца.

Старинная улица почти не изменилась, даже если сравнить ее с известным изображением Валериана Лангера. Ничем не украшенное простенное здание, вдали у пруда, что видно и на рисунке художника, — бывшая бумажная фабрика, старожил города.

Кто хоть раз шел будничным осенним днем навстречу Лицею этой дорогой, тот не забудет трепетного ощущения, словно он оказался на тихой улице пушкинского времени... По левую руку, вдоль набережной, — парк в золотом листопаде. Порыв ветра, и путника задепет золотой дождь; молчаливая вода канала уже вся покрыта желтыми листьями. Справа длинное здание XVIII века (бывшие Нижние конюшни); затем манеж, где лицеисты занимались верховой ездой; напротив живописная красная Эрмитажная кухня — ворота в парк. Парк, как бы непроницаемая стена из высоких деревьев, перед ним бывшие, уже давно перестроенные оранжереи; затем четыре «ка-

валерских» дома: ближайший связан с именем Карамзина, последний с именами Малпиковского и Энгельгардта. И вот, перейдя старинный Лицейский переулок, мы вновь оказываемся у Лицея, у его парадного крыльца.

Может быть, этой дорогой шел и Пушкин? Конечно, в Баболово Пушкин направлялся через Екатерининский парк, посещал памятные ему места, а из Баболова, пройдя окраиной Екатерининского парка, мог нанять коляску на старом постоялом дворе в Софии и уехать в Петербург. У Лицея он мог остановиться и еще раз на мгновение скользнуть глазами по окну своей «кельки»...

Пушкин шел в Царское Село, как паломники идут в заветные места, — пешком. Он шел на поклонение... Шел с тяжелой тростью в руках. Этот долгий путь по старинному почтовому тракту с верстовыми столбами давал ему отдохновение.

Пройти его дорогой... можно ли? Сейчас это асфальтированная магистраль, забитая туристскими автобусами, легковыми и грузовыми машинами... Сегодняшний путешественник не пойдет, а поедет дорогой поэта. Мелькнут старинные верстовые столбы, обсерватория на Пулковской горе. Дорога повернет влево, и вскоре возникнет маленький зеленый островок — старое Царскосельское кладбище Кузьминское. Напротив него памятник героям, оборонявшим подступы к Ленинграду, — ведь здесь проходила линия фронта... Еще немного пути, и Египетские ворота раскроют перед нами старинный въезд в город. Здесь некогда был шлагбаум, пропускавший путников.

Здесь начиналось Царское Село.

В 1900 году Пушкин возвратился в город своей юности, восторженно встреченный его жителями и почитателями. Он вернулся воплощенным в бронзе — юношей лицейстом...

Сегодня город Пушкин — Лицей, парки и бронзовый памятник в «ограде» — это место паломничества всех, кто любит поэта и свято чтит его память. Их волнует все: древние лиственницы парков, старые липы, сосны у Кагула, прозрачная гладь озер, чистота лугов, холмы, долины, «чертоги», беседки, «мраморные кумиры».

К памятнику Пушкину несут и благоухающие розы и неприметные полевые цветы, а осенью чья-то рука обязательно положит здесь желто-багряную ветвь клена.

И каждый день, обходя вокруг памятника, кто-то еще раз негромко прочтет знакомые слова из «Евгения Онегина», выбитые на пьедестале:

В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кипках лебединых,
Близ вод, сивявших в тешине,
Являться муза стала мне.

И на другой стороне памятника из «19 октября» 1825 года:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мнр чужбина;
Отечество нам Царское Село*.

Скульптор с тонким проникновением передал образ молодого вдохновенного поэта. И строки из стихотворения «В. Ф. Раевскому» (1822 год), начертанные на гранитном цоколе, словно отвечают замыслу мастера:

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Над юным поэтом шумят кудрявые березы. Перед ним по широкой старинной дороге идут люди, едут машины, автобусы. Пушкин-лицеист в центре кипящей современной жизни... Впереди у него — вечность.

Этот скромный, непарадный памятник по силе воздействия можно назвать лучшим из скульптурных изображений поэта. Его автор академик Роберт Робертович Бах — царскосельский житель. В 1899 году, в связи с празднованием столетия со дня рождения Пушкина, его земляки-царскоселы предложили поставить памятник поэту здесь, в городе его юности. Был объявлен сбор средств. Юбилейный комитет открыл конкурс. В нем приняли участие кроме Р. Р. Баха скульпторы В. Л. Позен, М. А. Чижов и В. А. Беклемишев. Все они уже име-

* В рукописи поэта: «Сарское Село». Возможно, поэт не захотел употребить слово «Царское» в сочетании со словом «Отечество».

ли широкую известность, но проект Баха был признан лучшим. Р. Р. Бах — автор многих скульптурных произведений. Большинство из них — бюсты. Среди них литературные персонажи Маргарита и Офелия, русские писатели Пушкин, Гоголь, Тургенев, Некрасов, Крылов. Бах — автор памятника М. И. Глинке у здания Ленинградской консерватории. Но славу скульптору принес только памятник А. С. Пушкину.

26 мая 1899 года в Лицейском саду сделали круглую площадку, к которой сходились дорожки, а место будущего памятника отметили колышками, вбитыми в землю. После установки памятника круглую площадку обнесли железной оградой.

Открытие памятника состоялось 15 октября 1900 года. На празднике присутствовали высшие чиновники, духовные лица, родственники А. С. Пушкина и представители литературных кругов, а также депутация Александровского лицея, многие члены Пушкинского лицейского общества. Событие это не рекламировалось, поэтому горожан почти не было.

Эрих Федорович Голлербах — один из первых советских краеведов, искусствовед, художник, поэт, впоследствии автор известного эссе «Город муз», посвященного городу поэта, присутствовавший на открытии памятника А. С. Пушкину, вспоминает, что в центре сада перед немногочисленной публикой возвышалось какое-то «загадочное сооружение», покрытое брезентом. «...Наконец, — сообщает он, — брезент начинает сползать, обнажая бронзовую фигуру, сидящую на скамье... В минуты, когда брезент сползал, я задыхался от волнения. Меня обуял такой восторг, как если бы мне показали живого Пушкина». Когда упала скрывавшая памятник завеса и умолкли звуки народного гимна, председатель Пушкинского лицейского общества бывший лицеист Дмитрий Фомич Кобеко произнес небольшую речь, закончив ее строками из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829 года):

Воспомнаниями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В 1937 году, к столетию со дня смерти А. С. Пушкина, бывшее Царское, а затем Детское Село стало называться именем поэта. Эта весть с радостью была встречена жителями города и общественностью страны. Но мирная жизнь города и мечты о создании здесь музея, посвященного юношеским годам Пушкина, были разрушены вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну. В сентябре 1941 года они подвергли город Пушкин обстрелу и бомбежкам. Советские бойцы скрыли в земле памятник Пушкину, и фашистам не удалось его обнаружить. После победы в 1945 году памятник был извлечен, реставрирован и поставлен на прежний пьедестал. Поэт Всеволод Рождественский в стихотворении «Памятник юноше Пушкину» вспоминал тех бойцов, что спасали памятник и хранили в своей фронтовой семье «образ светлый и неповторимый — юношу на бронзовой скамье».

С 1949 года установилась традиция — в день рождения А. С. Пушкина поэты, и признанные, и начинающие, как бы возлагают здесь свой поэтический венок — читают у памятника стихи.

Сюда приходят и новобрачные, признательные поэту за вдохновенные слова о любви, и их цветы ложатся к подножию памятника.

Пушкину, Лицею, Царскому Селу возложили лицейские поэты последующих лет свой поэтический венок. Но ни для кого из этих поэтов царкосельская, лицейская тема не стала одной из ведущих в творчестве, никто столь страстно и горячо не прикоснулся к ней, как Пушкин.

Царское Село воспето было и до Пушкина М. В. Ломоносовым («На новое строение Царского Села»); И. Ф. Богдановичем («Стихи к музам на Царское Село»); Г. Р. Державным («Прогулка в Царском Селе. Карамзину»). И после пушкинских поэтических посвящений Царскому появились новые посвящения: М. Д. Деларю («Статуя Перетты в Царкосельском саду»); В. А. Жуковского («Царкосельский лебедь», 1851 год); П. А. Вяземского («Царкосельский сад зимою»); Ф. И. Тютчева («Осенней позднею порою...», 1858 год; «Тихо в озере струится...», 1866 год); И. Ф. Анненского («Трилистник в парке»: «Я на дне», «Бронзовый поэт»; «Расе»); Н. Гумилева («Памяти Анненского»); А. Ахматовой («В Царском Селе»; «Царкосельская статуя», 1916 год); К. Эрберга («Красота»); О. Мандельштама

(«Царское Село»); В. А. Комаровского («В Царском Селе», «Рынок»); В. Аренса («В Царскосельском парке», «Адмиралтейство»); В. Рождественского («Царское Село», «В царскосельском парке», «Через Красные ворота я пройду. Голлербаху», «Если только снегом, ветром встречным...», 1921 год); В. Палей («Перед памятником Пушкину в Царском Селе»); Э. Голлербаха (Цикл: «Царскосельские стихи»).

Как видим, стихотворных посвящений как будто бы много, но все они как бы мимолетны, эта тема не поглощает, не захватывает поэтов навечно, как это случилось с Пушкиным, ставшим истинным певцом царскосельских мест, назвавшим Царское Село — Отечеством. Все последующие поэты лишь повторяли эти его строки.

Э. Ф. Голлербах первым составил и издал в 1922 году антологию «Царское Село в поэзии», где собрал стихи многих поэтов, посвященные царскосельским местам. Но при всей прелести многих из них ощущается всевластное влияние первого поэта, гения этих мест — Пушкина. Многие из царскосельских стихов посвящены Пушкину, и чаще обращены к знаменитому памятнику Пушкину-лицеисту. Стихи эти составляют поэтический венок самому поэту. Они как бы поэтический отзвук, поэтическое эхо поэзии Пушкина.

К бронзовому лицеисту приходят поэты через столетия. Выдающийся поэт-символист, царскосельский житель Иннокентий Анненский* увидел памятник в вечерний час:

На синем куполе белеют облака,
И четко в высь ушли кудрявые вершины,
По ниль уж светится, а тени стали длинны,
И к сердцу призраки плывут издалека.

Не знаю, повесть ли была так коротка,
Иль я не дочитал последней половины?..
На бледном куполе погасли облака,
И ночь уже идет сквозь черные вершины...

И стали — и скамья и человек на ней
В недвижном сумраке недвижней и страшней.
Не шевелись,— сейчас гвоздики засверкают,

Воздушные кусты сольются и растают,
И бронзовый поэт, стяхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую спрыгнет.

* Сын лицеиста VI курса Ф. Н. Анненского, племянник лицеиста III курса Н. Н. Анненского.

А вот знаменитые строки Анны Ахматовой из стихотворения «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных грустных берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышимый шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устлают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

И ее же стихи, посвященные воспетой Пушкиным царскосельской статуе:

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

Поэт Всеволод Рождественский, тоже, как и Ахматова, царскосёл, в 1921 году заканчивает стихотворение «Царское Село» строками о юном Пушкине:

Столетнею хандрой и рифмами томим,
Над круглым озером мятется лунный дым,
Зеленым хрусталем еще сквозит аллея,

И вьюга шепчет мне сквозь легкий, лыжный свист,
О чем задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье кудрявый лицеист.

В другом стихотворении того же года В. Рождественский пишет:

Бронзовый мечтатель за Лицеем
Посмотрел сквозь падающий снег,
Мутный ветер бродит по аллеям,
Звонких лыж стремителем разбег.

Пушкин-лицеист как бы оживает в мыслях и сердцах поэтов, становится их современником, соучастником их жизни, разделяет их мечты, радости и грусть. Так звучат и стихи царскосела Владимира Палея «Перед памятником Пушкину в Царском Селе»:

Осенний день влечет к печальной грезе,
 Все замерло... Порхает желтый лист,
 И в той же неизменно-тихой позе
 Мечтает вдохновенный Лицеист.
 Я здесь один... Безмолвствует аллея,
 Но мысли странные бегут волной,
 И чудится, что томик Апулея
 Среди листов лежит передо мной...
 О, мой кумир! Наставник лучезарный,
 Которому обязан многим я!
 Перед тобой стою я, благодарный,
 Учитель светлый мой! В пные годы
 В неясном блеске облачного дня...
 Ты здесь блуждал, лелея юный стих.
 Теперь сентябрь... и голос непогоды
 Пред думою твоей как будто стих...
 И листьев не колышется завеса,
 Застыл весь мир, как чудно-скорбный рай,
 И мнится мне, что выстрела Дантеса
 Еще не услышал российский край,
 Что ты еще — воспитанник Лицея,
 С грядущею поэмою-мечтой,
 Что жизнь тебя, как жуткая Цирцея,
 Томит своею страшной красотой...
 О, Юноша с мятежными кудрями!
 Ты ожил вновь, божественный ппит,
 И Муза, над тобой, взмахнув крылами,
 С улыбкой неразгаданной стоит!
 И кажется, что все воскресли боги,
 Что нет времен, что ты заговоришь,
 Что голос твой, и ласковый, и строгий,
 Нарушит эту призрачную тишь,
 Что, полон неземного снисхожденья,
 Поймешь ты, чем мой робкий дух томим,
 И в сказку твоего стихосложенья
 Я буду посвящен тобой самим,
 Что объяснишь ты мне святые тайны,
 И долгого мечтанья сладкий вред,
 И вдохновенья ореол случайный...
 Нет! Это — сон... Влечет к унылой грезе
 Осенний день, и плачет желтый лист,
 И в той же неизменно-тихой позе
 Мечтает вдохновенный Лицеист...

Эрих Голлербах в своем цикле царскосельских стихов вспоминает всех знаменитых поэтов, живших здесь

и столь значимых для города, но главное — изначальное для этих мест — рождение здесь Пушкина как Поэта:

Здесь Пушкина родилось вдохновенье
И выросло в певучей тишине.

Сегодня под аркой Лицея шумно и многолюдно. С весны и до поздней осени течет бесконечный поток туристов. Звучит разноязычная речь. Около парадного крыльца Лицея в любую погоду выстраиваются длинные очереди. Сюда приезжают люди со всех концов земли.

Поистине Лицей — это уникальный и единственный в своем роде мемориальный музей, воссоздающий обстановку закрытого передового учебного заведения начала XIX столетия.

Но музей прежде всего — памятник Александру Сергеевичу Пушкину, прославившему и Лицей, и окружающие его заповедные сады. И как поэт некогда шел сюда на поклонение, так и сегодня едут люди всех наций в эти воспетые им места поклониться ему самому.

Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет увывлый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны права:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирали из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, принял ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,

Друзьям иным душой преданся нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурю главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мвр; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединенный,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник валл опальный,
Его провел без горя и забот.

Пропущенные измененные строфы рукописной редакции «19 октября» 1825 года с эпиграфом из Горация на латинском языке, дают нам новые штрихи лицейской жизни, так, после стиха «Минутное забвенье горьких мук» Пушкин писал:

1

Товарищи! сегодня праздник наш,
 Заветный срок! сегодня там, далеке,
 На пир любви, на сладостное вече
 Стеклися вы при звоне мирных чаш.—
 Вы собрались, мгновенно молодея,
 Усталый дух в минувшем обновить,
 Поговорить на языке Лицея

.

2

На пир любви душой стремлюся я...
 Вот вижу вас, вот милых обнимаю.
 Я праздника порядок учреждаю...
 Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
 Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
 Садитесь, как вы сажались там,
 Когда места в сени святого крова
 Отлично предписывало нам.

3

Спартанскою душой пленяя нас,
 Воспитанный суровою Минервой,
 Пускай опять Вольховский сядет первый,
 Последним я, иль Брольо, иль Данзас.
 Но многие не явятся меж нами...
 Пускай, друзья, пустеет место их.
 Они придут; конечно над водами
 Иль на холме под сенью лип густых

4

Они твердят томительный урок,
 Или роман украдкой пожирают,
 Или стихи влюбленные слагают,
 И позабыт полуденный звонок.
 Они придут! — за праздные приборы
 Услдутся; напелят свой стакан,
 В нестройный хор сольются разговоры,
 И загремит веселый наш пеан.

После стиха «Ты в день его Лицея превратил» поэт вспоминал своего друга Ивана Малиновского:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
 Ты, наш казак и пылкий и незлобный,
 Зачем и ты моей сени надгробной
 Не озарил присутствием своим?
 Мы вспомнили б, как Ваху приносили
 Безмолвную мы жертву в первый раз,
 Как мы впервой все трое полюбили,
 Наперсники, товарищи проказ...

В первой редакции эта строфа звучала как обращение к Ивану Пушину:

Мы вспомнили, как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили,
Мы вспомнили, как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ...
И все прошло, проказы, заблужденья...
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

В строфе «И первую полней, друзья, полней» следовали четыре стиха:

Златые дни! уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

После стиха «Он взял Париж, он основал Лицей» Пушкин написал ставшие ныне знаменитыми строки:

Куницыну давь сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им красугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно — и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

На годовщине 1826 года Дельвиг прочел: «Снова, други, в братский круг...», а Илличевский — экспромт «Хвала лицейским!». Ко дню годовщины 1827 года Пушкин создал стихотворение «Бог помочь вам, друзья мои...».

В 1828 году Пушкин записал на протоколе лицейской сходки свой экспромт. Находившийся в заточении Кюхельбекер создал вдохновенные строки, посвященные этой годовщине:

Какой волшебною одеждой
Блистал пред нами мир земной!
С каким огнем, с какой надеждой,
С какою детской слепотой
Мы с жизнью вступали в бой.
.....
Моих друзей далекий круг!
Под воплями осенних вьюг,
Но благостным хранимый небом,
При песнях, вдохновенных Фебом,

От бурь и горя вдалеке,
 В уютном, мирном уголке...
 Ты празднуешь ли день священный,
 День, сердцу братьев незабвенный?
 Моих друзей далекий круг!

В 1831 году Пушкин создает свое трагическое, полное предчувствий произведение «Чем чаще празднует Лицей...», но, верный своему неиссякаемому чувству уметь радоваться и радовать других при любых обстоятельствах, он заключал с чувством «святой скорби»:

Тесней, о милые друзья,
 Тесней наш верный круг составим,
 Почившим песнь окончил я,
 Живых надеждою поздравим,
 Надеждою некогда опять
 В пиру лицейском очутиться,
 Всех остальных еще обнять
 И новых жертв уж не страшиться.

А. С. Пушкин создаст еще одно гениальное посвящение лицейской годовщине, последнее, 1836 года — «Была пора: наш праздник молодой». Кюхельбекер тоже откликнется на эту годовщину стихотворением «19 октября 1836 года», посвященным более всего Пушкину:

Шумит поток часов; их темный вал
 Вновь выплеснул на берег жизни нашей
 Священный день, который полной чашей
 В кругу друзей и я торжествовал...
 Давно! — Европы страж, седой Урал,
 И Енисей, и степи, и Байкал
 Теперь меж нами. — На крылах печали
 Любовью к вам несусь из темной дали.

Помянки нашей юности — и я
 Их праздновать хочу, — воспоминаья,
 В лучах дрожащих тихого мерцанья,
 Воскресните! — Предстаньте мне, друзья;
 Пусть созерцает вас душа моя,
 Всех вас, Лицея нашего семья!
 Я с вами был когда-то счастлив, молод, —
 Вы с сердца свеете туман и холод!

Чьи резче всех рисуются черты
 Пред взорами моими? Как перуны
 Сибирских гроз, его золотые струны
 Рокочут... Пушкин! Пушкин! это ты!
 Твой образ — свет мне в море темноты;

Твои живые, вещие мечты
 Меня не забывали в ту годину,
 Как пил и ты, уединен, кручину!

Тогда и ты, как некогда Назон,
 К родному граду простирал объятия;
 И над Невой затрепетали братья,
 Услышав гармонический твой стон:
 С седого Пейпуса, волшебный, он
 Раздался, прилетел и прервал сон.
 Дремоту наших мелких попечений,
 И погрузил нас в волны вдохновений!

О брат мой! много с той поры прошло:
 Твой день прояснел, мой — покрылся тьмою:
 Я стал знаком с торкватовой судьбою,—
 И что ж? опять передо мной светло:
 Как сон тяжелый, горе протекло;
 Мое светило из-за туч чело
 Вновь подняло,— гляжу в лицо Природы;
 Мне отданы долины, горы, воды!

И, друг! хотя мой волос поседел,
 Но сердце бьется молодо и смело:
 Во мне душа переживает тело,
 Еще мне божий мир не надоел.
 Что ждет меня? Обманы наш удел;
 Но в эту грудь вонзалось много стрел,
 Терпел я много, обливался кровью:
 Что, если в осень дней столкнусь с любовью?

Годовщина 1837 года отмечалась уже без певца и вдохновителя лицейского братства, без Пушкина. Но В. Кюхельбекер в глухом сибирском поселении создает одно из лучших своих произведений:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
 Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
 В середине поприща побед и славы,
 Исполненный несокрушимых сил!
 Блажен! лицо его всегда младое,
 Сиянием бессмертия горя,
 Блестит как солнце вечно золотое,
 Как первая эдемская заря.

А я один среди чуждых мне людей
 Стою в ночи, беспомощный и хилый,
 Над страшной всех надежд моих могилой,
 Над мрачным гробом всех моих друзей,
 В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
 Последний пал родимый мне поэт...
 И вот опять Лицея день священный;
 Но уж и Пушкина меж вами нет!

Не принесет он новых песен вам,
 И с них не затрепещут перся ваши;

Не выпьет с вами он заздравной чаши:
 Он воспарил к заоблачным друзьям,
 Он ныне с нашим Дельвигом пирует;
 Он ныне с Грибоедовым моим:
 По ним, по ним душа моя тоскует;
 Я жадно руки простираю к ним!

Пора и мне! — Давно судьба грозит
 Мне казней нестерпимого удара:
 Она меня того лишает дара,
 С которым дух мой неразлучно слит!
 Так! перенес я годы заточенья,
 Изгнание, и срам, и сиротство;
 Но под щитом святого вдохновенья,
 Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! — Не пламень, не перун
 Меня убил; нет, вязну средь болота,
 Горою давят нужды и забота,
 И я отвык от позабытых струн.
 Мне ангел песней рай в темнице душевной
 Когда-то созидал из снов золотых;
 Но без него не труп ли я бездушный
 Средь трупов столь же холодных и немых?

«Предел благословенный», «сады лица», «царскосельские хранительные сени», «счастливый городок» — так называл Пушкин Лицей, его неотъемлемую часть — окружавшие парк и небольшое Царское Село. Все это тоже принадлежит общему понятию — Лицей. В 1814 году юный поэт создает «Воспоминание в Царском Селе», в котором столь зримо предстают царскосельские памятные места. В 1815 году Александр Пушкин задумывает написать «Картину Царского Села», его сад, дворец, день, проведенный здесь, утреннее, полуденное и вечернее гулянья, описать царскосельских жителей. Может быть, стихотворение «Городок», написанное в том же году, и есть воплощение этого плана:

Живу я в городке,
 Безвестностью счастливом.
 Я навял светлый дом
 С диваном, с камельком;
 Три комнатки простые —
 В них злата, бронзы нет,
 И ткани выписные
 Не кроют их паркет.

В обращении к профессору Галпчу, покинувшему Лицей, Пушкин называет Царское Село «счастливым городком»:

Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок...

Стихотворения 1816 года «Сон» и «Осеннее утро» живописуют красоты царскосельских парков. В этот же период созданы «На Баболовский дворец» и «Надпись к беседке»:

С благоговейною душой
Приблизься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.

В 1818 году, через год после окончания Лицея, Пушкин пишет «Дубравы, где в тиши свободы...», в 1823 году — «Царское Село», в 1829-м — «Воспоминания в Царском Селе», в 1830-м — «Царскосельская статуя», «В начале жизни школу помню я...», в 1835—1836 годах «Prologue». В поэме «Гавриилиада» поэт вспоминает царскосельские места, но более всего поэт обращается к воспоминаниям о лицейских годах в романе «Евгений Онегин». В восьмой главе, а также в ее двух черновых вариантах предстают картины лицейской жизни, и мы словно видим юного Пушкина тех лицейских лет:

Fare thee well, and it for ever
Still for ever fare thee well

*Byron**

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Чыгал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские всеелья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;

* «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай». Байрон (англ.).

Старик Державин нас заметил,
И, в гроб сходя, благословил:

У поэта в черновой рукописи были варианты этих стихов, не менее интересные и поэтически прекрасные:

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал,
В те дни как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткой,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив,

II

Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я зор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал,

III

В те дни — во мгле дубравных сводов,
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась — муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, холодные науки!
Простите, игры первых лет!

Я изменился, я поэт,
 В душе моей едины звуки
 Переливаются, живут,
 В размеры сладкие бегут.

IV

Везде со мной, неумоима,
 Мне муза пела, пела вновь
 (Amorem sanam aetas prima) *
 Все про любовь да про любовь.
 Я вторил ей — молодые други
 В освобожденные досуги
 Любили слушать голос мой.
 Они, пристрастною душой
 Ревнуя к братскому союзу,
 Мне первый поднесли венец,
 Чтоб им украсил их певец
 Свою застенчивую музу.
 О торжество невинных дней!
 Твой сладок сон душе моей.

V

И свет ее с улыбкой встретил,
 Успех нас первый окрылил,
 Старик Державин нас заметил
 И, в гроб сходя, благословил.
 И Дмитриев не был наш хулитель;
 И быта русского хранитель,
 Скрижаль оставя, нам впнмал
 И музу робкую ласкал.
 И ты, глубоко вдохновенный,
 Всего прекрасного певец,
 Ты, идол девственных сердец,
 Не ты ль, пристрастьем увлеченный
 Не ты ль мне руку подавал
 И к славе чистой призывал **.

В черновых набросках сохранились строфы, в основном совпадающие с беловыми, но дающие подробности лицейских лет Пушкина:

В те дни, когда в садах Лицея
 Я безмятежно расцветал,
 Читал украдкой Апулея,
 А над Виргилием зевал,

* Пусть юный возраст поет о любви (лат.).

** Поэт Дмитриев в ту пору не был «хулителем» и приветствовал лицейские стихи Пушкина, позднее он отрицательно отзывался о поэме «Руслан и Людмила»; «быта русского хранитель» — историк Карамзин, «всего прекрасного певец» — поэт Жуковский.

Когда ленился и проказил,
 По кровле и в окошко лазил,
 И забывал Латинский класс
 Для алых уст и черных глаз;
 Когда тревожить начинала
 Мне сердце смутная печаль,
 Когда таинственная даль
 Мои мечтанья увлекала,
 И летом... для дня
 Будили радостно меня,

Когда французом называли
 Меня зазорные друзья,
 Когда педанты предрекали
 Что ввек повесой буду я,
 Когда по розовому полю
 Резвились и бесились вволю,
 Когда в тени густых аллей
 Я слушал клики лебедей,
 На воды светлые взирая,
 Или когда среди равнин

.

Кагульский мрамор навещая...

И в прозе, в «Капитанской дочке», Пушкин вновь направляет читателя вместе со своей героиней Марьей Ивановной в Царское Село, в его великолепные парки, к широкому озеру, прекрасному лугу, к знаменитому памятнику в честь побед русских над турецким войском — к Кагульскому обелиску.

В письмах 1831 года к П. А. Плетневу из Москвы (14 апреля), к П. В. Нащокину из Петербурга (май), к П. Я. Чаадаеву из Царского Села (6 июля) Пушкин упоминает свое дорогое Царское Село, где он хочет снять квартиру, куда он на днях отправляется на лето, и откуда он наконец пишет...

«Легкокрылый гений» Дельвига, его «нежная муза» тоже родились в Лицее, в Царскосельских садах. Прощаясь с Лицеем, он создал знаменитую «Прощальную песню»:

Шесть лет промчалось как мечтанье
 В объятьях сладкой тишины...

В мае 1817 года Антон Дельвиг пишет «К друзьям».

После окончания Лицея Дельвиг всегда, как и Пушкин, тянулся в Царское Село. Здесь он встретился и с первой своей любовью. Грустно звучит четверостишие

Дельвига, записанное им в чей-то альбом летом 1817 года «...Одно и есть мое веселье — увидеть Царское Село!»

Вильгельм Кюхельбекер всегда дорожил памятью о Лицее, о городе юности — Царском Селе. В продолжение всей своей жизни мысленно совершал он сюда паломничество к истокам своей музыки. В 1830-х годах он писал своей племяннице А. Г. Глинке: «Были ли вы в Царском Селе? Если нет, то посетите же когда-нибудь моих пенатов, т. е. прежних... Мне бы смерть как хотелось, чтоб вы посетили Лицей, а потом написали, как его нашли. В наше время бывали в Лицее и балы, и представь, твой старый дядя тут же подплясывал, иногда не в такт, что весьма бесило любезного друга его Пушкина. ...Странно бы было, если бы Саше случилось танцевать на том же самом паркете, который видел и на себе испытал первые мои танцевальные подвиги! А впрочем, чем судьба не шутит? — Случиться это может... Итак, прошу тебя, друг мой Сашенька, если будешь в Царском Селе, так поговори со мною о нем, да поподробнее».

14 июля 1818 года он пишет «Царское Село», в 1819 году «Отрывок» и «Мечта», также посвященные памятным царскосельским местам. В последнем звучат такие строки:

Один над озером вечернею порою
Сижу — и сладкою мечтой душа полна!
Здесь ива гибкая любится струею;
Над нею плавает стыдливая луна.

Молчание дубрав, осины трепстанье,
И факел Цинтии, и тишина полей,
И изредка меж роз Зефирово дыханье —
Все, все уныние влекло к душе моей.

И вдруг над озером спокойными тенями
Толпою пронеслися друзья отцветших лет!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПАМЯТНЫЙ КУБОК

Дар жителей Ясс русскому консулу

Высоким авторитетом и уважением в Молдавии и Валахии пользовался в свое время генеральный русский консул в Яссах Василий Федорович Малиновский. Будучи на этом посту, он выступал в защиту угнетенного молдавского народа и заслужил его любовь и признательность.

После окончания русско-турецкой войны 1787—1791 годов Малиновский присутствовал на Яском конгрессе. Несмотря на победу России, война не привела к ожидаемому освобождению Молдавии из-под турецкого ига. Усилия России опасались западноевропейские страны, и в первую очередь Англия и Пруссия.

Близко приняв к сердцу несправедливое решение Яского конгресса, Малиновский при первой же возможности решил просить освободившееся место генерального консула в Яссах, чтобы посредством этой должности способствовать «благодеянию сих земель...».

Об этом периоде своей жизни Малиновский писал*: «...при мне совершалось последнее постановление, которое решило

* Речь идет о письме к В. П. К., которое считают адресованным Виктору Павловичу Кочубею, министру иностранных дел, с которым Малиновский был хорошо знаком и переписывался, находясь в Молдавии. Впервые опубликовано в издании:

участь Молдавии и Валахии; свидетель я был оскорбления и сожалений добрых патриотов о возвращении их отечества прежним врагам: короткие знакомые в приязни своей открывали свое негодование и упреки в несдержании данного слова об освобождении.

Вы поверьте, по себе судя: любовь отечества и с нею честь народа не по чинам и степеням службы оживляет сердце благородное; я принял сии выговоры, сии упреки, как мне лично сделанные, и помнил сии земли, всегда на сердце их носил.

Когда товарищ мой стал первым министром* и место генерального консула долго никем не было занято, я решился и написал к нему, что желаю посредством одного споспешествовать благодетельно сих земель и, пользуясь настоящим союзом России с Турцией, утвердить, а буде возможно, распространить условленные в их пользу статьи трактата**.

В 1800 году Малиновского назначили русским генеральным консулом в Молдавию.

В ноябре 1802 года Малиновский направил из Ясс министру внутренних дел России графу В. П. Кочубею «Записку о освобождении рабов»***. Это был один из первых в России проектов крестьянской реформы. Считая крепостничество насилием и резко выступая против него, Малиновский доказывал необходимость отмены крепостного права.

За два года своего консульства он показал себя человеком весьма деятельным и полезным для Молдавии и Валахии. К его мнению прислушивались, его советов спрашивали. Он отстаивал точное выполнение условий Ясского договора и препятствовал безудержному ограблению народных масс Молдавии.

Турецкое правительство было настроено против господаря князя Константина Ипсиланти. Малиновский же всячески отстаивал его, сторонника сближения и союза с Россией, стремившегося добиться независимости княжества. Впоследствии Малиновский писал: «...по моему совету волошские бояры выпросили его <Ипсиланти> после себе господарем, и опять, по моим же представлениям, деяниями утвержденным, высочайший двор сам его велел требовать в Валахию»****.

После того как турецкое правительство все же сместило его, и был в Молдавии назначен новый господарь Александр Суццо, грек родом из Константинополя, Малиновский почувствовал, что с этим жестоким правителем ему невозможно будет найти контакт, он решил тогда просить об отставке. Но Ипсиланти убе-

Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1863, кн. 1, раздел V (смесь), с. 172—175; см. также: *Малиновский В. Ф.* Избранные общественно-политические сочинения. (Вступительная статья «Выдающийся русский просветитель», приложение и примечание Э. А. Араб-Оглы), раздел «Приложения», с. 149—151.

* Растопчин (Ростопчин) Федор Васильевич, граф. с. 1799 года министр коллегии иностранных дел.

** Из письма к В. П. К., с. 149.

*** *Малиновский В. Ф.* Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958, с. 94.

**** Из письма к В. П. К., с. 150.

для Малиновского остаться. «Останьтесь,— говорил он,— вы будете полезны земле»*. Суццо определил Малиновскому «пенсию» вдвое большую, чем платило ему за службу русское правительство. Малиновский так рассказывал об этом:

«...Принесли за первый месяц, оставили кошелек, не смели ослушаться своего царя и взять назад; я увиделся и спросил сам, что он разумеет? Условие моей дружбы есть исполнение условий трактата в пользу земли; когда он их верно будет содержать, то и в моей дружбе может быть уверен.

Между тем в городе смеялись над тщетным его покушением; деньги были препровождены в госпиталь для прибавления к оному недостающей в городе богадельни с обещанием ежемесячного добавления сей суммы»**.

Стоит заметить, что «некие» суммы господари всегда назначали консулам, но Малиновский сразу же по приезде в Молдавию запретил их ему подносить.

В своем письме он писал о положении народа при правлении Суццо: «...жители доведены до отчаяния, но трепетали своего деспота: не оставял я ни одного поступка без замечаний...»

Войдя в контакт с русским посланником в Константинополе А. Я. Италийским, Суццо хотел склонить его к смене неудобного Малиновского. Посланник потребовал, чтобы Малиновский изменил свое отношение к Суццо, и пригрозил ему отставкой. «Судите меня с посланником и князем, могу ли я перемениться, изменить мой долг службы, чести и человечества? Я поклялся в душе: не быть сему князем,— и так он не стал; по представлениям моим о жалобах жителей сменен, но по внушениям его отозван и я»***.

В результате происков господаря-фанариота в конце 1802 года Малиновский был отозван в Россию.

Глубоко переживая свою отставку, Малиновский сознавал важность и полезность своего пребывания на посту консула. Задуманные им мероприятия по облегчению участи этой страны остались неосуществленными, и это его очень угнетало.

Декабрист А. Е. Розен, давший высокую оценку личности Малиновского, допуская неточность в датировке, писал: «В царствование императора Павла он <Малиновский> назначен консулом в Яссы; несколько лет исправлял эту должность так совестливо, так полезно, что жители Ясс долго хранили память о примерном его бескорыстии. По интригам в столице, по искательству грека****, был он отозван через пять лет. В 1805 году возвратился в Петербург в Иностранную Коллегию с небольшим серебряным кубком, с единственным подарком, который он согласился принять от признательных жителей в день выезда; между тем как консулы, возвращаясь оттуда, вывозили столько денег и шалей турецких, что покупали себе дома и поместья»*****.

Действительно, В. Ф. Малиновский являл собой пример человека кристальной честности, бескорыстия и скромности. Из своих ограниченных средств он всегда старался помочь нужда-

* Из письма к В. П. К., с. 150.

** Там же, с. 151.

*** Там же.

**** Имеется в виду Суццо.

***** Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 36.

ющимся и делал это так, чтобы имя его оставалось неизвестным для тех, кому он помогал.

Кубок, о котором упоминает Розен, хранился в семье Малиновских как реликвия. В 1960-х годах правнук Василия Федоровича Петр Павлович Малиновский передал его в дар Всесоюзному музею А. С. Пушкина.

Кубок небольшой (18 см), удлинённой формы, с крышкой, сделан из металлического сплава с чернью, на стенках его выгравированы три сцены в овалах, изображающие: одна — торговую сделку, другая — человека и вола, третья — человека и лошадь. Кубок стоит на трех ножках, соответствующих изображенным сценам: нога человека, нога лошади и нога вола. На наружной части дна выгравирована полустершаяся надпись: «...1800 год ...ому Василию Малиновскому». Дар, преподнесенный теми кругами княжества, которые стремились к освобождению страны от турецкого ига, запечатлел экономическую жизнь Молдавии, а также характерную для эпохи и сословий одежду.

Как подтверждает известный молдавский ученый Г. Ф. Богач, связи, установленные в Молдавии, не прекратились и после выезда Малиновского на родину. История сохранила их доказательство, а также и новое проявление бескорыстности, решительности и добродушия этого человека.

Речь идет вот о чем.

В 1804 году в Яссах взбунтовались горожане. Одновременно пришло в движение и крестьянство, а также недовольное среднее и мелкое боярство. Назревало какое-то большое потрясение.

В этот момент представители власти через доверенное лицо, Вениамина Костаки, обратились к Малиновскому за советом. От последнего прибыло, по-видимому, несколько писем. Полностью они до наших дней не дошли. Но в 1900 году известный историк В. А. Уреке, автор многотомной истории Румынии, воспроизвел в молдавском переводе несколько отрывков. Правда, он считал, что автором писем был не Малиновский, а некий молдавский боярин «Мэлинеску», находившийся тогда в Петербурге.

Как бы то ни было, но благодаря данному исследователю мы располагаем сейчас несколькими отрывками из писем В. Малиновского, адресованных Костаки, в качестве советов по поводу возникших в Молдавии волнений. «...Для предупреждения всех тяжелых последствий надо учредить законный путь для выявления требований и недостатков всех состояний...»*.

«Было бы мне известно и мнение крестьян, если б я знал то, о чем и они думают, возможно, я нашел бы средство против вашего опасения. Но и вы обследуйте положение крестьян сравнительно с состоянием боярства. Отведайте и со стола первых, и со стола последних. Ведь крестьяне и их дети едят только мамалыгу, голую и просохшую, и лишь в редких случаях, если у них имеется корова, немного масла или сметаны. Разве они отведают когда-либо пшеничный хлеб?»**

* *Ureche V. Istoria Românilor. Bucuresti, 1900, vol. XI, p. 27.* (Здесь и далее перевод Г. Богача дается по текстам, воспроизведенным в книге *Xenopol A. D. Istoria partidelor politice în România. Bucuresti, 1911, vol. I, p. 98.*)

** Там же, с. 103.

Малиновский любил Молдавию и Валахию, он имел здесь много добрых друзей, недаром же он писал, что всегда «помнил сны земли, всегда на сердце их носил»*.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИЦЕЯ

Был в семье преподавателем человек, заслуживший всеобщую ненависть воспитанников.

В лицейской зале тишина,
Диковинка меж нами:
Друзья, к нам лезет сатана,
С лакрицей** за зубами.
Друзья, сберегитесь гурьбой,
Дружвее в руки палку,
Лакрицу сплюснем со щекой,
Дадим австрийцу свалку...

В этих дерзких словах выразились все чувства возмущения, презрения, протеста воспитанников против далеко не безобидного австрийца.

Профессор Фридрих Матвеевич Гауеншильд преподавал в Лицее немецкую словесность. Но он оказался не пригоден к педагогической деятельности и в 1822 году был отставлен.

В связи с тем что в современных источниках нет сведений о Гауеншильде и его агентурной деятельности в России, необходимо подробнее рассказать историю его появления в Царско-сельском лицее.

Лицей явился как бы средоточием многих явлений тогдашней жизни, отразив и ее теневые стороны. Так, служили здесь и убийца, дядька Сазонов, и полицейский агент, затем сектант, Пилецкий, и, наконец, австрийский шпион — агент Ф. М. Гауеншильд.

Фридрих Леопольд Гауеншильд, австрийский подданный, происходил из семьи, переселившейся в Австрию из Силезии. Первоначальное образование получил в Германии, затем, по-видимому, поступил в Венский университет. В 1805 году получил чин поручика в академической гвардии. Но, тяготея более к науке, чем к военной службе, он в том же году, как значится в его формулярном списке¹, представил в Венскую академию художеств два своих сочинения и получил сразу же от этой академии звание «officier honoraire» («почетный офицер»).

В 1811 году он был определен профессором в Царскосельский лицей. Об этом назначении ходатайствовал попечитель С.-Петербургского учебного округа С. С. Уваров, состоявший в свойстве с министром народного просвещения графом А. К. Разумовским.

Как же произошло, что Гауеншильд появился в Петербурге, по словам князя Н. С. Голицына, «едва ли не из лона Меттерниха». По-видимому, он познакомился в Вене с Уваровым, состо-

* См. также: *Руденская М. П.* Василий Федорович Малиновский. — Кодры, 1970.

** Лакричный корень, или корень солодки.

явшим там с 1806 по 1809 год при посольстве, и сумел ему понравиться. В австрийских архивах имеются также сведения, полученные историком Д. Ф. Кобеко о путешествии Гауеншильда в Лифляндию с семьей австрийского генерал-лейтенанта барона Лаудона, в венском доме которого он был воспитателем. Эта поездка представляется на первый взгляд романтической, ибо она закончилась браком Гауеншильда и племянницы Лаудона Иоганны Эльснер, которая впоследствии родила ему пять человек детей. Мать девицы якобы поставила Гауеншильду условие, при котором он может жениться, — приобрести в России звание профессора. И тогда Гауеншильд обратился за разрешением и содействием в австрийское посольство в Петербурге. Австрийское же посольство, зная о близости Лицея ко двору, приложило все старания, чтобы ввести в состав профессоров своего человека. По всей вероятности, оно также ходатайствовало за него и перед С. С. Уваровым.

«Этот иностранец, — заметил Д. Ф. Кобеко, — на 24 году своей жизни поселившийся в Петербурге, обнаружил необыкновенное умение находить для себя верный путь среди интриг и течений, умел сохранять отношение с людьми, взаимно враждебно настроенными, и обладал каким-то талантом проникать в их доверие». Поэтому неудивительно, что не только Уваров, но затем историк Карамзин, и А. И. Тургенев, и канцлер граф Румянцев, а позднее М. М. Сперанский относились к нему со вниманием. И это длилось в течение десятилетия. Историк Лицея Селезнев считал, что, «очевидно, Гауеншильд обладал не только ловкостью и угодливостью, но и более солидными качествами», что дало возможность некоторым современникам сохранить о нем память как о «человеке образованном, ученом и деятельном». Но князь Голицын, хорошо знавший Гауеншильда, не был склонен придавать такому мнению веру и не находил в нем перечисленных качеств.

Как бы то ни было, но Гауеншильд неспроста появился в Петербурге и в Лицее, при определении в который он именовался «профессором Венской академии». Документов на это звание в делах Лицея не обнаружено и нигде о них не упоминается. Любопытно, что сановные люди, в которых Гауеншильд был заинтересован, доверяли ему, но зато его личность, его поведение и степень учености сразу же вызвали недоверие у воспитанников Лицея, с которыми он был резок, груб и несправедлив. (Известно, что дети и юноши скорее чувствуют ложь и лицемерие.) Так как многие воспитанники не знали хорошо немецкого языка, а Гауеншильд — русского, то свой предмет — немецкую литературу и риторику он преподавал на французском языке.

Вспоминая о Гауеншильде, М. А. Корф отмечал, что тот «был человек скрытный, хитрый, и даже коварный» и что «доказательством общей к нему ненависти» служила «национальная песня», которая «певалась хором, на голос гремевшего тогда по целой России «Певца во стане русских воинов» Жуковского, — без всякого секрета и только что не самому Гауеншильду в лицо...».

Скорее всего, Гауеншильд, имея перед собой иные задачи, не только не умел, но и не желал отдаваться преподавательской деятельности и не ставил себе целью завоевывать симпатии вос-

питанников, а стремился заручиться стойким расположением нужных ему высокопоставленных особ. Знаменитый историк Карамзин так к нему расположился, что дал прочесть свой труд «История государства Российского», еще до выхода его в свет. Гауеншильд, завоеывая симпатию и доверие Карамзина, вызвался перевести «Историю» на немецкий язык. Он перевел три тома, первый вышел уже в 1820 году. Четвертый том переводил уже Ольдекоп, ибо Гауеншильд, покинув Россию в 1822 году, немедленно прекратил переводы труда Карамзина. По-видимому, уже во время его преподавания в Лицее были признаки, указывающие на связь Гауеншильда с австрийской дипломатией.

Заседания Конференции Лицея проходили на русском языке, а так как Гауеншильд плохо знал его, то чиновник-переводчик специально для него делал перевод выступлений на немецкий язык, что нашло отражение в лицейских архивах². Остается недоумевать, как уже в то время Гауеншильд активно занимается переводами с русского на немецкий.

Свою деятельность переводчика Гауеншильд начал еще в 1811 году, когда сразу же по приезде в Россию перевел на немецкий язык сочинение своего попечителя С. С. Уварова о русской Академии. В 1818 году он перевел речь Уварова, произнесенную им в том же году в С.-Петербургском педагогическом институте. Благодаря этому у Гауеншильда завязались связи с Академией наук, и в 1818 году академики Круг и Френ предложили Конференции Академии избрать его членом-корреспондентом. Президент Академии Уваров, естественно, выразил на это свое согласие. Любопытно, что при баллотировке Гауеншильд получил двенадцать голосов из пятнадцати, и почти столько же голосов получил избравшийся одновременно с ним известный знаток греческой словесности Графе. Так ловко и быстро Гауеншильд делал ученую карьеру в России.

Когда был открыт благородный лицейский пансион, то на пост директора его Разумовский поставил Гауеншильда, отклонив прошение на эту должность Н. Ф. Кошанского, хотя по Постановлению о пансионе, так же как и в Лицее, директором мог быть только русский или хотя бы российский подданный. Но Разумовский, питая благосклонность к Гауеншильду, пренебрег этими положениями и назначил австрийского подданного директором пансиона. После смерти Малюновского в 1814 году Разумовский назначает Гауеншильда одновременно исполнять и обязанности директора Лицея. Понимая свое неловкое положение, Гауеншильд подал прошение о принятии его в русское подданство и получил его 28 декабря 1814 года³.

Как директор пансиона и исполняющий обязанности директора Лицея Гауеншильд показал себя несостоятельным во всем. Будучи плохим администратором, он в пансионе запустил дела, а в Лицее не пользовался авторитетом и уважением, возбуждая неприязнь и даже ненависть. Его отстранили от директорства в Лицее и пансионе, где финансовые дела оказались в весьма плохом положении (от управления его осталось 100 000 рублей долгу). Ревизионная комиссия наложила запрещенные на имущество директора Лицея, членов хозяйственного правления и секретаря, снятое только в 1827 году. Однако еще до увольнения от должности указом от 8 июня ему была пожалована весьма большая пенсия в 2000 рублей, получаемая сверх жалованья.

После увольнения Гауеншильд 4 мая 1822 года покинул Россию и возвратился в Австрию. В мае 1824 года он получил назначение на должность австрийского консула в Корфу, а в октябре того же года ему было поручено временно заведовать генеральным консульством. В то время это было особенно ответственное место, но, видимо, Гауеншильду австрийское правительство вполне доверяло. В Греции шла освободительная война, Австрия же относилась весьма недружелюбно к борьбе греков против турецкого владычества, но вместе с этим она избегала открытых выступлений. Австрийское правительство особенное значение придавало деятельности своих агентов. Гауеншильду приходилось иметь дело с греческими вождями движения. И он вел дипломатическую игру, двуличную политику. Он находился в постоянных сношениях с другим негласным агентом Меттерниха, морским офицером Прокешем, сыгравшим скрытую, но немаловажную роль в борьбе Австрии против греков. В руках наперсника Меттерниха Генца, одного из ближайших канцлеру людей, была сосредоточена вся австрийская политика по греческим делам, и он состоял в секретной переписке с Гауеншильдом и Прокешем.

Австрийское правительство высоко ценило деятельность Гауеншильда. В должности генерального консула он был утвержден в декабре 1826 года, несколькими месяцами раньше император Австрии изъявил согласие на просьбу Гауеншильда о возведении его в дворянское достоинство, и в марте 1827 года он его получил. Затем он попросил прибавку к своей фамилии предиката «von Rewag», и его поддержала государственная канцелярия.

Последнее донесение Гауеншильда из Корфу было от 31 января 1829 года. Он просится в отпуск и в отставку. Из своего родного города Германштадта он вскоре снова обратился с ходатайством об определении на службу, но заболел, и после продолжительной болезни скончался там 18 ноября 1830 года. Гауеншильд был женат дважды. От второй жены Юлии Эльснер* после его смерти остался младенец полутора лет. Вдова Гауеншильда в 1833 году, с разрешения австрийских властей, переехала в Петербург, хлопотала себе пособие (сохраняя при этом австрийскую пенсию); по одним сведениям, в России ей с этим не повезло, по другим — русское правительство выплачивало ей солидную пенсию. В 1838 году она вновь ходатайствовала о пособии, и оно было назначено ей императором Фердинандом I в размере четырех тысяч гульденов. Это была большая сумма, что служит еще одним доказательством того, как высоко была оценена австрийским правительством агентурная деятельность Гауеншильда в России и Греции.

По-видимому, в России, и в частности в Лицее, Гауеншильд сыграл более неблагоприятную роль, нежели это в свое время стало известным. Во всяком случае, он был недоброжелателем и Малиновского, и Кошанского, и Куницына, и Энгельгардта. Быть может, не без его интриг случилось многое из того, что вредило Лицею. Его роль в России еще мало известна и недостаточно изучена. Во всяком случае, и Александр I не питал к нему не-

* Ф. Б. Эльснер, вероятно, был в свойстве с Гауеншильдом.

доверия. В 1820 году он, например, в личной беседе с Гауеншильдом сообщил ему, что намерен возвратить М. М. Сперанского из ссылки.

Со Сперанским Гауеншильд был хорошо знаком. Он пользовался его некоторым доверием еще в эпоху расцвета деятельности Сперанского. Для него Гауеншильд составил обозрение немецкой философской литературы и перевел другие работы, в частности в области законодательства. Обо всем этом Гауеншильд писал в своей записке «Исторический взгляд на Сперанского», в которой изложил свое мнение о русском государственном деятеле, бывшем приближенным к трону, затем попавшем в опалу и, наконец, вновь возвращенному в 1826 году и поставленному во главе второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

Князь Меттерних увидел опасность в возвращении Сперанского, деятельного сотрудника эпохи неосуществленных либеральных реформ времени Александра I, и предложил Гауеншильду, весьма осведомленному о деятельности Сперанского, охарактеризовать его, что тот вскоре и сделал. Уже 17 апреля 1826 года из Вены в Петербург Меттерних отправил австрийскому послу Гауеншильдов «Исторический взгляд на Сперанского» (опубликован впервые в «Русской старине» в 1901 году), сопроводив его интереснейшей депешей, написанной по-французски, в которой упоминается еще одна записка Гауеншильда — о Лицее. По просьбе историка Лицея Д. Ф. Кобеко, опубликовавшего впервые в 1911 году текст депеши Меттерниха, полученной из Венского государственного архива, дирекция архива искала там и Гауеншильдову записку о Лицее, но обнаружить ее не удалось.

В этой своей записке Гауеншильд якобы изложил историю Царскосельского лицея, рассказал, как воспитанники его, находившиеся под «покровительством» царя, задумали его уничтожить, то есть речь шла об участии лицейских в декабристском восстании.

Гауеншильд поведал Меттерниху и о плане Сперанского, разработка которого якобы ему была поручена с целью преобразования русского духовенства. Сперанский предлагал основать масонскую ложу и обязать наиболее способных из духовенства участвовать в ней. По словам Гауеншильда, первым мастером ложи должен был быть сам Гауеншильд, на обязанности которого должна была лежать цензура трудов этих духовных братьев. Безусловно, не все может вызвать доверие в подобных сообщениях, но несомненно, что он был весьма осведомлен о деятельности Сперанского в ту пору. Впоследствии, уже после возвращения из ссылки, Сперанский продолжал поддерживать сношения с Гауеншильдом.

Таков был лицейский профессор Ф. Гауеншильд, темная личность на светлом лицейском небосклоне. Его неблагоприятная деятельность в России началась с приходом в Лицей и, казалось бы, кончилась с увольнением из него, но опыт и звания, полученные здесь, давали ему возможность еще много лет спустя излагать свои «исторические» взгляды на русскую действительность (и, может быть, значительно чаще, чем это стало известно), таким образом продолжая осведомлять австрийское правительство.

ДЕТСКОСЕЛЬСКИЕ ГОДЫ К. С. ПЕТРОВА-ВОДКИНА

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин с 1928 года являлся профессором Академии художеств. Он стал первым в стране художником, которому было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, и был первым председателем Ленинградского отделения Союза художников (с 1932 года) и первым художником — депутатом Ленсовета (XIV созыва). Кузьма Сергеевич жил на Петроградской стороне (Кировский пр., д. 14, кв. 20), но в связи с болезнью он переехал в Детское Село.

Дочь художника Елена Кузьминична Дунаева вспоминает, что восьмилетний детскосельский период жизни Кузьмы Сергеевича, продолжавшийся с 1928 по 1936 год, был самым плодотворным, самым радостным и интересным, ибо это был период расцвета его творчества, именно здесь он создал лучшие свои работы. Художник и сам говорил об этом. Здесь им написаны многие картины, и среди них «Тревога», «Весна», «Смерть комиссара», «Пушкин читает стихи...», «Пушкин в Болдино», лучшие натюрморты, а также наброски к портрету В. И. Ленина, созданы почти все его литературные произведения («Хлыновск», «Пространство Эвклида» и другие).

Петровы-Водкины занимали на втором этаже здания бывшего Царскосельского лицея трехкомнатную квартиру с северной стороны и пользовались служебной лестницей, находящейся также в центре северного фасада. Им принадлежало вначале восемь окон (от служебного входа в здание и до угла дома в сторону парадной лестницы). В 1930 году (или в 1928) угловую комнату, служившую спальней художника, они отдали, но соседи были отделены и пользовались парадным ходом. В первом помещении квартиры находились прихожая, кухня и ванная, второе занимали жена и дочь художника, в третьем размещалась мастерская Петрова-Водкина, а после отказа от третьей комнаты, он здесь имел и спальню и кабинет. Таким образом, с тех пор уже шесть окон по северной стороне второго этажа, считая от служебного входа, принадлежали квартире Петрова-Водкина.

Самые плодотворные годы своей жизни провел Петров-Водкин в Детском Селе. В зимнее время там была, по воспоминаниям жены и дочери художника, идеальная обстановка и для отдыха, и для напряженной творческой работы.

К. С. Петров-Водкин глубоко любил и почитал гений А. С. Пушкина, более того, он считал его своим учителем. Недаром художник писал: «Я смело могу сказать: на творчестве Пушкина, его пластических образах, стройности, строгости и простоте рисунка, я учился живописи...»

Не раз художник обращался к образу великого поэта. Еще в 1923 году он оформил постановку драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» на сцене Государственного Большого драматического театра. Затем Петров-Водкин написал картину (под условным названием) «Пушкин читает стихи...», изобразив Пушкина, А. Белого и себя. Картина была написана в Лицее в 1930 году (находится в США). У дочери художника и в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина (ВМП) имеется фотография с этой

работы Петрова-Водкина. И надо сказать, что Пушкин здесь очень выразителен. Все трое изображены сидящими у стола на фоне одной из картин художника, изображающей девушек на Волге. Пушкин держит в правой руке лист бумаги, Петров-Водкин опирается рукой о спинку стула, на котором спит поэт Андрей Белый.

Здесь же в лицейской квартире, по свидетельству дочери, художником создана другая картина, которую он считал наиболее удачной (по изображению поэта), — «Пушкин на Неве». Картину «Пушкин в Болдино» Петров-Водкин закачивал уже в Ленинграде в 1937 году в своей квартире на Петроградской стороне, куда семья пересехала в конце 1936 года. Эту картину художник счел неудачной и уничтожил, разорвав на куски. В фондах ВМПИ сохранилась фотография с этой картины, которая превосходно передает вдохновенный и задумчивый облик поэта. У дочери художника также есть фотография с эскиза к этой картине. К сожалению, оба эти произведения Петрова-Водкина навсегда утрачены*.

В «лицейской» квартире Петрова-Водкина бывали известные поэты, писатели, художники, композиторы, певцы и музыканты: Шишков, Толстой, Федин, Эренбург, Форш, Кузмин, Белый, Ахматова, Головин, Дмитриев, Сарьян, Конашевич, Мейерхольд, Прокофьев, Асафьев, Дзержинский, Богданов-Березовский, Ершов, Шапорин, Козловский и многие, многие другие деятели искусства и культуры. Жена художника Мария Федоровна обладала прекрасным голосом. Она часто пела, исполняя новые произведения композиторов — гостей дома. Иногда она пела в дуэте с певцом И. Козловским.

Мария Федоровна глубоко любила и почитала великий талант своего мужа. Она всецело посвятила ему жизнь и до конца дней оставалась предана его памяти. Незадолго до смерти, в 1957 году, она написала обстоятельные записки о Петрове-Водкине. Плохо владея русским языком (несмотря на то, что большую часть жизни она прожила в России, с двадцати трех лет), она написала воспоминания на французском языке. В 1970 году они были переведены на русский язык и частично опубликованы в журнале «Волга» № 9 за 1971 год под названием «Мой великий русский муж». В газете «Вперед» летом 1975 года под названием «Самые плодотворные дни» публиковались в основном те места записок, где рассказывалось о детскосельском периоде жизни художника.

М. Ф. Петрова-Водкина начинает свои записки с воспоминаний детства, затем описывает, как в «маленьком земном раю» под Парижем в начале 1906 года она, Марья Жозефина Иванович познакомилась со своим будущим мужем. Эта встреча, завершившаяся через четыре месяца бракосочетанием, была тем счастливым обстоятельством, которое они благословляли всякий раз, когда думали о том, что этой случайной встречи могло бы и не произойти. Уже в 1906 году Кузьма Сергеевич написал первый портрет жены и с тех пор образ жены художника вопло-

* Фотографии с этих работ были впервые воспроизведены в статье «Самые плодотворные дни». Публикация и вступление С. Руденской-Балашовой. (Вперед, 1975 г., № 60—63, 66—68).

щался во многих женских образах, созданных им на протяжении всей жизни.

Одним из любимых занятий художника была игра на скрипке. Он очень любил исполнять произведения Паганини и достиг изрядной техники игры. По вечерам он часто играл Моцарта, своего любимого композитора. «Пушкин — в литературе, Моцарт — в музыке были его кумирами. Их творчество проникало до самых сокровенных глубин художественной индивидуальности Кузьмы Сергеевича», — писала М. Ф. Петрова-Водкина.

«Прогулки по парку были для него лучшим отдыхом после работы. Воспоминания о Пушкине оживляли всю окрестность. Особенно подолгу любил мой муж стоять перед одной из царскосельских статуй, о которой Пушкин писал: «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...» Кузьма Сергеевич сделал рисунок с этой статуи» — так вспоминала жена художника и отмечала, что жизнь в Детском Селе до краев была наполнена искусством.

Летом, когда наплыв публики из Ленинграда, посещавшей памятные пушкинские места, нарушал тишину городка и художника начинали отвлекать от работы, семья уезжала куда-нибудь в более уединенные дачные места.

СЛОВАРЬ ЛИЦЕНСТОВ И НАСТАВНИКОВ

Выпускники Царскосельского лицея (I—XIII курсы)

I курс, выпуск 1817 года (июнь): Бакунин А. П., Бродило С. Ф., Вольховский В. Д., Горчаков А. М., Гревениц П. Ф., Данзас К. К., Дельвиг А. А., Есаков С. С., Илличевский А. Д., Комовский С. Д., Корнилов А. А., Корсаков Н. А., Корф М. А., Костенский К. Д., Кюхельбекер В. К., Ломоносов С. Г., Маликовский И. В., Мартынов А. И., Маслов Д. Н., Магюшкин Ф. Ф., Мясоедов П. Н., Пушкин А. С., Пуцин И. И., Ржевский Н. Г., Саврасов П. Ф., Стевен Ф. X., Тырков А. Д., Юдин П. М., Яковлев М. Л.

II курс, выпуск 1820 года (июнь): Безак К. П., Бруслов Н. Н., Васильчиков А. М., Гнедич А. П., Данзас Б. К., Дубенский П. И., Загряжский В. В., Ивановский П. О., Лангер В. П., Микулин Л. В., Молчанов Н. Н., Нумерс Л. Ф., Орлай де Карво М. И., Пальчиков В. П., Позняк И. Д., Подлинев С. Н., Савич Н. И., Семенов В. Н., Угрюмов А. И., Ханьков Н. Д., Харламов М. Н., Чарыш М. Н., Шабельский А. П., Эристов Д. А., Яхонтов П. В.

III курс, выпуск 1823 года (июнь): Анненский Н. Н., Белуха-Кохановский А. А., Васьков Н. И., Воронихин А. А., Галахов С. П., Гнедич Н. П., Жадовский А. Е., Жеребцов С. Н., Замятнин Д. Н., Капгер И. X., Карамышев М. Д., Кондратьев С., Либгардт А. А., Малиновский А. В., Мартынов А. И., Неклюдов В. Н., Попов М. Н., Рашет И. К., Рихтер К. Б., Убри С. П., Ульяновский Ю. С., Фаминцын С. А., Энгельгардт В. Б., Энгельгардт М. Е.

IV курс, выпуск 1826 года (июнь): Баженов И. А., Баумгартен Н. К., Белуха-Кохановский М. А., Бухало В. И., Ган Е. Ф., Геслинг Н. Н., Деволант А. Ф., Искуль А. К., Келер Д. Е., Ко-

зельский М., Корф Ю. Ф., Коцебу К. Е., Крузенштерн А. И., Мертваго Н. Д., Местмахер Н. Ф., Миллер К. К., Нарышкин Л. К., Озеров С. П., Пашенко Н. С., Ритмейстер А. В., Рихтер А. Б., Розен Ф. Ф., Смирнов С. И., Спафарьев А. Л.

V курс, выпуск 1829 года (июнь): Алопеус Ф. Д., Бодиско К. Н., Булгаков П. И., Векрот Ф. Ф., Деларю М. Д., Мещерский А. В., Митусов П. С., Неелов И. П., Нумерс А. Ф., Парланд И. И., Пейгер А. И., Потапов П. Л., Рапет В. А., Реймерс А. Е., Ромберг А. Ф., Руктешель Р. К., Тизенгаузен А. П., Торнау Н. Е., Третьяков Ф. Н., Фаминцын А. А., Фролов Ф. С., Ховен И. Р., Чевати К. С., Шванебах Х. А., Энгельгардт В. Е.

VI курс, выпуск 1832 года (июнь): Анненский Ф. Н., Бревнер И. X., Волков А. П., Гольтгоер К. Ф., Грот Я. К., Дмитриевский И. Д., Кововский А. Д., Коновницын А. П., Коцебу В. Е., Крузенштерн П. И., Лихонин С. С., Макаров П. Н., Миллер П. И., Пашенко К. С., Повало-Швейковский Д. Н., Похвиснев М. Н., Рейнбот П. А., Стесель Н. И., Стрекалов С. С., Философов А. П., Харламов Н. Н., Шторх К. А., Штофреген А. К., Эйхен В. Н.

VII курс, выпуск 1835 года (июнь): Александров В. И., Апухтин П. А., Баранов А. Т., Бекман А. А., Бухарин Н. И., Врангель В. Е., Гирс А. К., Грот К. К., Домбровский А. М., Кайданов А. И., Колемин А. И., Костливец С. А., Лаксман А. А., Марченко А. В., Мертваго Д. Д., Озеров А. П., Перовский П. Н., Рененкамф П. А., Рихтер Б. Б., Стесель А. И., Третьяков Н. Н., Ханыков Я. В., Харитонов А. А., Шторх Н. А., Юевич Н. С.

VIII курс, выпуск 1836 года (декабрь): Апухтин П. А., Бурмейстер А. А., Бутягин А., Дуни-Барковский В. Д., Дуни-Барковский Я. Д., Изъездинов В. Л., Иксуль К. П., Карбоньер Л. Л., Мещерский П. В., Миклашевский П. М., Муравьев А. Н., Неклюдов П. С., Оде де Сион А. К., Сиверс Л. Е., Сталь К. Ф., Стасов А. В., Струговщиков С. Я., Усов Д. С., Фрейганг В. В., Фридберг П. И., Ханыков Н. В., Хвостов А. Н.

IX курс, выпуск 1838 года (май): Арсеньев Ю. К., Веселовский К. С., Воейков Л. А., Габерзанг В. И., Галицкий П. П., Гернет К. Г., Гинтер М. Д., Гирс Н. К., де Бринья А. Е., Захаржевский Д. Я., Иксуль Б. Я., Кайданов В. И., Неклюдов В. С., Сабир М. О., Стесель П. И., Теплов И. Г., Трофимов А. И., Яхонтов А. Н.

X курс, выпуск 1839 года (декабрь): Ахшарумов Н. Д., Буташевич-Петрашевский М. В., Воейков А. А., Голицын Н. М., Головин А. В., Кайданов Н. И., Киов А. М., Клингенберг М. К., Ковшин М. А., Кочетов Р. А., Кузнецов В. И., Марченко П. В., Николаи А. П., Рейтерн М. X., Саломон П. И., Сиверс Э. К., Усов Ф. С., Филимонов Н. И., Цез В. А., Чаляев М. Е.

XI курс, выпуск 1841 года (май): Барышников А. И., Барышников И. И., Беклемишев А. П., фон Валь Б. К., Геденов П. Ф., Голубцов С. Я., Гольтгоер М. Ф., Дуни-Барковский П. Д., Ефремов В. П., Жемчужников А. Л., Засецкий П. П., Зотов В. Р., Кирилин А. Н., Княжевич М. Д., Кондоиди Г. В., Крейсти А. А., Криднер Р. В., Крюков А. П., Мей Л. А., Немани А. Ф., Оболенский В. А., Оболенский К. А., Оболенский М. А., Омеляненко Н. Я., Пальчиков А. В., Принц Г. Г., фон Фитингоф Р. П., Чертков Д. А.

XII курс, выпуск 1842 года (декабрь): Бегер А. Ф., Бурнашев А. Ф., Витте К. К., Гартинг Н. М., Данилевский Н. Я., Есинов И. В., Зубков Н. А., Кальм-Подоский Н. Ф., Корсаков А. В., Набоков П. И., Осокин А. Г., Пальчиков Н. В., Рейнбот Е. А., Рожнов М. П., Рудзевич П. О., Семенов Н. П., Спешнев Я. Т., Стремоухов П. Н., Толстой Д. А., Толстой Ю. В., фон Фитингоф Б. П., Форостовский П. П.

XIII курс, выпуск 1844 года в Петербурге (май): Аверариус А. П., Андреевский Н. Е., Ахшарумов В. Д., Бибииков А. В., Бибииков П. С., Бобринский А. П., Величко И. Н., Есаков Е. С., Засядко Д. А., Калашников В. И., Колтовский В. Н., Лобанов-Ростовский А. Б., Любомирский В. Е., Набоков И. И., Орлов-Денисов М. В., Палтов Н. И., Попов А. Н., Риземан Ю. X., Салтыков (Щедрин) М. Е., Швахгейм Д. К., Ширинский-Шихматов В. П., Штевен А. X.

Преподаватели, воспитатели и служащие Лицея

В предложенном ниже списке указываются фамилии и годы службы преподавателей, воспитателей и служащих Лицея, здесь следует иметь в виду, что некоторые служили в Лицее в различных должностях в разные периоды, а иногда и одновременно, их имена повторяются в соответствующих группах.

Директора Лицея: Малиновский, 1811—1814; Кошанский, 1814; Гауеншильд, 1814—1816; Фролов, 1816; Энгельгардт, 1816—1823; Кошанский, 1823; Нумерс, 1824; Гольтгоер, 1824—1840; Броневский, 1840—1853; (Миллер, 1853—1877; Гартман с 1877).

Надзиратели по учебной и нравственной части: Пилепкий-Урбанович, 1811—1813; Чачков, 1813—1814; Фролов, 1814—1816.

Инспектора: Фролов, 1816—1817; Нумерс, 1823—1829; Оболенский, 1829—1843; Миллер, 1843—1853.

Законоучители: Музовский, Полянский, Павский — 1811—1817.

Профессора: Де Будри, 1811—1821; Кошанский, 1811—1823; Гауеншильд, 1811—1822; Куницын, 1816—1820; Кайданов, 1816—1841; Карцов, 1816—1836; Эльснер, 1816—1820; Врангель, 1820—1837; Пушкин (автор книги по полевой фортификации, однофамилец поэта), 1821; де Сент-Андре, 1822—1824; Устинов, 1824—1829; Тилло, 1824—1830; де Олива, 1825—1842; Георгиевский, 1828—1852; Жилле, 1830—1841; Оболенский, 1833—1861; Шульгин, 1833—1836; Щеглов, 1836—1853; Баршев, 1837—1867; Ивановский, 1837—1867; Курнанд, 1841—1853; Шульгин, 1841—1869; Пецольд, 1842—1847.

Адъюнкт-профессора: Куницын, 1811—1816; Карцов, 1811—1816; Кайданов, 1811—1816; Рененкампф, 1812—1813; Георгиевский, 1815—1828; Архангельский, 1815—1828; де Олива, 1821—1825; Тилло, 1821—1824; Оболенский, 1826—1833; Шульгин, 1826—1833; Троицкий, 1828—1833; Шиглев, 1833—1867; Пецольд, 1833—1842; Гроздов, 1833—1844; Бельзовский, 1837—1840; Смарагдов, 1840—1853; Кестнер, 1842—1851; Шау, 1842—1862.

Помощники профессоров: Оболенский, 1817—1826; Шульгин, 1817—1826.

Преподаватели наук, учителя языков и искусства и репетиторы: Калинин, 1811—1851; Чыриков, 1812—1841; Вальвиль, 1812—1824; Гуар, 1814—1815; Билье, 1815—1816; Кюкюэль, 1815; Вильман, 1815—1817; Трико, 1816; Шульган, 1816—1817; Эбергардт,

1816—1859; фон дер Остен-Сакен, 1817; Эртель, 1817—1819; Штери, 1819—1820; Бпанки, 1819—1820; Гальтенгоф, 1820—1830; Тряко, 1821; Менюэ, 1823—1829; Гавеман, 1824—1852; Цетриус, 1824—1825; Милованов, 1827; Белизар, 1827—1830; Шиглев, 1828—1833; Пецольд, 1828—1833; Баднон, 1829; Фюмо, 1830; Делеско, 1831; Паули, 1832—1839; Дулье, 1832—1833; Мартини, 1832—1833; Готман, 1832—1833; Калашников, 1832—1833; Кох, 1832—1833; Беген, 1833—1844; Нагель, 1833; Хорошилов, 1833; Лампсен, 1833—1834; Броун, 1834—1862; Турунов, 1834—1837; Постников, 1833—1848; Булановский, 1838—1841; Дерон, 1839—1847; Киршбаум, 1840—1842; Модзерби, 1840—1841; Ломакин, 1841—1844; Кох, 1841—1843; Байер, 1842—1844; Васплевский, 1843—1858.

За период с 1817 по 1843 год появились новые должности, как например, *помощники учителей* с 1829 года: Корзинин, 1829—1841; Аншетов, 1839; Макаров, 1839—1851.

Среди преподавателей Александровского лицея необходимо отметить выпускников Царскосельского лицея — Лангера, 1845—1846; Грота, 1852—1862; Ханькова, 1849—1851 и профессоров — Бауера, Вернадского, Перевлевского, Никольского, Котляревского, Семейского.

Гувернеры: Чириков, 1811—1841; Иконников, 1811—1812; Пилецкий-Урбанович, 1812—1814; Соколов, 1812—1813; Гакен, 1813; Владиславлев, 1813—1815; Кюкюэль, 1814—1815; Мейер, 1814—1816; Калинин, 1815—1822; Венгель, 1815—1824; Вильм, 1815—1817; Эбергардт, 1816—1817; фон дер Остен-Сакен, 1817—1824; Оболенский, 1822—1826; Цетриус, 1824—1834; Шульц, 1824—1829; Рот, 1824—1830; Ларош, 1825—1829; Белизар, 1826—1833; Пецольд, 1829—1837; Кох, 1829—1841; Калинин, 1830—1841; Делеско, 1831; Дулье, 1832—1833; Готман, 1832—1838; Калашников, 1832—1834; Мартини, 1832—1840; Гельмерсен, 1833—1837; Беген, 1833—1841; Броун, 1834—1841; Байер, 1834—1840; Картмон, 1837—1841; Книстер, 1837—1841; Тюте, 1838—1839; Булановский, 1838—1841; Черников, 1839—1840; Шторх, 1839—1840; Киршбаум, 1840; Литгандер, 1840; Порешь, 1840—1841; Модзерби, 1840—1841; Байер, 1840—1841; Вунч, 1840—1841; Унгерн-Штернберг, 1841.

С 1841 года гувернеры стали именоваться *воспитателями*: Чириков, 1841; Калинин, 1841—1850; Кох, 1841—1843; Беген, 1841—1842; Унгерн-Штернберг, 1841—1845; Вильде, 1841—1842; Броун, 1842—1843; Петрашевский, 1842—1844; Грандисон, 1842—1847; Гийо, 1842—1844; де Сен-Марк, 1843—1849; Крейсти, 1843—1850.

Помощники гувернеров: Зернов, 1811—1813 (вызвавший эпиграмм на гришисываемую Пушкину: «Двум Александрам Павловичам»: «Романов и Зернов лихой, Вы схожи меж собою: Зернов! Хромаешь ты ногой, Романов головою»), Дзюрдзь, 1813—1814.

Число гувернеров в Лицею не было постоянным: встречались годы, когда их было двенадцать, восемь и шесть. Среди гувернеров (воспитателей) много было иностранцев, швейцарских, французских, австрийских и других подданных, многие из них кончили европейские и российские университеты или другие высшие учебные заведения. Среди гувернеров были и титулованные, как например, граф Дмитрий Вунч, отставной подпоручик, 1840—1841, или барон В. К. Унгерн-Штернберг, бывший юнкер Артиллерийского училища, рекомендованный в Лицей поэтом Жуковским.

С переводом Лицея в Петербург там остались служить воспитателями Калинин, Беген, де Сен-Марк, Грандисон, Крейсти и вновь в 1844 году поступили бывшие воспитанники Лицея: А. Ф. Неманни, XI курса (прослужил по 1846); Я. Т. Спешнев, XII курса (по 1856); В. И. Кузнецов, X курса (по 1851).

Надзиратели по хозяйственной части: Эйлер, 1811—1812; Камараш, 1814—1816.

Помощник надзирателя по хозяйственной части: Золотарев, 1811—1817.

Секретари хозяйственного правления (переименованные в 1841 году в правителей дел): Люценко, 1811—1813; Мудревич, 1813—1815; Козьминский, 1815—1816; Терентьев, 1816—1841 (он же правитель дел с 1841—1852). Помощники правителя дел появились лишь с 1848 года.

Письмоводитель Конференции Лицея (переименованной в Совет Лицея): Цетриус, 1834—1852.

Бухгалтеры: Мудревич, 1811—1813; Терентьев, 1813—1816; Раков, 1816—1848. Помощник бухгалтера: Рожин, 1816—1819.

Канцелярские чиновники: Масалевский, 1811—1814; Григорьев, 1811—1813; Терентьев, 1811—1813; Веягель, 1811—1824; Корчаковский, 1813; Раков, 1813—1816; Терентьев, 1813—1826; Матвеев, 1813—1815; Терентьев, 1813—1833; Куяницн, 1818—1820; Шульгин, 1818—1822; Муссорин, 1818—1829; Флеров, 1820—1821; Фокин, 1821—1840; Панков, 1822—1835; Цетриус, 1824—1834; Шульц, 1824—1829; Токстон, 1826—1827; Новиков, 1827—1839; Карзан, 1838—1840; Кульчицкий, 1839—1840; Бюнер, 1840—1849; Кулагин, 1840—1844; Данилов, 1841; Лавриков, 1841—1848; Иванов, 1841—1858;

Эконоомы: Роттаст, 1816—1841; Волчков, 1841—1843; Васильманов, 1843—1845.

Врачи: Пешель, 1811—1842; Буяльский, 1833; Гаваст, 1842—1853. Зубные врачи при Лицее были с 1824 года: Десния, 1824—1826; Соссерот, 1826—1853, а лекарские помощники (Варфоломеев, 1837—1866) называются в официальных списках с 1837 года, хотя у доктора Пешеля, судя по архивным данным, еще при Пушкине был подлекарь. Позднее, с 1864 года, в Лицее появились свои мозольные операторы, смотритель больницы, а также смотрители дома и помощник смотрителя дома.

Архитекторы — эта должность в Лицее утверждена с 1817 года: Семенов, 1817—1819; Гильденбрант, 1838—1840; Ефимов, 1842—1849.

В бытность Пушкина в Лицее книги из библиотеки выдавали дежурные гувернеры; с середины 1817 года появляются штатные *библиотекари:* барон фон дер Остен-Сакен до 1824 года; Оболенский, 1824—1839; Пецольд, 1839—1844.

Библиотекарем Александровского лицея был Иван Яковлевич Селезнев, с 1854 по 1859 год преподаватель русского и славянских языков (впоследствии инспектор классов училища глухонемых), известный своей монографией о Лицее, на которую опирались все последующие исследователи.

Должность *лаборанта* существовала только в Александровском лицее (Моссины, 1852—1859).

Среди *попечителей* Лицея (были с 1843 года) выделяется общественный деятель Константин Карлович Грот (1882—1884), лицейст выпуска 1835 года, организатор школ для слепых. Одна из улиц

в Ленинграде носит его имя. Перед школой для слепых на Песочной улице (ныне улица Профессора Попова) в 1906 году был поставлен памятник, исполненный по эскизу М. М. Антокольского. В настоящее время памятник находится во дворе школы для слепых, переведенной на проспект Шаумяна, 44.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЛИЦЕЙСКОЙ ПУШКИНИАНЕ

Лицеведение возникло как отрасль Пушкинианы. О Лицее стали писать прежде всего сами выпускники его. Огромный вклад в знания по Лицейской Пушкиниане внесли лицеисты В. П. Гаевский, Я. К. Грот, Д. Ф. Кобеко, Н. А. Гастфрейнд. И. Я. Селезнев составил труд о Лицее первой половины XIX века. Сын Я. К. Грота Константин Яковлевич также внес свой вклад в Пушкиниану, продолжив дело отца.

Труд друга А. С. Пушкина Ивана Ивановича Пушина в деле Пушкинианы трудно переоценить — он оставил бесценные записки о Пушкине, в которых воссоздал также картины жизни Лицея 1811—1817 годов. Во многом они явились первоисточником знаний о лицейском Пушкине.

В советское время лицейский период жизни и творчества поэта нашел свое отражение в работах крупнейших пушкинистов М. П. Алексеева, Б. П. Городецкого, Б. В. Томашевского, Н. В. Измайлова, Б. И. Бурсова и многих других. В книге Б. С. Мейлаха «Пушкин и его эпоха» отдельная глава посвящена лицейскому периоду жизни поэта. В 1950 году вышла небольшая по формату и объему (всего восемьдесят страниц), но емкая по содержанию книга — очерк-путеводитель яркого представителя культурно-просветительной плеяды Н. П. Анциферова «Пушкин в Царском Селе».

Научная статья М. П. Руденской «Новое о здании Лицея» показала Лицей уже в ином аспекте — со стороны устройства быта и интерьеров его помещений. В 1963 году вышел написанный ею и методистом музея А. С. Пушкина В. К. Зажурило первый основательный путеводитель по Мемориальному музею Лицею — «Лицей».

К лицейской теме обращались и дореволюционные и советские писатели, интересовавшиеся юношескими годами Александра Пушкина. О юном поэте писали Анненков, Авенарпус, Вересаев, Тынянов... Популярные беллетризованные произведения, где в той или иной степени затрагивалась тема Лицея, были созданы для широкой читательской аудитории, в частности для детей и юношества. Но наиболее колоритным по трактовке образов лицейстов и самого Лицея по сей день остается талантливо написанный Ю. Тыняновым роман о Вильгельме Кюхельбекере «Кюхля», отразивший эпизоды лицейской жизни.

В довоенные годы о юном Пушкине-лицейсте был снят кинофильм «Юность поэта». На сценах страны шли также пьесы, посвященные лицейскому Пушкину. Читательский и научный интерес к Лицею, лицейскому периоду жизни поэта с каждым годом становится шире.

До 1917 года: *Гаевский В.* Празднование Лицейских годовщины при Пушкине и после него. СПб., 1910; *Гастфрейнд Н.*

Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лиценстов Первого курса 1811—1817 гг. (в трех томах, кроме биографии В. К. Кюхельбекера). СПб., 1912; *Грот К. Я.* Празднование Лицейских годовщин при Пушкине и после него. СПб., 1910; *Грот К. Я.* Пушкинский Лицей. (1811—1817). Бумаги 1-го курса. СПб., 1911; *Грот Я.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899; *Кобеко Д.* Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1814—1829. СПб., 1869; *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911; *Кобеко Д. Ф.* Первый директор Царскосельского Лицея. Пг., 1915; *Селезнев Н. Я.* Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861.

После 1917 года (советский период): *Анциферов Н.* Пушкин в Царском Селе. М., 1950; *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.—Л., 1962; *Зажурило В. К., Руденская М. П.* Лицей (Путеводитель). Л., 1963; *Малиновский В. Ф.* Избранные общественно-политические сочинения. (Предисловие Э. А. Араб-Оглы: Выдающийся русский просветитель). М., 1958; *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958; *Пуцин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956; *Руденская М. П.* Лицей. (Альбом-путеводитель с Пушкиным. Л., 1976; *Руденская М. П., Руденская С. Д.* Они учились с Пушкиным. Л., 1976; *Пушкинский Лицей.* Л., 1980; *С лицейского порога.* Л., 1984; *Томашевский Б.* Пушкин. Книга первая (1813—1824). М.—Л., 1956.

Статьи *Руденской М. П.*, посвященные воссозданию Лицея с 1957 по 1975 год. В пушкинской газете «Вперед» («Большевикское слово»): Каким был Лицей (1957, № 11); Музею-Лицею — 40 лет (1959, № 68); Будущее Музея-Лицея (1959, № 18); В доме в Певческом переулке (1959, № 145); Лицей примет первоначальный вид (1960, № 85); Пушкинский Лицей. К 150-летию со дня основания (1961, № 118); Там, где учился поэт. Идет воссоздание Лицея (1967, 16 мая); Лицей рождается вновь (1969, № 66); Лицей сегодня и завтра (1974, 28 февраля) и другие статьи. В журналах и изданиях: Новое о здании Лицея.— В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы. Л., 1962; Лицей откроется вновь.— Нева, 1974, № 6; Меморализация Музея-Лицея. (Рукопись). НИИ культуры (Москва), 1974; Келья Пушкина.— Аврора, 1975, № 9.

Статьи *М. П. Руденской и С. Д. Руденской (Балашовой)* о Лицее, лицейстах и наставниках. В газете «Вперед»: Первая земледельческая школа в России (1964, № 113); Лицейская годовщина (1967, 19 октября); Лицей день заветный (1974, № 131); Новое о семье директора Лицея (1975, № 12—13); Самые плодотворные дни. О К. С. Петрове-Водкине в Лицее (1975, № 60—63, 66—68); Стремление всей жизни. В. Ф. Малиновский (1976, № 115—117, 119); Лицейские наставники. Архивы рассказывают (1977, № 37, 43, 49); Пушкинское Лицейское (1977, № 58); В лицейском альбоме (1977, 67); Славные традиции Лицея (1977, № 127) и другие статьи. В журналах: *Руденская С.* Отчизне посвятим души прекрасные порывы. Выпускники Лицея в декабристском движении.— Нева, 1975, № 12; Благодарная память Авианурме.— В мире книг, 1975, № 12; Рисунки Кюхельбекера.— Аврора, 1976, № 11.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ *

ПД(ИРЛИ) — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

ГИОП — Государственная инспекция по охране памятников Ленинграда.

ГРМ — Государственный Русский Музей (Ленинград).

ГМИЛ — Государственный музей истории Ленинграда.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

«В начале жизни школу помню я». — 1, 2 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, д. 290, 1811. — 3 — там же, д. 3, л. 1—2 об. — 4 — там же, д. 290, л. 5. — 5 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, д. 290, л. 5 об., 1811. — 6 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 1, л. 6—8, 1811. — 7 — там же, д. 2а, 1812. — 8 — там же, д. 1, л. 6—8, 1811. — 9 — там же, д. 2а, 1812. — 10 — там же, д. 3650, 1811. — 11 — там же, д. 79, 1816—1817. — 12, 13 — там же, д. 43, л. 1, 1813. — 14 — там же, д. 6. — 15 — там же, д. 6. — 16 — там же, д. 66, 1815. — 17 — ЦГИАЛ, ф. 487, оп. 8, д. 7403.

Лицейские просветители и наставники. — 1 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, оп. 2, д. 106, д. 6 и др. — 2 — там же, ф. 11, оп. 2, д. 3781. — 3 — ПД(ИРЛИ), ф. III, оп. 2, № 2179. — 4 — там же, ф. 244, оп. 4, д. 167, 1812. — 5 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 6 и др. — 6 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, № 50, л. 26, 1813. — 7 — там же, л. 47. — 8 — там же, д. 8, 1812. — 9, 10 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 20, л. 16, 1812. — 11 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, № 54—55, 1814. — 12 — ЦГАЛИ, ф. 312, оп. 1, ед. хр. 6, л. 4—5. — 13, 14 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 2, д. 4122, л. 25, 1816 (Личное дело Энгельгардта. Князь Горчаков назначил капитал в 16 тыс. рублей, «проценты с когого по 5 на сто соответствуют пансионной плате» и «изъявил желание учредить на вечные времена» в Лицее стипендию его имени, с тем чтобы на оную «определяемы были по усмотрению и выбору Совета заведения молодые дворяне преимущественно из числа потомков Энгельгардта»). — 15, 16 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 2, д. 3727. — 17—19 — там же, оп. 1, д. 7, 1811. — 20, 21 — там же, оп. 2, д. 3727, л. 21, оп. 21, 1816. — 22 — ЦГИАЛ, ф. 734, оп. 1, д. 728, л. 205, 1820. — 23 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 2, д. 3727. — 24 — там же, оп. 1, д. 151, 1828. — 25, 26 — там же, д. 1 и др., 1811. — 27, 28 — там же, д. 49а, 1814. — 29—31 — там же, оп. 2, д. 3714. — 32 — там же, 1811—1828 (А. Н. Галич). — 33 — там же, д. 3474, 1821. — 34—37 — ф. 3656. — 38 — там же, д. 2, 1815. — 39 — там же, оп. 2, д. 3637, л. 59, оп. 1, 1815. — 40—44 — там же, д. 3637. — 45 — там же, оп. 1, д. 4120, 1816. — 46 — там же, д. 30,

* См. также: *Руденская М. П.* Новое о здании Лицея. — В кн.: Пушкин и его время, с. 465—482; Мемориалзаявка Музея-Лицея (архив НИИ культуры, Москва); Пушкинский Лицей (архивные источники, с. 234—237).

л. 33.— 47, 48 — там же, д. 2а, л. 4, 1811.— 49, 50 — там же, л. 14, 1811.— 51 — там же, д. 2, 1811.— 52 — там же, д. 4076, л. 2, 1811.— 53 — там же, д. 3658.— 54 — там же, д. 3938, 1811.— 55 — там же, д. 3489.— 56 — там же, д. 88.— 57 — там же, л. 2—6.— 58 — там же, д. 88, л. 2—6.— 59 — там же, д. 3, л. 29 об., 1811.— 60 — там же, д. 4118, 1810—1812.— 61, 62 — там же, д. 3635, 1812.— 63 — там же, д. 3662, 1814.— 64 — там же, д. 3781, 1811 (Е. П. Люценко).— 65 — там же, д. 3761, 1811.— 66 — там же, ф. 1022, оп. 1, д. 5.— 67 — там же, ф. 1, оп. 1, д. 84, л. 1, 1817.

Первый выпуск Лицея. — 1 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 87, 1817.— 2 — там же, д. 84, л. 3, 1817.— 3 — там же, л. 1.

Лицея день заветный. — 1 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, № 57, л. 64.

Пушкинский Лицей — Мемориальный музей. — 1 — ЦГИАЛ, ф. 759, оп. 4, д. 1348.— 2 — ГИОП, материалы Лицея, 1946—1949.— 3—9 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 133, 1820—1822.— 10 — ГИОП, материалы Лицея, 1946—1949.— 11 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 106, 1811.— 12 — там же, л. 13—14.— 13 — там же, д. 133, л. 69, 1822.— 14 — там же, оп. 1, д. 6.— 15 — там же, д. 106, 1811.— 16 — там же, д. 133, 1822.— 17 — там же, д. 106, 1811.— 18 — там же, д. 44, 1813, л. 6.— 19 — там же, д. 44, 1814.— 20 — там же, д. 44, 1817.— 21, 22 — там же, д. 133, 1822.— 23 — ЦГИАЛ, ф. 487, оп. 5, д. 1859, 1821—1822.— 24 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 133, 1822.— 25 — там же, д. 6, 1811.— 26 — там же, д. 133, 1822.— 27, 28 — там же, д. 44, л. 6, 1813.— 29 — ЦГИАЛ, ф. 487, оп. 5, д. 1859, 1821—1822.— 30 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 52, 1811, д. 2.— 31 — там же, д. 7, 2а, д. 30 и др.— 32 — там же, оп. 1, д. 49а, 1817.— 33 — там же, д. 79, 1816—1817.— 34 — там же, д. 79, 1818.— 35 — там же, д. 133, 1822.— 36 — там же, д. 44, 1813.— 37 — там же, д. 2в, л. 137, 1812.— 38 — ГРМ, Фонды (Строгановский альбом).— 39 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 20, л. 116, 1812.— 40, 41 — там же, д. 20, 1813.— 42 — там же, д. 8, л. 5, 1811.— 43 — там же, д. 106, 1811.— 44, 45 — там же, д. 106, 1822.— 46, 47 — там же, д. 106, 1811, д. 106, 1812.— 48 — там же, ф. 11, оп. 1, д. 3, л. 45, 1811.— 49 — там же, д. 43, 1813.— 50 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, № 123, 1820.— 51 — там же, № 123, 1817.— 52 — там же, № 123, 1820, л. 45.— 53 — там же, № 123, 1822.— 54 — ГМИЛ, Фонды (рисунок Лукина).— 55 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 33, № 6.— 56—58 — ЦГИАЛ, ф. 759, оп. 4, л. 1348.— 59 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 101, 1811 и др.— 60 — там же, д. 92, 1817.— 61 — ПД(ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, № 123.— 62 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 6, л. 50, 1811.— 63 — там же, д. 6, 1811.

В садах Лицея. — 1 — ПД(ИРЛИ), ф. 157, № 262.— 2 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 78, 1816.— 3 — там же, д. 79, 1816—1817.— 4—5 — ЦГИАЛ, ф. 487, оп. 5, д. 1862.— 6 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 78, 1816; д. 79, 1816—1817.— 7—8 — ЦГИАЛ, ф. 206, оп. 2, д. 79.

Из истории Лицея. — 1—3 — ГИАЛО, ф. 11, оп. 1, д. 3539; д. 3539, л. 901.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Полная роспись составляет около 1000 имен; в указатель не включены, в основном, имена, вошедшие в Словарь лицестов и наставников, а также не имеющие прямого отношения к Лицею; в некоторых случаях даны дополнительные сведения, представляющие интерес по теме книги (например, впервые установленные родственные связи лицестов и другая информация).

- Авепариус В. П. (авт. кн. «Отроческие годы Пушкина» — 1886) 305; брат Ал-др Петр. — лицест 302
- Азадковский М. К. 144
- Азапчев-Азапчевский П. М. 193—195
- Александр I 25, 26, 28, 35, 45, 51, 53, 55, 56, 58, 59, 66, 67, 101, 119, 140, 141, 143, 159, 160, 216, 224, 278, 296, 297, 303
- Александр II 194
- Алексеев М. П. 11—12, 207—209, 305
- Апненков П. В. (подготовил первое научное изд. соч. А. С. Пушкина в 7 тт. — 1855—1857, собрал «Материалы для биографии А. С. Пушкина» — 1855, выпустил кн. «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» — 1874) 305
- Апненский И. Ф. 166, 270, 271; отец Фёд. Ник. 271, 301; дядя Ник. Ник. 300
- Автокольский М. М. 305
- Анциферов Н. П. 202, 238, 239, 305, 306
- Араб-Оглы Э. А. 290, 306
- Аракчеев А. А. 25, 54, 55, 137, 159, 160
- Апулей (др.-рим.) 125, 273, 284, 286
- Аристарх (Самофракийский) 68, 120
- Аристотель (др.-греч.) 24
- Арсеньев К. И. 73
- Архангельский П. М. 165, 302
- Асафьев Б. В. 299
- Афанасьев (мастер) 214, 216
- Ахматова А. А. 12, 166, 270, 272, 299
- Байрон Д.-Г. 18, 171, 172, 284
- Бакунин А. П. 29, 42, 109, 125, 126, 136, 144, 147, 154, 158, 233, 300; мать 125; сестра Ек. Пав. 126, 265
- Бальзак Опоре де 16
- Бантыш А. 175
- Баратынский Е. А. 10
- Баршев Я. И. 165, 302
- Барышников И. И. 166, 301; брат Ал. Ив. — лицест 301
- Батюшков К. Н. 10, 23, 114
- Бауер В. В. 183, 303
- Бах Р. Р. 157, 199, 268—269
- Беген 174, 303, 304
- Безак А. П. 98; брат Конст. Пав. — лицест 300
- Безверхний Л. М. 203
- Безобразов В. П. 181
- Беклемишев В. А. 268 (сын Ал-дра Петр. — лицеста 301)
- Белинский В. Г. 19, 173
- Белкин С. Ф. 105
- Белуха-Кохановский А. А. 62, 246, 300; брат Мих. Анд. 60, 70, 76, 87, 127, 300
- Белый Андрей 298, 299
- Бенуа И. П. 207
- Берг А. 98, 154
- Бернард Г. А. 193
- Бернштам Л. 263
- Богач Г. Ф. 292
- Богданович И. Ф. 270
- Борель П. 216, 217, 219
- Брандуков Ф. Д. 216, 217, 219, 224
- Браун (Броун) 99, 303
- Бред (Бредер Х.-Г., проф.) 78
- Броглио (Брольо) С. Ф., гр. 29, 30, 33, 109, 113, 136, 233, 279, 300
- Броневский Д. В. 153, 154, 197, 261, 262, 302; брат Вл. Бор. 153
- Буало Н. 119
- Будри Д. И. де (Марат) 42,

- 43, 57, 68, 74—75, 83, 84, 126,
136—138, 165, 205, 230, 302
Булгарши Ф. В. 49, 142—143,
154
Бурсов Б. И. 6, 10, 18, 305
Бурцов И. Г. 66, 101, 102
Бутаевич-Петрашевский М. В.
165, 173, 175, 180, 181, 184,
185, 301
Бухольц П. Е., бар. 98
Вальвиль А. В. 89—90, 302;
Вальвиль (актриса) 89
Ванкувер Георгий 62
Васьков В. 98
Вельо (банкир) 125, 246, 251;
жена 246; Жозефина 246,
250; София 119, 246, 265
Вересаев В. В. (автор книги
«Спутники Пушкина», 1934—
1936) 305
Вернадский И. В. 183, 303
Верстовский А. П. 119
Веселовский К. С. 78, 80, 127,
138—139, 164, 165, 301
Вигель Ф. Ф. 138
Виланд Х.-М. 21, 95
Вилле (учитель танцев) 90
Винкельман И.-И. 70
Виргилий (Вергилий) 225, 286
Витте С. Ю., гр. 185
Воейков А. Ф. 69
Вольтер 21, 113, 225
Вольховский В. Д. 29, 33, 38,
40, 45, 48, 52, 57, 59, 81, 102,
104, 106, 109, 128, 129, 131,
134, 136, 144, 146, 147, 149,
163, 164, 180, 215, 233, 239,
249, 279, 300; дочь Анна 57
Воронихин А. А. (сын А. П.
Воронихина) 300
Воронцов-Вельяминов Г. М. 157
Врангель Е. В., бар. 165, 302;
сын Вас. Ег. — лицеист 301
Врангель Ф. П., бар. 62, 63
Всеволожский Н. В. 140
Вульф 237
Вяземский П. А., кн. 23, 121,
229, 252, 270
Гаевский В. П. 126, 186, 305
Галахов А. П. 98; брат Сер.
Пав. — лицеист 300
Галем Г.-А. (нем. историк) 76
Галич А. П. (Говоров) 70—75,
77, 78, 94, 113, 114, 117, 118,
138, 233, 243, 283
Гамм А. Ф. 218
Ганнибал А. П. и М. А. 20,
21
Гань Петр 236—237
Гартман П. Н. 99, 302
Гастфрейнд Н. А. 135, 186, 199,
305—306
Гауеншильд Ф. М. 43, 68, 70,
75, 83, 84, 88, 96, 98, 106,
117, 137, 143, 293—297, 302;
Иоганна и Юлия 294, 296
Гейне Генрих 167, 168, 171, 172
Гельмерсен П. П. 165, 303
Генц Фридрих 296
Георгиевский П. Е. 77—79, 154,
165, 175, 302
Герен Г.-А. 76
Герман К. Ф. 73
Герцен А. И. 165, 185, 186
Гете И.-В. 11, 167, 168
Глинка А. Г. 39, 244, 288
Глинка М. И. 12, 269
Глинка Ф. Н. 5, 9, 66, 123, 141
Глушковский А. 90
Гоголь Н. В. 5, 79, 269
Голицын А. Н., кн. (министр
духовных дел и народного
просвещения, главноначаль-
ствующий Лицея, 1816—
1822) 59, 66, 67, 70, 131, 160,
224, 254, 259, 260
Голицын Н. С., кн. 98, 293, 294
Голлербах Э. Ф. 126—127, 166,
269, 271, 273
Головачева-Панаева А. Я. 173
Голубцов С. Я. 169, 301
Гольтгоер Фёд. Г. 82, 160, 163,
168—169, 174, 197, 302; сы-
новья Конст. и Мих. — лице-
исты 301
Гораций (др.-рим.) 71, 278
Гомер (др.-греч.) 72, 225
Городецкий Б. П. 207, 305, 306
Горчаков А. М., кн. 17, 29, 30,
33, 38, 47, 57, 63, 88, 103—
104, 108—110, 113, 118, 120,
126, 128, 129, 131, 136, 145—
147, 149, 158, 164, 180, 181,
191, 197, 233, 239, 277, 300,

- 307; сестра Ел. Мих. (Кантакузен) 112, 126; внук 191
 Горький А. М. 8, 15
 Горяинов В. Ю. 158
 Графе (Графе) Х.-Ф. (Теодор Богд.) 295
 Гревениц П. Ф., бар. 18, 30, 33, 79, 116, 129, 136, 154, 158, 233, 300
 Грей Томас 264
 Греч Н. И. 73
 Грибоедов А. С. 16, 283
 Гризье Огюстен 90
 Гроздов Ф. В. 99, 175, 302
 Гроты: К. К. 165, 197, 301, 304—305; Я. К. 76, 78, 94, 154, 155, 160, 164—166, 185, 197, 218—219, 258, 301, 303, 305, 306; сын Конст. Як. 305, 306
 Гумплев Н. С. 270
 Гурьев К. 29—31, 33, 97, 233
 Гуфеланд 65
 Гюар (Юар) 90, 302
 Гюго Виктор 172
 Данзас К. К. 30, 88, 129, 136, 154, 226, 233, 239, 279, 300; брат Бор. Карл. 97, 144, 300
 Данилевский Н. Я. 165, 185, 302
 Данилов Петр 235
 Данилов Фёд. 223
 Данте Алгьери 241
 Дантес Ж. 273
 Даргомыжский А. С. 12
 Деларю М. Д. 60—61, 154, 165—167, 169, 270, 301
 Дельвиг А. А., бар. 8, 10, 17, 23, 30, 69, 71, 79, 86, 102—104, 106, 109, 110, 113, 120—122, 126, 128, 135, 136, 144, 145, 148—151, 166, 179, 180, 192, 233, 239, 243, 249, 250, 264, 275, 277, 280, 283, 287—288, 300; сестра Мария Ант. 120
 Демидов Н. И. 160—161
 Державин Г. Р. 10, 23, 69, 113, 114, 121—123, 166, 170, 204, 252, 270, 285, 286
 Дестунн С. Ю. 76
 Деций Гай (имп. др.-рим.) 77
 Дидло Ш.-Л. 90
 Дмитриевский И. А. 38
 Дмитриев И. И. 23, 69, 286
 Добролюбов Н. А. 186
 Донауров М. И. 49
 Дэль-Любашевский Л. С. 234
 Дюма Александр (отец) 90, 169
 Европеус А. И. 185
 Егоров Б. Ф. 173
 Екатерина II 49, 74
 Ермолов А. С. 185
 Есаков С. С. 30, 46, 107, 108, 129, 131, 136, 233, 239, 300; сын Евг. Сем. 164, 185, 302
 Ефимов Агафон (кучер) 93
 Жадовский А. Е. 154, 300
 Жербцов С. Н. 144, 300
 Жилле Ремп 165, 302
 Жуковский В. А. 10, 21, 23, 69, 86, 121, 123, 252, 270, 286, 294, 303
 Забелло П. П. 199
 Завадовская Е. М. 17
 Замятнин П. Н. 98; брат Дм. Ншк. — лиценст 300
 Зарубаев В. Н. 157, 158, 178, 191—192; отец Ншк. П. 191
 Зернов 303
 Золотарев М. А. 40, 94, 304
 Зотов В. Р. 147, 155—157, 165, 169, 173, 263, 301
 Зябловский Е. Ф. 76
 Иванов П. 216, 217, 219
 Ивановский И. А. (Игнат Иакинфович) 165, 302
 Измайлов А. Е. 126
 Измайлов Н. В. 207, 305
 Иконников А. Н. 38—39, 110, 303
 Иллчевский А. Д. 30, 33, 69, 103, 105—109, 113, 126, 136, 146, 148—150, 226, 233, 280, 300
 Ипсиланти Константин, кн. 290, 291
 Итальянский А. Я. 291
 Каверин П. П. 118, 253
 Казакевич 191; сын Евг. 191
 Казаков Я. А. 207
 Кайданов Н. К. 33, 42, 43, 73, 75—77, 80, 82—84, 137, 138,

- 154, 165, 302; сыновья: Ал. 77, 301; Вл. 77, 164, 301; Ник. 77, 185, 301
- Калинич Ф. П. 87—88, 126, 165, 175, 205, 230, 239, 302—304
- Калошин П. 66
- Камараш И. А. 94, 304
- Кант Иммануил 65
- Каразин В. Н. 141
- Карамзин Н. М. 21, 23, 45, 123, 251—253, 267, 270, 286, 294, 295
- Карцова К. Ф. 82, 83
- Карцов Я. И. 42, 43, 81—84, 137, 138, 165, 229, 302
- Кашенев В. Г. 194
- Кашкин Н. Н. (занимался вопросами положения крестьян, каторжан; был почетным мировым судьей Козельского уезда, где жил в имении Прыски; составил «Родословные разведки» — о роде Кашкиных с записью рассказа Н. С. Кашкина о деле Петрашевского) 186; отец Ник. Сер., дед Сер. Ник. — декабрист 185, 186
- Кваренги Д. 254
- Кедринский А. А. 207
- Кемерский Леопт. 92
- Керн А. П. 120
- Кипренский О. А. 42
- Кирида (Кифера, Цитера — Афродита, греч. миф.) 100, 113, 118
- Кисти (мастер) 224, 236
- Клагель 81
- Клейн Э.-Ф. (нем. юрист) 65
- Клейст Е. А. 174
- Кнабенау (полковник) 254
- Кобеко Д. Ф. 31, 35, 56, 101, 159, 177, 186, 199, 263, 269, 294, 297, 305, 306
- Ковалевский 228
- Комаровский В. А. 271
- Комовский С. Д. 15, 30, 39, 89, 109, 136, 149, 154, 197, 215, 232, 233, 237, 238, 300; братья Ал-др 182—183, 301; Вас. 98
- Константин Павлович, вел. кн. (главноначальствующий Липя, 1822—1831, с 1831 по 1843 г. в этой должности состоял вел. кн. Михаил Павлович) 160
- Константинов В. 175
- Корнелий Непот (др.-рим.) 69, 72
- Корнилов А. А. 30, 33, 106, 109, 136, 144, 147, 158, 233, 300
- Корсаков Н. А. 30, 33, 57, 103, 109, 113, 120, 121, 128, 131, 136, 146, 147, 149, 233, 239, 276, 300
- Корф М. А., бар. 15, 30, 40, 41, 72—74, 78, 81, 85—86, 88—90, 95, 107, 108, 120, 127, 128, 131, 136, 149, 152, 154, 155, 158, 175, 197, 233, 239, 246—247, 261, 294, 300
- Корф Н. Ал-др., бар. 185
- Косов Фёд. Ник. (лицейст вып. 1883 г.) 197
- Костаки Вениамин 292
- Костенский К. Д. 30, 33, 106—107, 109, 128, 136, 233, 239, 300
- Костюшко Тадеуш 83
- Котляревский Н. А. 184, 303
- Кочубей В. П., гр. 25, 44, 126, 141, 257, 266, 289—291; дочь Нат. Викт. 42, 126, 265
- Кох А. И. 165, 303
- Кочетов (священник) 154, 160
- Кошанский Н. Ф. 42, 43, 68—71, 73, 76—78, 83, 84, 96, 136—138, 142, 164, 173, 295, 296, 302
- Кошелев Р. А. 49
- Крафт Л. Ю. (физик, акад.) 53
- Кречетова Т. Н. 206
- Круг И.-Ф. (Филипп Ив., историк, акад.) 295
- Крузенштерны Ал-др и Платон (сыновья И. Ф. Крузенштерна) 301
- Крылов И. А. 269
- Ксенопол А. Д. (Xenopol) 292
- Кузмин М. А. 299
- Куницын А. П. 33, 35, 36, 42, 43, 48, 53, 63—69, 73, 75, 76, 82—84, 97, 99, 131—134, 136—

- 138, 140, 159, 164, 228, 280, 296, 302, 304
- Курнанд И. А. 165, 183, 302
- Кусков А. П. 199
- Кутузов М. И. 237
- Кущелев-Безбородко Г. А., кн. 169
- Кюхельбекер В. К. 8, 10, 11, 14—15, 23, 30, 33, 39, 48, 57, 59, 61, 69, 72, 73, 76, 79, 88, 102—106, 109, 110, 113, 119, 120, 125, 126, 128, 129, 131, 136, 140, 142, 144, 145, 147—150, 152, 180, 233, 238—239, 243—246, 249, 250, 264, 275, 277, 280—283, 288, 300, 305, 306
- Лаваль И. С., гр. 67
- Лаврецкий И. А. 199
- Ламанский Е. И. 165, 185
- Лангер В. П. 62, 165, 185, 205, 218, 219, 221, 251, 260, 266, 300, 303
- Лаудон, бар. 294
- Левашов (ген.-майор) 254
- Ленин В. И. 25, 173, 254, 298
- Лермонтов М. Ю. 10, 171, 263
- Лесков Н. С. 184—185
- Линней Карл (швед. ботаник, почетный чл.-кор. АН) 260
- Логановский А. В. 256
- Лоди (Людий П. П., юрист) 31
- Ломоносов М. В. 69, 243, 270
- Ломоносов С. Г. 29—31, 33, 57, 87, 131, 136, 154, 158, 233, 300
- Лопухин И. В. 49
- Лоренц 81
- Лоцинин Н. П. 207
- Лукин 235
- Любимов Л. Д. 157, 158, 186—191
- Люценко Е. П. 94—96, 304
- Лялин 99
- Магницкий М. Л. 159
- Макаров Григорий 209
- Макашин С. А. 175
- Малиновские: Анна Вас. (Розен) 52, 57; Мария Вас. (Вольховская) 51, 52; Мария Ив. (Пушина) 52; Софья Анд. (урожд. Самборская) 50, 51, 107; Анд. Вас. 52, 144, 164, 300; Ал. Фёд. 45; Иосиф Вас. 98; Петр Пав. 157, 193, 292; Пав. Фёд. 44, 45; Фёд. Авкс. 45
- Малиновский В. Ф. 25, 29, 31—38, 42—53, 56, 68, 69, 75—76, 83, 86, 89, 98, 107, 127, 128, 136—138, 141—142, 157, 197, 232, 245, 266, 267, 289—293, 295, 296, 302, 306
- Малиповский И. В. 16, 23, 30, 31, 33, 35, 38, 39, 45, 46, 48, 52, 57, 88, 107, 110, 113, 117, 126, 128, 136, 144, 145—147, 152, 154, 157, 158, 164, 192, 193, 215, 232—233, 237, 238, 266, 279, 300
- Мандельштам О. Э. 202, 270
- Марат Ж.-П. (брат де Будри) 43, 67, 74, 102, 103
- Мартынов А. И. 30, 89, 136, 154, 233, 300; отец Ив. Ив. 26, 29, 34; брат Ал.—др Ив. 300
- Мартини И. Е. 165, 303
- Маслов Д. Н. 30, 38, 109, 131, 136, 140, 147, 154, 158, 233, 300
- Матюшин И. И. 105
- Матюшкин Ф. Ф. 30, 33, 40, 62, 63, 68, 71, 104, 128, 129, 136, 144, 145, 149, 158, 160, 180, 197, 215, 218, 229, 233, 239, 250, 256—257, 260, 276, 300
- Мей Л. А. 8, 155—156, 165—170, 173, 180, 196, 301
- Мейер К. Б. 239, 303
- Мейлах Б. С. 305, 306
- Местр Жозеф Мари де, гр. (франц. философ и писатель: его брат Ксавье де Местр жил и работал в России, франц. писатель, ученый, художник, автор миниатюры — портрета матери А. С. Пушкина) 25, 26
- Меттерних-Виннебург К.-В. 143, 293, 296, 297

- Мещерский А. В., кн. 166, 301;
 брат Платон Вас. 301
 Миллер Н. И. 184—185, 197,
 302; брат П. Ив. 165, 257—
 258, 301
 Милонов М. В. 10
 Михайлов Ив. 93
 Михайловский Н. К. 186
 Мицкевич Адам 167
 Молоствов П. X. 253
 Молчанов П. П. 144, 300
 Монгескье Ш.-Ж. де 65
 Моцарт В.-А. 142, 247, 249, 300
 Муравьевы: М. Н. 49; П. М.
 49, 123; А. Н. 66, 102; П. П.
 66, 102; А. П. — лицейст 301
 Мясоедов П. П. 30, 109, 136,
 233, 300

 Набоков (художник) 214, 216
 Наполеон Бонапарт 86, 103,
 115, 117, 265
 Наталья (крепостная актриса)
 111, 126
 Наумов А. А. 199
 Нащокина П. В. 98, 287
 Неелов Ил. Вас. (отец Петра
 и Вас. Нееловых) 201; впуск
 Ив. Петр. 301
 Нелединский-Мелецкий Ю. А.
 120
 Некрасов Н. А. 167, 269
 Непомнящий В. С. 12
 Неруда Пабло 200
 Никитина Н. С. 175
 Никитенко А. В. 72
 Николай I 143
 Никольский В. В. 184, 303
 Никольский П. В. 78
 Новиков Н. И. 42, 45, 49, 50
 Ножин Н. Д. 186
 Носов Н. И. 98
 Нумерс Август Фёд. 98, 144;
 братья Ал. и Логгин — ли-
 ценсты 300, 301

 Оболенский А. Ф. 99, 163, 174,
 175, 302—304
 Оболенский Е. П., кн. 66
 Овидий (Публий Овидий На-
 зон, поэт др.-рим.) 141, 282
 Огарев Н. П. 185, 186
 Ожаровский, гр. 125

 Озеров В. А. 89
 Окунев И. А. 98
 Олива Ф. А. де 165, 302
 Ольдекоп Х.-В. (Евстаф. Ив.,
 цепзор, перевел Пушкина
 на нем. яз.) 295
 Ольденбургский П. Г., принц
 (первый попечитель Лицея,
 1843—1881) 196
 Опекушин А. М. 197
 Оранский Вильгельм, принц
 120
 Орлов М. Ф. 123
 Оссиан (кельтский бард; ми-
 стификатор Дж. Макферсон,
 скрывавшийся под его име-
 нем) 112
 Остен-Сакен (Сакен), бар. фон
 дер 63, 215, 216, 303, 304;
 жена Е. Ег. (урожд. Энгель-
 гардт) 63
 Отт О. Ф. 185

 Павлилов Семен 93
 Павел I 53, 291
 Павлишев Н. И. 98
 Палей В. 271, 273
 Парис (греч. миф.) 17
 Парни Эварист (франц. поэт,
 один из любимых Пушкин-
 ным) 272
 Переглевский П. М. 183—184,
 303
 Пестель П. 66, 123
 Петр I 76, 136
 Петров-Водкин К. С. 202, 298—
 300, 306; жена Мария Ф.
 (Иванович М.-Ж.) 298—300;
 дочь Е. К. (Дунаева) 298,
 299
 Петров Як. 235
 Пецольд А. С. 165, 302—304
 Пешель Ф. О. 41, 42, 93, 138,
 154, 304
 Пещуров А. Н. 47, 120
 Пилецкий-Урбанович М. С.
 87—89, 137, 245, 293, 302, 303
 Пименов Н. С. 256
 Плетнев П. А. 63, 71, 79, 154,
 171, 250, 252, 287
 Плутарх (др.-греч.) 76
 Погодин М. П. 251
 Поджио А. В. 66

- Позен В. Л. 268
 Позняк И. Дм. 126, 300; сестра Софья Дм. (Попомарева) 126
 Полесвой Н. А. 73
 Потемкин Г. А., кп. 53
 Преображенский И. В. 173—174
 Принц Г. Г. 179, 301
 Пробкин И. К. 213, 214
 Прокеш (морской офицер) 296
 Прокофьев («дядька») 92
 Прокофьев С. С. 299
 Пучкова Е. И. 118
 Пушкины: В. Л. 21, 29, 123; Л. С. 13, 20, 22, 93; М. А. 19, 20; Н. А. 19; Н. Н. 257; Н. О. (урожд. Гангибал) 20; Н. С. 22; О. С. (Павлицева) 20, 112, 233; С. Л. 20
 Пушин И. И. 13—16, 23, 24, 29—31, 33—41, 48, 52, 53, 57, 63, 69, 81, 85, 92, 94, 99—104, 106, 108, 110, 113, 117, 119, 122, 125—131, 135, 136, 140, 142, 144, 145, 147, 149, 150, 153, 155, 180, 186, 192, 193, 204, 211, 213, 215, 220, 222—223, 228, 231, 233—235, 237—239, 245, 249, 254, 258—259, 277, 280, 300, 305, 306; дед Петр Ив. 31; двоюродный брат Петр Пав. 31
 Радищев А. Н. 25, 42, 102
 Раевский Н. Н. 253
 Раевский В. Ф. 268
 Разумовский А. К., князь (министр народного просвещения, 1811—1816, главноначальствующий Липеця) 25, 26, 29, 31—34, 36—38, 40, 43, 47—51, 69—70, 73, 84, 89, 96, 106, 114, 117, 119, 120, 228, 232, 245, 293, 295
 Растопчин (Ростопчин) Ф. В., гр. 290
 Рашет Ал-др 98
 Раухах Э.-Б. 73
 Решич И. Е. 121—122
 Римский-Корсаков Н. А. 169
 Ржевский А. А. (поэт) 78
 Ржевский Н. Г. 30, 33, 109, 136, 233, 300
 Рихтер А. Бор. 154, 301; братья Копет., Бор. — лиценсты 300, 301
 Роде — Rode (Род Жак Пьер Жозеф, франц. композитор) 113
 Рождественский В. А. 270—272
 Розанов Фома Филм. 69
 Розен А. Е., бар. 35, 52, 57, 291, 292
 Розен Ф. Ф., бар. 154, 301
 Ротгаст П. А. 94, 217, 235, 304
 Рубец А. А. 34, 193, 199
 Румянцев П. П., гр. 294
 Рунич Д. П. 67, 159
 Руссо Ж.-Ж. 67, 250
 Рылеев К. Ф. 104
 Рябинин А. М. 245
 Сабуров Я. И. 253
 Саврасов П. Ф. 30, 33, 131, 136, 147, 215, 233, 300
 Сазонов («дядька») 93, 293
 Сакер 126, 230, 245
 Салтыков В. П. 74
 Салтыков-Щедрин М. Е. 17, 165, 166, 170—176, 180—181, 185, 302; отец Е. В. 174; мать О. М. 174—176; брат Д. Е. 175—176
 Сальери Антонио 247
 Самборский А. А. 44, 48, 51, 95, 108, 266; дочь Алпа Анд. 51, 107—108
 Северин И. 125; жена 250
 Селезнев И. Я. 34, 38, 53, 94, 177, 196, 294, 304—306
 Семевский В. И. 184, 303
 Семенов В. Н. 249, 300
 Сенковский О. И. 96
 Сен-Мартен 49
 Серно-Соловьевичи А. Ал-др. и Н. А. 186
 Серов (купец) 235
 Сидоров Степан 93
 Скалон (кастелянша) 92
 Скуднов М. А. 199
 Слонимский Ю. 91
 Смит Адам 65
 Смит Мария 56—58
 Соколов П. П. 255
 Соловьев Н. 218

- Сперанский М. М. 24—25, 51, 68, 136, 294, 297
 Спешнев 99
 Спешнев Ник. Ал-др. (исключен из Лицея в 1839 г.) 185
 Стасов В. П. 201, 210, 213, 214, 216, 221, 223, 224, 227, 231, 232, 253; сыновья Вл. В. — критик 186; Ал-др В. 201
 Стасюлевич М. М. 171
 Стевен Ф. X. 30, 109, 136, 147, 149, 154, 233, 300
 Строганов 227
 Стюарт Д. Ф. 135
 Ступель А. М. 248
 Стурдза А. С. 141
 Суковкин А. П. 98
 Суццо Ал-др 290—291
 Сучков («комиссар») 216
- Тамерлан (Тимур) 44
 Тассо Торквато 225
 Татищев В. П. 76
 Теллер Фергюссон Л.-В. де 57, 125, 135, 138, 229, 246—251, 258; отец 246, 248; жена Жанетта Ив. 246, 250
 Тидге Х.-А. 11
 Тилло 165, 302
 Титов Н. С. 119
 Толстой В. В., гр. 125, 126, 251
 Толстой Л. Н. 20, 189
 Томашевский Б. В. 6, 18, 116, 305, 306
 Торнау Ф. Ф. 98
 Траверсе Н. А. де, маркиз 185
 Туманский В. И. 10
- Тургеневы: А. Ив. 30, 139, 252, 294; Н. С. 79—80, 239; М. Н. 49; Ник. Ив. 64, 123, 140; С. Ив. 140
 Тютчев Ф. И. 10, 270
 Тынянов Ю. Н. 44, 305
 Тырков А. Д. 30, 136, 148, 151, 233, 300
- Увакин Иван 210
 Уваров С. С. 43, 293—295
 Унковский А. М. 175
 Уреке В. А. 292
 Урусов П., кв. 172
 Усов Ф. С. 172, 301; брат Д. С. 301
- Ушаков В. А. 76
 Ушинский К. Д. 184
- Фабер Теодор 54
 Фабий Максим (др.-рим.) 77
 Фаминины: А. А. и С. А. 154, 300, 301
 Федр (лат., баснописец) 69, 73
 Фердинанд I 296
 Филоп (Александрийский, философ) 79
 Фома («дядька») 117
 Фотий (архимандрит) 159
 Фрейганг А. 98
 Френ Р. 98
 Френ Х. Д. (акад.) 295
 Фролов С. С. 69, 87, 137, 302
 Фусс Ник. Ив. (акад.; сын Павел — друг А. Д. Илличевского) 81
- Ханыков Н. В. 165, 301; брат Яков Вл. 185, 301, 303
 Харитонов А. А. 155, 164, 301
 Хемницер И. И. 69
 Херасков М. М. 69
 Хлюстин С. С. 96
- Цезарь Гай Юлий 44
 Цетрус 165, 303, 304
 Цильберг 81
 Цинтия (лат. миф.) 288
 Цирцея (Кирка, греч. миф.) 273
 Цицерон Марк Туллий (др.-рим.) 125, 284, 285
 Цыбульский В. В. 62
- Чаадаев П. Я. 23, 121, 140, 253, 287
 Чайковский П. И. 119
 Чачков В. В. 137, 302
 Чернышевский Н. Г. 186
 Чижов М. А. 268
 Чириков С. Г. 41, 85—87, 104, 107, 126, 138, 154, 165, 175, 211, 239, 240, 302, 303
 Чихачевы: П. А. и П. А. 62
 Чудовский В. А. 199
- Шау Ф. И. (Томас Шоу) 165, 183, 302
 Шаховской А. А. 113
 Шварц В. Г. 164, 186, 196
 Шеллинг Ф.-В. 73

- Шереметев Д. Н., гр. 93
 Шиллер И.-Ф. 109, 167, 248, 278
 Шильдер (генерал) 190
 Шишков А. С. 69
 Шмальц 65
 Шредер (Шрётер И.-И., астроном, акад.) 82
 Штейнгель В. И. 137, 141
 Шторх Андрей (Генрих) Карл. (акад.) 53, 54; сыновья Конст. и Ник. — лицеисты 301
 Шульгин И. П. 79—81, 154, 165, 175, 302, 304
- Щеглов Н. Т. 165, 183, 302
- Эбергардт И. И. 90—91, 175, 302—303
 Эйлер Леонтий К. 93—94, 304
 Эйлер Леонард 93
 Эльснер Ф. Б., бар. 81, 83, 296, 302
 Энгельгардт Ег. Ант. 34, 36, 38, 39, 42, 52—63, 68, 70, 85, 87, 88, 91, 98, 107, 125, 131, 134—138, 141, 143, 144, 148, 152—155, 160, 162—164, 174, 192, 197, 215—216, 218, 219, 224, 229, 245, 247, 249—250, 254, 256, 257, 259—261, 267, 296, 302, 307
 Энгельгардты: Ант. Вл. 53; Ал-др Ег. 98; Вл. Ег. 218—219, 301; Макс. Ег. 300; Мария Як. 56; Ди Приада Христиана 53
 Энгельсон Вл. Аристович (учился в Лицее до 1839 г.) 185
 Эппи (Е. А. Розен) 57
 Эпаминнонд (полководец, др.-греч.) 77
 Эрстов Д. А. 126, 300
 Эфрос А. М. 104, 106, 107, 180
- Юдин П. М. 21, 30, 129, 136, 154, 158, 233, 237, 300
- Языков М. А. 166, 173
 Якоб Исаак (Шмидт Як. Ив., языковед, чл.-кор. АН) 65, 78
 Яковлев М. Л. 12, 30, 31, 57, 103, 108, 113, 120, 121, 128, 136, 145, 149, 151, 152, 154, 158, 180, 197, 233, 239, 246, 300; брат Пав. Лук. 105
 Яфимович А. М. 98
 Яхонтов А. Н. 80, 87, 88, 165—168, 180, 198, 261—262, 301

ОГЛАВЛЕНИЕ

«НАШ ПУШКИН... НАШ ЛИЦЕЙ»	5
ЛИЦЕЙСКИЙ ПУШКИН	9
ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ. 1811—1817	23
«В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я»	23
«Вы помните, когда возник Лицей...»	23
Организация и Устав Лицея	24
Вступительные экзамены и первые впечатления	28
«И мы пришли...»	32
Открытие Лицея	34
Лицейские будни	36
ЛИЦЕЙСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И НАСТАВНИКИ	42
Директора, профессора и адъюнкты	42
Малиновский В. Ф.	43
Энгельгардт Е. А.	52
Куницын А. П.	63
Кочанский Н. Ф.	68
Галч А. И.	71
Будри Д. И.	74
Кайдавов И. К.	75
Георгиевский П. Е.	77
Шульгин И. П.	79
Карцов Я. И.	81
Эльснер Ф. Б.	83
Конференция Лицея	83
Учителя, гувернеры и надзиратели	85
Чириков С. Г.	85
Калинич Ф. П.	87
Пилецкий-Урбанович М. С.	88
Вальвиль А. В.	89
Эбергардт И. И.	90
ДЯДЬКИ И СЛУЖИТЕЛИ	91
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ	93
Эйлер Л. К.	93
Золотарев М. А.	94
Люденко Е. П.	94
ЛИЦЕЙСКИЙ ПАНСИОН	96
ШЕСТЬ ЛЕТ СОЕДИНЕНЬЯ	99
Жизнь лицейская	99
«Святое братство»	101
Лицейское творчество	102
Рукописные журналы	102
Рисунки лицейстов	103
Лицейский альбом	108
Лицейские поэты и музыканты	110
Переходный экзамен	121
Царскосельские встречи	123
«Ваш резвый круг»	128
Первый выпуск Лицея	130
«НАСТАВНИКАМ... ЗА БЛАГО ВОЗДАДИМ»	136
«Плоды лицейского воспитания»	139
«ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ»	145

ЛИЦЕЙ. 1817—1917	147
«ЛИЦЕЯ ДЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ» (лицейские годовщины)	147
ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ. 1817—1843	158
Лицейские годы М. Е. Салтыкова-Щедрина	170
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЛИЦЕЙ. 1844—1917	176
ИЗ ЛИЦЕЙСКИХ ОБЫЧАЕВ	192
ЛИЦЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ	196
ПУШКИНСКИЙ ЛИЦЕЙ — МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ	201
«ТАМ, ГДЕ ТИХО РАЗВИВАЛСЯ Я ДАВНИШНЕЮ ПОРОЙ»	201
История здания Лицея. Рождение музея	201
Музей Лицей. 1949—1966	203
Реконструкция и мемориализация Лицея	204
Здание Лицея	209
Народное крыльцо	210
Расположение помещений	211
Передняя	212
Большой зал	213
Газетная комната	221
Библиотека	223
Проходная и длинная комнаты	225
Физический класс	226
Физический кабинет	228
Учебный класс	229
Класс пеня	229
Запасная лестница и служебные помещения	229
Служебная лестница, столовая и больница	230
Спальный коридор и комнаты воспитанников	231
Комната дежурного гувернера	239
Квартира Чиркова	240
«В САДАХ ЛИЦЕЯ»	242
«ПРЕДЕЛ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ»	242
ДОМ ДИРЕКТОРА	245
ДОМ ТЕМПЕРА	246
ДОМ КАРАМЗИНА	251
СОФИЯ. ЗДАНИЕ ЛИЦЕЙСКОГО ПАНСИОНА	253
МАНЕЖ И КУПАЛЬНЯ	254
ПУШКИНСКИЕ ПАРКИ	255
«СЧАСТЛИВЫЙ ГОРОДОК»	256
МУЗЕЙ-ДАЧА А. С. ПУШКИНА	257
ЛИЦЕЙСКИЙ САД	258
«ИДУ НА ПОКЛОНЕНИЕ...»	263
ВЕНОК ЛИЦЕЮ	275
ПРИЛОЖЕНИЯ	289
Памятный кубок. Дар жителей Ясс русскому консулу	289
Из истории Лицея	293
Детскоесельские годы К. С. Петрова-Водкина	298
Словарь лицейстов и наставников	
Выпускники Царскоесельского лицея (I—XIII курсы)	300
Преподаватели, воспитатели и служащие Лицея	302
Основная литература по Лицейской Пушкиниане	305
Архивные источники	307
Именной указатель	309

Мария Петровна
Руденская
Светлана Давыдовна
Руденская (Балашова)
**«НАСТАВНИКАМ...
ЗА БЛАГО ВОЗДАДИМ»**

Очерки

Заведующая редакцией
А. М. Березина
Редактор
Э. Ф. Кузнецова
Художник
В. П. Веселков
Фотограф
В. П. Мельников
Художественный редактор
И. З. Семенцов
Технический редактор
Г. В. Преснова
Корректор
Т. П. Гуренкова

В художественном оформлении книги использованы рисунки: на обложке — автопортрет А. С. Пушкина, на авантитуле — лицейская медаль (по наброску Е. А. Энгельгардта), на фронтиспise — виньеты В. П. Лангера.

ИБ № 3817

Сдано в набор 10.02.86. Подписано к печати 06.08.86. М-27970. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,80+вкл. 1,68. Усл. кр.-отг. 20,37. Уч.-изд. л. 18,21+вкл. 1,34=19,55. Тираж 100 000 экз. Заказ № 294. Цена 1 р. 60 к.
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Руденская М. П., Руденская С. Д.
P83 «Наставникам... за благо воздадим»: Очерки.—
Л.: Лениздат, 1986.— 319 с., ил.

В 1986 году исполнилось 175 лет со дня основания Лицея, прогрессивного учебного заведения, где воспитывались и обучались А. С. Пушкин и многие выдающиеся деятели культуры, науки и освободительного движения, от декабристов до участников Великой Октябрьской социалистической революции.

В книге, представляющей собой переработанное и расширенное переиздание книги тех же авторов «Пушкинский Лицей» (Лениздат, 1980), рассказывается об истории Лицея со дня его основания до создания в нем в наши дни мемориального музея.

Книга высокого идейно-патриотического звучания широко освещает опыт передовой русской педагогики, который и сегодня может быть полезным в осуществлении воспитательного процесса. В издание включены биографии лучших лицейских просветителей и наставников.

Рассчитана на широкий круг читателей.

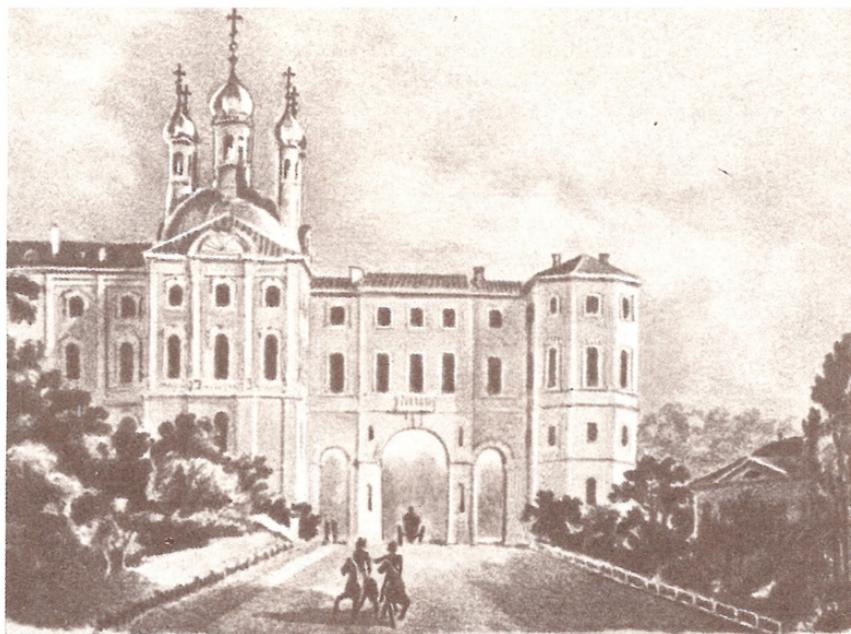
P: 4702010200—129
M171(03)—86 312—86

74.03

А. С. Пушкин. Рисунок К. Н. Батюшкова (по атрибуции А. М. Эфроса).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Лицей. Рисунок лицеиста
А. А. Бедухи-Кохановского.
1820—1823.

М. М. Сперанский. Портрет
работы А. Г. Варнека.
1830-е гг.

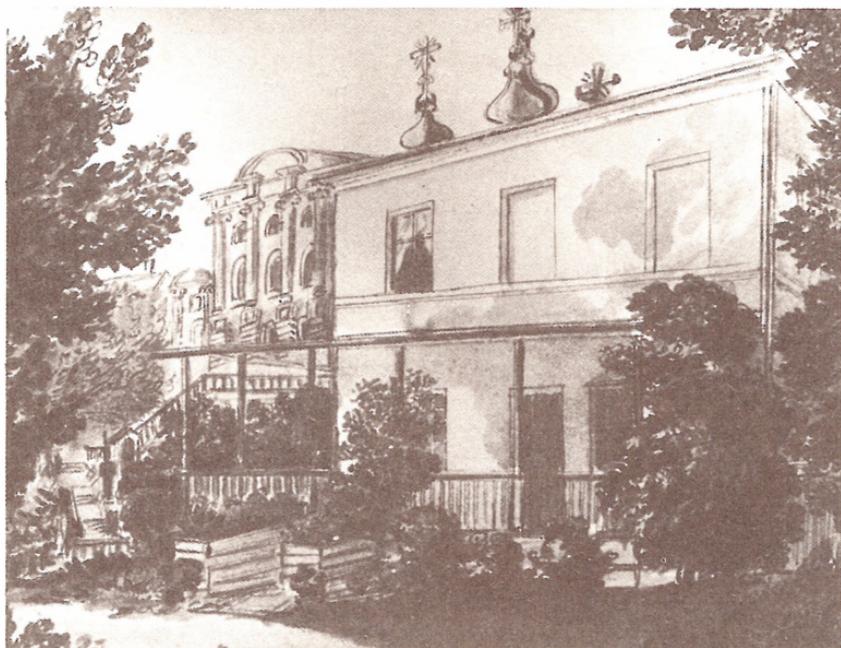
Е. А. Энгельгардт. Портрет работы неизвестного художника. 1810-е гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

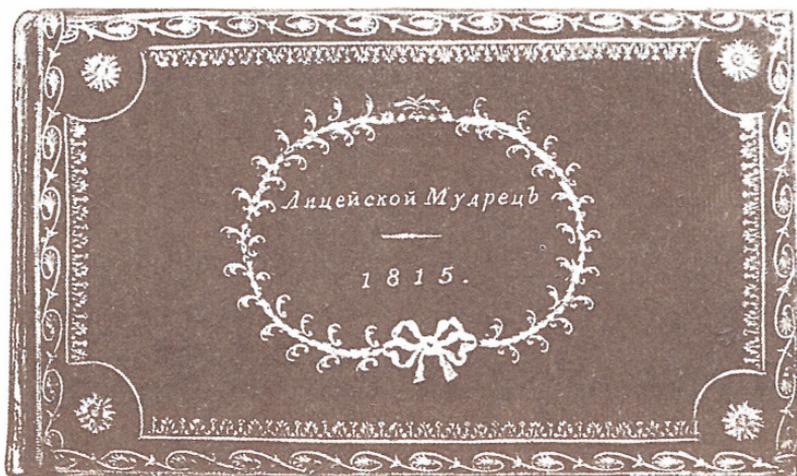

В. Ф. Малиновский. Портрет работы неизвестного художника. Конец XVIII — начало XIX в.

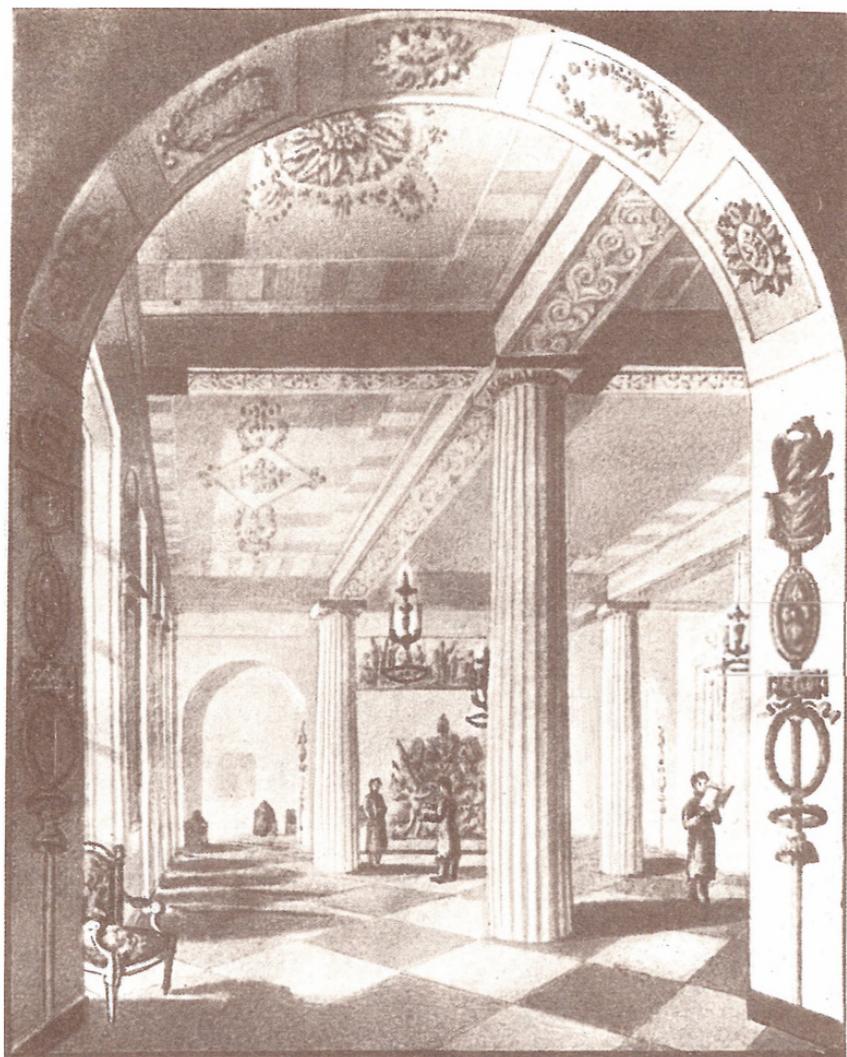
Пушкинский кабинет ИРЛИ

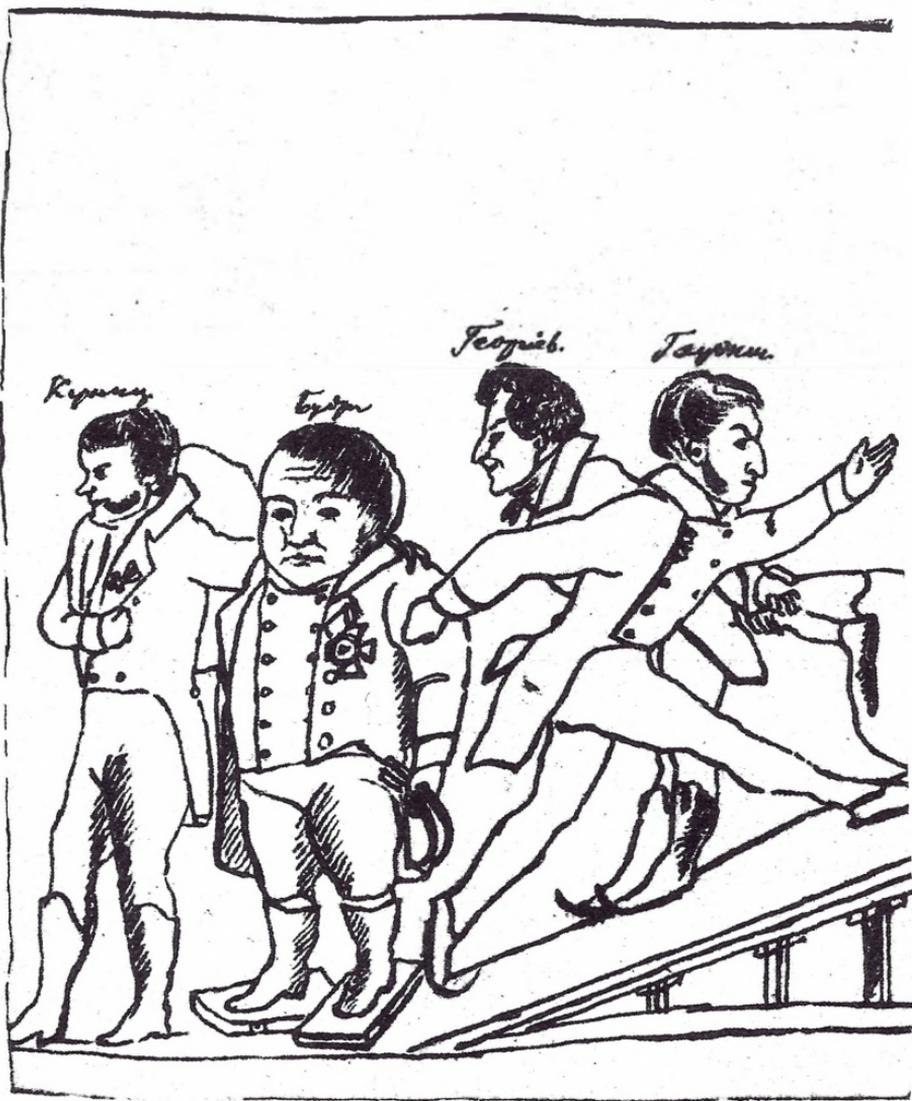
Дом директора. Рисунок А. А. Белухи-Кохановского. 1820—1823.

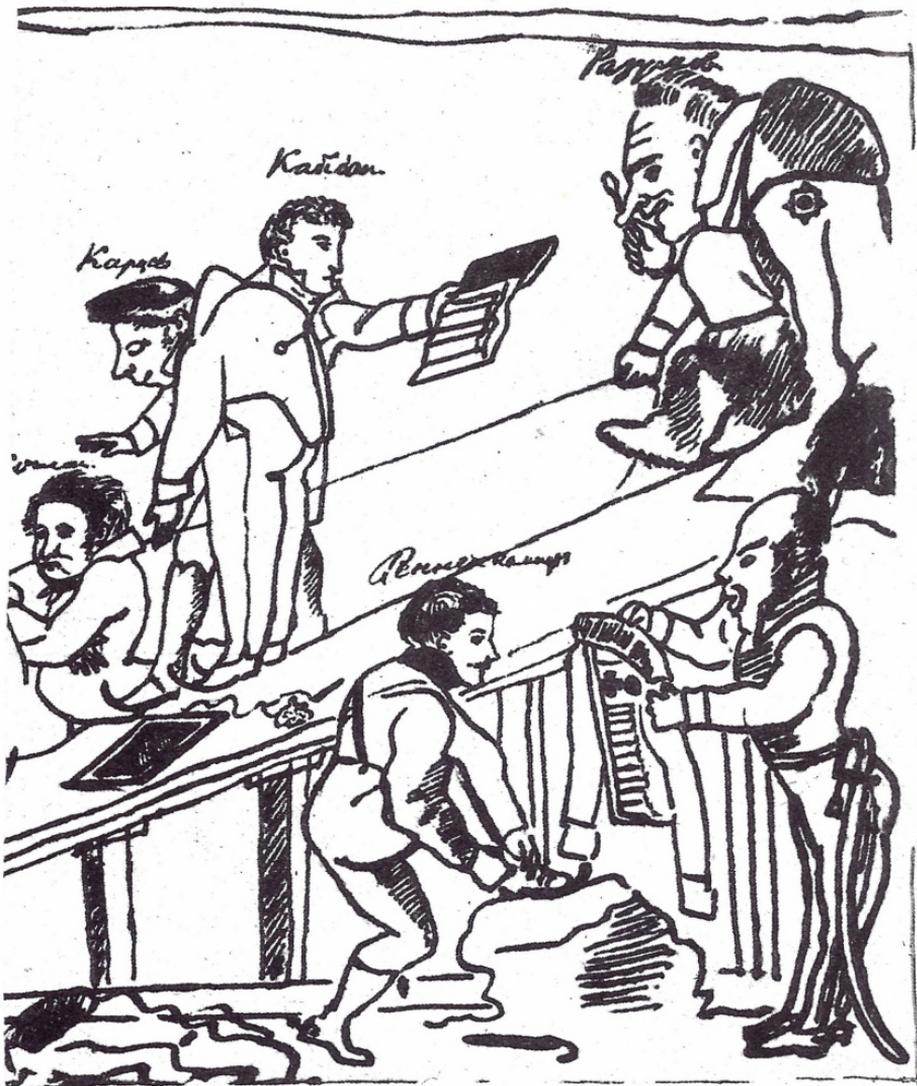
Обложка журнала «Лицейский мудрец».

Большой зал Лицея. До пожара 1820 года. Раскрашенная фотография с акварели В. П. Лангера. 1820.

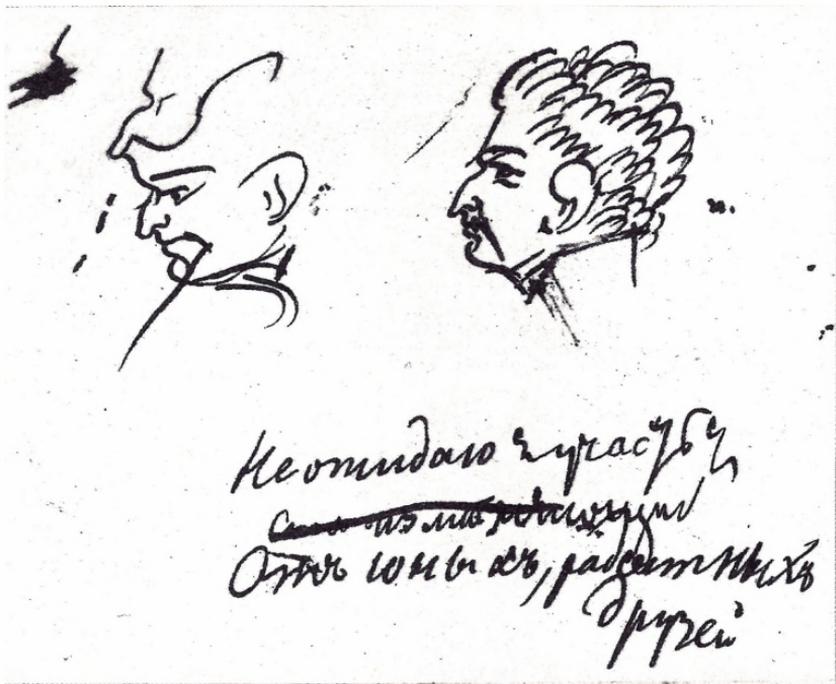

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Лицейские преподаватели, ищущие милости у Разумовского. Карикатура А. Илличевского. 1816.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Два профиля. Рисунок В. Кюхельбекера из его лицейской тетради. 1816—1817. Публикуется впервые.

Профиль юноши. Автопортрет. Рисунок В. Кюхельбекера из его лицейской тетради. 1816—1817.

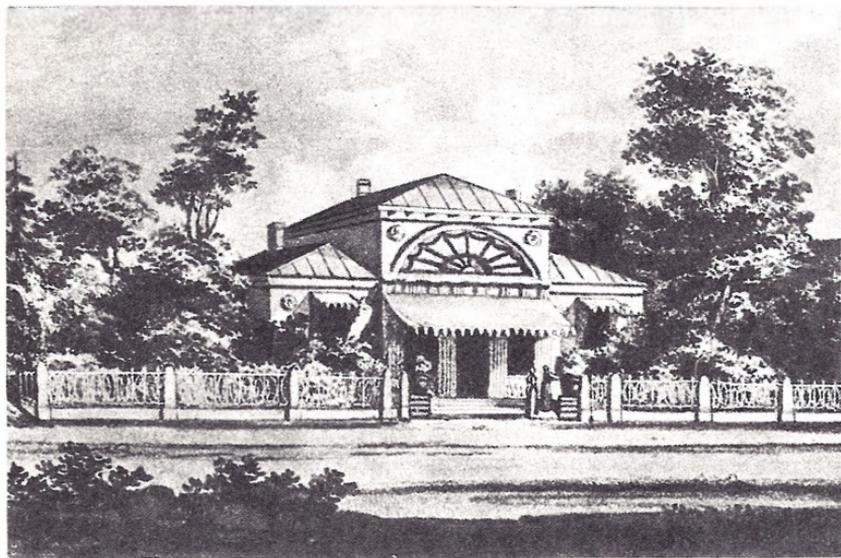

И. И. Пущин. Рисунок А. С. Пушкина из рукописи романа «Евгений Онегин». 1826.

В. К. Кюхельбекер. Рисунок А. С. Пушкина из рукописи романа «Евгений Онегин». 1826.

А. А. Дельвиг. Рисунок А. С. Пушкина. 1829.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

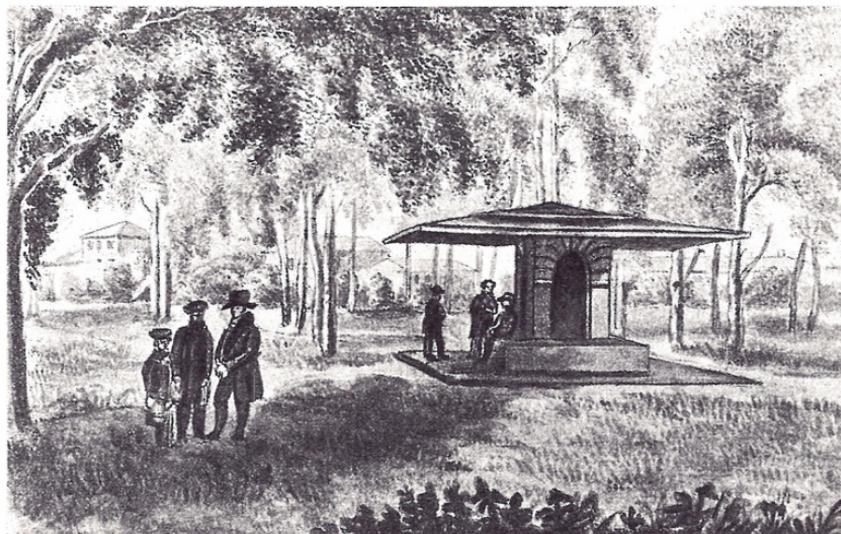

Дом Вельо. Литография В. П. Лангера. 1820.

Лицейский сад. Литография В. П. Лангера. 1820.

В. П. Лангер. Автопортрет. 1820-е гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

София. Рисунок Д. Кваренги. Начало XIX в.

Лицейский пансион. Рисунок. 1820-е гг.

А. С. Пушкин. Автопортрет. 1821.

Вы пишете только для
вашего удовольствия, а
в который раз искрен-
но люблю, пишу что
вам не скажу

А Пушкин

Запись А. Пушкина в альбом А. Горчакова. 1812.

А. С. Пушкин. Рисунок Ж. Вивьена. 1826 (?).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

М. Е. Салтыков-Щедрин. Фотография. Конец 1850-х гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

М. В. Буташевич-Петрашевский. Акварель неизвестного художника.
1840-е гг.

Л. А. Мей. Гравюра. 1880-е гг.

А. Н. Яхонтов. Фотография. 1880-е гг.

Я. К. Грот. Гравюра по фотографии. 1878.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

А. И. Европеус. Фотография.
1850-е гг.

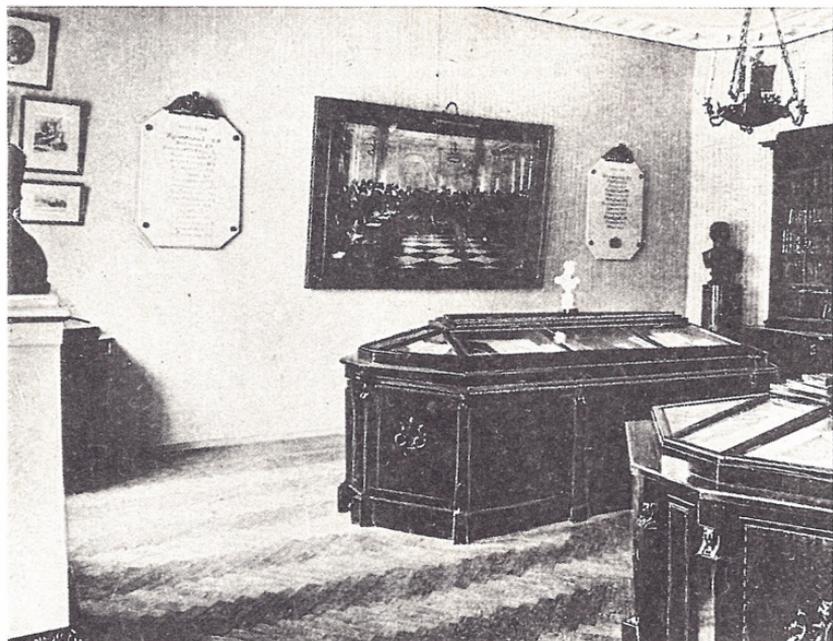
И. Я. Данилевский. Литографиро-
ванный портрет с фотографии.
1870-е гг.

Н. С. Кашкин. Акварель.
1840-е гг.

И. А. Спешнев. Дагерротип.
1840-е гг.

Пушкинский музей в
Александровском лицее.

Памятный брелок (ос-
колок лицейского коло-
кола).

Александровский лицей. Акварель. 1840-е гг.

В. Г. Шварц, Офорт В. В. Матте. 1860-е гг.

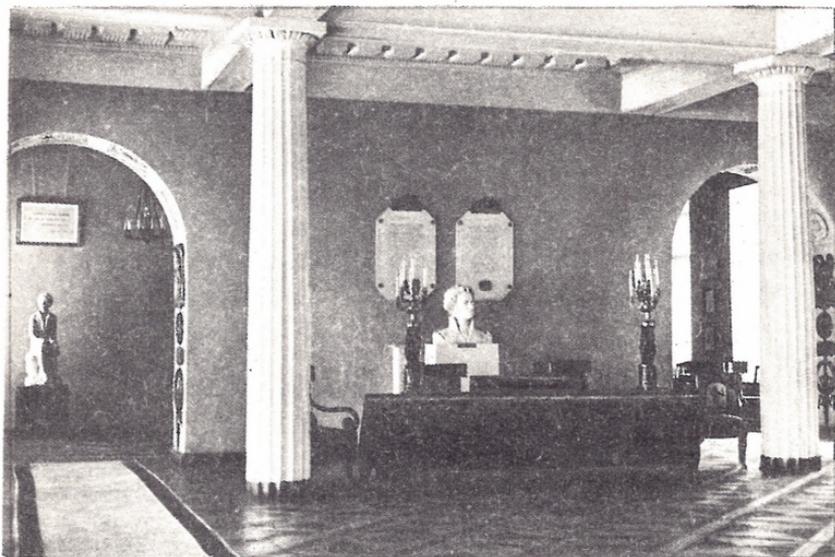
Лицей до реконструкции. 1950—1960-е гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В. Н. Зарубаев. Фотография. 1920-е гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Большой зал. 1950—1960-е гг.

Экскурсия в Лицее. 1960.

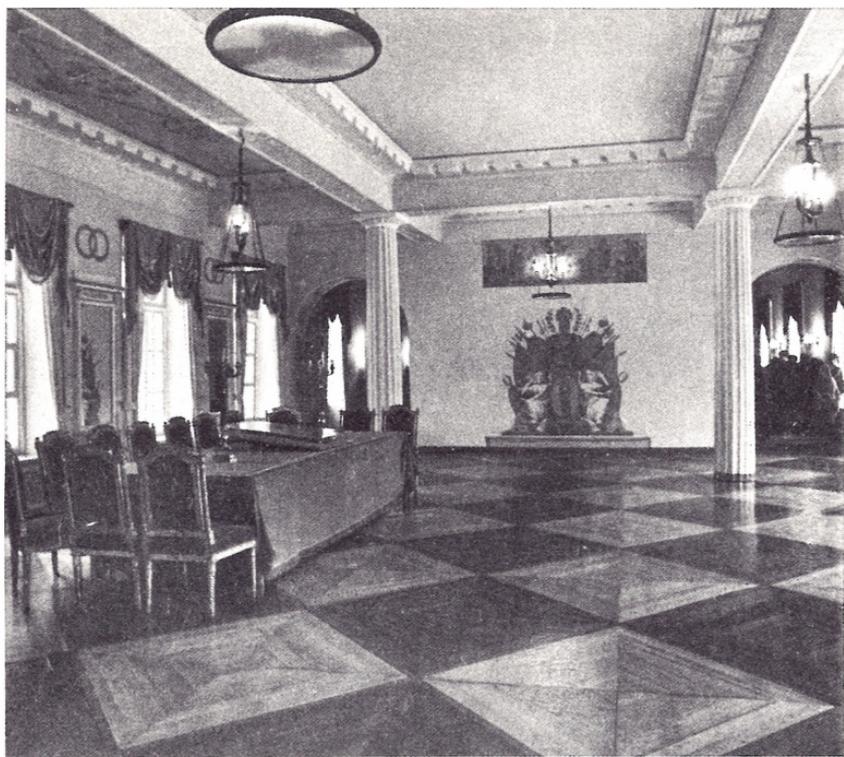

Большой зал во время реконструкции Лицея. Конец 1960-х гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

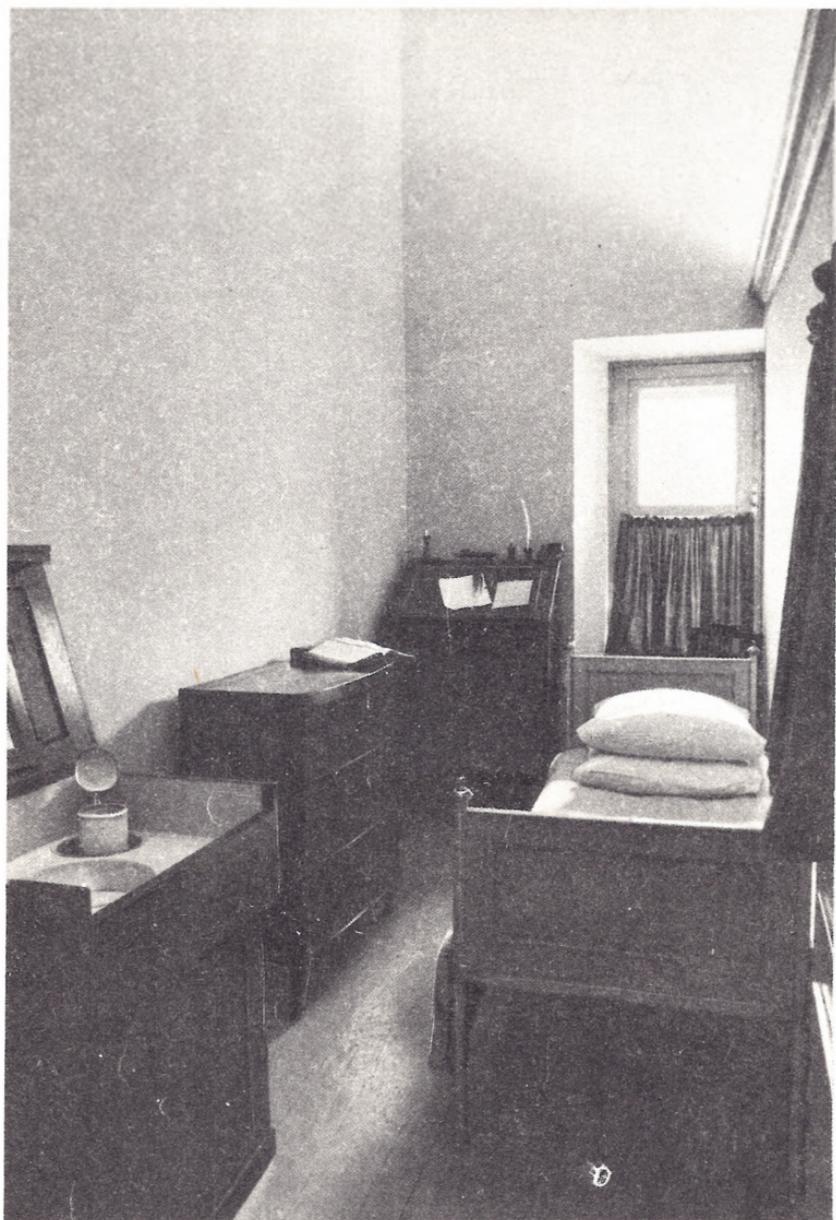

Парадное крыльцо.

Физический класс.

Большой зал.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Комната Пушкина.

Библиотека.

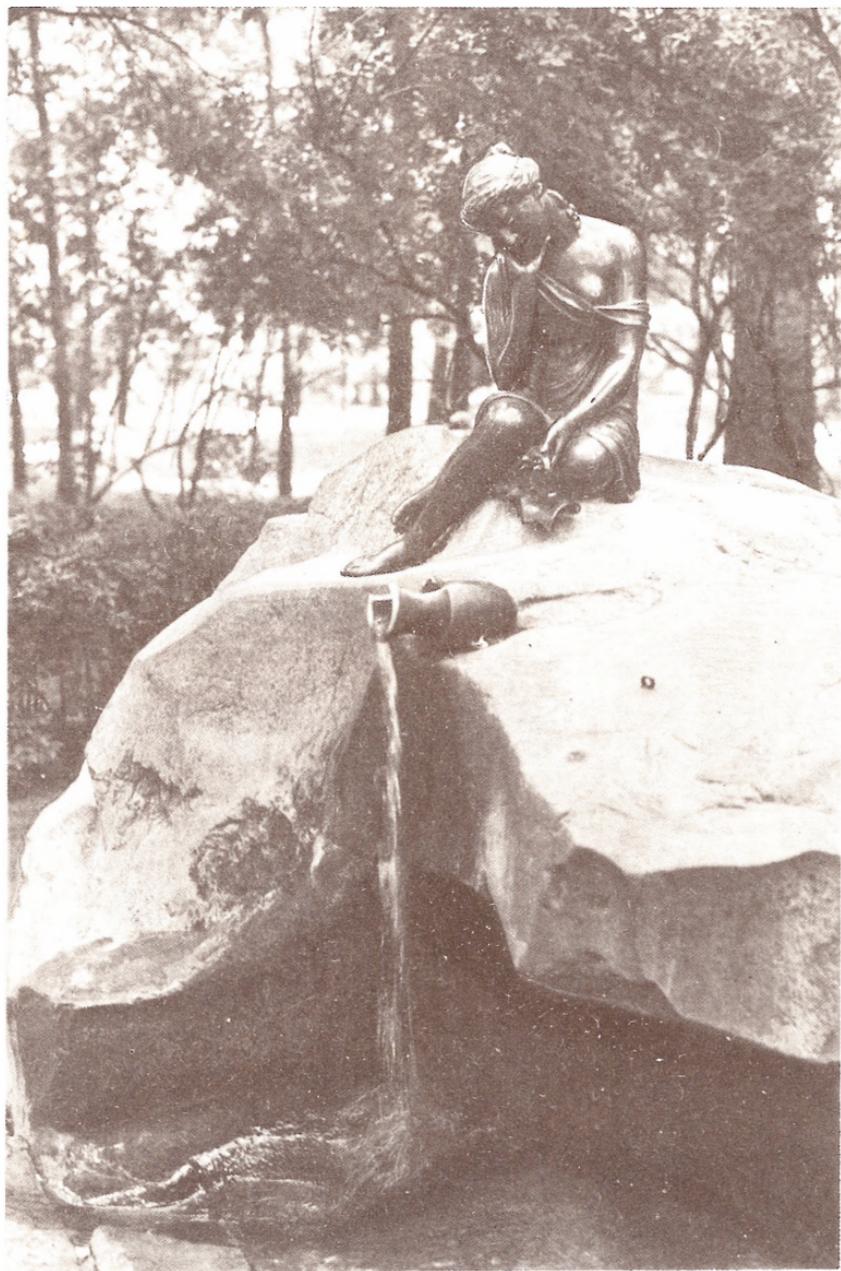
Спальный коридор.

Дом Карамзина.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Девушка с кувшином.

Пушкинский кабинет ИРЛИ